

ДРУГИЕ МИРЫ

Марина Александрова

ВЛАСТИТЕЛИ ЛЬДОВ

Annotation

Дао Хэ – монастырь, что хищной птицей возвышается на востоке государства Аир. Она прожила за его стенами всю свою жизнь, и казалось, уже давно потеряла свое «я» в черных складках сухэйли. Но вот настал великий день, когда ей, как и любой истинной Тени, предстоит «Обрести лицо». Что ждет ее дальше? Какой поворот приготовила для нее судьба? Дальнюю дорогу? Страну, тонущую во льдах и магии? Любовь? Что из этого станет реальным для такой, как она? Впереди долгое, полное опасностей путешествие, тайна собственного рождения и проклятие, которое лишь предстоит победить.

- [Марина Александрова](#)

-

-

- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)

- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)

- [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
 - [101](#)
 - [102](#)
 - [103](#)
 - [104](#)
 - [105](#)
-

Марина Александрова

Властители льдов

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Серия «Другие миры»

Разработка серийного оформления Евгения Антофия

Иллюстрация на обложке Бориса Аджиева

© Марина Александрова, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Не очень хорошо помнится мне детство, которого, как иногда кажется, и не было вовсе. Когда спрашивают меня: «Кто твоя мать, Дайли?», я честно не нахожусь с ответом. Помню лишь, что когда-то очень давно был человек, кажется женщина, что предлагала мне еду и кров, но не помню ни ее лица, ни запаха, ни своего отношения к ней. Быть может, эта причудливая незнакомка и была той, что так неосторожно подарила мне жизнь? Как знать... Да и важно ли это теперь? Для Дао Хэ – это не имеет равным счетом никакого значения. А для меня? Мне кажется, что истинное мое Я давно растворилось в складках черного сухэйли, что носят все послушники монастыря. Мы узнаем друг друга лишь по глазам и по походке, что незримо отличает нас. Нам неведомо, кто из нас девушки, а кто парни, равно как неведомы и звучания иных голосов, чем те, которыми говорят учителя

Дао Хэ. Ведь каждый из нас всего лишь Тень, истинного лица которой не дано узнать никому.

«Всего лишь Тень до той поры, пока сила не благословит каждого из вас» – так говорили мне еще с тех пор, когда подол самого маленького сухэйли, что был выдан учителем Тонгом, волочился вслед за мной по полу, собирая собой всю неуловимо забившуюся в щели между каменными плитами пола пыль.

«Но я не тень! У меня есть лицо, и оно совсем не черное!» – возмущенно кричала я в ответ.

«Всего лишь Тень», – неустанно твердил Тонг, пока каждый из нас не начинал верить, что это действительно так. Беззвучные и бесправные воспитанники Дао Хэ, монастыря, что каменной громадиной возвышается на востоке Аира. Все мы росли и выросли, трудясь над собой не покладая рук. Днями напролет просиживали в медитациях, стараясь познать свое внутреннее Я. Часами отрабатывали сложнейшие комплексы упражнений, совершенствуя свое тело. Но каждый из нас знал, что не будет нашим трудам ни конца, ни вознаграждения, так как остановимся мы лишь умерев.

– Дайли, – низкий голос учителя раскатом грома разнесся по внутреннему дворику Дао Хэ.

Я неохотно оторвалась от собственных мыслей и посмотрела в сторону мужчины, что звал меня из окна второго этажа.

– Поднимись ко мне, Паи^[1], – легко кивнув, сказал мой Сэ'Паи^[2].

Поклонившись уже исчезнувшему в проеме окна учителю, я, более ни минуты не задерживаясь, направилась в сторону кельи, где жил Сэ'Паи Тонг, мой учитель и наставник. Единственный из того небольшого числа людей, что жили в Дао Хэ, и который мог говорить со мной вслух. Человек, которого я воспринимала как друга, а не только наставника.

Стоило лишь ступить в проем, что уводил с залитого полуденным солнцем двора, на второй этаж каменной обители послушников монастыря, как я погрузилась в совершенно непроглядную темень. Но темнота давно не пугала ни одного из нас. Каждый из послушников Дао Хэ владел всеми пятью чувствами осязания в совершенстве. И такая вещь, как дезориентация, уже очень давно не грозила нам. Если мы не видели, то слышали, если же не слышали, то осязали – тело лишь инструмент, а играет на нем человек. Его сила, разум и воля, –

так учили нас с детства. Потому я легко преодолела несколько пролетов каменных ступеней и совершенно бесшумно шагнула в длинный, освещенный светом масляных ламп коридор. На пути к келье Сэ'Паи Тонга мне никто не повстречался, что было и неудивительно. Ведь полдень – время физических практик у большинства послушников. И лишь один юноша, сгорбившись над каким-то давно въевшимся в пол пятном, неторопливо тер его на другом конце коридора.

Это был Мулан – «Безликий». Когда-то он был Тенью, как и каждый из нас носил сухэйли и готовился к благословенному дню Обретения Лица. Когда-то он был отмечен силой и должен был стать учеником и послушником Дао Хэ. Но быть избранным и стать им – оказалось вовсе не одно и то же. Мы с ним были примерно одного года, и я хорошо помню то, что произошло с Тенью, которая не смогла развиваться в теле Безликого.

Мулан был необычным ребенком, во всяком случае для монастыря Дао Хэ он был таковым. Слишком беззаботный, непоседливый и энергичный. Его фигурку, закутанную в черный сухэйли, перепутать было невозможно. Он шнырял по монастырским задворкам с энтузиазмом кошки, что выслеживает долгожданное лакомство в виде мышки. В первые же недели своего пребывания в монастыре он обследовал все подвалы, чуланы и хозяйственные постройки. Этого молодого послушника всегда можно было увидеть там, куда нормальному человеку и лезть не захочется.

Как я уже сказала, Дао Хэ расположен на востоке государства Аир, а именно в горной его части. Будто хищная птица, возвышается мой монастырь над равниной, что раскинулась у его ног. Воздух здесь сильно разрежен, и многим с непривычки очень тяжело дышится в наших краях. Но отнюдь не это превратило Мулана в калеку без единого шанса на выздоровление. Ветра здесь поистине страшной силы, и даже самый незначительный ветерок может в одну секунду превратиться в неистового зверя, способного подхватить маленькое и слабое тело ребенка и со всей силы обрушить его на каменные плиты внутреннего двора. Так произошло с этим мальчиком, когда он решил взглянуть на монастырь с крыши одной из хозяйственных построек. Тогда Мулан сломал обе ноги, но не это сделало его Безликим – в тот

день он потерял свой сухэйли, и его неокрепшая Тень просто сгорела под сотнями взглядов воспитанников и монахов Дао Хэ.

В тот день Мулан не просто лишился дара, он стал «Безликим» и безумным. Вот так просто превратился в существо, лишь отдаленно напоминающее человека. Его трагедия стала уроком для каждого из нас. Ни один послушник по своей воле после этого случая не снял бы сухэйли до того дня, когда его Тень разовьется достаточно и он обретет Лицо.

«Всего лишь Тень, выгорающая на солнце без остатка», – нечаянная мысль коснулась моего сознания, когда я в очередной раз бросила осторожный взгляд на сидящего в конце коридора юношу, что остекленевшим взглядом смотрел в пол, продолжая тереть несуществующее пятно.

Дверь в келью Сэ'Паи оказалась не заперта, что означало, что учитель ждет меня.

– Дайли, заходи, – ровный густой бас раздался изнутри комнаты.

«Сэ'Паи Тонг», – войдя, поклонилась я, мысленно обращаясь к мастеру.

– Прошу тебя, не стой на пороге, пройди и присядь со мной рядом, – учитель сидел на полу в самом центре маленькой комнаты, освещаемой лишь скудным светом, что лился из узкого окошка над его головой. Ноги он скрестил перед собой и, более ни на что не отвлекаясь, потянулся к маленькому столику, что стоял справа от него. Взял небольшой керамический чайник и разлил по маленьким пиалам сбитый чай, что регулярно пили в наших краях.

Я слышала, что люди, живущие в долине, считают этот напиток редкостной дрянью, в Дао Хэ же без него не проходит и дня. Чай, молоко, масло и соль – вот четыре основные составляющие даоского чая, как еще его называют жители долины.

Не дожидаясь повторного приглашения, я аккуратно присела на предложенную мне мастером подушечку.

– Дайли, я не просто так позвал тебя сегодня, – протягивая мне пиалу чая, сказал Сэ'Паи Тонг. – Близится важный для тебя день, скоро ты обретешь Лицо.

«Я знаю», – коротко ответила я, принимая пиалу и делая осторожный глоток.

Учитель деликатно кивнул и задал следующий вопрос.

– Думала ли над тем, что будет после того, как ты получишь право снять сухэйли? – тихо, но уверенно продолжал говорить учитель.

Я невольно замерла. Вопрос о том, что когда-нибудь настанет день, и я встану перед выбором, в какую сторону должна двигаться дальше, конечно посещал меня. Но все это было столь призрачно и далеко, что всерьез думать о том, что однажды мне придется покинуть Дао Хэ, еще не приходилось. Но даже не это встревожило меня. Учитель не терпит пустых разговоров, оттого я поняла, что и этот он завел неспроста.

«Для чего вы спрашиваете, Сэ’Паи?»

Учитель негромко хмыкнул и отставил пиалу с чаем в сторону.

– Дайли, у меня есть просьба к тебе, – пристально посмотрел мне в глаза мужчина, рискуя раствориться в черных провалах, что уже давно заменили привычные радужки глаз. Тень жила внутри нас, она вытесняла собой все человеческое, и лишь в День Обретения Лица каждый Паи обретет не только возможность снять сухэйли, но и безбоязненно смотреть в глаза окружающим.

«Не надо, Сэ’Паи, вы же знаете, я не люблю, когда так делают», – как можно жестче сказала я, отводя взгляд в сторону.

– Прости, просто сам не свой сегодня, – неожиданно прямо сказал Учитель Тонг, – я не просто так спрашивал тебя о планах, Дайли. Вчера я получил письмо из столицы, – сказал мастер, делая небольшой глоток чая, – и не от кого-либо, а от Императора.

«При чем здесь я?»

Возможно, кому-то то, как я говорю, показалось бы грубым. Но поверьте, когда вынужден годами хранить обет безмолвия и лишь в редких случаях подавать голос, и тот мысленный, то сам процесс речи становится в тягость. Меня тяготят пространные речи, не восхищает ораторское мастерство, Тень внутри меня никому и никогда не верит на слово. Так для чего нужны слова? Лишь инструмент, что может в редких случаях облегчить жизнь.

– Император просит отрядить несколько послушников монастыря Дао Хэ ко двору, – так же коротко ответил Тонг.

«Вы специально заставляете меня спрашивать несколько раз? – усмехнулась я. – При чем здесь я?»

– Я думаю, что именно тебе стоит отправиться ко двору. – На этот раз все было предельно ясно, меня отсылают от монастыря сразу после

Великого Дня.

«Почему, могу я спросить у вас?»

– Потому, что у тебя сильная Тень, и потому, что я не вижу тебя на услужении в храме. С самых ранних лет ты смотришь на наш дом как на свою персональную клетку. Даже понимая, что не окажись ты здесь, то попала бы в такое же положение, как Мулан, ты все равно тяготишься своей жизнью в монастыре. А после того, как Обретешь Лицо и твои силы возрастут – это станет даже опасным. Тебе необходимо уйти. И, если ты все-таки решишь вернуться однажды, Дао Хэ примет тебя как родную дочь.

«Для чего мы нужны Императору?» – не смогла удержаться я от вопроса.

– И никаких пререканий? – иронично изогнув бровь, ухмыльнулся учитель.

«Зачем? Я хочу посмотреть, как живут люди в долине. Но также мне необходимо знать, чем это для меня обернется. В конце концов, без обид, Сэ'Паи, но уйти я могу и сама по себе», – равнодушно отозвалась я.

– Ты неисправима, Дайли, нельзя быть столь прямолинейной, – тепло улыбаясь, сказал Сэ'Паи Тонг.

На что я лишь промолчала. Прямолинейность, на мой взгляд, это привилегия тех, кому нечего терять. А у меня и так ничего нет, чтобы отказывать себе в удовольствии говорить то, что я думаю. Потому не стоит размениваться на пустые мысли и слова.

– Неисправима, – все еще улыбаясь, повторил он. – Империя собирает специальный отряд, состоящий из лучших воинов и магов, Дайли. И если обычно воспитанники Дао Хэ не привлекались к государственным делам, то в этот раз Император весьма настойчиво просил о нашей помощи.

«Это не ответ», – коротко заметила я.

«Не ответ, – уже мысленно согласился со мной Сэ'Паи Тонг. – Но о большем вслух говорить не стоит. Дочь Императора с рождения обещана в жены наследнику одного из сопредельных государств. И вашей задачей будет сопроводить ее в земли народа, что живет на Севере».

«Властители льдов?» – новость была неожиданной для меня, и потому мне с трудом удалось сдержать удивление в голосе.

«Да», – коротко ответил учитель и тут же продолжил:

– Как ты понимаешь, это неспроста, что Император просит об участии наш монастырь. Твое присутствие будет инкогнито. Никто не должен знать о силе, что живет в тебе, как и о том, что ты девушка.

«Тогда как же...» – не успела я договорить, как учитель поднял ладонь в успокаивающем жесте и продолжил:

«Ты отправишься в это путешествие под видом юноши-воина, не наделенного какой-либо магической силой. Все, что ты можешь использовать для своей безопасности, – это лишь твои физические умения и парные клинки. Никто, Дайли, я повторяю, никто не должен знать, ни кто ты, ни откуда на самом деле прибыла. Твоя задача незримо оберегать наследницу в ее путешествии».

«Но, учитель, сняв сухэйли, как мне удастся скрыть то, что я женщина?»

«Об этом не тревожься, нам придется кое-что придумать. Но для начала стоит дождаться Великого Дня. Ступай, Дайли, скоро многое изменится для тебя. Мы позже обсудим все детали».

Не задавая более вопросов, я сделала глубокий поклон и вышла из кельи учителя.

«Все изменится», – эта мысль и пугала, и завораживала одновременно. Так долго я мечтала о том, что покину монастырь, что, когда этот момент настал, оказалась совершенно к этому не готова.

Но есть и плюсы в жизни Дао Хэ. Например, один из них заключается в том, что время здесь порой летит совершенно незаметно, убегая сквозь пальцы обитателей монастыря так стремительно, что ты даже не в состоянии понять, сколько дней или часов прошло с того момента, как ты отважился начать за ним отсчет. Утро в Дао Хэ приходит затемно, когда ночной холод заставляет тебя просыпаться, так как от него не спасает тонкое шерстяное одеяло, что затерто практически до дыр. Проснувшись, каждый послушник спешит в бани, что расположены на нижних этажах Дао Хэ. Ведь если не подсуется и не занять вовремя отдельную кабину, рискуешь остаться и вовсе грязным. Так как ждать возможности нет, скудный завтрак подается лишь в одно время, и если ты за ним не успел, уж он-то точно дожидаться не станет. А после завтрака все послушники собираются во дворе, где нас уже ждет Сэ'Паи Ван. Он, как обычно, будет заниматься с нами до тех пор, пока солнце не достигнет зенита.

И так каждый Паи с шестом, мечом или двумя короткими палками будет отрабатывать бесконечные связки, тренируя и разминая свое тело. Позже во двор принесут небольшой чан, в котором будет плескаться обжигающе горячий взвар из специального сбора трав, который тут же разольют по пиалам и раздадут ученикам. Эти травы призваны помогать нашим связкам и мышцам лучше набирать силу и поддаваться растяжкам. Необходимо пить его изо дня в день, пока мы не «обретем Лицо». Затем придет Сэ'Паи Тонг и поведет нас на место силы, где под землей соединяются в одну сразу несколько энергетических рек. Там мы будем освобождать наше сознание, сливаясь своей Тенью и разумом с энергореккой. Никто из нас не считает время в такие моменты, и никто не посмеет потревожить Паи, пока он сам не «вернется». Ведь каждый знает, как это опасно – вырывать неокрепшую Тень из пограничного состояния. Новенькие могут просидеть так несколько дней подряд. Те же, кто уже неплохо могут себя контролировать, смогут очнуться уже через несколько часов. После будет ужин, столь же скромный, как и завтрак, но зато очень питательный. Обычно это ячменная или рисовая каша, овощи и даосский чай. Затем мы разойдемся каждый к своему наставнику, где до самой темноты будем учиться управлять Тенью, что с рождения живет внутри каждого из нас. Также заниматься науками, письмом и чтением. Правда, есть дни, когда некоторые Паи освобождаются от тренировок, но лишь для того, чтобы облегчить бремя тех, кто живет в услужении у монастыря, обеспечивая нас едой, заботясь о чистоте и прочих хозяйственных нуждах.

И так изо дня в день живет мой монастырь своей размеренной жизнью в тишине и безмолвии послушников, что могут общаться друг с другом лишь мысленно. Чужакам кажется, что в Дао Хэ стоит гробовая тишина, знающие же могут в одночасье оглохнуть от силы мысленного общения, что происходит здесь ежесекундно. Иногда мы даже смотрим сны друг друга, разумеется с разрешения спящего, раскрашивая таким образом однообразную реальность.

«Дайли! Дайли!» – из моих размышлений над пиалой с чаем меня вывел этот неожиданный восклик.

«Тэо? Чего так кричишь?!» – еще не видя того, чей голос столь отчетливо раздавался у меня в голове, возмутилась я.

«День настал!!!» – еще более восторженно отозвались мне, в то время как из-за поворота в обеденную залу ворвался мой друг и однолетка, Тэо.

Не поднимая головы, дабы нам не пришлось встретиться взглядами, потому как Тени иногда весьма агрессивно реагировали друг на друга, я постаралась как можно спокойнее задать свой вопрос.

«Что за день, Тэо? Конечно, день настал, как, впрочем, и вчера, и позавчера», – усмехнулась я.

«Глупая Дайли, День Обретения Лица настал!» – его ментальный крик буквально взорвался у меня в голове, заставив недовольно поморщиться ровно до тех пор, пока я не осознала все им сказанное.

После чего я буквально подскочила на месте, едва не опрокинув пиалу с горячим чаем на своего незадачливого приятеля.

«Кто сказал тебе?!»

«Сэ'Паи Тонг велел нам готовиться! Идем же, Дайли!»

Дважды о таком просить меня было не надо. Не сговариваясь, мы опрометью побежали на нижние этажи, где располагались даосские бани. Ведь обязательным ритуалом, о котором мы точно знали, в День Обретения Лица необходимо было совершить омовение. Бани располагались на два этажа под землей. Здесь не горели масляные лампы, царил духота, влажность и кромешная тьма. Но каждый из обитателей Дао Хэ прекрасно ориентировался тут, нисколько не стесняясь темноты. Войдя в отдельную кабинку, я тут же принялась стягивать с себя сухэйли.

«Неужели я вскоре смогу увидеть свое тело? Глаза? Не боясь, смогу ходить рядом с другими людьми?»

«Да, Дайли», – в голове раздалась осторожная мысль Тэо, что, по всей видимости, подслушал меня. Волна тепла и дружелюбия пришла с его стороны.

«А что если обряд не удастся завершить, как было с Люи?» Каждый день я гнала от себя подобные мысли, но избавиться от них до конца так и не удалось. Не многие из нас знали, что не каждому Паи дано «обрести свое Лицо». Были случаи, когда послушники не возвращались с испытаний. И хотя никто из нас точно не знал, как происходит «обретение», все понимали, что это испытание легким уж точно не будет. Люи была старше нас на пару лет, и когда этот день настал для нее, все были уверены, что вскоре она вернется к нам, уже

скинув сухэйли, и, не боясь солнечных лучей, пройдет по двору Дао Хэ. Но этого не произошло. Что случилось в тот день, так и осталось загадкой. Сэ'Паи Тонг на мой вопрос о Люи лишь коротко заметил: «Она отвергла свое Лицо». И более никаких объяснений не последовало.

В тот день я не могла понять, как можно через столько лет ожидания взять и отвергнуть свое Лицо?! Саму свою суть?! Я не понимала тогда, быть может, смогу понять это сейчас...

Нервно тряхнув головой, я постаралась отогнать от себя гнетущие мысли. Ни к чему все это.

Когда мы оказались во внутреннем дворе Дао Хэ, солнце уже практически село, щедро одарив угасающим золотом своих лучей все окружающее пространство. Воздух стал ощутимо прохладнее, но Сэ'Паи Тонг словно и не замечал этого. Он стоял в самом центре двора, прямо держа спину. На нем были простого кроя широкие штаны и такая же безрукавка. Его жилистые, не лишённые рельефа руки крепко сжимали посох. А на смуглом лице читались абсолютное спокойствие и уверенность.

– Пойдемте, вас уже ждут, – коротко бросил он, повернулся к нам спиной и направился к северным воротам монастыря.

То, что обряд проходил за пределами монастыря, мы знали, но вот где именно, никому не разглашалось.

Сухопарая фигура моего мастера легко двигалась вперед. Казалось, он совершенно не замечает многочисленные валуны и кочки, что встречались на нашем пути. Сейчас мы поднимались выше в горы. С каждым шагом становилось все холоднее и тяжелее идти. Еще совсем недавно пологие склоны как-то незаметно превратились в практически вертикальные стены. Конечно, не обладай мы нашей физической подготовкой, то пришлось бы совсем туго. Но мы шли, стараясь ни в чем не уступать учителю.

Вскоре, преодолев очередной скалистый уступ, мы оказались на небольшой платформе, на противоположной стороне которой неровно чадил факел, задыхавшийся от нехватки кислорода на такой высоте. Но даже в его неровном свете можно было разглядеть темный провал в горной породе. Должно быть, это был вход. Вот только – куда?

Не говоря ни слова, Сэ'Паи Тонг направился в сторону темного входа и тут же растворился в густой тьме, что клубилась там, куда свет

факела не доносился. Мы, не стовариваясь, последовали за ним.

Оказалось, что это отверстие в стене весьма и весьма узкое, как и сам проход, который оно открывает. Это был длинный, погруженный в непроглядную темень коридор, в котором совершенно невозможно встать в полный рост. Сколько мы так шли, я не знаю, но шея и спина успели существенно окаменеть. Но вот впереди послышался растущий гул множества голосов. Да, это не была галлюцинация, впереди и впрямь пели, причем не на один голос. Следом за голосами моего обоняния достигли запахи благовоний, тяжелым облаком повисшие в этом замкнутом пространстве. И вот, в довершение ко всему, впереди показался слабый свет.

Когда же коридор закончился и мы шагнули на залитую светом поверхность, то с трудом смогли подавить вздох изумления. Я, Тэо и Сэ'Паи Тонг оказались в огромной зале овальной формы. Внутри было на удивление тепло и светло. По краю залы стояли все наши мастера, и они пели. Их голоса, казалось, заставляли вибрировать окружающее пространство. Было ощущение, что глубокое размеренное пение заставляет колебаться и дрожать от волнения воздух. А быть может, это просто меня начинала колотить нервная дрожь.

Я уже говорила, что очень плохо помню место, где была рождена, как и родителей, что даровали мне жизнь. Я вовсе не помню имени, что дала мне родная мать, но зато я очень хорошо помню тот день, когда переступила порог Дао Хэ. Словно именно с этого шага, разделявшего мир за пределами монастыря, и начиналась моя жизнь. Удивительно, как избирательна память человека... Хотя, быть может, в этом и заключалось пробуждение Тени, что происходило в стенах монастыря. Я не знаю.

Помню лишь невероятную боль, что резала мне сердце и заставляла корчиться в судорогах у самых ворот монастыря. Это было, как если бы кто-то выдрал из моей груди кусок плоти. Первым, что я смогла отчетливо разглядеть, было лицо моего Сэ'Паи. Он улыбался, склонившись над моим маленьким тельцем, и тихо говорил: «Потерпи, малышка, скоро пройдет. Потерпи, мы даже представить не могли, что Тень твоя будет так сильна, ведь ты девочка».

А я просто смотрела на него, не понимая ни слова из сказанного, и находила поддержку в его глазах.

Позже Сэ'Паи Тонг объяснил мне, что девочки с таким даром, как у меня, рождаются крайне редко, и сама вероятность того, что Тень войдет в женское тело, крайне мала. Но даже если это и происходило, частенько случалось так, как произошло с Люи. Женщин среди теней практически не было... Тем более среди тех, кто переживал Великий День...

Но, как это ни странно, умереть сегодня я не боялась. Ведь страх смерти ведом лишь тем, кто существует. А я всего лишь Тень. Как и все мы...

Песнь мастеров стала тише, но они не замолчали, а продолжали свой тихий напев. Сэ'Паи Тонг вышел в центр залы и, сложив руки на груди, глубоко поклонился.

– Братья мои, – вслух заговорил учитель, – сегодня особый день для двух наших учеников. Им предстоит умереть и родиться вновь, обретая Лицо. И каждый из нас будет незримо сопровождать их на этом не легком пути. Мы все вздохнем сегодня последний раз, чтобы задышать полной грудью уже вместе с Тэо и Дайли. Паи, подойдите ко мне.

Отбросив все посторонние мысли, я сделала шаг, устремляясь к центру залы. Как только мы подошли к мастеру, пение, что заполняло собой все окружающее пространство, изменилось. Не знаю, как им это удавалось делать при помощи одного лишь голоса, но выводимая монахами мелодия стала более энергичной. Создавалось впечатление, что, кроме слов, в ней появилось дыхание. Особая ритмичность заполнила все вокруг.

Учитель мысленно попросил нас лечь у его ног на спину, что мы тут же исполнили.

«Дыши вместе с нашими голосами, Дайли. Отпусти свой разум, выпусти Тень на поверхность, позволь ей вести себя. Мы все одно целое. Ступай, Дайли, и ничего не бойся. Твои ноги это земля, – очень тихо продолжал говорить Сэ'Паи, помогая войти в транс, – твои руки это вода, твое сердце – огонь, твой разум – воздух. Отпусти его!»

Резкий выдох, и невероятное чувство легкости и счастья знакомо затопили сознание, стоило отделить свой дух от тела. Я по обыкновению разглядывала себя со стороны и откровенно недоумевала, что может удерживать меня в этом теле? Для чего

держаться за брэнную плоть, когда здесь так легко и свободно можно быть самой собой.

Такие мысли посещают всегда во время подобных практик, главное удержать свое сознание, не поддаться порыву и не уйти.

«Держись за свое тело, это твой главный маячок», – учил меня Сэ'Паи Тонг, когда я только тренировалась покидать физическую оболочку.

Краски вокруг стали много ярче и контрастнее, со стороны пещера, в которой мы разместились, казалась более светлой, если не сказать солнечной. Это было из-за большого количества переливающихся золотом аур присутствующих. Невероятно завораживающее зрелище.

И лишь два темных пятна портили окружающее великолепие. Будто две черные воронки, они втягивали в себя разлившееся вокруг золотое сияние. Не сразу я поняла, что одной из этих воронок является мое тело. Окутанное в темную ткань сухэйли, оно недвижимой куклой лежало на каменном полу, впитывая как губка окружающее его сияние. И чем дольше я всматривалась в эту тьму, тем сильнее разрасталась тьма, поглощая все больше сияющего пространства. В какой-то момент я поняла, что не в силах отвести взгляда от происходящего, и именно тогда тьма хищной птицей бросилась на меня.

Безвременье. Затмение полное и непостижимое, а вокруг лишь тьма. Всепоглощающая и дарующая покой и смирение. Как сладко раствориться в ней и как страшно сделать это. Мысли медленно протекали где-то на задворках сознания. И именно в тот момент, когда мне начало казаться, что я – это крошечная, беспросветная чернота, тьма вокруг меня рассеялась.

Я стояла на скалистом уступе, и холодный пронизывающий ветер, казалось, проникал сквозь кожу. Взгляд невольно опустился вниз, но вместо ожидаемого темного подола сухэйли я увидела свои ноги... Вот только кожа на них лоснилась и блестела атласной тьмой. Подняв перед собой руки, я невольно отпрянула, увидев, что и они не покрыты, но так же черны.

«Боги, что со мной?!» – по привычке мысленно воскликнула я.

– Все так, как и должно быть, – бархатистый женский голос раздался со спины.

От неожиданности я резко обернулась и буквально потеряла дар речи. Прямо передо мной стояла молодая девушка, фигура ее была легка и изящна. Густые темные волосы тяжелым покрывалом окутали ее обнаженный стан. Немного раскосые зеленые глаза весело смотрели на меня. А чуть пухлые губы изогнулись в приветливой улыбке.

– Боишься, Дайли? – словно трель колокольчиков, разнесся ее голос в пространстве.

«Нет, – мысленно ответила я. – Кто ты?» – едва справляясь с волнением, спросила я.

– Ты, – так же коротко ответила незнакомка.

– Принимаешь ли ты свое Лицо, Дайли?

На последнем слове сильный поток ветра подхватил волосы девушки, откидывая их за спину и открывая ее тело моему взгляду. Мне не было нужды смотреть на нее, чтобы знать, какая она, ведь моя фигура была точным ее отражением. С одной лишь разницей: я никогда не видела себя со стороны.

Я не стала ничего ей отвечать, а лишь, повинувшись какому-то инстинкту, протянула навстречу руку. Незнакомка широко улыбнулась и коснулась кончиками пальцев моей кисти. Ее белоснежная кожа резко контрастировала с черным атласом моей руки, и в момент, когда она дотронулась до меня, я внутренне содрогнулась. Это было невероятным, но внутри меня все задрожало, а взгляд уловил лишь то, как легко мои пальцы буквально просачиваются внутрь девушки, а вслед за ними и все тело как магнитом потянуло к ней. Мы стояли так близко, что я тонула в зелени ее глаз, растворяясь всем существом в ее теле. Это было страшно, пугающе и в какой-то момент больно. Невыносимо больно, так, будто меня неведомая сила рвала на клочки и уносила куда-то в неизвестность.

И вот, когда боль стала нестерпимой, я закричала во всю силу своих легких, но в ушах отозвался голос незнакомки, также кричащей от боли. В этот момент я открыла глаза.

Невнятные сипы доносились из моего горла, в глазах все плыло и с трудом удавалось хоть как-то сфокусировать взгляд. Полная растерянность и смятение царили внутри меня. Я с трудом смогла припомнить, где нахожусь. И в этот момент я почувствовала, как чья-то ладонь сжалась на моем затылке.

– Все хорошо, Дайли. Дыши, дыши глубоко. Ты не одна, – знакомый голос ворвался в круговорот спутанных мыслей моего сознания. Сэ’Паи Тонг, склонившись надо мной, придерживал мою голову одной рукой, а второй взялся за ту часть сухэйли, что закрывала лицо. Повинуясь инстинктам, что были доведены до автоматизма, я резко оттолкнула его руку.

– Не бойся, Паи, уже можно, – очень тихо сказал он, и я как-то разом вся обмякла, неожиданно понимая, о чем говорит мой учитель.

«Неужели...» Сказать то, что робкой надеждой зажглось в моем сердце, было страшно даже мысленно.

– Да, – ответил на мой немой вопрос учитель и, не дожидаясь дальнейших возражений, откинул сухэйли с моего лица.

Я неуверенно переступила порог комнаты, что так долго служила мне домом. Из маленького окошка сочился алый свет рассветного солнца, окрашивая стены моего жилища причудливыми золотистыми бликами. На полу лежал нетронутым мой свернутый матрас и одеяло, что так долго обнимало меня ночами на протяжении семнадцати лет, что провела я под крышей Дао Хэ. В остальном келья послушника сияла девственной чистотой, ибо у нас было все необходимое и ни к чему привязывать себя к вещам. И лишь несколько вещей смотрелись в моей комнате совершенно дико и непонятно. Поверх сложенной постели лежала моя новая одежда. Это были голубого цвета штаны, белая рубашка, темно-синяя холщовая куртка с воротником-стойкой, черный пояс, простые тапочки на жесткой подошве. Несмотря на всю незатейливость вышперечисленного, мне это казалось верхом совершенства! Ведь вещи были цветными!

Не раздумывая более ни секунды, я одним резким движением скинула свой безликий балахон на пол и облачилась в то, что было оставлено для меня наставником. Так необычно было видеть свое тело в свете солнца. То, насколько моя кожа оказалась бледной в сравнении с остальными обитателями Дао Хэ, сперва напугало меня. Но это было естественно, если принять к сведению то, что до сегодняшнего дня она ни разу не ощущала на себе прикосновения солнца.

Тем не менее, натянув на себя новую одежду, я поспешила в келью Сэ’Паи Тонга. После завершения ритуала я плохо помню, как оказалась у ворот монастыря. Не говоря уже о том, чтобы увидеть, что

с Тэо. Более или менее в себя я пришла, уже переступив порог Дао Хэ, и то благодаря энергетическим потокам, что обвивают монастырь по периметру причудливыми нитями.

Помню лишь, как заставляла себя переставлять ноги и всем существом сосредотачивалась на горной тропе, что спускалась вниз порой под самыми невероятными углами. Как-то незаметно ускользнуло от меня, куда делись все те мастера, что пели в той пещере для нас. Ведь по тропе спускались лишь я и мастер.

Беспокойство за Тэо росло с каждой минутой, заставляя меня поторопиться. Заплетя волосы по обыкновению в тугую косу, я выскочила из кельи и поспешила в крыло, где жил Сэ'Паи Тонг. Мастер, по своему обыкновению, ожидал меня за пиалой чая. Коротко поклонившись, я вошла в комнату и присела на предложенную мне подушку.

– Как чувствуешь себя, Дайли? – начал он разговор.

«Спасибо, уже хорошо», – начала было я говорить, но мастер жестом прервал меня.

– Вслух, Дайли, привыкай отвечать вслух, – коротко сказал Сэ'Паи Тонг и улыбнулся.

– Хорошо, – на грани слышимости просипела я.

Голосовые связки совершенно отказывались слушаться спустя столько лет. Сам процесс речи давался с трудом, а голос мой был подобен скрипу, издаваемому несмазанным колесом старой телеги.

Инстинктивно я прикоснулась пальцами к саднящему горлу.

– Не беспокойся, это скоро пройдет. Я дам тебе сбор трав, который необходимо будет заваривать и пить ежедневно, тогда твои связки быстро окрепнут и разговаривать станет гораздо легче. Но пока твой сиплый голос нам лишь на руку.

– Что вы имеете в виду? – прошептала я.

– Твое задание, Дайли. Завтра на рассвете ты отправляешься в путь, и поскольку то, что ты женщина, должно оставаться тайной, твой сиплый голос будет нам лишь на руку.

– Так быстро? – известие о скором отъезде не показалось мне радостным. Более того, я сама себе напоминала птенца, что так рвался выбраться из родного гнезда, а в результате оказалось, что он так и не научился летать. Как я смогу защищать кого-то, если сама даже не знаю, чем живут люди в долине?! Ведь не может быть так, что весь

мир – это лишь внутренний двор Дао Хэ. Где все просто, знакомо и понятно!

– Я чувствую твой страх, Дайли, – очень тихо заговорил мой Сэ’Паи. – Разве я плохо учил тебя все эти годы?

– Нет конечно, просто...

– Неизвестное вносит смуту в наши души, Дайли, но не стоит бояться открыть новую дверь в своей жизни, ведь за ней может ждать что-то совершенно удивительное, – странно улыбнулся мастер и вдруг встал со своего места и направился в противоположный конец кельи. – У меня кое-что есть для тебя, – сказал он, открывая створки старого деревянного шкафа, что стоял здесь столько, сколько я себя помню. – О, вот и оно, – хмыкнул учитель, с трудом выуживая из всего содержимого искомый предмет. Им оказался странного вида плоский квадрат, но стоило мастеру повернуть его в мою сторону, как я тут же замерла, словно громом пораженная.

Поверхность пластины сначала отразила свет, льющийся из окошка кельи, а буквально через некоторое мгновение и всю комнату. Но не это поразило меня, а сидящая на небольшой подушечке фигурка. Не сразу до меня дошло, что такое выудил из своих запасов Сэ’Паи Тонг, когда же это произошло, я тут же вскочила с места и отпрыгнула в противоположный, не отражаемый зеркалом угол.

– Что делаете, Сэ’Паи? – прохрипела я.

Должно быть, моя реакция на простой во всем мире предмет показалась бы не сведущему человеку смешной, но только не тем, кто с рождения был вынужден прятать лицо, взращивая внутри себя Тень. Зеркала в Дао Хэ были под строжайшим запретом. Тень, отразившаяся в зеркале и посмотревшая на себя, была способна уничтожить сама себя, это знал каждый. Желających проверить на себе всю правдивость этой общеизвестной информации, как вы могли догадаться, не было.

– Не бойся, Дайли, теперь можно, – улыбнулся мужчина и шагнул в мою сторону. – Ты обрела Лицо, теперь Тень подвластна тебе, она признала в тебе Достоянную. Конечно, в истории нашего монастыря было всего две женщины, которым удалось пройти ритуал обращения, но их Тени были настолько слабы, что сомнений в результатах не было ни у кого. Да и было это очень давно... Да не об этом речь, посмотри на себя. Я решил, что тебе, как девушке, это должно быть особенно интересно.

– С чего бы? – фыркнула я, осторожно косясь на зеркало, что на вытянутых руках направлял в мою сторону мастер.

На его лице обозначилось замешательство, должно быть, он ожидал другой реакции.

– Не знаю, мне казалось, женщины любят себя разглядывать. – Не знаю, показалось ли мне, но учитель явно был смущен.

– Ну, раз так...

Я осторожно шагнула в сторону учителя и из-под ресниц взглянула на себя со стороны.

Ну, что я могу сказать о себе... я похожа на доходягу, в сравнении с Тэо или с мастером. Ощущения такие, что мне странно, как я стою на ногах, не сломившись пополам. Даже свободно пошитая куртка не может скрыть худобы, узости плеч и того, насколько худы мои ноги. Кожа на лице и запястьях, как, впрочем, и на всем теле, очень бледная, не сравнить с красивой смуглостью Сэ'Паи Тонга. Зато мои волосы, длинные и блестящие, явно выигрывают у лысого черепа мастера. Зеленые чуть раскосые глаза тоже мало походили на карие глаза Сэ'Паи Тонга. В какой-то момент я поняла, что уже видела это лицо! Не далее как сегодня ночью я разговаривала с незнакомкой, что сейчас отражалась в зеркале.

– Я уже видела себя, – невнятно пробормотала я, но мастер все же услышал меня.

– Да, так обычно и бывает. Ведь не просто же так этот день называется «Обретением Лица», – на этих словах он отставил зеркало, и я облегченно перевела дух.

– Сэ'Паи, могу я задать вопрос?

– Почему ты спрашиваешь?

– Я хотела узнать, где Тэо? – с затаенным дыханием спросила я. Все это время я гнала от себя непрощенные мысли о том, что он мог не пройти испытания, и сейчас очень боялась получить ответ.

Сэ'Паи Тонг осторожно опустил на пол зеркало, после чего вернулся на свое место, жестом предлагая и мне сесть рядом с ним.

– Пойми, Дайли, после Дня Обретения Лица ваши пути расходятся. У Тэо своя миссия и свое предназначение. Кроме тех из нас, кто навеки решил посвятить себя служению в Дао Хэ, истинного лица новой Тени не дано знать никому. Это закон. Для твоего спокойствия скажу лишь одно – с ним все хорошо.

Я коротко кивнула, не стараясь скрыть облегчения, что с моим другом все хорошо. Он жив, а это самое главное. Печалило меня лишь то, что вчера я видела его в последний раз. И кто знает, сведут ли нас тропы жизненного пути?

– Пора обсудить детали твоего путешествия, Дайли, – как бы невзначай заметил учитель.

– Да, – наконец я была готова выслушать то, что уготовила мне судьба.

– Не сердись на старика, но начну я немного издалека, – тепло улыбнулся Сэ'Паи Тонг, поправляя несуществующие складки на своем одеянии. – Прежде всего, хочу пояснить для тебя некоторые моменты, Дайли. Как, например, то, почему тебе придется выдавать себя за юношу. В Аире у женщин особое положение, Паи. Незамужняя девушка не имеет права путешествовать без сопровождения родственников или опекунов, не говоря уже о том, чтобы выступать в роли охраны члена королевской семьи. В правах женщины тоже сильно ущемлены, ты не сможешь самостоятельно даже снять комнату в придорожной таверне, потому будет гораздо удобнее, если о твоей половой принадлежности никто не будет знать.

Я возмущенно вскинула брови и тут же перебила учителя, чего никогда себе не позволяла.

– Как я смогу жить в этой стране?! – несмотря на хрипоту, восклицание мне все же удалось. – Меня не воспитывали так! Хорошо, я притворюсь мужчиной на время задания, а дальше-то что? Посмотрите на себя и на меня! Я в несколько раз меньше вас, чтобы выдавать себя за мужчину или мне юношей до конца жизни ходить? – на последнем слове горло буквально сдавило болезненным кольцом, что собственно и заставило меня замолчать.

– Успокойся, Дайли, не беги вперед, – ухмыльнулся Сэ'Паи Тонг. – Если ты сама не сообразишь, куда тебе податься после выполнения задания, то вернись к началу, а я подскажу, – расхохотался он.

Что так развеселило учителя, так и осталось для меня тайной. Зная этого человека достаточно хорошо, я прекрасно понимала, что когда Сэ'Паи Тонг переходит на иносказательный тон, то получить от него информацию практически нереально.

– Сейчас на тебя надета форма воспитанника Ю Хэ, у меня в этом монастыре есть друзья, так что вот твои сопроводительные документы. О том, что ты из Дао Хэ, будет в курсе один лишь Император, но и он не должен знать, что ты девушка.

Ю Хэ – это еще один монастырь на востоке страны, вот только воспитывают там будущих телохранителей и воинов, ни о каких магически одаренных учениках там и думать не думают. Но не это озадачило меня в данный момент, а последняя фраза наставника.

– Вы хотите, чтобы я врала Императору?

– Запомни, Дайли, – лицо Сэ'Паи вмиг утратило прежнюю веселость, – Тень не принадлежит никому. Мы врем, когда это нужно нам. Мы служим лишь тем целям, которые сами ставим перед собой. Император лишь человек, а ты Тень. И эта поездка прежде всего важна для тебя, для твоего взросления. На верность мы присягаем лишь монастырю и нашим законам. Мы не принадлежим никому, запомни это, Дайли. – Я коротко кивнула в ответ на слова учителя. – Теперь непосредственно о том, что требуется от тебя. Дочь Императора Иола с детства обещана в земли Властителей льдов. Император сильно взволнован предстоящей поездкой, тем более будущий зять отрядил своих людей для сопровождения принцессы. Его волнение вполне объяснимо: хозяева северных земель, или, как мы их называем, Властители льдов, весьма непросты. Каждый представитель мужского пола в этой стране рождается с мечом в одной руке, образно выражаясь конечно, и магическим даром в другой. Кроме того, это впервые, когда правитель Севера согласился на династический брак. Да что там говорить, это впервые, когда северяне обратили свой взор в сторону иноземцев, то есть иноземок, – на последнем слове Сэ'Паи несколько замялся, но тут же взял себя в руки. – Понимаешь ли, Дайли, Властители льдов не совсем люди...

– Что вы имеете в виду? Я ни о чем подобном не слышала, – спросила я.

– Энергия, что дарована каждому из них, чем-то напоминает Тень, что живет в тебе, с одной лишь разницей. Властители льдов не становятся, а рождаются иными.

– То есть для них нет перехода?

– Нет. Это особенность их народа.

– В чем заключаются их способности?

– В основном это умение управлять энергетическими потоками, явлениями природы.

– Что-то еще вам известно о них? – С каждой минутой предстоящая поездка нравилась мне все меньше и меньше. Одно дело скрывать свое истинное «Я» от тех фокусников, что гордо именуют себя магами, и совсем другое дело, когда перед тобой существа, которых и людьми-то можно назвать с большой натяжкой... ведь, что касается себя, я точно знаю, что это не так.

– К сожалению, больше ничего. Ты же сама знаешь, насколько закрыта эта страна, – учитель устало покачал головой, – но вот тут и начинается твое задание номер один: сбор информации. Для нас это важно, Дайли.

– Еще бы, – хмыкнула я. – Номер два?

– Скрыть во что бы то ни стало свою суть, – просто ответил Сэ'Паи Тонг. – Назовем это проверкой твоих умений.

– Есть ли номер три, Сэ'Паи?

– Доставить принцессу Иолу в земли Властителей льдов живой и невредимой, – широко улыбнувшись, сказал Сэ'Паи Тонг. И почему только мне так не понравилась эта его благодушная улыбка?

Долго мы еще проговорили в тот день с мастером. Много наставлений и правил поведения пришлось выслушать мне. Но я ловила каждое слово дорогого мне человека, прекрасно понимая, что завтра мы расстанемся и, возможно, не свидимся в реальном мире уже никогда. Конечно, я смогу обратиться за помощью или советом к учителю ментально, но ведь это будет уже не то... Совсем не то.

Сэ'Паи Тонг сказал, что сможет проводить меня лишь до подножия гор, дальше же мне придется проделать свой путь одной. На этом мне торжественно вручили небольшой кожаный мешочек с денежками (деньгами содержимое назвать даже с натяжкой я не могу), карту, походный мешок со сменным бельем, одеждой и туалетными принадлежностями, что со скрипом выделил Сэ'Паи Лю, наш хозяйственник по монастырю. Сэ'Паи Ву принес шест из дерева Тому, что крепче стали и легче перышка, два хорошо сбалансированных парных клинка и маленький ножик. Все подарки я с детским воодушевлением рассмотрела, после чего с небывалой гордостью отволокла к себе в комнату.

Было и еще кое-что, что дал мне уже мой мастер. Отчаянно краснея, смущаясь и запинаясь в словах, Сэ'Паи Тонг достал широкую полоску ткани с маленькими железными крючочками по одному из краев.

– Это... это... сюда... надо... вот так, – нелепо жестикулируя руками на уровне груди, лепетал мой бесстрашный мастер.

Конечно, я давно поняла, что он хочет мне сказать, но уж больно было забавно посмотреть, как обычно невозмутимый и всезнающий Сэ'Паи Тонг смущается и не находит слов. Когда же мастер решил для наглядности примерить на себя сей предмет туалета, я не выдержала и улыбнулась.

– Я поняла, Сэ'Паи. Не надо надевать, растянете, потом держать не будет.

Сэ'Паи Тонг облегченно вздохнул и сунул мне утяжку для пусть и не большой, но все-таки женской груди.

– И еще кое-что, – задумчиво проговорил мастер. – Воины школы Ю Хэ носят определенную прическу, Дайли. Тебе надо будет научиться плести эту косу и впредь носить ее. Иди сюда, я научу тебя как.

Когда пальцы Сэ'Паи Тонга коснулись моих волос, у меня остался лишь один вопрос: «Когда эти, с позволения сказать, воины занимаются своими тренировками, если для того, чтобы заплести их “особую” косичку, надо часа два как минимум?!»

«Тунейдцы», – решила я про себя.

Утро встретило меня студеным горным воздухом, чистым как слеза, ярко-алым солнцем и пустынным двориком монастыря. Лишь одинокая фигура Сэ'Паи Тонга, что недвижимо стоял посреди двора, говорила о том, что это утро, когда мой жизненный путь делает очередной виток. Я бесшумно подошла к мастеру и коснулась его плеча.

– Я готова, – прошептала я.

Сэ'Паи молчаливо кивнул и направился к выходу из монастыря.

Мы достигли подножия горы к полудню. День предвещал быть солнечным и теплым. С непривычки мне стало тяжелее дышать. Все же это был мой первый спуск за долгие годы.

– Есть у меня еще кое-что для тебя, Дэй, – непривычное имя резануло слух.

Согласно документам, что вручил мне Сэ'Паи, теперь меня звали Дэй Ли, ученик школы Ю Хэ шестого года обучения семнадцати лет. На самом деле я была старше, но в силу своей физиологии на юношу более старшего возраста не тянула совершенно.

Интересно, кем меня назначат при принцессе? Пажом? Лично я ни за что бы не поверила, что сопливый юнец может быть телохранителем ее высочества.

– Еще подарки, – саркастично заметила я, с трудом удерживая в руках шест, мечи и дорожный мешок.

– О да, – хмыкнул мастер, рукой указывая на обособленно растущий кустарник, чуть в отдалении от тропы.

Не сразу я поняла, что имеет в виду учитель, так как мой «подарок» в этот момент увлеченно жевал растительность с другой стороны куста. Но таковая, по всей видимости, закончилась на противоположной стороне, и сначала показались огромные серые уши, а затем и все остальное.

– Осел? – едва сдерживая негодование, прохрипела я.

– Да, – с видом великого благодетеля ответил Сэ'Паи Тонг. Его довольное смуглое лицо расплылось в улыбке, мне же показалось, что меня сейчас пробьет нервный тик. Или уже пробил?

– З-зачем? – все, что мне удалось выдать из себя.

– Ну не тащить же все эти вещи на себе? И потом, верхом ехать куда веселее, чем идти пешком.

– Вы хотите, чтобы ко двору я явилась верхом на... этом? – Должно быть, выражение моего лица стало настолько красноречивым, что Сэ'Паи сменил свою довольную мину на всепонимающую, глубоко вздохнул и сказал:

– Дэй, как ты себе представляешь, что скромный послушник Ю Хэ имеет средства на лошадь?

Обреченно вздохнув, мне оставалось лишь признать правоту мастера.

Вот так рушатся наши мечты о великих свершениях. Мечтаем быть на белом коне, а оказываемся на сером осле. Но учитель, как всегда, прав. Моя задача быть неприметным недотепой, не вызывающим подозрений послушником монастыря Ю Хэ. А не

великой воительницей на огромном жеребце с мечом в одной руке и энергосферами в другой.

– Спасибо, Сэ'Паи, Вы, как всегда, правы, – выдавила я из себя некое подобие улыбки.

– Не за что, Дэй, – хмыкнул учитель, повернулся ко мне спиной и направился в сторону тропы.

И тут я поняла: «Он уходит! Мой Сэ'Паи уходит! Раз и, быть может, навсегда покидает мою жизнь!» Растерянным взглядом я смотрела ему вслед и не знала, должна ли я что-то сказать, или то, что сейчас происходит, нормально? Так и должны прощаться люди?

– Мы не прощаемся, – неожиданно заговорил Сэ'Паи, вполоборота повернувшись ко мне. – Ты всегда можешь поговорить со мной, ведь не зря же я столько тебя этому учил? Просто потянись ко мне своей мыслью, и я услышу. Но твой путь, Дайли, он должен продолжаться уже не здесь. Я дал тебе все, что мог. Научил тому, что знаю сам, и теперь тебе пора расправить крылья, Паи.

Не дожидаясь от меня ответа, Сэ'Паи Тонг глубоко вздохнул и просто растворился в воздухе. Сейчас он призвал Тень и просто перешел из одного места в другое. Я же еще несколько мгновений смотрела в пустоту, думая, а не сон ли все это? Уж слишком нереальными были события последних дней.

– И-ааа, – решил вывести меня из задумчивости мой прощальный подарок.

«Нет, все же это не сон, – подумалось мне, а взгляд сам собой упал на «гордого скакуна». – Это просто кошмар», – довершила я свою мысль.

Единственное, что не могло не радовать: осел был уже оседлан. Мне оставалось лишь пристроить свои вещи, и можно было отправляться в путь.

К тракту, что ведет в Каишим, столицу государства Аир, мы с осликом добрались уже ближе к вечеру. Сейчас на нем было пустынно, и я уже было обрадовалась, что путешествие мое пройдет без сучка и задоринки, как эта ушастая гадина просто замерла посреди дороги соляным столбом. Сначала я подумала, что, быть может, животное просто устало, хочет еды и отдыха. В конце концов, я не слишком-то в курсе, как следует ухаживать за подобной ему скотиной. Потому я

покорно слезла с животного и, решив проявить себя заботливой хозяйкой, потрусилась в сторону дикорастущего кустарника, что в обилии рос вдоль всего тракта. Срезав при помощи ножа целую охапку молодых веточек, я с видом человека, уважающего свое животное, понесла набранное к ногам осла.

Мой ушастый спутник, с интересом наблюдавший все мои манипуляции, изволил опустить голову к поданному угощению, обнюхать его и совершенно безобразно проорать свое коронное «И-а», так и не прикоснувшись к тому, что с таким трудом было мной собрано. Глубоко вздохнув, стараясь успокоиться, я полезла за кожаным бурдюком с водой. Кое-как налив воды себе в ладони, я поднесла их к носу животного. На этот раз он даже не соизволил понюхать то, что я ему предлагала.

– Ладно, – прошептала я, берясь руками за поводья и легонько их потянув.

Ожидаемо, эта скотина даже не шелохнулась. Тогда я потянула сильнее, на что животное попятилось.

– В чем дело, малыш? – как можно ласковее прошептала я, решив, что запугивание животного не самый лучший способ заставить его делать то, что требуется.

«Малыш» предсказуемо промолчал и с места не сдвинулся.

– Так... – решила я подойти к проблеме с другой стороны, буквально...

Упершись двумя руками в мягкое место животного, сделав глубокий вдох и поднатужившись, я что было сил начала толкать своего «грациозного скакуна», надеясь хотя бы таким незатейливым способом простимулировать ослика к движению. Но осел был непреклонен и стоял на своем.

– Ну спасибо, Сэ'Паи, за подарок. Вот уж угодили, ничего не скажешь, – отчаянно кряхтя, шипела я себе под нос.

Даже в самых смелых своих мыслях о предстоящей миссии я и представить не могла, что вот так глупо застряну в самом начале пути, пытаясь растолкать ушастую скотину, которая еще и орать начала, да так истошно, что мне волей-неволей пришлось отступить. Измученно опустившись на землю, я сорвала одиноко растущую травинку и засунула себе в рот.

Делать было нечего, разве что бросить упрямое животное посреди тракта и отправиться в путь пешком. Была, конечно, идея, коснуться сознания ишака и внушить ему, что нужно идти. Но сливаться разумом с животным мне совершенно не хотелось, а на легкое касание моей Тени я просто не знала, как отреагирует эта неадекватная кляча. Одним словом, солнце клонилось к земле, скакун мой замер посреди дороги недвижимой статуей, а я, если честно, порядком вымоталась не столько физически, сколько морально, устала уговаривать его сделать хотя бы шаг.

– Не хочешь идти – не надо, значит, мы остаемся тут ночевать. – На что ослик нервно дернул ушами и не спеша потрусил вперед.

Я даже сейчас не могу найти слов, чтобы обозначить свои эмоции в тот момент... Точно, не найду.

Ближе к вечеру место для ночлега все же пришлось поискать. И поскольку до ближайшего города оставалось еще минимум полдня пути, то спать нам с осликом пришлось под звездным небом. Сначала ночевка на открытом воздухе меня очень пугала, ведь в Дао Хэ ночи были невероятно холодными. В горах от всепроникающего морозного воздуха не спасали даже толстые стены монастыря. Но, как оказалось, стоило лишь спуститься вниз, и никакое жилье мне было просто не нужно. К ночи воздух будто бы загустел, наливаясь удушающим теплом и ароматами полевых цветов. Никогда бы не подумала, что буду задыхаться от переизбытка тепла.

По мере нашего продвижения по тракту нам повстречалось лишь несколько человек, и те, по всей видимости, возвращались с каких-то рынков или ярмарок, потому как повозки их были пусты, а на лицах читалась такая смесь удовлетворения и усталости. Должно быть, крестьяне возвращались домой после того, как удачно или не очень продали на рынке то, что смогли вырастить за лето. Оба возницы, что нам повстречались, странным и немного недоуменным взглядом рассматривали меня. Но стоило им заметить, как я в ответ разглядываю их, то тут же отводили глаза и более в мою сторону не оборачивались.

Первая ночевка на открытом воздухе прошла спокойно, хотя я очень тщательно проверила окружающее пространство на предмет чужаков. Мое сознание блуждало по округе, высматривая и наблюдая за тем, есть ли кто посторонний или агрессивно настроенный вблизи

от места, где я решила остановиться на ночь. Так, не отметив для себя ничего опасного, я погрузилась в самый что ни на есть оздоровительный сон.

С первыми лучами солнца мы отправились в путь. Определенные плюсы от того, что учитель подарил мне такое животное, как ослик, были. Например, мне не требовалось его специально кормить. С этим мой спутник превосходно справлялся сам, и, кроме того, что выглядела я верхом на нем весьма комично, по моему мнению, придраться было не к чему. Осел неспешно трусил по наезженному тракту, а я так же неспешно предавалась медитации. Ближе ко второй половине дня мы оказались у въезда в небольшой город, что изначально был неким форпостом перед подъездом к столице. Но по прошествии лет изначально небольшая крепость обзавелась жилыми кварталами, рынком и, соответственно, населением, превратившись в небольших размеров провинциальный городок.

На въезде никаких проблем не возникло. Я предоставила страже свои документы о том, что являюсь учеником седьмой ступени Ю Хэ, выдержала подозрительный взгляд стража, ничем себя не выдав, и проследовала дальше. Учитель говорил, что когда я окажусь в городе, то первым делом необходимо найти постоялый двор. Не слишком дорогой, но и не из дешевых. Первый мне был бы просто не по карману, второй же грозил различными неприятностями. Я не боялась за свою безопасность, но нарываться все же не стоило. Если есть возможность избежать схватки, лучше потратить гораздо больше усилий, но сделать именно это.

По пути пришлось поспрашивать неспешно слоняющийся по улице люд, где может остановиться путник со скромным карманом. Попутно я отслеживала мысли тех, с кем разговаривала на предмет лжи. Не хотелось оказаться в непростой ситуации, если кто-то из «доброжелателей» захочет воспользоваться моей неосведомленностью. Но, как это ни странно, люди в этом городе оказались доброжелательными, и все сходились на том, что мне стоит остановиться в «Коровьем седле». О чем думали те, кто называл этот постоялый двор, я не знала, но улыбки сдержать не удалось.

Что ж, раз «Коровье седло» – так тому и быть, главное это нехитрый ужин и крыша над головой, а завтра снова в путь. Заведение находилось рядом с небольшой площадью, на которой днем проходила

торговля. Сейчас же пространство перед постоялым двором было совершенно пустым, и лишь небольшие кучи мусора, разбросанные то тут, то там, свидетельствовали о том, что совсем недавно здесь происходила оживленная торговля.

Ослик, понукаемый мною, проследовал до входа в заведение и, лишь не доходя десятка метров до него, упрямо замер. Я уже поняла, что это не тупое упрямство. Просто моей зверюге необходимо было время, чтобы оценить обстановку. И если что-то для него было ново или подозрительно, то он мог вот так, ни с того ни с сего, замереть на неопределенный срок. Ждать, пока он сочтет путь для себя безопасным, я не хотела, да и солнце неспешно клонилось к закату, а еще предстояло узнать, есть ли здесь свободные комнаты, а если нет, то придется их искать в другом месте. Одним словом, я положила руку на загривок животного, посылая успокаивающий импульс. Осел дернул ушами, все же такое влияние было для него ново, и неспешно побрел ко входу на постоялый двор со звучным названием. Стоило мне слезть со своего нехитрого средства передвижения, как ко мне подошел совсем еще маленький парнишка. На чумазом личике озорно блестели карие глазки, а сам парнишка, по всей видимости, уже в уме прикидывал, сколько можно с меня получить.

– Чего изволит господин?

Я вытащила из кармана заранее приготовленную монетку и сказала:

– Пристрой мое животное на ночь и покорми.

Пацаненок, не тратя более сил на слова, ухватился за предложенную денежку и вцепился в удила моего осла.

– Постой, я возьму вещи, – спохватилась я, развязывая свою поклажу.

Вот так, в одной руке держа сумку с оружием и кое-какими вещами, а в другой шест, я вошла в приветливо открытые двери.

Внутреннее убранство постоялого двора лично меня удивило тем, что стены были убраны деревом. Раньше я такого не видела, Дао Хэ был целиком выстроен из камня, здесь же наоборот: полы, стены, потолок были деревянными. В просторном зале былолюдно, и найти свободный стол оказалось не так-то просто, как я думала. Присутствующие сидели на темных подушечках за невысокими столиками. Кто-то увлеченно рассказывал своим спутникам о том, где

ему довелось побывать и куда теперь ведет его судьба. Кто-то просто ел, очень быстро орудуя палочками из темного дерева Торо, что в огромных количествах произрастало на севере Аира. Быть может, именно это и послужило причиной того, что палочки для еды делали именно из него. Ведь одно такое дерево вырастает в высоту до трех метров за неполный цикл. Одно время засилье этих деревьев на севере едва не превратило этот край в непригодный для проживания там людей. Но люди никогда не желали уступать свое, потому ежегодно вырубались огромные территории рощ Торо, а мертвое дерево обрабатывали и пускали вот на такие радости жизни, как палочки для еды.

Грустно вздохнув, перевела свой взгляд и тут же замерла. Смешанное чувство восторга и жалости растеклось в груди. В углу постоянного двора сидела девушка. Ее черные волосы были убраны в высокую сложную прическу, а сбоку заколоты деревянным гребнем, по краю которого были закреплены длинные белоснежные гирлянды из маленьких цветков, что игриво покачивались в такт движениям молодой женщины. Ее тонкие белоснежные пальцы легко перебирали струны сямисэн, выводя причудливую мелодию, так и не находя отклика в сердцах присутствующих, она просто таяла в деревянных стенах постоянного двора. Больше всего эта девушка напоминала причудливую куклу. Она была одета в дорогое кимоно бледно-розового цвета, расшитое огромными малиновыми цветами, ее лицо было мучнисто-белым, а губы алыми, словно испачканы кровью. Я знала, кем она являлась, и для этого не требовалось проникать в ее мысли. Ровно до полуночи она будет развлекать игрой тех, кто сегодня решил отужинать в этом месте, но, как только ночь переломится, она уйдет с тем, кто готов будет выложить за это довольно пузатенький кошелек. Сио'ти, «женщины, которые порхают» – так называли их в нашей стране. Рабыни, которых с самого детства растили именно для одной определенной судьбы. Позже, когда эта Сио'ти начнет увядать, ей позволят родить дитя. Если им окажется мальчик, его отдадут в мастерские, на услужение какому-нибудь ремесленнику, если же девочка, то цикл замкнется. Все просто и определено, исключений нет.

– Молодому господину понравилась наша Сио'ти? – раздался неприятный, немного сиплый голос трактирщика у меня над ухом.

Нет, мне не понравилась их Сио'ти, мне было ее искренне жаль. А понравилась мне музыка, которую извлекали ее умелые пальцы из сямисэн. Но ничего из этого я не сказала, лишь неопределенно пожала плечами и с трудом заговорила:

– Кашу из ячменя, чай и комнату на ночь, – как можно короче постаралась озвучить я то, что мне было необходимо на данный момент. Горло, несмотря на принимаемый настой, продолжало нещадно саднить, потому моя нелюбовь к общению вслух лишь усиливалась.

– Как будет угодно, господин, – уважительно, сложив руки на груди, поклонился невысокий полноватый хозяин заведения. – Присаживайтесь, пожалуйста, вот здесь, – указал он на небольшой столик у стены. Обзор с предложенного места открывался отменный. Я без труда могла наблюдать за всеми присутствующими, но трактирщик, предложив его мне, надеялся, что так я смогу лучше разглядеть молодую Сио'ти. Следовательно, к концу трапезы буду желать не только сна, но и плотских утех. Для того, чтобы понять это, мне не было необходимости заглядывать в его мысли, достаточно было взглянуть в его горящие в предвкушении наживы глазки.

Трапезная была полна мужчин, женщин было всего несколько. Одной из них была Сио'ти, двумя другими были разносчицы, одетые в темно-серые кимоно, они ненавязчиво обслуживали собравшихся здесь мужчин. Положение женщин в Аире было весьма строгим и определенным. Как, впрочем, и положение любого человека вообще. Работающая женщина не вызывала уважения ни у кого. Скорее, к ним относились как представительницам второго сорта людей. То, что женщину было некому обеспечить, говорило скорее о ее недостатках, нежели о достоинствах. Что я знала о том, чтобы судить? Я была женщиной, выросшей за стенами монастыря, одного из самых потаенных мест нашего государства, где ко мне всегда относились как к Тени, а не как к женщине. Наши верования и убеждения различались с остальным миром, как вода и огонь. Мы не верили в Богов. На наш взгляд, единственным Богом, в которого стоило верить каждому, было его собственное «Высшее Бессознательное Я», которое, независимо от желаний сознательного, вело человека по жизни. Ему одному было известно, как стоит поступать, к нему стоило прислушиваться, ему молиться, подбирая слова так, чтобы Оно могло понять их смысл,

правильно истолковав их. А то ведь никогда не знаешь, как будут восприняты неоднозначные мысли и каков будет ответ на них. Мы верили, что именно от нас зависит то, как проживем отпущенный срок. А еще, каждый монах и послушник Дао Хэ привык жить с мыслью о том, что любая жизнь – это святыня, гениальное проявление бытия, ее следовало уважать и почитать. Как же так, спросите вы, что в этом монастыре взращивались Тени, способные убивать одним своим желанием? Да, так и впрямь было. Но за каждую каплю пролитой крови мы платили высокую цену, несмотря на то, что любое убийство было оправданным и происходило лишь в том случае, когда иного выхода ни у одного из нас не было.

За моими размышлениями я едва не пропустила момент, когда мне подали ужин. Миниатюрная девушка-разносчица ловко поставила на мой столик заказанные блюда, а я, поблагодарив ее кивком головы, принялась за еду.

Сначала я не поняла, почему у каши такой странный привкус. Сладково-тошнотворный, чрезмерно затхлый с примесью эмоции, которую невозможно было охарактеризовать никак иначе, чем «страх». Животный неконтролируемый страх исходил от принесенного блюда. Но когда вместо порции каши мои палочки поймали в тарелке кусок плоти животного, мне стало все ясно. Желудок свело неконтролируемым спазмом, и я со всей доступной мне скоростью выбежала прочь из трактира.

Меня выворачивало и выворачивало, организм был не в состоянии примириться с тем, как его только что осквернили. В ушах стоял невообразимый гул, голова кружилась, а мне было так плохо, как, пожалуй, никогда до этого.

Есть плоть живых существ – одна мысль об этом была отвратительна, что уж говорить о том, что я испытывала сейчас.

Для воспитанников Дао Хэ любое живое существо обладает сознанием, душой, а есть его мясо равнозначно каннибализму.

Не знаю, сколько вот так простояла я за углом постоянного двора, но, как и все плохое, этот эпизод моей жизни подошел к концу, и я смогла безбоязненно сделать вдох. Ощущала я себя не то что плохо, а ужасно. Мне было нехорошо не только физически, но и морально. Казалось, что мою душу просто вывалили в грязи, надругались над всем ее естеством. Конечно, следовало возвращаться обратно в

трапезную, хотя бы потому, что там остались мои вещи, но находиться под одной крышей с людьми, что с упоением поглощали... На этой мысли мне опять стало плохо.

Засыпала я не то что уставшей – изможденной. Что ни говори, но к некоторым реалиям жизни вне монастыря я оказалась совершенно не готова. Мне казалось раньше, что Дао Хэ – это клетка, за пределы которой мне никак не вырваться. Сейчас было чувство, что клетка эта не удерживала меня, а пыталась защитить и огородить. Видя, насколько жестока градация общества в Аире, как простая профессия влияет на отношение к тебе окружающих, невольно становилось не по себе. Еще я думала, что мое путешествие это мое испытание веры в собственные убеждения. Легко говорить о «высоком», когда живешь обособленно от всего мирского. Сложнее, когда простые вещи, принятые среди остальных как само собой разумеющееся, становятся непреодолимым препятствием на пути твоего личного духовного роста.

До сих пор живы в моей памяти образы, когда монахи и послушники Дао Хэ часами просиживали возле разложенного на камнях сохнувшего белья. Следя за тем, чтобы каждое маленькое насекомое успело покинуть его пределы, дабы не навредить ни одному из них, когда пришлось бы собирать белье. Никто из нас не считал это глупым. Мы учились уважать жизнь во всех ее проявлениях, осознавая, что каждое наше вмешательство может привести к необратимым последствиям. Познавая малое, учились думать о «Великом». Люди привыкли считать себя венцом творения Богов, но ни один даосский монах не поддержит такую точку зрения. Все «мы» – это часть одного целого. И каждая клетка этого «Высшего организма» важна. Даосцы верят, что устройство вселенной зиждется на принципах построения нашего организма. Все органы, клетки, ткани – это разные формы жизни, единые в целом и различные отдельно, но стоит выйти из строя чему-то, казалось бы, незначительному, как весь организм рискует стать подверженным болезням и смерти. Все просто и столь же сложно, что для осознания всей этой простоты многим не хватает и целой жизни...

Я отправилась в путь с первыми лучами солнца. Остаться дольше в этом городе не было ни смысла, ни желания. И вообще, несмотря на настоятельный совет Сэ'Паи Тонга, я решила более не

останавливаться на постоянных дворах. Моя чувствительность к мыслям окружающих, к их эмоциям и пристрастиям была слишком острой. Мне было неприятно находиться в одном зале с людьми, подавляющее большинство из которых думало о трех вещах: деньги, секс, будущее. И ни один из присутствующих за весь вечер не задумался над тем, что, возможно, деньги придут к нему, если он будет трудиться. А секс должен быть с согласия женщины или, чтобы получить что-то желаемое в будущем, нужно достойно прожить настоящее.

Когда я закрывала снятую на ночь комнату, дверь напротив моей распахнулась, а на пороге возникла растрепанная и уставшая за ночь Сио'ти. Ее волосы черным водопадом разметались на плечах и спине, красивое цветное кимоно было неаккуратно завязано на поясе так, что открывало оно гораздо больше, чем должно было бы. А яркий макияж темными кругами растекся под глазами. Но стоило девушке заметить меня, как весь ее заспанный вид испарился, и она быстрее молнии упала на колени, кланяясь до самого пола.

– Господин, прошу простить меня, – прошептала она.

А мне стало очень неловко, что я явилась свидетелем такой откровенной и настоящей сцены ее жизни. Я бы с удовольствием постаралась пройти мимо нее. Но в своем желании не прогневить меня она закрыла единственный проход с этажа своим телом. Возможно, как господину, мне следовало как-то накричать на нее или отчитать за недостойное явление предо мной. Но, как послушнику Дао Хэ, начавшему совсем недавно говорить, мне больше всего хотелось перепрыгнуть через нее и по-быстрому покинуть постоянный двор. Но, пожалуй, такой поступок унизил бы ее еще больше.

– Поднимись с колен, – прохрипела я.

Сио'ти незамедлительно исполнила просьбу и встала передо мной, потупив взор. На языке этикета, негласно принятому среди женщин Аира, это означало «робко внимаю воле твоей». На языке мыслей, что сейчас роились в голове женщины, читалась обреченная усталость и обида... на меня?! Стало интересно, и, не удержавшись, проникла чуть глубже.

«Я так старалась, чтобы вчера меня выбрал ты! Молодой, сильный, красивый... А провела очередную ночь под стареющим купцом! Чем плоха была я для тебя? Чем?!»

Вынырнула из омута чужих рассуждений, словно меня окатили студеной водой. Судорожно сглотнула, думая над тем, нужно ли мне еще что-то сказать или лучше перебирать отсюда ногами и побыстрее. В целом больше всего меня поразило даже не то, что ей понравилась я, а то, что она хотела этого сама. Никем не понукаемая, хотела провести эту ночь с молодым воином Ю Хэ. А как же рабство? Принуждение?

На этом месте я пока не знала, что сказать.

– Ступай, – велела я с напускной холодностью.

Сию’ти коротко поклонилась и, не поднимая взгляда, мелкими шажками направилась к выходу с этажа.

Недолго подождав, пока ее фигура скроется за поворотом, который выходил на общую лестницу, последовала за ней.

Город только начинал свое пробуждение от ночного сна, когда я и мой верный ослик покинули его пределы. Впереди нас ожидало долгое путешествие, прежде чем пред нами распахнет свои объятия столица и Императорский дворец Солнца и Луны, как издавна было принято называть резиденцию, где проживала вся императорская семья нашего правителя. На самом деле Аир уже очень давно империей не являлся. Это была не маленькая, но и не слишком большая страна. Но тщеславие правителей и гордость за свершения предков не позволяло изменить статус. Потому уже много веков с распада Аирской Империи Солнца, в изрядно уменьшившейся в размерах стране, продолжал существовать Император Солнца, Дворец Солнца и Империя, которая вовсе ею не была, но тоже Солнца.

Аир вообще славился особенным культом поклонения этой звезде. Именно «Золотое Солнце» являлось официальным гербом Аира. По всей стране веером рассыпались храмы и часовни, в которых совершали культы поклонения небесному светилу. Жрецы Солнца почитаются наравне с членами дворянских семей.

Но все это происходит в Аире. Дао Хэ не подчиняется никому и имеет совершенно отдельный статус государства в государстве. Мы не вмешиваемся в политику Аира, Император не оказывает давления на нас. Ю Хэ же это фактически закрытая школа строгого режима, где детей превращают в беспощадных воителей. В этом, как мне кажется, и есть основная трудность моей миссии. Как я смогу сочетать

несочетаемое? Лавировать между своими моральными устоями и тем, что в порядке вещей в монастыре Ю Хэ?

Прошло уже больше недели, как я продолжала свой нелегкий путь. Съестные припасы постепенно истощались, благо хоть осел был в состоянии добывать себе пищу. Именно тогда, когда я впервые осознала всю прелесть того, что это животное может заботиться само о себе без особой помощи с моей стороны, я впервые сказала спасибо за подарок Сэ'Паи. Правда, не все было столь радужным, поскольку ослик порой мог закатить настоящую истерику посреди оживленного тракта. Учитывая, что теперь я побаивалась не то чтобы касаться его эмоций, но даже улавливать их. Оказалось, что делать это в стенах монастыря или на пустых дорогах куда легче, чем когда вокруг тебя невероятное множество людей. Каждый из которых держал в голове множество мыслей, надежд, фантазий, приправляя все это эмоциями и физическими ощущениями.

Однажды я попыталась успокоить осла привычным способом и едва не упала с него от нахлынувших мыслей и страхов окружающих. В тот момент особенно четко поняла, что мне еще многому стоит учиться. Не все так просто, как представлялось ранее. Как и то, что мне будет очень тяжело справиться с возложенной миссией одними физическими умениями. Взять хотя бы того же осла: ни мои уговоры, ни увещевания о скором отдыхе, безопасности, еде не действовали совершенно. Не могла же я водрузить его себе на плечи и тащить туда, куда было нужно? Конечно, могла, но, опять же, применяя способности, коими пользоваться мне было запрещено. Тем временем животное продолжало замирать и истошно орать всякий раз, когда ему начинало казаться, что где-то рядом притаилась угроза. И хочу я вам сказать, казалось ему так довольно часто. Уж не знаю, была ли угроза реальной, но до сих пор мы продвигались без происшествий. Но, как бы там ни было, продвигались же! И вот, по истечении трех недель нашего пути, на горизонте появился образ города, что словно из сказки вырисовывался в предрассветных сумерках. Мы находились на возвышенности. Еще вчера вечером было принято решение уйти с основного тракта и продвигаться окольными тропами. Уж слишком людным он становился. А, как мне казалось, с ослом могли возникнуть основательные проблемы – и если бы он встал где-то посреди дороги, перекрыв движение другим подводам, то проблемы были бы уже у

меня. Благо что местность была относительно лесистой. Нам не составляло труда двигаться по ней параллельно тракту. Деревья хоть и росли здесь гораздо в большем количестве, чем на востоке, все же лес был проходим. Я просматривала пространство, высвобождая сознание – так нам не грозило напороться на разбойников или заблудиться. Именно тогда я и заметила холм, с которого открывался невероятный вид на Каишим, столицу Империи Солнца.

Город даже издали казался огромным, но его размеры не являлись препятствием для опоясывающей его стены из красного кирпича. В Каишим вело четыре входа, носившие названия согласно сторонам света и верованиям граждан Аира. Мне предстояло войти через Врата Востока – или Рассвета, как их еще называли. Покидать же город придется через Врата Солнцестояния, или Северные. Также были Врата Заката, или Западные Врата, и, как можно догадаться, Южные Врата, или Лунные.

Дворец Солнца и Луны стоял в самом центре города, на пересечении дорог, ведущих от Южных Врат к Северным. Пересечение Западных и Восточных путей было чуть ниже – должно быть, строители просчитались? Хотя это было маловероятно. Города в Аире не просто строились, они продумывались от и до. Не было случайных построек или лишенных смысла путей. Я смотрела на город, а в душе радовалась той возможности, что выпала мне в этой жизни. Увидеть Каишим воочию стоило хотя бы раз! Причудливо изогнутые крыши домов, покрытые сияющей на солнце цветной черепицей, подкрашенной розовыми лучами восходящего солнца. Разнообразие архитектурных веяний завораживало. Каждый дом был произведением искусства, вот единственное, что омрачало картину, было тем, что все дома были построены из дерева. Это угнетало чувство прекрасного, что зарождалось внутри. Но в то же время я заставляла себя не думать об этом. Хотя это было и сложно, когда стоишь посреди живого леса, где каждое дерево общается с тобой и со всем миром. Зеленые кроны шепчут, радуясь новому дню, их корни держат друг друга, как руки самых верных друзей. Но вот приходит человек с железным топором и вспарывает прочную «кожу» дерева, что стояло тут, когда его убийца еще даже не родился. А потом руки мастера обрабатывают древесину, превратив в необходимый материал

для постройки очередного жилища... Это было печально, но необходимо. Я понимала.

К тому времени, как мне удалось уговорить осла спуститься с горы, было уже позднее утро. Когда мы смогли добраться до Врат Рассвета, время близилось к полудню. А еще нужно было пройти стражников и добраться до центра Каишим, благо хоть дорога к нему была прямой и плутать по незнакомым улочкам не придется. На несколько сотен шагов перед входом в город стояли груженные подводы, запряженные мулами и лошадьми. Стоял оглушающий гам, потому как день только начинался, стоять людям предстояло долго, а ничто так не красило ожидание, как беседа с людьми, которые никогда не узнают, ни кто ты, ни что из себя представляешь. Так что можно было врать, никого не стесняясь, наслаждаясь самим процессом общения. Ну, или просто красиво рассказывать о себе, своих успехах. Конечно, не все говорили об этом, кто-то занимался тем, что пересказывал последние сплетни Аира. Вот как раз одна такая сплетня и заставила прислушаться к тому, о чем говорили вокруг.

– Да я тебе точно говорю! Северяне еще вчера вечером прибыли! – все больше распаляясь, говорил грузного вида мужчина, поправляя крепежи на повозке.

Рядом с ним стоял мужчина худощавого телосложения, высокого роста, с видимыми седыми волосами в длинной, некогда черной косе. Он был одет в темно-серую рубаху, черные простые штаны и подпоясан ярко-оранжевым поясом.

В Аире большое значение уделялось цветам носимой одежды. Не всей, конечно. Но определенные ее части могли рассказать о многом. Так, например, оранжевый пояс говорил о том, что человек начинает новое дело и надеется на сопутствующий успех. Отсюда вывод приходил сам собой: этот пожилой мужчина начинающий торговец. Но если бы не пояс, то это мало кто бы понял.

– Да тебе-то откуда знать? – вспыхнул мужчина и раздраженно хлопнул ладонью по боку повозки. – Ты вчера со мной вместе плелся по пыльному тракту, а сегодня уже знаешь, что во дворце произошло? Ну и трепло ты, Коаси!

– Я? Трепло? – раздраженно прошипел здоровенный мужик. – Да если бы ты не проспал все утро в повозке, то сам бы знал то же, что и я! Вся толпа обсуждает сегодня эту новость!

– Да? – скептически фыркнул собеседник. – И что же понадобилось северянам в Каишим?

– Шиоси, ты все такая же деревенщина, как и был! Ничем не интересуешься! – мужик раздраженно провел рукой по волосам. – Император дочку свою замуж отдает за их... – тут мужик замялся, явно собираясь с мыслями, чтобы правильно произнести иностранное слово. – Л-льорда, – кое-как проговорил Коаси.

– Лорда, болван! И я еще деревенщина? – сказал Шиоси, подходя ближе к другу. – А зачем их лорду наша Йола? – хитро сощурившись, прошептал мужчина.

– Сходи к Императору и спроси, ты же у нас самый умный, он тебе обязательно расскажет, – почти дружелюбно проворковал Коаси.

Больше слушать перепалку двух «друзей» мне не хотелось, да и времени, как выяснилось, у меня оставалось очень мало. Северяне прибыли, а я все еще в пути. Не то чтобы я воображала себя такой уж важной персоной, но задача у меня была определенной, и я уже не справлялась с ней.

Ослик «грациозно» соскочил с наезженного тракта и, понукаемый моими коленками, потрусил к воротам. То ли земля у него под ногами была чересчур ухабиста, то ли я за время путешествия окончательно исхудала. Но эта пробежка вдоль очереди повозок верхом на осле растрясла меня так, что я уже не представляла, как буду слезать с его спины.

Как бы там ни было, но до самих Врат Востока мы добрались довольно быстро и без происшествий. Проблемы начались, когда попытались взобраться вновь на основную дорогу. Поскольку процедура проверки документов и грузов шла согласно процедуре добровольного пожертвования на нужды стражников, то есть крайне медленно и неохотно, то весь собравшийся люд был уже изрядно на взводе. И тут еще и я попыталась влезть без очереди. Официально я имела полное на то право. Ученик Ю Хэ – это личная собственность императора. Да, именно собственность, но не кого-то там, а Императора. Потому каждый житель Империи Аир обязан оказывать уважение и содействие таким, как я. И если мне необходимо попасть в город, то им необходимо пропустить. Но не все то, что написано или подразумевается, выполняется на деле. А сейчас около врат происходила настоящая давка. Я готова была поспорить, что причина

была не в документах на товар, которые столь придирчиво изучал стражник. Досматриваемый купец вел довольно внушительный караван, а отчислять достаточную сумму страже не желал. Стражник не хотел так просто сдаваться и продолжал трепать нервы торговцу. Соответственно, нервы сдавали у всей толпы. То и дело слышались возмущенные вопли и реплики типа:

«Да дай ты ему уже, сколько просит! Я тебе сам разницу верну, как пройдем!»

«Сколько можно, торговый день начался, а мы еще даже не в городе!»

Дальше следовала отменная брань и ругань, но смысл был один: «Плати и не задерживай».

Конечно, подобные поборы в большей своей степени были незаконными. Но власть с успехом закрывала на это глаза, потому как доказать что-то в этом случае было нереально. Да никто и не пытался, если говорить честно. Взятчикам в Аире полагалась смертная казнь, тем, кто давал взятки, – отрубали руки. Таким образом, закон никто не соблюдал, но никто о том и не говорил. Потому как, если тебя вынудили дать взятку, и ты это сделал, а потом пошел с жалобой, то сам же без рук и останешься. Если же пожалуешься, что у тебя ее вымогают, то это необходимо подтвердить. Никто выступать свидетелем в подобном вопросе не станет, так как у каждого из возможных есть свое дело, терять которое никто не хочет. А «клевета» на стражей закона и порядка в Аире карается тоже достаточно строго, чтобы отбить всякое желание у пострадавших жаловаться на произвол властей. Но не все так страшно: взятки находятся в четко установленных рамках и на каждую категорию услуг есть своя неофициальная цена. Быть чиновником в Аире – это иметь весьма доходное дело, не тратя при этом ни т'яна^[3].

Я легко соскочила с осла и, не тратя времени, уверенным шагом направилась к хранителю порядка Каишим. Страж оказался довольно моложавым на вид мужчиной, с приятным, располагающим к общению лицом. Вот только взгляд его казался каким-то сальным, мутным и неприятным. Не зря говорят, что, смотря человеку в глаза, рискуешь заглянуть в потаенный уголок его души. То, что виднелось на дне глаз этого человека, вызывало неприязнь к их обладателю. Но

сейчас это не имело никакого значения, мне необходимо было попасть по ту сторону врат как можно скорее.

– Досточтимый страж, – чуть склонив голову в поклоне, предназначенном показать лишь мое уважение к стражнику, а не то, что мы различны в рангах, заговорила я.

Привлечь внимание стражника оказалось не сложно, поскольку момент, чтобы заговорить, я подобрала весьма подходящий. Мужчина, изрядно покрасневшийся от длительного спора и переполняющих его эмоций, как раз делал глубокий вздох, готовясь к продолжительной тираде. Услышав обращение, он тут же повернулся ко мне. В глазах его разрасталась настоящая буря из гнева и алчности. И он уже был готов «послать» куда подальше того, кто посмел вмешаться в разгорающийся спор. Но, увидев особенности плетения косы на моей голове, с шумом выдохнул и склонил голову в ответном, чуть более глубоком поклоне.

– Чем могу я помочь досточтимому воину Ю Хэ? – спросил он.

Но стоило его устам произнести название «моего» монастыря, как по толпе волнами начал расходиться шепот. А люди, толпящиеся вокруг, стали непроизвольно пятиться, образуя вокруг меня достаточное пространство.

Если о монахах Дао Хэ рассказывали сказки – их боялись, не понимали, почитали как людей, отмеченных Богом, – то не найдется человека в Аире, который мог бы сказать, что видел даосца вживую, свободно путешествующего по стране (конечно, мы покидали монастырь, но об этом никто и никогда не знал), то воспитанников и монахов Ю Хэ видели многие. Их тоже почитали, боялись и уважали, не только за мастерство, но и за то, кому принадлежали эти воины. Иногда казалось, что лишь за это...

– Я прибыл в Каишим по велению Императора, – хрипло заговорила я. – Вот мои документы, – протянула я свиток стражнику.

Тот в свою очередь положил ладони на него и опустил голову.

– Я не могу так оскорбить вас. Проезжайте, – скупно сказал он.

В случае со мной не было ни препирательств, ни попыток вымогательства, ни даже доскональной проверки документов. И тому было множество причин, но самой главной из них была та, что лишь человек, решивший свести счеты с жизнью, станет представляться «Собственностью Императора», не являясь таковой. Наказание за подобный обман в Аире было одно: смерть. С подобным не шутили и

даже не столько из-за боязни наказания физической расправы, сколько из-за страха оскорбить имя Императора. Людям, представлявшимся посланниками или слугами Императора, полагалось верить на слово. Конечно, это было никем не установленное правило, но ему следовали свято и неукоснительно. Потому беспрепятственно пройдя Врата Востока, не тратя более времени даром, я направила свое упрямое животное к дворцу. В то же время я старалась украдкой рассмотреть город, что воспевали в своих песнях тысячелетиями певцы и поэты Аира. Каишим захватывал и покорял с первого взгляда. Широкие улицы, мощенные каменной брусчаткой, причудливые дома с многоярусными изогнутыми крышами в окружении цветущих плодовых деревьев и изящно стриженных кустарников. Нежный, едва уловимый аромат цветов окутывал каждого жителя этого города невидимым шлейфом, яркое солнце, отражаясь от красных крыш домов, подсвечивало город розовыми тонами. Перед каждым домиком располагался небольшой фонтан или пруд, ведь вода для жителей Аира, как, впрочем, и любая другая стихия, несла в себе особое значение. Считалось, что вода – это символ смирения и продолжения жизни, а также, что именно вода очищает от мирских грехов, примиряя каждого человека с внутренним «Я». Не знаю, помнили ли жители Каишим, олицетворением чего является пруд или фонтан перед родным домом, но мне бы хотелось в это верить.

Жители Каишим отличались от подавляющего населения Аира. Во всяком случае, того населения, что встречалось мне за время моего путешествия. Первое, что бросалось в глаза: среди встречаемых мной жителей не было бедняков. Не потому, что у горожан висели толстые кошельки с золотом на поясах, вовсе нет, но каждый из встреченных мною был опрятно и чисто одет. Даже если кимоно кого-либо не отличалось дороговизной, то цвет пояса на нем говорил о принадлежности к той или иной школе мастеров. Каждый, будь то мужчина или женщина, старался держаться с достоинством и согласно своему общественному статусу. Все это было настолько натянутым и неестественным, что походило на неожиданно ожившие иллюстрации из книги о подобающем поведении для младших учеников. Но мне также удалось заметить, сколь много стражников оказалось за стенами города. Хоть их темные одежды и должны были быть незаметны, но вместо этого делали их невероятно выделяющимися из общего числа

граждан. Сперва я подумала, что это должно быть нормальным для Каишим, все же столица, город, в котором живет Император, но заметив реакцию местных жителей: стоило им ненароком столкнуться с представителями правопорядка, как каждый из них старался как можно быстрее выскользнуть из поля зрения стражей – мне стало ясно, что меры такой повышенной безопасности чужды для Каишим и неприятны горожанам.

В это время очередная пара блюстителей порядка уверенным шагом приближалась ко мне.

– Просим простить нас, – легкий поклон, обозначающий лишь формальную вежливость. – Но мы хотели бы увидеть ваши документы, – заговорил один из стражников, облаченный в черный кожаный доспех и особый головной убор, что толстым кожаным ремешком опоясывал его шею.

– Конечно, – лишь легкий кивок головы, который не остается незамеченным для стражников. Достав недавно убранный в сумку свиток, протягиваю страже так, чтобы в первую очередь бросалась в глаза печать Ю Хэ.

Оба стражника, заметив печать, протягивают ладони к свитку и кланяются уже куда более почтительно.

– Господин нуждается в сопровождении? – спрашивает второй стражник, на вид кажущийся совсем мальчишкой. Хотя я и сама со стороны кажусь едва ли не подростком.

Отказываться было бы невежливо, соглашаться не хотелось, но, как и всегда, приходится делать то, что необходимо, а не то, что хочется.

– Благодарю, – ответила я, понукая ослика ехать вперед. Стражники молчаливыми тенями последовали за мной.

Для того, чтобы достичь дворца, нам потребовалось около полуторачасовой прогулки под палящим полуденным солнцем. Но мои сопровождающие не выказывали никакого нетерпения или же неуважения в те особенные моменты, когда непокорный осел вновь начинал позорить меня с удвоенным рвением. Самым неприятным было даже не его упрямство, к этому я привыкла, но вот нагадить посреди центральной улицы, ведущей к дворцу Императора Солнца, было уже перебором! Благо мои провожатые не растерялись, и один из них тут же метнулся в ближайшую лавку, давая распоряжения ее

хозяину об уборке испражнений, оставленных собственностью Императорской Собственности... По-моему, хозяин лавки даже обрадовался оказанной ему чести.

Тем не менее нам все же удалось достичь ворот, огораживающих Дворец Солнца от окружающего его со всех сторон Каишим.

Территорию дворца окружала огромная каменная стена, по периметру которой на небольших выступах дежурили часовые. Кроме этого, стража находилась и у самих врат, и, в отличие от городских стражников, эти были самыми настоящими выпускниками Ю Хэ. Стало быть, поблажек из-за моего статуса ждать не приходилось, а вот тщательнейшей проверки было не миновать. Стражники Императорской Семьи были облачены в одежду традиционных цветов Дома Солнца. Поверх темно-синего кимоно был надет кожаный доспех из черной кожи, отделанный золотой инкрустацией. Тонкой вязью сливались символы, выведенные на нем: «Отвага», «Верность», «Честь», «Забвение». Последний символ имел не совсем такое значение, он больше подразумевал отказ от всего мирского во благо Императора, во имя услужения ему. У воинов Ю Хэ не было семьи, не имели они права и на то, чтобы иметь свой собственный дом. Их жизнь – это вечное услужение Семье Господина, когда же воин Ю Хэ состарится до такой степени, что не сможет удержать меч, у него будет два пути: вернуться к истокам и обучать подрастающее поколение, либо же погибнуть в ритуальной поединке, исход которого заранее известен каждому.

На головах воины Ю Хэ носили не совсем обычные шлемы, они так же были конической формы, как и у городских стражников, вот только у их основания крепились длинные хвосты из темно-синего и золотого ворса. Зрелище показалось мне столь необычным, сколь и смешным. Надеюсь, мне не придется облачаться в их форму. Мало мне того, что их необычную косу приходится часами выплетать, так еще и эту штуку на голову водружать. Как говорил Сэ'Паи, что обучал нас воинскому искусству: «Если тебе попали по голове, значит, не так уж она была тебе нужна». Его эта шутка всегда веселила, чего нельзя было сказать о нас.

Ловко соскочив с ослика и достав сопроводительный документ из мешка, я направилась в сторону стражников. Уважительно

поклонившись, протянула свиток тому, кто, судя по возрасту и выправке, был старшим из тех, кто стоял у входа во дворец.

– Послушник Ю Хэ, Дэй Ли, – просипела я, борясь с болью в горле, – прибыл во Дворец Императора Солнца по его на то изволению.

Воин смерил меня прохладным, ничего не выражающим взглядом. Я выпрямилась и склонилась вновь, повторяя заранее приготовленную фразу. И вновь ответа не последовало. Когда же церемониал повторился в третий раз, стражник принял мой свиток, подержал его в руках и отдал обратно.

– Следуй за мной, Паи, – сказал он, давая знак другим стражникам отворить ворота.

Когда я оказалась по другую сторону Врат Востока, на мгновение мне показалось, что я перенеслась в параллельный мир: прекрасный, священный, изысканный. Вокруг раскинулся дивной красоты сад. Никогда прежде не видела я такого разнообразия цветов и растений. И посреди всего этого великолепия возвышался Дворец Солнца. Его многоярусная крыша, казалось, подпирала собою небеса, а в пруду, что серебряным кольцом опоясывал его от окружающего мира, отражалось ясное небо. Ко дворцу Императора вела широкая дорога. Сейчас на ней были лишь стражники, что, невзирая на жару, недвижимо стояли на всем ее протяжении, неся свою службу. Для того чтобы попасть ко входу во дворец, нам было необходимо преодолеть каменный мост, пролегающий через искусственный водоем. Вот тут-то и начались первые неприятности. Естественно, что исходили они от моего верного спутника. Животное, должно быть, сильно ошалело от предстоящей встречи с Императором Аира, да и жара могла пагубно сказаться на его самочувствии, потому я не особенно-то и удивилась, когда осел замер каменным изваянием прямо посреди моста. Все это время я вела его под уздцы.

– В чем дело? – скупно заметил мой провожатый, вполоборота повернувшись ко мне.

«Только не сейчас», – мысленно взмолилась я, упрямо потянув поводья на себя.

– Он боится, – прошептала я.

– У меня нет времени ждать, пока ты сумеешь его уговорить, – буркнул страж. – Либо оставляй его тут, либо сделай что-то, чтобы он

двинулся с места.

– Он пойдет, если я сяду на него, – сказала и сама покраснела от собственной наглости.

Верхом на территории дворца могли разъезжать люди свободные и из благородных домов, но никак не «собственность». Во всяком случае, так мне говорили.

– Так садись, – буркнул страж, – сейчас слепой час, тебе, можно сказать, повезло.

Слепым часом именовалось послеобеденное время. Считалось, что именно сейчас Боги берут своеобразный «час на отдых». То есть, если человек согрешит, существует вероятность того, что никто из Них не заметит. Потому, должно быть, один древний Указ Императора гласил, что в слепой час каждый добропорядочный человек должен спать, таким образом не имея возможности грешить. Я слышала об этом еще в Дао Хэ. Закон тогда показался не просто смешным, но и диким! Спать днем, чтобы не грешить?!

– Так ты садишься или как?! – раздраженно окликнул меня стражник.

Растерянно кивнув, я легко вскочила на осла. С недавних пор он стал чувствовать себя гораздо увереннее рядом со мной. Но срабатывало это не всегда. Потому я очень надеялась на то, что это произойдет именно сейчас... Повезло.

Я почувствовала что-то неладное уже на подъезде к внутреннему двору дворца. Воздух вокруг словно сгущался и слегка потрескивал, будто в преддверии грозы. Конечно, мой провожатый не мог этого ощутить, потому как потоки силы, что пронизывают наш мир, были сокрыты от него. Иногда я не могла понять, как можно так жить: не чувствуя всего того, что было доступно мне, как Тени? Но люди как-то жили. Их мир был слеп и бесцветен, но они все равно продолжали в нем существовать.

Сейчас же энергия окружающего мира словно притягивалась к тому, что пока еще было скрыто от взгляда. Невидимые потоки сгущались, стягивались тугими спиралями, со всей преданностью устремляясь к тем существам, что я пока еще не могла увидеть воочию. Но все то, что было доступно мне ощутить сейчас, было само по себе невероятным. Всю свою жизнь я училась тому, чтобы уметь обращаться с потоками силы, а здесь они сами, словно домашние

животные, ластились к неведомым хозяевам. Когда до закрытых ворот оставалось несколько шагов, моего слуха коснулся невероятно громкий, слаженный мужской хохот, что не могли приглушить даже стены дворца. Стражники, стоявшие на входе, раздраженно скривились, когда очередная порция громоподобного смеха заставила воздух вокруг сотрясаться.

– Открыть ворота, – скупно бросил мой сопровождающий. – Дальше ты сам, Паи, – сказал он, обернувшись ко мне. – Я дам распоряжения, чтобы к тебе подошел конюх, так что тебе придется обождать его внутри.

– Спасибо, – поклонилась я в ответ на его слова, хотя больше всего хотелось вцепиться в руку стражника и попросить его проводить меня. Смешно, конечно, но от всего творящегося вокруг мне вдруг стало не по себе.

Гул мужских голосов все нарастал. Казалось, что те люди, что сейчас находятся во внутреннем дворе Императорского дворца, обсуждали что-то настолько смешное, что были не в силах сдерживать эмоции. Смех гулками раскатами отражался от стен, создавая иллюзию, что вот-вот разразится самый настоящий шторм. Мое любопытство все возрастало, и когда я смогла оказаться во внутреннем дворе, то смотрела уже не на окружающую архитектуру, а на тех, кто своим поведением вырывал окружающий мир из воцарившейся в нем дремы.

Их было восемь. Невероятно высоких мужчин, одетых в меха и кожу, с большими, на вид очень тяжелыми мечами и топорами. Они стояли спиной ко мне, громко переговариваясь на гортанном и немного рычащем языке. И, кажется, совершенно не замечали того, что происходит вокруг. Волосы незнакомцев были длинными, свободно ниспадающими по широким спинам. Но не это делало их отличными от жителей Аира – цвет волос северян варьировался от медно-рыжего до снежно-белого. Мне показалось это настолько удивительным и чудным, что, немного отвлекшись, я пропустила тот момент, когда мое присутствие стало заметным для них. Громкий смех и гогот неожиданно стих, и все восемь мужчин обернулись. В то же время я почувствовала, как блуждающая энергия, словно послушный ласковый щенок, начала подтягиваться в их сторону.

Что это было? Рефлекс или они смогли увидеть в моей персоне какую-то опасность?

Додумать эту мысль мне так и не удалось, потому как один из северян, расплывшись в широкой улыбке, притворно тихо заговорил с сильным акцентом.

– Интересно, Бер, как пацану удалось откормить зайца до таких размеров? – пророкотал он.

Широкоплечий блондин с глазами цвета предштормового неба ответил собеседнику столь же нарочито «тихо», словно по секрету, но так, чтобы было слышно не только стоящему рядом с ним мужчине, но и вообще всем.

– Нет, Кельм, это не заяц, а собака! Неужели ты не видишь?! Просто парнишка такой мелкий, что на лошадь и запрыгнуть-то не смог бы, – прохохотал сероглазый блондин. Черты лиц этих «людей» были весьма суровы, мужественны и грубы, но та детская непосредственность, с которой они говорили друг с другом, делала их мягче, добрее.

Я была столь ошарашена тем, что впервые в жизни мне удалось повстречать представителей иного народа, что оказалась совершенно не готова к тому, что первыми словами от столь древней расы, о которой слагают сказки в наших краях, станут шутки, отпущенные в адрес моего ни в чем не повинного осла.

– А я тебе говорю, что это заяц! Ты только глянь на уши этого уродца!

Вся компания разразилась дружным хохотом.

Мужчины продолжали смеяться, отпуская в адрес моего животного непочтительные реплики, искоса поглядывая на меня. Смотрели они так, будто бы ожидали какой-либо реакции. Ее не было. Да и откуда ей было взяться?! Все свои эмоции я так давно привыкла выражать мысленно либо же взглядом, что даже сейчас, когда скрывать их не было нужды, я испытывала определенные трудности. Казалось невыносимо сложным сложить губы в улыбке. Как и столь же бестолковым. К чему кривить лицо, когда радуется сердце или душа? Конечно, я видела, как порой задорно смеется Сэ'Паи Тонг или хмурит брови в глубокой задумчивости. Но когда с самого раннего детства ты и тебе подобные с ног до головы укутаны в черное плотное одеяние,

когда ни один из вас не вправе издать и звука, то привыкаешь выражать эмоции совершенно отличным способом.

Вот и сейчас с невозмутимым видом я подъехала чуть ближе к собравшимся северянам и быстро соскочила с уже ставшего таким родным осла. Необходимо было дождаться конюха, который позаботится о моем животном, а учитывая время моего прибытия, ждать придется долго. Решив не обращать внимания на подколки в адрес моего скакуна, я повернулась спиной к присутствующим и начала пристально разглядывать некое подобие сада, что удивительно гармонично был вписан во внутренний двор.

В Каишим сейчас царил месяц, когда цветет Э'кура. Весь город был усыпан нежно-розовыми лепестками этого растения. Казалось, что это такой причудливый снег ложится на улицах столицы империи. Помимо этого цвели и многие другие растения, превращая город в необыкновенное, сказочно красивое место. В Аире особая роль отводилась садоводству и оформлению парков и скверов. Каждый цветок говорил, рассказывая свою удивительную, ни на что не похожую историю. Задача садовника заключалась не просто в том, чтобы посадить и вырастить определенные виды растений. Эта должность налагала определенные обязательства. Например, сад, разбитый перед домом, должен был рассказывать о семье, живущей непосредственно в доме. Цветы во внутренних двориках говорили о характере хозяев, а сад, что находился за домом, высаживался в память об уже умерших представителях той или иной династии. Считалось, без дозволения войти в который знаком глубочайшего оскорбления. А получить дозволение побывать в нем приравнялось к признанию в вечной дружбе и благоволению хозяев. Во внутреннем дворе дворца раскинулся не просто сад, а Сад с большой буквы. Казалось, садовник, рассказывая о характере Императора, недолго думая, решил приписать ему все существующие в мире положительные качества. Была там и «доблесть», воплощенная в синих полевых альках, и «величие», что отразил на своих золотых лепестках гордый н'оли, и «глубокий ум», что нашел свой приют на высоких и толстых стеблях нежно голубой ю'ли. И даже Э'кура, что означала «девственность и непорочность» и сажалась в основном перед домом, каким-то чудом должна была передать одну из черт Императора Солнца. Наравне с ней должна была

справиться со своей нелегкой задачей и фу'си, более известная как «озорной ноготок».

Конечно, я немного привередничала, разглядывая творение императорского садовника. Но для людей, не слишком задумывающихся «о смысле сказанного», сад был прекрасен. А посреди всего этого благоухающего великолепия раскинулся маленький пруд, обитателями которого были самые настоящие императорские солнечные карпы. Цена которых была столь баснословна, что позволить себе содержать подобную рыбу мог действительно лишь Император. Говорили, что такой карп может прожить при должном уходе около ста лет. И рыба эта олицетворяла собой всю ту мудрость, коей должен был обладать истинный Император Солнца. Убить или, что еще хуже, съесть ее приравнивалось к величайшему из возможных прегрешений.

– Господин, позвольте вашу лошадь? – немного скрипучий голос раздался позади меня.

– Лошадь?! – тут же воскликнуло несколько грубых мужских голосов, и новые раскаты смеха заполнили едва погрузившееся в тишину пространство.

Я тут же повернулась лицом к подоспевшему конюху, что уже резво тащил за поводья моего «скакуна».

– Постойте, – прохрипела я, невольно давая «петуха».

За этой репликой последовал новый приступ дружного хохота.

– Да, господин, – совершенно не обращая внимания на пришельцев, что вели себя столь непочтительным образом, сказал слуга.

– Мне необходимо, – кое-как откашлявшись, заговорила я, – забрать вещи.

– Конечно, господин.

Я не успела перехватить конюха в тот самый момент, когда он потянулся отвязать мою поклажу, и вполне ожидаемо дернул не за ту веревку, которая отвечала за то, как крепко будет держаться сумка на спине у осла. Содержимое сумки с лязгом и грохотом начало вываливаться на пол. На землю ворохом высыпалось мое белье, состоящее из нескольких простых холщовых рубах и сменных штанов, поверх нехитрого гардероба уютно пристроились парные клинки даосской работы в простых ножнах и нож, что был подарен мне

Сэ'Паи Ву перед самым отъездом. Пшено, что было завернуто в простой тряпичный мешочек, рассыпалось по широкой дуге вокруг испуганно заоравшего осла. На какое-то мгновение все присутствующие растерянно замерли, исключение составлял лишь мой ослик, который, не прочувствовав момент, продолжал истощно орать. Старый конюх беспокойно переводил испуганный взгляд то на рассыпавшуюся поклажу, то на меня, пытаюсь сообразить, что в таких случаях ему должно делать согласно этикету.

Видя, что вот-вот бедалага начнет ползать передо мной на коленях, собирая рассыпанное пшено полой своего кимоно, я решительно вскинула руку.

– Сам, – коротко сказала я, стараясь одним словом дать понять этому человеку, что в его помощи не нуждаюсь.

Подхватив наполовину опустошенный мешок, опустилась на колени и быстро начала запихивать свои рубахи и штаны обратно. Конюх, по всей видимости, решил поскорее увести доверенное ему животное, пока господин не передумал и не решил наказать его за неаккуратность.

Наскоро запихав вещи и нож, я легко подхватила свои клинки, решив не убирать их в мешок, потому как после того, как порядок сложенных там вещей был нарушен, я бы просто не смогла их туда уместить. Поднялась с колен и уже была готова направиться напрямиком во дворец, как очередная реплика, отпущенная чужестранцами в мой адрес, коснулась моего слуха.

– Ну вот, Кельм, а ты все думал, что дочке в подарок привезти? Смотри, какие у пацана ножики! Как раз твоей малышке в самый раз, ведь ей уже пять лет скоро исполнится, – засмеялся рыжеволосый мужчина с густой, почти красного цвета бородой.

Мне было не слишком понятно, чего добиваются эти люди своими насмешками. Хотели ли они вывести меня из себя или просто привыкли издеваться над окружающими? И как следовало реагировать мне как выпускнику Ю Хэ, а не послушнику Дао Хэ, разум которого словно вода, что подвластна лишь своей воле?

– Я помогу вам достать похожие, – хрипло отозвалась я и, более не задерживаясь ни минуты, направилась ко входу во дворец.

Скоро мне предстоит отправиться в долгое путешествие рядом с ними, но пока я не знала, как следует себя вести, чтобы быть верно

понятой и не попасть впросак. Я решила, что молчаливое наблюдение – это самая верная тактика в сложившейся ситуации. Потому, подойдя ко входу во дворец, провожаемая любопытными взглядами пришельцев, молча поклонилась стражнику на входе и отдала ему свои документы и письмо Императору.

– Я доложу о тебе, Паи, – не слишком уважительно отозвался стражник, приняв меня за ученика Ю Хэ не слишком высокой степени. Я была не против.

Стражник исчез с моими документами и появился через долгих полчаса, которые мне пришлось провести в полусогнутом положении, изывая тем самым уважение к Императору и его дворцу. Сэ'Паи Тонг как-то обмолвился, что иногда желающим попасть во Дворец Солнца приходится ожидать такой возможности по несколько часов именно в таком положении, так что мне еще повезло, что стражник вернулся так скоро.

– Следуй за мной, Паи. Император примет тебя. – На этой фразе остальные стражники позволили себе отпустить заинтересованный взгляд в мою сторону, но более никаких эмоций на их лицах не отразилось.

Внутри Императорский дворец оказался ничуть не хуже, чем снаружи. Изысканная роскошь интерьеров и их убранства не могла оставить равнодушным никого из смертных, чья нога ступала внутрь колыбели власти Аира. Широкие коридоры, по которым мне приходилось идти вслед за провожающим меня в покои Императора стражником, были украшены росписью лучших художников Империи. Огромных размеров фарфоровые вазы, скульптуры, мебель, все это дополняло и не перегружало пространство. Изредка на нашем пути встречались вельможи, вальяжно прогуливающиеся по дворцу и облаченные в откровенно роскошные кимоно, расписанные в традициях Аира. Одно такое кимоно могло стоить целое состояние. За группами мужчин обычно шли несколько женщин, своим видом напоминающих экзотических птичек. Они семенили за своими хозяевами маленькими шажками на почтительном расстоянии. Их волосы были убраны в сложнейшие прически, на возведение которых у нормального человека ушло бы полжизни. Яркое кимоно туго облегалo стройные ноги красавиц, обувь на которых была на невероятно высокой платформе. Лица женщин украшал яркий макияж, за которым

было сложно понять, как его обладательница выглядит на самом деле. Но женщины держались очень скромно. Их головы были низко опущены, а взгляд терялся где-то в складках роскошных кимоно. Стоило мужчинам остановиться для беседы с равным им по положению, как женщины, следующие за ними, почтительно замирали на достаточном удалении и даже не пытались выпрямиться, чтобы осмотреться вокруг.

Все это неожиданно вызвало бурю негодования у меня в душе. Ведь я для Аира такая же бесправная «птичка», лицо которой следует вымазать толстым слоем белил, а волосы уложить в настоящий дом на голове. После чего втиснуть в облегающее блестящее кимоно, надеть на ноги эти невероятные туфли и выгуливать, словно дорогую, но бесправную собачонку. Кстати, о собачках. Буквально у каждой девушки на коротком поводке находилась маленькая собачка, которая с трудом поспевала за неспешной походкой красавицы. В чем был смысл этих зверьков, я, честно говоря, не знала. Но то, с какой гордостью мужчины поглядывали то на своих женщин, то на маленьких мохнатых псин, тайной для меня не осталось.

– Пришли, Паи, – голос стражника вывел меня из собственных размышлений. – Император ждет тебя, как и его совет.

– Совет? – хрипло отозвалась я.

Мне думалось, что встреча с Императором должна была бы произойти при более закрытой обстановке. Но, возможно, так положено?

– Да, – кивнул стражник и, коротко постучав в дверь передо мной, отступил в сторону, позволяя войти внутрь.

Двери тут же распахнулись, и я, решительно сделав три шага внутрь, безошибочно определив нахождение Императора, упала на колени, сложив руки перед собой, и опустила на них лоб. Это был поклон к Императору от воспитанника Ю Хэ. Поклон признания его власти надо мной. Будь мы наедине, я бы еще подумала, кивнуть ли ему. Но, похоже, Император Солнца был тщеславен, раз решил увидеть Тень на коленях перед своими светлыми очами. Глупец.

– Поднимись с колен, Паи, – в голосе говорившего мужчины сквозило удовольствие от увиденного.

Не дожидаясь повторного приказа, я спокойно поднялась одним немного резким движением. Не поднимая глаз, предстала перед

собравшимися, сложив руки на груди в знак почтения. Загадкой оставалась для меня причина, по которой Император решил принять Тень из Дао Хэ на общем совете. Неужели это по банальной причине честолюбия? Или здесь скрыто еще что-то?

– Паи Ю Хэ прибыл во Дворец Солнца по моему личному распоряжению, – тем временем продолжил свою речь Император. Голос его был излишне высок для мужчины, но в нем чувствовались властные нотки и уверенный тон, что присущ людям, привыкшим давать распоряжения. – Паи войдет в свиту младшей принцессы Иолы, что сосватана в жены одному из властителей вашего государства, – сказал Император, отчего-то умолчав о том, кому именно сосватана принцесса. Но не это заставило меня настороженно скосить взгляд, пытаясь разглядеть тех, к кому именно обращался Император. В Зале Совета были гости, спутники которых повстречались сегодня мне во дворе.

Император восседал на широкой скамье, поверх которой была положена подушка, расшитая золотыми и красными нитями. Сама скамья располагалась на своеобразном подиуме из черного дерева так, что казалось, что Император возвышается над всеми собравшимися. Мужчина был субтильного телосложения с узкими плечами и длинной шеей. Его лицо выглядело еще менее выразительным. Глаза были слишком узкими даже для аирца, тонкие полоски губ и широкий нос на идеально круглом лице смотрелись не слишком-то привлекательно. Но стоило отдать должное этому человеку, потому как осанка у Императора была действительно величественной. Несмотря на внешнюю непривлекательность, в нем чувствовался внутренний стержень, сила характера и твердость. Император был одет в кимоно из темно-синего шелка, расшитого золотыми нитями. Его темные, едва тронутые серебристой сединой волосы были убраны в высокую косу. А на голове было надето что-то поистине невообразимое. Конструкция представляла собой невзрачного вида черную шапочку, со специальными шелковыми ушками, чьей функцией было заслонить тонкий слух Императора от всего дурного, что может быть им невольно услышано. Поверх шапочки находилась четырехугольная пластина спереди и сзади, к которой крепилось по двенадцать шелковых нитей, увешанных яшмовыми бусинами разных цветов. Все это безобразие также было призвано оградить Императора от дурного.

Жидкая борода и усы не делали облик правителя хоть сколько-нибудь лучше.

По правую сторону от Императора находились члены его Совета: военачальники, политики, финансовые советники. Вся эта разномастная знать выстроилась в идеально ровную линию рядом со своим Императором и с воодушевлением внимала каждому слову, интонации, что могла быть намеренно обронена в речи. И, стоило Императору каким-либо образом показать свою неблагосклонность к кому-нибудь, тогда каждый из них посчитал бы своим долгом лично подпортить жизнь неугодному. Но сейчас их лица были непроницаемо спокойны. Каждый из собравшихся был облачен в кимоно, что рассказывало историю своего обладателя. Например, финансовый советник был одет в желтый шелк, расшитый синими нитями, что говорило о том, что он работает с большими деньгами, которые всецело принадлежат Императору. Мужчина носил темно-коричневый пояс, расшитый бусинами из амазонита, чей глубокий зеленый цвет был призван избавить своего хозяина от нервного напряжения. Каждый стежок на вышивке кимоно должен был рассказать как можно больше о своем хозяине. Конечно, недостатки или сугубо личные моменты на таких вещах не освещались.

А вот слева от Императора Солнца расположились те, кого я так жаждала увидеть. Стоило бросить скользкий взгляд на эти три словно высеченные из камня мужские фигуры, как те, что я встретила у входа во дворец, показались сущими детьми. Трое мужчин, закаленных сталью и магией, величественно возвышались рядом с Императором. И к каким бы ухищрениям ни прибегал владыка Аира, чтобы казаться более важным, рядом с этими тремя он выглядел ничтожным и смешным. Их аура пронизывала окружающее пространство. Теперь мне стало ясно, куда стремятся окружающие дворец энергопоток. Почему на энергетическом плане сейчас творилось настоящее безумие, более всего напоминающее гигантский смерч, тянущийся к трем человеческим фигурам.

Они были похожи и совершенно не похожи друг на друга. Все трое высокие, широкоплечие, идеально сложенные. Первым стоял мужчина, достаточно было посмотреть на которого, как твоя кожа начинала сковываться неизвестно откуда возникающим холодом. Словно душу внутри вымораживало от одного взгляда его серебристо-

серых глаз. По широким плечам рассыпались белоснежные волосы, что были собраны лишь по бокам и заколоты сзади, открывая взору безупречный мужественный профиль. Кожа на лице северянина была чуть покрасневшей, от непривычно яркого солнца Аира, но в то же время это ничуть не портило его. Скорее наоборот, давало понять, что это не статуя из белоснежного мрамора, а живой... человек ли? Я не могла сказать, красив ли он, слишком чужда нашим краям была эта странная, холодная и идеальная внешность. Но та невообразимая мощь энергии, что пронизывала тело незнакомца, заставляла меня восхищенно задерживать дыхание.

Следующим был мужчина с волосами воронова крыла и кошачьими зелеными глазами. Он смотрел на Императора Солнца с толикой снисхождения и непонятными мне искорками в глазах, которые из всех известных мне выражений эмоций я смогла бы определить как насмешливые. Мужчина был чуть выше первого, чуть шире в плечах, а то, что происходило вокруг него на энергетическом плане, было если не столь же впечатляющим, то куда гораздо более превосходящим по мощи и силе.

Последним в тройке незнакомцев был мужчина чуть ниже ростом, чем его компаньоны. С огненно-рыжей копной волнистых волос, собранных в не слишком аккуратный хвост. Он был старше двух предыдущих, взгляд его был жестче и расчетливей, казалось, он видит каждого из присутствующих насквозь. Правда, по силе, я бы сказала, что он самый слабый из этой группы. Но стоило взглянуть ему в глаза, как сомнений не оставалось даже у меня: часто не от силы противника зависит исход битвы. А тот ум, что читался в его водянисто-голубых глазах, заставлял опасаться и уважать его.

Сейчас эти трое мужчин обратили свои взгляды на меня. Они изучали не только мою внешность: было такое ощущение, что слой за слоем меня раздевают, осматривают снятое и отбрасывают в сторону, как ненужное. Имей моя сила такое же происхождение, как и у них, конечно, конспирация потеряла бы всякий смысл. Но что такое Тень? Я не человек, но рождена человеком. Иногда бывает так, что люди в наших краях рождаются такими, как я. Существо, принадлежащее двум мирам. Мы рождаемся, как обычные дети, с нормальной физической оболочкой, но идут годы, и где-то к трем годам она начинает истощаться, выпуская на поверхность энергетическую суть.

Такие дети не выносят общества других людей, им больно находиться на солнце, они не могут питаться так, как делают это люди. Иметь такого ребенка – это страшно, не только потому, что его непременно найдут и заберут монахи Дао Хэ, но и потому, что никто о нем более никогда и не вспомнит после этого. Пара, родившая Тень, не сможет более иметь детей, да и проживет, скорее всего, не долго. А ребенок, оказавшись за стенами монастыря, будет вынужден носить специальный сухэйли, которому под силу удержать энергию в физическом теле, не дать раствориться в окружающем мире, оставляя после себя лишь пустую оболочку. Когда Тень формируется полностью, то это уже не человек, а существо иного порядка. Мы можем покидать физическое тело, когда это необходимо, а можем забирать его с собой, уходя в параллельные миры. Мы не бессмертны, но и не смертны, живем столько, сколько считаем нужным, уходим без сожалений, оставляя тело, от которого нет более проку. Разве можно поймать тень? А убить? Нет, тень всегда ускользнет, не оставив и следа. В Аире о нас рассказывают сказки, приписывая... да чего только ни приписывая! Но правда в том, что мы просто другие. Мы не такие, как те, кто сейчас стоит передо мной, маги иной расы. Мне не нужны потоки, чтобы плести из них заклятья, я сама поток и заклятье. Я и есть энергия, волей жизни заключенная в физическое тело и наделенная индивидуальностью. Мы не цепляемся за физическое бессмертие, зная, что наш дух будет жить вечно, если захочет. Если выберет, то сможет переродиться или слиться с окружающей энергией, возвращаясь в родную колыбель. Мы не оплакиваем своих умерших, а радуемся за них. Ведь они выбрали свободу, продолжая уготованный им путь. Я знаю, что Сэ'Паи Тонг тоже готовится к тому, чтобы покинуть этот мир. Он понял, что здесь выполнил свое предназначение, научился всему тому, чему должен был, и теперь он позволил своему телу стареть. Забирать с собой физическую оболочку он не намерен. Когда он уйдет, я буду скучать, но я точно знаю, что разлука наша лишь временное обстоятельство.

– Ступай, Паи, стражник проводит тебя. Я желаю побеседовать с тобой этим вечером, – пока я была занята собственными мыслями, Император закончил мое представление гостям и собственной свите, обозначив мое положение как личного слуги принцессы. Император также упомянул слово «защитник», на что темноволосый северянин

выразительно хмыкнул, едва не позволив себе засмеяться над этим, как над хорошей шуткой.

В общем и целом Император уделил мне чуть более пяти минут. Конечно, учитывая то, что я была обычным слугой, это даже много. Но если принимать во внимание тот факт, что я вхожу в состав первого круга принцессы, то есть являюсь человеком, которому Император доверяет безопасность своей дочери, – это было нормальным. Конечно, первый круг оказался неоправданно широк, включая в себя несколько служанок и два десятка таких же выпускников Ю Хэ, которых Император точно так же поочередно представил своим гостям. Мне такое положение было только на руку. Легче затеряться среди остальных.

Стражник проводил меня на другой конец дворца, туда, где селили слуг и прочий обслуживающий персонал. Мне выделили отдельную комнатку, по размерам не сильно превосходящую ту, в которой я жила в Дао Хэ. Обстановка была аскетичной, но для меня все же шикарной. В комнате была кровать с мягким матрасом, который я тут же свернула и убрала в небольшой шкаф в углу. Слишком трудно мне было спать на подобном, непривычно и неудобно. Мой тюк с вещами легко уместился бы в небольшую тумбочку, что сиротливо стояла рядом с кроватью. Также в комнате был небольшой столик, за которым можно было бы кушать, зеркало (!) и шкаф. Стены были выкрашены в нежно-голубой цвет. А еще в этой небольшой комнате было довольно широкое окно, сквозь которое беспрепятственно проникало полуденное солнце, отчего воздух в помещении был спертым и сильно нагретым.

Первым делом я распахнула окно и сделала глубокий вдох. Прямо за окном раскинулся дивной красоты сад. Тот сад, который было принято прятать от посторонних глаз. Но сейчас мне было абсолютно все равно, какие тайны скрывает императорская семья. Я сильно устала, не столько от дороги, сколько от избытка впечатлений, смены мест. Все, к чему я так привыкла, сейчас было недостижимо далеко.

За окном умиротворяюще пели птицы, а легкий ветерок то и дело шелестел листвой деревьев. Солнце приятно ласкало кожу, а мне вдруг отчаянно захотелось просто прилечь и закрыть глаза, растворяясь в царившем вокруг покое и умиротворении.

Проснувшись я от негромкого стука в дверь. Испуганно подскочила и уже через несколько секунд открыла ее.

– Паи, – в дверь стучал совсем молодой стражник, тот же самый, что провожал меня сюда. – Император желает говорить с тобой. Следуй за мной, – все это было сказано с такой бесцветной, неживой интонацией, которая не ждала от меня никакой иной реакции, кроме как немедленного подчинения.

И вновь мы шли по извилистым коридорам дворца Императора Солнца, и вновь на нашем пути встречались разряженные в разноцветные кимоно вельможи, их спутницы и собачки. И было это так невообразимо уныло и однообразно, что мне невольно стало жаль этих людей, вынужденных изо дня в день следовать своим замысловатым ритуалам, теша себя мыслями о том, насколько все это важно. Кто бы знал, какими смешными и глупыми были они в моих глазах! Так короток их век, столь мимолетна жизнь – все равно что бабочка крыльями взмахнет и улетит. А они из года в год вот так вот ходят по коридорам мнимой власти, тренируясь в злословии и нечестивых помыслах.

Занятая собственными мыслями, я и не заметила, как мы дошли до нужной двери. Стражник остановился и коротко постучал.

– Войдите, – раздалось изнутри, после чего страж отворил дверь, пропуская меня внутрь, а сам оставаясь снаружи.

Император сидел за широким столом, рядом с ним лежало множество свитков из темной бумаги. Он не пытался изобразить занятость или выглядеть высокомерным, как и я в свою очередь не собиралась вести себя как воспитанник Ю Хэ.

– Здравствуй, – поздоровалась я, подходя ближе к Императору.

Сам мужчина лишь остро посмотрел на меня, после чего встал и коротко кивнул.

– Я должен объясниться, почему был вынужден принять вас подобным образом, – удивительно, как изменился этот человек с нашей последней встречи. Император словно бы понимал, что своими масками ему не обмануть такую, как я. Ни к чему играть, стараться, притворяться – если хочешь помощи, то будь вежлив и учтив, а самое главное, не пытайся лгать.

– Ни к чему, это было здоровое решение, – говорить было все еще трудно, но с этим человеком – нужно. – Но ты должен понимать, что просто так Дао Хэ не окажет тебе поддержки. Расскажи, что заставило тебя искать ее у нас?

Император тягостно вздохнул, плечи его поникли, словно на них разом водрузили непосильную ношу, он вновь опустился на свой стул. Сейчас его голова была не покрыта, и я могла видеть, сколько седых волос просвечивает сквозь некогда черные волосы. Он был стар, хоть и умело прятал свой возраст за властной осанкой и манерой вести себя. Но сейчас он был просто уставшим пожилым человеком, которому приходится искать помощь там, где он может ее и не получить.

– Присядь, прошу, так мне легче будет говорить, – сказал он, указывая на небольшой табурет напротив своего стола.

Я не стала спорить и послушно села.

– Когда я взошел на престол Империи Солнца, – начал свой рассказ Император, вперив пустой взгляд в стену напротив, – я был совсем еще мальчишкой. Мой отец умер рано, других наследников по прямой линии не было, а я был молод, амбициозен, честолюбив и испытывал лишь одно желание, которое кружило мне голову и заставляло сердце стучать чаще, – я хотел власти, – усмехнулся он, рукой оглаживая жидкие усы. – Казалось, я именно тот человек, которому суждено вернуть былое могущество Империи, – хмыкнул он. – Порой прошлое должно оставаться в прошлом, жаль, что понимаешь это не сразу... Еще будучи ребенком, я читал древние хроники, где говорилось о землях, что покрывает лед. О несметных богатствах, что они хранят, и о том, как возвысится тот, кто сумеет подчинить себе их. Конечно, в детстве это было всего лишь мечтой, покорить север, обогатить собственные земли, но с годами моя мечта превращалась в навязчивую идею. Самое смешное, у меня было множество единомышленников, которым идея о том, чтобы вернуть былое могущество показалась весьма заманчивой. Я собрал хорошую армию, вложил в нее все, что у меня было и чего не было, но мне казалось, оно того стоит. Поход обещал быть долгим и трудным, но и награда вырисовывалась весьма заманчивая. В те времена о Властителях льдов ничего не знали, не знал и я... мы все считали Север необитаемым. Добравшись до Золотого моря, мы пересели на корабли. Целый флот был построен мной для этого похода. Новые быстроходные суда должны были доставить нас в северные земли в кратчайшие сроки, и ничто не предвещало беды, – тяжело вздохнул Император, погружаясь в омут давно минувших дней. – Но за ошибки надо платить, не так ли? – вопросительно посмотрел он на меня. А в

глазах этого человека плескалась безбрежная тоска и печаль, которая, должно быть, давно осела тяжким грузом на сердце и сейчас, взбаламученная тяжелым разговором, поднималась со дна души.

– Любое решение это выбор, у которого непременно будут последствия, – тихо сказала я, неотрывно смотря на него.

– Да, Дэй, это так, – впервые Император обратился ко мне по имени. Сейчас мы разговаривали как равные или же, что вернее, как разные существа, наделенные определенной степенью могущества, позволяющей им вести беседу наравне. – Но моя ошибка стоила жизни доброй половины моего войска, друзей, тех, кто не побоялся идти за мной.

– Мы не слышали об этом, – говорю, отвечая за весь Дао Хэ. Чувствую, как Сэ'Паи Тонг следит за беседой моими глазами, подтверждая мою правоту. То, что учитель делит свой разум с моим, не вызывает отторжения. Многие люди считают мысли сокровенной собственностью, принадлежащей только им. У нас все немного не так. Я и Сэ'Паи близки по духу. Когда он возвращал мою Тень, то долгое время ему приходилось соединять свой разум с моим, обучение так проходило быстрее и проще. И отношение даосцев к подобному не такое, как у других. Когда сливаются два чистых разума, которые не стараются взрастить в душе темные начала, то это подобно слиянию двух миров. Ощущения такие, что ты един – и в то же время тебя столько, что и Вселенной мало. Люди любят дарить друг другу физическую ласку, даосцы не отвергают подобного тоже, но когда сливаются сознания – это подобно дружеским объятиям. В этом нет ничего пошлого или оскорбительного, если все происходит по согласию. Но, конечно, не со всеми Тенями мы делаем подобное, только с теми, к кому чувствуем определенную степень родства. Да и по большому счету в этом нет особенной необходимости. Мыслеречь всегда правдива, а если кто-то из нас обманул другого вслух, то это не страшно, значит, ему так было легче и нужнее. Иногда и мы обманываем друг друга, но делается это немного из других побуждений, чем это происходит у людей. Даосцы лгут тогда, когда хотят, чтобы ты сам понял истину, научился искать и думать самостоятельно. Потому, когда занимаешься с Сэ'Паи, лгут тебе практически ежедневно с убеждением и талантом.

В мире людей ко лжи мы относимся еще проще, тут главное не навредить, не делать это ради корысти и всегда думать о последствиях. Но по большому счету врем много, одухотворенно и талантливо. Потому как, если узнают, кто ты такой, то уже на следующий день выстроится очередь за благословением, лечением, просто посмотреть и прочее. Не то чтобы мы не помогали окружающим – просто предпочитали это делать так, чтобы человек сам пришел к правильному пути. Нет ничего хорошего, когда нищему кладут в руку деньги и говорят: «Купи все, что нужно!» Возможно, он и купит, но уже на следующий день пойдет просить милостыню вновь. Разве это помощь? Редко когда бывает, что так. Человек сам должен захотеть что-то изменить, и никто, никакие деньги, не сделают это за него.

Но что-то я отвлеклась.

– А никто не знает потому, что ни для кого ничего и не было, – говорит Император, я непонимающе смотрю на него. – Стоило нам ступить на Северные берега, разбить лагерь, как пришли Они. Если бы я знал, чем это обернется, то ни за что не отдал приказ атаковать. Но я был молод, излишне горяч и чужаков воспринял как тех, кто решил встать на пути у Императора Солнца, – и вот еще один тяжелый вздох вырывается из груди Императора. – Боя не было, – коротко говорит он. – Половина моих воинов упали замертво, стоило чужакам взмахнуть рукой. Вторая половина, испуганно замерев, были готовы бежать хоть вплавь. Я почувствовал, как у меня на шее смыкается стальное кольцо, не дающее сделать и вдоха!

Император ненадолго замолчал, смотря куда-то вдаль. Я тоже молчала, стараясь не мешать его сосредоточению.

– Я умирал, – в полнейшей тишине сказал он. – Когда я был молодым, мне казалось, что умирать не страшно. А умереть в бою – это честь, но смерть есть смерть, будь ты молод или стар – это всегда страшно, грязно и уродливо. Звериный страх наполнил меня, и вот, когда я уже с трудом мог понимать, что происходит, кольцо на моей шее исчезло. С трудом откашлявшись, я смог разлепить опухшие веки и увидеть, как надо мной возвышается Он – северянин. Гордый и непреклонный, пронизанный неведомой мне мощью, его белоснежные волосы развевались на стылом ветру, а глаза смотрели так, словно в них давно застыла вечная вьюга.

– Что ты сделал, скажи мне? – спросила я, заметив, как вновь мысли Императора уносятся куда-то в далекое прошлое.

– Я, – тяжело сглотнул он, – отдал им свое не рожденное дитя, – сказал, закрывая глаза широкими ладонями. – Тогда это казалось правильным! Они вернули к жизни моих людей и позволили уйти в обмен на то, что, когда у меня будет дочь и она достигнет зрелости, я отдам одному из них ее в жены! Так было правильно, тогда мысль о мифическом ребенке совершенно не трогала меня и...

– И они не дали тебе умереть, – без толики осуждения сказала я.

– Я, я...

– Не оправдывайся и не грызи себе душу прошлым, что было, того уже не будет, и изменить ничего нельзя.

Император как-то странно посмотрел на меня и кивнул головой.

– Ты так молод, а говоришь, как мудрец... – себе под нос пробормотал мужчина.

– Возраст для даосцев понятие несуществующее, – сказала так, чтобы Император сам додумал то, что имела в виду. Ни к чему ему знать мой настоящий возраст, пусть думает, что я стара, так ему будет проще. Люди отчего-то наивно полагают, что старик, проживший как беспутный пьянчужка или гуляка, на порядок умнее молодого человека, старающегося развивать себя. Глупость какая, много ли надо ума, чтобы ежедневно хорошо питаться и более-менее следить за здоровьем, чтобы дожить до благородных седин?

Император кивнул в знак согласия и продолжил.

– Моя первая жена умерла в родах, подарив мне сына, – сказал он. – Не скажу, что горевал по ней, мы не любили друг друга. Но то, что родился сын, очень обрадовало меня. Потом был еще один брак – и снова сын, затем еще один, и, когда я уже и думать забыл о данном слове, у меня родилась дочь... Я долго уговаривал себя не привязываться к ней, а в результате люблю больше, чем любого из моих детей, и... я не могу ни нарушить слова, ни отпустить ее одну. И в то же время брак будет династическим, а, стало быть, дети Иолы и северянина будут наследными принцами Империи Солнца. Не первой очереди, конечно, но что им стоит подвинуть эту очередь, если они умеют убивать и воскрешать армии взмахом руки?

«Ах вот оно что, – мысленно хмыкнула я. – Лживый поганец, на дочь-то тебе плевать, уж я-то вижу, как молчит твоя аура, когда

говоришь о ней, но вот стоило тебе начать думать о судьбе своей страны, и аж засветился весь!»

«Не суди его, Дайли, – возникает в мыслях голос Сэ’Паи Тонга. – Помни, у каждого свой путь. Пусть он плохой отец, но от него зависят жизни людей, что живут в Аире, и пока он неплохо справляется».

Не могу не признать правоту учителя и киваю нашим общим мыслям.

– Чего ты хочешь? – чуть жестче спрашиваю я, и от Императора не скрывается перемена в моем голосе. Он испуганно смотрит на меня, не решаясь продолжать разговор какое-то время. – Хочешь, чтобы Дао Хэ следил для тебя за северянами? Хочешь, чтобы Я, Тень, убила тех, кто решится стать тебе врагом? Этого хочешь? Так знай, Император Солнца, все, на что можешь ты рассчитывать, – это помощь твоей дочери и ее свите. Если я почувствую реальную опасность для Аира, которая будет несопоставима с убеждениями Дао Хэ, – я вмешаюсь. Но запомни, Император, – выплевываю это слово ему в лицо, – ты сам обратился к нам и должен был знать, что теперь от тебя ничего не будет зависеть. Не пытайся меня контролировать, – говорю я и позволяю Тени выглянуть из глубины моих глаз, – никогда не пытайся.

Император резко бледнеет и становится похожим на недавно умершего.

«Какая же ты, – возмущенно ворчит Сэ’Паи Тонг, – прямолинейная! Ничто тебя не исправит».

«Он по-другому не поймет. Да и сейчас-то не понял».

«Вижу. Но ты все равно отправишься в это путешествие», – немного грустно говорит он в ответ.

«Зачем? Нет ни единой причины помогать ему».

«Дело не в нем, а в тебе».

Вот и поговорили. Больше учитель ничего не скажет, и в подтверждение этого Сэ’Паи покидает мой разум.

– Мы приняли решение, – после несколько затянувшейся паузы говорю я. Император беспокойно всматривается в мое бесстрастное лицо, пытаюсь угадать ответ. – Я отправлюсь с твоей дочерью. – Он облегченно выдыхает. – Но постарайся не забыть о том, что я сказал тебе.

Император, о чем-то задумавшись, кивает, но я вижу, мои слова не достигают цели. Он все еще считает, что найдет способ

манипулировать мной.

– Позови принцессу и представь меня ей, – коротко бросаю я, борясь с желанием схватиться за горло, которое от такой продолжительной нагрузки начинает ощутимо побаливать.

– Как ты хочешь, чтобы я представил тебя своей дочери? – неожиданно спрашивает Император, поднимая правую руку у себя над головой и дергая один из многих шелковых шнурков, висящих там, опутывая дворец точно змеи. Это сигнальные нити, император выбирает нужный, дергает, и необходимая персона несется со всех ног под его ясные очи.

– Как и всем, но постарайся, чтобы она считала меня кем-то, кому можно доверять. Кем-то, кому ты доверяешь чуть больше, чем остальным.

Император лишь коротко кивает, и мы остаемся ждать, когда же придет та, из-за которой, собственно, весь переполох.

Через несколько долгих минут, которые проходят в абсолютной тишине, раздается короткий стук в дверь. Я тут же поднимаюсь на ноги и, едва не согнувшись до земли, замираю в раболепном поклоне. Император дает разрешение войти. Тяжелая дверь отворяется, и комнату заполняет густой, слишком тяжелый для маленького помещения запах жасмина. Он обволакивает все вокруг, и мне становится трудно дышать от его чрезмерной насыщенности. Легкий шелест шелкового кимоно принцессы касается слуха, стоит ей сделать первый шаг в кабинете отца. Она ступает неспешно, маленькими шажками. Все, что я могу разглядеть, это ее миниатюрные ступни, обутые в замысловатые туфельки на высокой платформе, которые при каждом шаге выглядывают из-под подола дорогого, расшитого нежно-розового с золотым кимоно.

– Да пребудет с вами Солнце, отец, – говорит так тихо, что приходится прислушиваться.

Император оставляет ее реплику без ответа и тут же переходит к сути вопроса.

– Дочь моя, завтра ты отправляешься в долгий путь, – пафосно начинает изрекать он, – и я хотел бы, чтобы твое путешествие обернулось счастьем для тебя.

Принцесса никак не реагирует на слова отца, оставаясь молчаливой.

– Позади тебя лучший ученик Ю Хэ. Его имя Дэй Ли, и я желаю, чтобы он стал для тебя опорой в странствии.

Как-то не так я воображала себе это представление принцессе. Уж слишком официальные речи Императора.

– Да будет воля ваша, отец, – отвечает она.

– Я считаю, ты должна поговорить со своим стражем перед поездкой, потому ступай и возьми его с собой.

Принцесса молча начинает пятиться к выходу, ни слова не говоря, она открывает дверь и исчезает за ней. Недолго думая, поворачиваюсь к Императору спиной и выхожу за ней.

Она и не думает ждать меня. Шагая невероятно маленькими шажками, ее хрупкая фигурка уже успела дойти до середины длинного коридора. Стараюсь прибавить шаг, чтобы догнать ее. И еще никак не могу понять, почему принцесса ходит по дворцу в одиночестве. Но разумно не пытаюсь ее об этом спрашивать.

Со спины Иола кажется очень хрупкой, ощущение такое, что она не человек, а фарфоровая статуэтка. Ее черные волосы убраны в сложную высокую прическу, в которую вставлены специальные спицы с длинными гирляндами из нежно-розовых цветков, идеально совпадающих по тону с ее кимоно, небольшой шлейф которого изящно ниспадает на пол. Она чуть горбится, как и положено воспитанной женщине, но такой наклон ее головы весьма удачно открывает вид на тонкую шею. Мы молча доходим до покоев, которые, судя по всему, принадлежат именно ей. У тяжелых дверей стоят двое стражников сурового вида, но стоит им заметить приближающуюся фигурку принцессы, как они тут же разводят створки дверей и глубоко кланяются. Мы проходим внутрь, и двери за нашими спинами закрываются, только тут я понимаю, что это не совсем ее личная комната, скорее – это жилая зона. Мы оказываемся в широком коридоре, стены которого украшены изящной росписью, и из него есть еще несколько ответвлений. В углах стоят довольно высокие вазы, расписанные лучшими мастерами Империи и сделанные из невероятно дорогого фарфора. Иола, стоит за нами закрыться дверям, протягивает руку к одной из стоящих ваз, ее тонкая белоснежная кисть появляется из широких рукавов кимоно и аккуратно берет вазу за горлышко. Я честно пытаюсь понять, что она делает, но не берусь начать с ней разговор, как и пристало слуге. Я вижу, как ритмично вспыхивает ее

аура огнями холодной ярости. Но по внешнему виду и подумать такого нельзя.

– Аааааааааааааааа!!! – неожиданно визжит она, а огромная, в половину моего роста ваза летит в противоположную стену.

Честно сказать, хоть я и понимала, что эта девушка находится в крайней степени озверения, все равно не ждала от нее ничего подобного. Даже подпрыгнула на месте от неожиданности!

Ваза разлетается вдребезги, стоит ей лишь коснуться стены. Тем временем покои принцессы оглашает еще один вопль, и еще одна ваза отправляется в свободный полет. На возникший шум из глубины ее личных покоев уже несутся около десятка молоденьких девушек. Стоит им оказаться в коридоре, как Иола весьма эффектно падает на колени и начинает не то что плакать – нет, в моем понимании она орет, чередуя эти вопли с похрюкиванием и визгом.

– Ненавижу! – кричит она. – Как же я его ненавижу! Чтоб он сдох, скотина! Чтоб он сдох! – и если раньше голосок у нее был едва слышным, тонким, то сейчас это не голос, а рык.

– Ну что вы, что вы, – заботливо начинает причитать одна из девушек, кидаясь помогать принцессе подняться, – успокойтесь.

На это вполне невинное «успокойтесь» девушка получает звонкую оплеуху, а несколько следов от ногтей Иолы раскрашивают щеку служанки багровыми полосами.

– Не смей ко мне прикасаться, Туи! Пошла вон!

Служанка робко отшатывается, стараясь сохранить лицо и не прикоснуться к пострадавшей щеке. Я же не совсем понимаю, что делать мне? Потому решаю стоять и не вмешиваться. В конце концов, сейчас я всего лишь раб и слуга – пока не спросят, должен молчать. В этот момент Иола замечает меня, застывшую каменным изваянием у стены. Лицо ее, которое я вижу впервые, оказывается весьма красивым по канонам Каишим. Идеальный овал лица, маленькие губки бантиком и очень узкий разрез глаз. В Аире считается, что чем уже глаза женщины, тем меньше вероятность того, что мужчину смогут «захватить демоны, живущие на их глубине». Уж не знаю, что сие значит, но сейчас на меня всю смотрели эти самые «демоны», а маленькие пухлые губки искривила злая усмешка.

– Ты-ыы, – шипит она, опираясь о пол руками и начиная вставать. Я чувствую себя так, словно принцесса нашла виновника всех своих

бед в моем лице. – Он ведь не охранять тебя меня назначил, – уже почти встав на ноги, говорит она, продолжая скалиться. – А следить за мной! – как-то сразу переходит с шепота на визг она. – Так следи и передай мои слова! А хотя... – задумчиво бормочет она. – Стража! – в этот же момент двери покоев принцессы распахиваются, и в проеме возникают двое стражников. Принцесса в то же время начинает рыдать и обличительно указывает на меня пальцем. – Смотрите, смотрите, что он сделал с моими вазами! Он убить меня хочет!

Сказать, что я на какой-то момент просто выпала из реальности – это не сказать ничего! Я, Тень Дао Хэ, оказалась совершенно не готова к подобному! Как такое в принципе возможно, и что за зверь живет внутри этой милой головки, готовый отдать человека на растерзание просто так?! Лишь потому, что у нее проблемы, должны страдать все вокруг! А в первую очередь те, кто не может за себя постоять. Я, то есть Дэй Ли, всего лишь Паи Ю Хэ, за такое обвинение собственность не будут судить, ее всего лишь четвертуют, а голову насадят на кол, в назидание остальным поместив на центральной площади, пока вонять не начнет.

Стража срывается с места в тот же миг, как обличительная речь Июлы обрывается. Я наблюдаю за ситуацией как бы со стороны и в то же время понимаю, что могут и не ждать палача, так прирежут. Вот оба стражника обнажили внушительные мечи и стремительно начинают атаку. Ухожу с линии атаки первого, ныряю под руку второму и бью ребром ладони по шее. Стражник падает словно подкошенный. Но удар не страшный, всего лишь сознание потерял. Второй стражник принцессы стремительно оборачивается и начинает делать замах для удара, который, несомненно, рассек бы мне грудную клетку, будь я медлительнее. Потому, чуть подгибая колени, делаю стремительный рывок вверх и бью раскрытой ладонью по горлу. Удар четкий, выверенный, кадык не сломан, но страж тем не менее теряет сознание. Бой закончен, не успев начаться. Все живы, принцесса смотрит на меня с широко, если такое в принципе возможно, распахнутыми глазами.

– Ты... – испуганно шепчет, начиная пятиться назад от меня.

– В вашем возрасте должно вести себя по-взрослому, – холодно говорю ей, не двигаясь с места. – Ваши опрометчивые решения могут обернуться против вас же. Завтра нам предстоит отправиться в долгий

и трудный путь, так что лучше займитесь сборами. Доброго вам вечера, госпожа, – поклонившись, как того требует этикет, я уйду, не дожидаясь ее дозволения. В конце концов, это приемлемо, если она решила, что буду соглядатаем ее отца, стало быть, и подчиняюсь ему. Так даже лучше, не придется, как дура, за ней везде таскаться, кланяться и подчиняться. А значит, впереди дальняя дорога, свобода или почти свобода, и куча времени, которое не придется тратить на подношение тапочек.

Свою комнату я нашла быстро. Затем закрыла дверь на ключ, разделась, освобождая тело от неприятной одежды, слишком тугой в некоторых местах. Затем надела свободную рубашку и штаны и остаток вечера провела в тренировках. Негоже давать поблажку себе. В конце концов я совершенно отстранилась от окружающего мира, когда мой покой нарушил неприятный дробный стук в дверь. Сперва я даже подумала, что это Йола все же решила исполнить свою угрозу и натравить на меня стражу. Но все оказалось куда проще. На пороге стоял невысокого роста мужчина, представивший себя как главного по хозяйственной части, и вручил мне огромных размеров тюк. После чего развернулся и ушел, ничего не объясняя.

Перехватив тюк поудобнее, донесла его до кровати и аккуратно водрузила на нее. Затем развязала тугие узлы ткани и... лучше бы я этого не делала. На кровати образовался настоящий ворох из шкур животных, сшитых в различного вида и размера одежду. Сперва почувствовала, что меня опять начинает мутить. Ощущение усилилось, когда представила, что надеваю что-то из предложенного барахла на тело. Неосторожно коснулась кончиками пальцев кроличьей шкурки, что оказалась на самом верху.

Ощущения нахлынули, закружив в водовороте чужого страха, когда это животное держали подвешенным за ноги, чтобы освежевать, и невыносимой боли оттого, как проходит острый железный штырь через нос прямо в мозг. Я знала, что примерно так будет, но не успела закрыться от потока чужих ощущений, что запечатлел на себе мех. Каждый предмет носит в себе информацию, историю своего существования. Даосцы ее очень хорошо чувствуют, потому без нужды к подобным вещам не прикасаются. С трудом оторвав руку от того, что по определению должно было бы стать моей одеждой в северных землях, я тяжело опустилась на пол. Вот и приплыли. Что теперь

делать? Конечно, я могу управлять температурой собственного тела так, что холод будет переноситься легче. Но как это проделать на глазах у всех? Невозможно. Все время закрываться от окружающего мира, все равно что ослепнуть. И какой от меня будет тогда прок?

Руки все еще трясло от испытанного напряжения. Но надо было действовать, пока было время и уединенное место. Тяжело поднявшись на ноги, я тут же закрыла все свои ощущения и начала перебирать ворох меховой одежды, что оставил мне местный хозяйственник. Подходящими оказались детские штаны из теплого меха, небольшой лисий полушубок с глубоким капюшоном и также детские сапоги мехом наружу и на плоской подошве. Оставшиеся вещи тут же сгрузила в тюк и выкинула за дверь. Еще не хватало терпеть это рядом с собой! Раскрыла свой нехитрый скарб и выложила оттуда небольшое железное блюдечко на тонкой ножке и три кусочка прессованных трав, которые мы в Дао Хэ обычно поджигаем, когда ведутся молебные службы. Я уже говорила, даосцы не поклоняются каким бы то ни было богам, но тем не менее мы часто молимся, вознося наши просьбы и желания к тому Бессознательному Я, которое считаем естественным продолжением души. Тому, кто может помочь себе самому, если правильно попросить. Иногда мы сливаемся с энергией мира и уже тогда туда возносим свои мольбы всему существу. Если в двух словах, то это и есть наш Бог.

Вот и сейчас, смотря, как начинают дымиться маленькие кусочки трав, а по комнате распространяется немного терпкий, но приятный запах благовоний, я собиралась молиться. Конечно, не просто просить о чем-то, я хотела очистить предложенную одежду, очистить смерть, которая впиталась в каждую ворсинку, каждый сантиметр этих изделий. А вот теперь представьте, что происходит с Тенями, которым приходится отнять чужую жизнь? Страшнее предназначения нет.

Я уснула с первыми лучами солнца. Да и как уснула, так, задремала ненадолго. Но главного добились. Теперь, хоть и с трудом, я смогу это надеть. Ранним утром в дверь моей комнаты постучали. К тому времени я была уже полностью одета, собрана и сидела на кровати в ожидании того, когда за мной придут. Не то чтобы я была такой важной особой, что не могла самостоятельно выйти во двор. Но традиции, здесь царили они. Весь отряд должен был собрать глава группы, тем самым показывая, что готов нести ответственность за

каждого из нас. Вот и сидела я в ожидании своего покровителя, которым оказался мужчина лет сорока. Его кожа была смугла, а в уголках глаз уже начинали появляться первые морщинки. Меня этот человек сразу к себе расположил, хотя внешне он был несколько страшноват из-за шрама, что глубоким рубцом пересекал лицо, энергетика у него была приятной. Это было главным.

– Паи Дэй Ли? – вопросительно сказал он. Я кивнула.

– Капитан отряда Сэй Лум, – представился он и кивком головы приказал следовать за ним.

Мы вдвоем вышли во внутренний двор, в котором бурлила деятельность, несмотря на ранний час. Повсюду слонялся разномастный люд, кто-то что-то кричал, раздавая указания и не стесняясь в выражениях, некоторые на огромной скорости пробежали мимо нас, при этом таща в руках огромные мешки с провизией или вещами. Как всегда, в самый последний момент выяснялось, что чего-то не упаковали, что-то потеряли или просто забыли. Гомон стоял невыносимый.

Капитан отвел меня к противоположной стене, где уже было человек десять из сопровождающего отряда. Все мужчины походили друг на друга, как братья-близнецы. И дело тут было не только в одинаковой форме, которую полагалось носить всем сопровождающим принцессы, но и во внешности. Казалось, Император лично подбирал одинаково сложенных мужчин с похожими чертами лица. Все высокие, как на подбор... и с ними карлик, то есть я. На нас на всех были надеты плотные черные штаны, свободного покроя, которые заправлялись в простые сандалии из пеньки, утепленные тканью. Такие же простые куртки, поверх которых надевался кожаный доспех. Единственным, кто его не надел, была я. У солдат за спиной была пара клинков, у кого-то большие луки и колчаны со стрелами, а на головах кожаные шлемы. Я же стояла в простой шапочке на голове и с шестом за спиной. Если подумать, смотрелась жалко, но, с другой стороны, ничто не отягощало мое путешествие. Все вещи были упакованы и сданы в общую повозку.

По сути дела, проводы невесты были постановочным спектаклем для народа, основное действие, красивое и идеально выверенное, должно было начаться за главными воротами. Сейчас же я наблюдала истинную изнанку праздника, когда все вокруг суетятся, ругаются,

орут друг на друга. При этом главные действующие лица, а именно принцесса, ее близкая свита, маги в количестве трех умудренных опытом мужей и заморские гости, должны были появиться, лишь когда наш обоз будет полностью укомплектован и готов выступать.

Кстати говоря, маги или, как их еще называли, колдуны были не совсем магами в общепринятом понятии. Колдунов среди людей такой мощи, как, например, северяне, нет и никогда не было. В Аире колдун означает примерно то же самое, что и мудрец. Это были люди, наделенные определенной степенью интуиции и минимальными способностями к творению заклятий или врачеванию. В нашей группе был один врачеватель, один ясновидец, хотя я сильно сомневалась, что он действительно что-то там может предвидеть, учитывая, что для предсказаний этот мужичок швырял на стол горсть какой-то дребедени, состоящей из костей, перьев, разноцветных бусинок и еще чего-то неопределимого. После смотрел на все это безобразие и так и этак, а потом изрекал какое-то весьма расплывчатое предсказание, чтобы понять которое, нужно было иметь весьма развитое воображение и ум. Но это никак не мешало людям выстраиваться в огромные очереди на прием к такому вот специалисту. И последним в тройке колдунов был заклинатель. Да-да, именно заклинатель. Мужчине было глубоко за пятьдесят, смотрелся он со стороны как дедушка-цветочек, но аирцы искренне верили, что этот мужчина способен творить заклятья. Я бы сказала немного иначе. Мужчина обладал действительно мощной энергетикой, что было большой редкостью среди людей. Он был способен «навести порчу», как говорили в народе, силой мысли, призвать ветер или дождь ценой невероятных усилий. Вот, собственно, и все. Ну, может, еще какие-то мелкие фокусы, не более. Но для каждого аирца эти люди были подобны богам. Их почитали, уважали и с принцессой отпускали лишь до свадьбы последней в качестве мудрых советников и попечителей.

Тем временем обоз был полностью укомплектован. Грузенные приданым, провиантом, различной снедью телеги были поставлены у противоположной стены в ожидании своего часа. Тяжелые лошади, специально выведенные для перевозки грузов на дальние расстояния, нетерпеливо похрапывая, были полностью готовы к дальней дороге. Возницы занимали свои места на телегах, а шустрые конюхи тем

временем вели под уздцы жеребцов, что должны были нести на себе охрану принцессы.

«Ну наконец-то вменяемое средство передвижения», – с толикой облегчения подумала я. Каково же было мое удивление, когда самым последним из всех показался мой ушастый друг. А точнее сказать, одни уши и показались, да конюх, что пытался вытянуть животину из-за угла здания, чтобы подвести ко мне.

Нет, чуда не случилось, и осел оказался ослом, а не ушастой лошастью. Причем животное истошно орало, упиралось и напрочь отказывалось выходить на шумный двор.

Делать было нечего, пришлось идти самой забирать свое средство передвижения и успокаивать, пока мы не стали обузой для всего каравана. Под тихие смешки и насмешливые взгляды я подвела успокоившегося осла к стражникам, которые уже успели оседлать своих жеребцов и теперь строились в колонну по двое.

– Будешь замыкающим, – строго сказал Сэй Лум, взирая на меня сверху вниз.

Тяжело вздохнув, вынужденно согласилась. Очень надеюсь, что под впечатлениями толпа не станет обращать внимание на моего гордого скакуна и меня, восседающую на нем. Конечно, во всем виноват мой Сэ'Паи, ну и я тоже хороша. Забыла, что воины сами приобретают себе лошадей. И то, насколько хорошо животное, говорит о достоинствах воина, его положении и статусе. Хотя, с другой стороны, вполне закономерно то, что юный ученик смог наскрести себе лишь на пусть и молодого, но осла.

Телеги двинулись через запасные ворота и должны были присоединиться к нам уже за чертой Каишим, дабы не отяжелить процессию. Мы же выехали через те ворота, в которые я вчера пришла во дворец. Только двинулись не на выход, а к парадному крыльцу, возле которого уже столпилось внушительное количество людей. Конечно, все собравшиеся в пределах дворца были знатью. Толпа пестрела разнообразием шелковых кимоно, вееров, изысканных причесок и красочными гребнями в них. Каждый постарался надеть на себя все самое дорогое. Женщины, в знак скорби по принцессе, загоразивали свои лица разноцветными веерами, которые без конца теребили в руках, и те порхали, словно крылья диковинных бабочек, отчего вокруг стоял невероятный треск. Мужчины с непроницаемыми

лицами взирали то на нас, продвигающихся к крыльцу, то на Императора, что сиял на солнце, словно новенькая монетка, в своем золотом кимоно, восседая на уже виденной мною скамье. Окружение вокруг Императора было все тем же, разве что к тем троим северянам присоединились их спутники в полном вооружении. Даже я прониклась их статью и мечами, что были в половину моего роста.

«Такими, наверное, и сражаться не надо, главное – правильно уронить на соперника», – вяло пошутила сама с собой, стараясь призвать себя к спокойствию. Ведь, несмотря на все мои умения, я живая, из плоти и крови и мне тоже может быть страшно. Именно сейчас я со всей ясностью начала понимать, что покидаю родные края. Неизвестно, представится ли мне хоть еще раз в этой жизни возможность вдохнуть воздух гор, увидеть лицо Сэ'Паи Тонга, пройти по каменным плитам Дао Хэ. Мой единственный дом останется далеко на востоке Империи Солнца, я же... у меня нет волшебных костей, чтобы раскинуть их на дорожку и предсказать исход этого пути. Но есть надежда, что все самое интересное ждет меня впереди. Там, где вековые льды сковали землю, где снег бархатным одеялом стелется под ногами путников и где живет удивительный, неизвестный мне народ, узнать который мне очень хочется, но еще хотелось бы остаться в этом мире к исходу пути...

Тем временем на парадном крыльце появилось новое действующее лицо. Маленький мужичок, сгорбившийся под тяжестью прожитых лет, вышел и, встав перед толпой, заговорил:

Моя скорбь по тебе велика,
Твой лик затмил собой и Солнце, и Луну,
Ты ушла и Э'куры лепестки опали,
Без звезд небо над головой.

Всего четыре строчки, произнесенные мужчиной, привели к тому, что женская половина собравшихся замахала веерами сильнее и завывала на одной высокой ноте. Северяне как-то дружно поежились, зло сверкнули глазами на присутствующих женщин, но большего себе не позволили. В это время с противоположной стороны появились новые действующие лица. Десять девушек, наряженных в одинаковые

красные кимоно, со скорбными минами вышли на небольшую площадку перед крыльцом. Их лица покрывал густой слой белой краски, губы были нарисованы ярко-алой помадой, брови подведены черными карандашами так, что само выражение лиц несло на себе печать невыносимой скорби. Выйдя, они рассредоточились так, что образовали собой живой коридор, по которому не спеша шла сама Иола, облаченная в белоснежное траурное кимоно. Девушки осыпали ее следы нежно-розовыми лепестками Э'куры, при этом напевая какую-то древнюю обрядовую песню, больше всего напоминающую вой голодной собаки.

Иола сегодня была сама безупречность. Скромный, кроткий взгляд, чуть сутулая спина, ничего не выражающее лицо. Она словно плыла, едва касаясь земли своими причудливыми башмачками. Только вот, в отличие от присутствующих, я уже знала, что за зверь живет в душе у этой милой невесты. Ее волосы были убраны в высокую прическу, которую украшали цветы Э'куры и маленькие алые розы, словно капли крови на девственно-чистых лепестках. Думаю, нет нужды говорить, символом чего была эта комбинация цветов в ее волосах.

Принцесса прошла живой коридор, и тут же появились четверо бравых юношей, что несли на своих плечах небольшой закрытый белым шелком паланкин. Перед тем как сесть внутрь него, Иола обернулась и посмотрела на отца. Император словно ждал этого, тут же поднялся на ноги и, даже не взглянув на дочь, повернулся к ней спиной. Всё. Его дочь умерла для своей семьи и теперь принадлежит тому, кто в ближайшем будущем станет ее мужем. Иола так же чинно отвернулась от отца и забралась внутрь маленького шатра.

Что тут началось! Женщины взвыли с еще большей силой, мужчины застучали сложенными веерами, подняв их перед собой парами крест накрест. И ко всему этому многообразию звуков во все горло заорал мой осел! Народ воспринял это как знак, что все живое оплакивает принцессу, и, воодушевившись, продолжил безобразие с удвоенной силой. Тем временем северяне, чинно раскланявшись с Императором, заняли места на своих огромных лошадях и, возглавив процессию, двинулись к центральным воротам, за ними отправились носильщики, держащие на плечах паланкин с принцессой, затем размалеванные служанки, все еще кидающие лепестки вслед, стража,

возглавляемая Сэй Лум, и замыкала всю эту вереницу уже я – на истошно орущем осле.

За пределами дворца нас встречала толпа простого люда, но картина из-за этого принципиально не менялась. Все так же выли женщины, все столь же ритмично стучали своими веерами мужчины, разве что осел привык к шуму и перестал орать. Продвигались мы медленно, идти нужно было далеко, особенно было жалко девушек в туфельках на высокой платформе и узких кимоно, которым предстояло пройти весь этот путь пешком, неустанно осыпая улицы нежно-розовыми лепестками под завывания толпы. Но стоило нам через несколько часов от начала пути оказаться за Северными воротами Каишим, как к нам присоединились груженные обозы, и девушки перекочевали в одну накрытую тентом повозку, с ними же отправилась и принцесса. Маги, будучи достаточно преклонного возраста, тоже предпочли занять одну из повозок. Их лошади были расседланы и привязаны к их же повозке. Все это произошло достаточно быстро. Северяне, одобрительно кивнув на произведенную перестановку, остались во главе обоза, стражники стали замыкающими. Впереди нам предстояло долгое, мучительное путешествие через полстраны, потом необходимо было обойти по границе непроходимые джунгли Умира – страны с еще более жесткими порядками, чем в Аире, и находящейся в открытой конфронтации с нашим правительством. Но при этом первыми умирцы никогда не нападали ни на обозы, ни на простых путников. Правда, за границами следили очень бдительно. Затем нам нужно было сделать переход по нейтральным или кочевым землям прямо к Золотому морю, где нас должны были ждать северные корабли. С их помощью из моря пройти в открытый океан, а дальше уже и в земли северян. Одним словом, наш поход обещал быть долгим, так мне тогда казалось...

Мы следовали почти до самого вечера по изрядно опустевшему тракту. То, что сегодня по этой дороге будет двигаться свадебный караван принцессы, знал даже ленивый, и лишний раз препятствовать движению процессии не стал бы никто. И дело было тут даже не в том, что люди не хотели на это взглянуть или у них не было своих дел. Еще как были! Но была и примета: преградить дорогу умершему – а в Аире невеста и покойник имеют приблизительно один и тот же статус –

значит навлечь беды на весь свой род. Хорошая примета, позволяла ехать достаточно быстро и беспрепятственно, как это только возможно, имея груженный обоз на хвосте. И так будет до самых границ страны, в этом я была практически уверена. Любой аирец отложит самые срочные дела, лишь бы увериться в собственном благополучии.

Но дотемна ехать было просто невозможно, да и не нужно, собственно. Лучшие императорские умы задолго до предстоящей помолвки разрабатывали наш маршрут, рассчитывая скорость движения и прочее. Для нас уже были заготовлены места стоянки, а подъезд к ним пропустить было просто невозможно, так как это были ответвления от общего тракта с указателями. Помимо прочего император организовал специальные охранные посты на каждой из стоянок. Жаль только, эта благодать продлится ровно до границ Империи, а дальше уже не есть забота Императора.

Стоянку обустроили на широкой поляне посреди непролазного леса. Как я поняла из разговоров стражников, поляна была искусственно вырублена специально для этой ночевки. Не то чтобы торговые караваны ночевали прямо на тракте – конечно, у них были свои места для остановки, – но для принцессы папа решил расстараться в последний раз. И потом, не думаю, что все караваны просто истаяли с тракта, скорее всего, они будут пережидать нашу процессию не покидая стоянок. Как только кони были расседланы, возницы взялись за кормление и уход каждого животного, имеющегося в обозе. Даже осла уговорили отужинать под их присмотром, за что я была им невероятно благодарна. Хоть осел мог и сам найти пропитание в походных условиях, но последнее время он взялся везде ходить за мной словно привязанный. И это меня периодически раздражало. И так приходилось уходить как можно дальше, чтобы справить нужду, так еще и этот шел след в след сквозь непролазные дебри.

Наш отряд разделился на пять компаний, если можно так сказать. Северяне организовали свой ночлег поодаль от нас от всех, далее разместились три колдуна и их слуги, затем белым цветком раскинулся шатер принцессы, войти в который мог лишь Сэй Лум и женщины. Капитан был туда вхож, только если все десять служанок были внутри. Далее самым многочисленным лагерем встала стража и возницы, ну, и в стороне ото всех я. И как-то так получилось, что, вместо того чтобы

быть дальше от людей, я оказалась между стражниками и северянами. На резонный вопрос капитана, почему развожу отдельный костер, не задумываясь соврала, что держу обет и вынуждена питаться весьма скромно.

– Куда уж скромнее? – изумился капитан, выразительно поглядывая на закипающую похлебку в общем котле.

– Я поклялся не есть мяса, – складывая небольшой костерок, пробурчала я.

– О, – сочувственно протянул капитан. – Да услышат Боги твои молитвы, – сказал он, направляясь к остальным.

Капитан не стал спрашивать, в чем еще заключается мой обет, потому как это было бы, во-первых, неприлично, а во-вторых, ни один уважающий себя воин не рассказал бы об этом под страхом смерти. Ибо раз дал такое обещание Богам, значит, важнее ничего нет и быть не может.

За густыми зарослями умиротворяюще журчала лесная речка, где большинство уже разжилось водой и теперь стряпало то, что было возможно согласно положению и условиям. Я же нарочито ждала, пока каждый наберет воды, чтобы потом спокойно прогуляться до речушки.

Когда все расселись, каждый занимаясь своим делом, я поспешила к реке, прихватив с собой небольшой котелок и кое-какие туалетные принадлежности. Все же быть женщиной среди мужчин – это испытание не для слабых сердцем и нервами. Как выяснилось, мужчины не спешили ни мыться, ни приводить себя в порядок. Более того, некоторые без стеснения скидывали с ног обувь, что успела пропитаться весьма специфическим запахом пота, скрещивали «ароматные» ступни перед собой, ставили на них миску с едой и как ни в чем не бывало принимались за еду. Я сидела далеко, но даже до меня доходили эти «прекрасные» запахи. В Дао Хэ за такое я бы получила увесистой палкой по хребту. И Сэ'Паи Риу, что был у нас за повара, было бы абсолютно все равно, сколько километров я сегодня пробежала или сколько часов спарринговалась и какие травмы при этом получила.

«Садясь есть, проявляй уважение к себе и окружающим. Принимай пищу с благодарностью земле, что породила этот урожай, и не будь рабом своего тела, удовлетворяясь малым, осознавай, что этого более чем достаточно», – так нас учили, а тут дикость какая-то.

Особенно вспоминались слова моего Сэ'Паи Тонга: «Тело – это храм твоей души. Люби его, почитай и учись слушать, когда оно говорит с тобой».

Добраться до реки было несложно: хотя уже стемнело, но на небе появилась полная луна, бледный свет которой без труда проникал сквозь ветки деревьев.

Река была близко, хотя правильнее было бы назвать ее широким ручьем, который серебряной лентой огибал нашу стоянку полукругом. Я присела на самом краю пологого берега. Сперва набрала в котелок воды, затем постирала тряпки, в которые кутала ноги, после омыла ступни. Хотелось искупаться полностью, и я бы это сделала, не будь в отряде чужаков с севера, потому как вовсе не была уверена, что почувствую их приближение. Потому просто намочила припасенную тряпицу и протерла тело под одеждой. Какое же это блаженство: смыть дорожную пыль с уставшего тела. Затем сняла шапочку и распустила волосы, достала гребень и начала причесывать густые пряди. Я уже научилась заплетать сложную косу послушника Ю Хэ достаточно быстро, потому решила привести себя в порядок сейчас, когда было свободное время. Никто не знает, каким будет утро. Вот за этим занятием меня и нашли те, кого я так опасалась.

– El ist a fimme? Sie!^[4] – раздался громкий шепот со спины. Ну, конечно, не такой и громкий, но я расслышала хорошо, хотя человек бы не услышал. Потому спокойно закончила с расчесыванием и начала заплетать косу.

– Ne. Du sie biest^[5], – поучительным тоном произнес второй голос. – Comm^[6].

Шаги стали отчетливо слышны как раз тогда, когда я заканчивала заплетать косу. О чем эти двое перешептывались, я конечно же не поняла, но, по всей видимости, они решили подойти ко мне. А стало быть, самое время их заметить. Испуганно заозиравшись, шустро вскочила на ноги и сделала вид, что отчаянно всматриваюсь в темноту леса. Надеюсь, не перестаралась. Когда ветви ближайшего кустарника раздвинулись и на поляну вышли двое мужчин, то я даже как-то оробела. Одним из северян был тот, что называл моего осла зайцем, а вот второго я никак не ожидала увидеть здесь. Почему-то казалось, что ему не пристало лазать по лесу, да еще и ночью. Его белоснежные локоны отливали серебром в свете луны, а в глазах отражался

бесконечный лед севера. Даже кожа выглядела мерцающе-бледной сейчас. Черты лица, его осанка, манера держаться должны были говорить о благородном происхождении, в этом я была уверена. Он смотрел на меня совершенно серьезно, без толики приветливости или улыбки во взгляде. Зато его компаньон, казалось, веселился от души. Только уж, что его так смешило, понять я не могла, как ни старалась.

– Er herre lust zu mutten!^[7] – наконец захохотал мужик, обращаясь явно не ко мне.

– Revt en, er sims schwim ent kerste im^[8], – беловолосый с такой холодностью осмотрел меня с ног до головы, что я почувствовала себя последним ничтожеством в этом мире. Так неприятно никогда в жизни не было! – Er civil ess!^[9]

– Ya, civil but anfengsten ire^[10], – еще раз хохотнул второй.

– Ya, anfengsten ire sims. Ich hurre hurst warre has ei warre gut! Er sims cretin!^[11]

– Ya! – протяжно захохотал второй. – Sims familie gebst er fur langer bins acht! Sie? Ne qve sit er!^[12]

– Schlecht! Uns cretin habbe nicht!^[13] – мужчина с серебристыми волосами презрительно фыркнул и нарочито медленно заговорил со мной. Словно я от этого лучше понимала, чего он хочет. – Как тебя зовут, мальчик?

Какое-то время я молчала, отчаянно борясь с волнением, что неожиданно охватило меня. Голос этого мужчины заставлял меня нервничать по совершенно непонятным мне причинам. Затянувшаяся пауза, похоже, не добавила мне уважения в глазах северян. Потому как весельчак что-то быстро побормотал, а сереброволосый заметно нахмурился.

– Sims unne stin gabst nict^[14].

– Дэй Ли, – совладав с собственным волнением, наконец сказала я.

Мужчина, выразительно посмотрев на все еще посмеивающегося товарища, что-то ответил, прежде чем обратиться ко мне.

– If er richt ersend wir mus sage warum grette ser ire sutce aus?^[15]

– Скажи, Дэй Ли, – старательно выговаривая мое имя, начал произносить он, – почему все в Каишим так плакали, когда мы уезжали?

Я непонимающе посмотрела на мужчин. То, что было очевидным для любого аирца, оказалось загадкой для чужаков. А объяснять чужакам верования другой страны – это задача достаточно непростая.

– Sprehe list! Er sims not gid^[16].

На эту реплику блондин согласно кивнул и заговорил так, словно воды в рот набрал. Мужчина растягивал слова, распевая гласные звуки так, что я, учитывая акцент, вообще с трудом начала понимать, о чем он говорит.

– Коооогдаааа мыыыы ууууееееезжаааалииии, всееее плаааакаааалииии, поооочеееемуууу?

Вовремя решив, что дальше будет только хуже, решила попытаться объяснить, пока этот мужик не начал петь.

– Это такое поверье, – достаточно медленно, четко произнося каждый слог, заговорила я. – Аирцы верят, что в день свадьбы, а в данном случае в день помолвки, невеста умирает для своей семьи, чтобы переродиться в семье мужа.

– Barbarians^[17], – коротко прокомментировал мой ответ блондин, в то время как его товарищ разразился настоящей тирадой.

– Gratulire uns erce! Such Schreclich incem werde! Face igt lirde bee space as eye not lich! Red frogste uns habbe tols litte! Geeen gidde wind aus ins tjolle nid laddt!^[18]

– Shut!^[19] – так гневно рыкнул мужчина, что я невольно подпрыгнула. – Du sprehe un seine ire wife!^[20]

– Shut! Shut!^[21] – все еще посмеиваясь, замахал руками перед собой, кажется, Кельм – так его называли в день нашей первой встречи. Мужчина был похож на огромного рыжего исполина. Он был высок, широкоплеч, с зелеными озорными глазами и с совершенно детским, непосредственным лицом. Хотя если присмотреться к нему внимательнее, то вовсе и не непосредственность читалась в чертах его лица, а хитрость. Мужчина казался таким хамелеоном. То он смеется, словно ребенок, то смотрит, будто давно живущий на этом свете мудрец.

– Меееняя зооовуут Рик, – неожиданно представился серебряноволосый северянин, – а этооо Кельм, – указав рукой на товарища, кивнул он. – согласишься ли ты пояснить нам особенности вашей культуры...

– List! List!^[22] – неожиданно перебил Кельм своего товарища, когда я наконец начала более-менее его понимать.

Рик, словно забывшись, благодарно кивнул товарищу.

– Соооглааасииишьсяя лиии тыыы поооояясняаять...

Так, кажется, я начинаю понимать, в чем проблема. Должно быть, они считают, что, когда говорят в нормальном темпе, я плохо их понимаю.

– Говорите нормально, – перебила я певучую речь северянина, – я плохо понимаю, когда вы тянете слова.

Мужчина как-то растерянно замолчал и обвиняюще посмотрел на товарища. Кельм округлил глаза, помолчал несколько секунд, после чего разразился громоподобным смехом.

– Wist, keine cretin either!^[23] – все еще посмеиваясь, заключил он.

– Хорошо, Дэй Ли, – наконец-то Рик начал говорить с нормальной скоростью и интонацией, – нам просто казалось, что так тебе будет легче нас понимать.

– Почему? Я что, тупой? – как-то само вырвалось у меня.

Рыжий уже хохотал так, что ему приходилось утирать слезы в уголках глаз. Впервые вижу, чтобы человек был столь несдержан в эмоциях!

– Нет, я не имел этого в виду, – примирительно заговорил блондин. – Shut ire!^[24] – вновь обратился он ко все еще веселящемуся другу, прибавив в голос рычащих ноток. – Прости, но мы бы хотели попросить тебя разъяснить кое-какие вопросы, что будут возникать у нас относительно вашей культуры.

Странно, с чего бы им обращаться по такому поводу к юному паи? Не легче ли расспрашивать тех же колдунов-мудрецов? Они-то всяко лучше должны знать, разве не так?

– Конечно, я поясню, – все же согласилась я. Это был хороший повод для меня быть ближе к ним, запоминать новые слова, хоть как-то учить язык, на котором они говорят, и в то же время наблюдать за чужаками. – Спрашивайте, когда будет нужно, – стараясь изобразить непосредственность, я широко искривила рот, надеясь, что это будет похоже на улыбку.

– Oh, kolte myr dirte!^[25] – прокомментировал Кельм что-то на родном языке.

– Shut, – уже привычно огрызнулся Рик и легко улыбнулся мне в ответ. Улыбка у него была такой искренней, на миг показалось, что от нее может стать теплее на сердце. Почему так, интересно? Так мог улыбаться лишь Сэ’Паи Тонг, я называла эту улыбку «честной». В нее хотелось верить, в отличие от многих ужимок, которыми пользовались люди, чтобы обозначить свои чувства.

После того как я согласилась пояснять чужакам то, что будет для них непонятно, я поспешила покинуть ручей. Во-первых, уже начинало темнеть, а мне еще надо было сварить кашу для себя, а во-вторых, должно быть, северяне пришли к ручью по своим нуждам, а не для праздного разговора со мной. Потому, быстро извинившись и пожелав им спокойной ночи, я направилась к общей стоянке лагеря. Но стоило мне показаться, как ко мне тут же подошел Сэй Лум. Капитан не стал ходить вокруг да около, а прямо спросил то, что его так взволновало:

– Они говорили с тобой?

Пояснения мне были не нужны, мы оба понимали, о ком говорит капитан.

– Да, – коротко ответила я.

– Чего хотели?

– Спрашивали, почему все плакали, когда мы уезжали из города, – не видя смысла скрывать наш разговор, ответила я, при этом ставя котелок на огонь и насыпая в него крупу.

– И что ты им сказал? – очень серьезно поинтересовался он.

– Сказал, что такая традиция в Аире, а что? – Должно быть, капитан решил, что меня усиленно вербовали у ручья в ряды северян. Но это было даже забавно, учитывая, что если эти «люди» захотят узнать что-то секретное, то ни один человек не сможет устоять и не рассказать того, что будет нужно чужакам. Не считая меня, конечно. – И попросили разъяснить им то, что будет непонятно в наших обычаях, – добавила я через какое-то время.

Сэй Лум ненадолго задумался, кивнул собственным мыслям и снова заговорил:

– Вот что, раз уж они решили с тобой общаться, не отказывай, заодно будешь наблюдать за ними, а после рассказывать мне, что подметил. Идет?

Ну что тут скажешь? Конечно, капитан, как будет приказано. На том и порешили. Капитан оказался умным мужчиной, который в каждой случайности видел возможность. В данном случае, несмотря на то что Йола была сосватана за одного из северян, капитан все равно сомневался и желал знать больше о чужаках. Я его понимала, потому решила, что если сочту возможным поделиться информацией, то непременно поделюсь.

Когда моя каша была готова, я пересыпала содержимое котелка в миску и, взяв котелок, вновь отправилась к реке. Нужно было ополоснуть посуду и поставить воду для чая. Но стоило мне вернуться, как ко мне подошел один из северян. Кажется, это был Бьерн.

– Присоединяйся к нам, – просто сказал мужчина, указывая рукой на их компанию.

«Что-то я сегодня пользуюсь популярностью у чужаков», – отстраненно подумала я, но упрямыться не стала. Подхватив миску с кашей и поставив котелок с водой на огонь, отправилась за мужчиной. По дороге заметила внимательный взгляд Сэй Лум, которым он провожал мою фигуру. Сам капитан не выглядел недовольным, скорее наоборот: он, казалось, предвкушал то количество новостей, которое позже я смогу ему передать. Я же старательно делала вид, что ничего не замечаю и не понимаю.

Сразу вспомнился мой друг Тэо, который весьма любил одну игру, называя ее «Поиграем в дурака». Учитывая то, что наши наставники не могли и дня прожить, не задав нам какой-нибудь загадки или просто-напросто наврать с три короба, принуждая распутывать ситуацию самостоятельно, а Тэо был весьма ленивым паи, если такое вообще возможно в Дао Хэ, и порой он и его Сэ'Паи буквально сталкивались лбами, преследуя каждый свою цель. Тэо не хотел часами думать над поставленной задачей, а Сэ'Паи хотел заставить его делать именно это. В результате находчивый приятель изобрел способ доведения наставника до нужного состояния. Когда тот просто сам готов был выложить как на духу, что же он хочет от Тэо. Сначала у него не слишком выходило, но к концу обучения он мог манипулировать своим наставником как хотел! Он просто истово верил в нужные моменты, что он полный дурак и ничего не понимает. Сэ'Паи Ли был довольно молодым для Тени, конечно, опыта в общении с учениками у него было не очень много, и большую часть своей жизни он провел в стенах

монастыря. Я бы сказала, что это обстоятельство сделало его чересчур наивным в некоторых вопросах. Бедный наставник желал добра своему ученику, и то, что порой Тэо не понимал того, чего от него хотят, он принимал на свой счет, думая, что плохо ставит задачу или объясняет. Тогда мужчина начинал объяснять более просто, потом еще проще, потом Тэо понимал, что нужно, а наставник наконец осознавал, что им манипулируют, брал бамбуковый прут и принимался за более доходчивый метод воспитания. Но цель была достигнута. Не совсем тем способом, на который рассчитывал наставник, но тут уж не придерешься...

К чему я веду: если подумать, то в моем случае лучше всего быть чем проще, тем лучше, чтобы быть ближе и к тем, и к другим. Дурачков любят все, в их присутствии не слишком умные чувствуют себя практически гениями, те, кто привык подозревать всех и вся, расслабляются и невольно начинают доверять простодушному пареньку, считая, что у того ума не хватит на что-то большее. Да, пожалуй, игра Тэо придется весьма кстати.

Пока я думала о своем, мы уже подошли к костру, вокруг которого сидели чужеземцы. Всего их было одиннадцать. На какой-то момент мне показалось, что я – маленький человечек из сказки, который оказался в стране великанов. Все же телосложение аирцев и северян отличалось весьма и весьма. Среди наших мужчин были и высокие, и низкие, но в основном рост мужской половины Аира не превышал 175 сантиметров, женщины были и того меньше. Фигуры большинства из нас были жилистыми, поджарыми, полные люди, конечно, тоже встречались, но почему-то считалось, что такое возможно в очень зажиточных семьях и у людей, которые едят сутки напролет. Наша комплекция и то, как привыкли питаться в Аире, к полноте не располагали. Северяне же были на голову выше, если не на две, среднего аирца. Телосложение более мощное, развитое. Да и сама внешность отличалась кардинально. Конечно, больше всего мне нравилось то, что у них были разноцветные волосы. После того, как я сняла сухэйли, у меня появилась странная любовь ко всему яркому и цветному. Если бы было можно, я бы часами разглядывала то, как путаются огненные блики в рыжих или белых волосах. Это было красиво.

Мужчины разговаривали на своем гортанном наречии, без конца над чем-то шутили и очень открыто смеялись, без стеснения делали это, показывая зубы. Еще одно отличие между севером и Аиром. В Аире неприлично смеяться таким образом, чтобы собеседник мог видеть твои зубы. И если посмотреть сейчас на костер, за которым сидели воины Аира, ничего подобного увидеть было нельзя. Аирцы сидели, ведя неспешную беседу, и если не прислушиваться, то казалось, что ужинают они в полной тишине.

Бьерн, который привел меня к костру, тут же уселся на первое попавшееся место, бесцеремонно отломил кусок жареного мяса у соседа и, совершенно не обращая внимания на гневные взгляды последнего, начал с удовольствием чавкать, откусывая один кусок за другим.

Смотря на то, как золотистый мясной сок стекает по его подбородку и с каким упоением мужчина поглощает эту еду, меня ощутило замутило. Но я тут же взяла себя в руки, уверяя собственный организм в том, что это ничего, они так привыкли. Для них это нормально.

– Чего там у тебя в твоей миске? – просто спросил рыжеволосый Кельм, должно быть расценив мою невольную гримасу по-своему.

– Каша, – тихо ответила я, а вокруг все начали посмеиваться.

– Er schmutze girn alle abend zu!^[26] – посмеиваясь, пробасил один рыжебородый мужчина.

На эту его реплику все утвердительно закивали.

– Угощайся, – в разговор опять вступил Кельм, протягивая мне хорошо прожаренный вонючий ломоть плоти. У меня аж дыхание сперло в груди от этого его жеста.

– Спасибо, но мне нельзя, – на одном дыхании пробормотала я.

Мужчины непонимающе переглянулись, не зная, видимо, как воспринимать мой отказ.

– Почему? – искренне изумился рыжий весельчак. – Ты болен?

– Нет, нет, – поспешно ответила я, пока от меня не начали шарахаться. – Я просто дал обещание не есть мясо.

Моя последняя реплика возымела совершенно неожиданный эффект. Разговоры у костра тут же стихли, и воцарилось шокированное молчание.

– Erre im kill wilt^[27], – заключил один из мужчин, что сидел ко мне ближе всех.

– Richt, err sagt die clyast will er die zum winter. Ich sure es fammile sagt er zu wit^[28], – согласно кивнул Кельм, с каким-то невероятным состраданием во взгляде посмотрев на меня.

– Зачем же ты согласился, мальчик? – тихо спросил Бьорн, отвлекаясь от поглощения пищи.

Я тяжело вздохнула, стараясь придумать, что же на это ответить. Мужчины расценили мой вздох по-своему, и уже не один Кельм смотрел на меня с жалостью. Причем не так, как смотрят, когда хотят помочь, а так, когда видят перед собой неизлечимо больного, который вот-вот отправится на тот свет и поделаться уже ничего нельзя.

– Садись, парень, не стой, – пробасил самый старший из присутствующих. Во всяком случае, на вид мужчине было около пятидесяти лет, в его темно-русых волосах начинала пробиваться седина, хотя казался он весьма крепким и сильным. – Я Олаф, – коротко представился он, – садись и расскажи нам свою историю, малыш, – Олаф гостеприимно похлопал по топчану, на котором сидел, приглашая присесть рядом с ним.

«Малыш?» За кого они меня принимают, интересно? Хотя пусть думают, что хотят. Присев на выделенное мне место, решила рассказать северянам то же, что сказала и Сэй Лум. Как видно, мой рассказ на чужестранцев должного впечатления не произвел, потому как смотреть в мою сторону начали теперь уже настороженно и с подозрением.

– Alles clyar. Er – unnormal^[29], – жизнерадостно заключил Кельм, откусывая очередной кусок от того мяса, что недавно предлагал мне.

– Ne, er no unnormal, yet stupid clar!^[30] – возразил платиновый блондин, что сидел прямо передо мной.

– No differ^[31], – хохотнул рыжий, окружающие поддержали его таким же согласным смехом.

Молчаливыми оставались лишь те трое, что я видела на приеме у Императора. Они просто переглянулись, обменявшись взглядами, и согласно чему-то кивнули.

Утро встретило нас густым туманом, что белой влажной дымкой стелился по всей поляне. Солнце едва показалось на горизонте, как Сэй Лум велел всем подниматься, давая на сборы не больше часа. Я

проснулась где-то за час до общего подъема и уже успела привести себя в порядок, убрать вещи и даже выпить чаю, доев остатки вчерашнего ужина. Сейчас, когда полсотни мужчин ломанулось в окрестные кусты, я была рада своей предусмотрительности. Где-то минут через пятнадцать после того, как был объявлен общий сбор, полы белого шатра принцессы приподнялись, и на поляну высыпало сразу десять служанок и сама Иола. Все девушки были одеты в темно-синее кимоно из простой материи, сама же принцесса облачилась в более скромный наряд, но шелкам изменять не пожелала. Девушки не спешили бежать на поиски укромных кустиков, но оно и было понятно, все необходимое для женщин было обустроено внутри их же шатра.

Иола выглядела уставшей, казалось, девушка не привыкла к столь ранним подъемам, но держалась она все же согласно этикету. Повелительно взмахнув рукой, принцесса подозвала к себе одну из служанок, что-то прошептала ей на ухо, и казалось, задумалась, о чем-то своем, не замечая никого вокруг. Девушка-служанка, глубоко поклонившись госпоже, побежала исполнять то, что ей было приказано. Как оказалось, далеко ей бежать не пришлось, потому как Иола, похоже, приказала позвать Сэй Лум к ней на разговор. Капитан тут же подошел к принцессе, глубоко поклонился и спросил, чего изволит госпожа. Я тут же напрягла слух, чтобы хорошо расслышать то, о чем они будут говорить. Хотя, как я заметила, сделала это не только я одна. Несколько северян тоже, похоже, вслушивались в разговор и, судя по всему, расстояние для них помехой не было. Это стоило отметить на будущее.

– Сэй Лум, что за переполох? – капризно изогнув губы, спросила Иола, не уделив капитану и взгляда.

– Нам пора выдвигаться.

– Это я поняла, – недовольно шикнула она, – но зачем так рано?

Один из северян, слушавших этот разговор, широко улыбнулся, качая головой.

– Так мы можем преодолеть большее расстояние за дневной переход.

– А мы что, сильно спешим? – гневно воззрилась принцесса на капитана. Сэй Лум тут же отвел глаза, дабы не оскорбить принцессу.

– Но из-за каравана мы и так движемся слишком медленно, – стараясь объяснить принцессе очевидные вещи, продолжал говорить капитан.

– Не знаю, как тебя, но меня такая скорость вполне устраивает.

Так, кажется, в нашем отряде назревал первый конфликт, и, подумать только, какая неожиданность, инициатором была светлейшая невеста. Я заметила, с каким интересом начали коситься в сторону этих двоих северяне, о чем-то тихо переговариваясь. И почему-то мне казалось, что из-за того, кто выйдет победителем в этом споре, того чужаки и будут воспринимать как нашего капитана. Тем временем Сэй Лум глубоко вздохнул и на какое-то время замолчал. Принцесса тем временем самодовольно улыбнулась и уже приготовилась вернуться в шатер, как от группы северян отделился мой вчерашний знакомый, Рик, и направился в сторону спорщиков.

– Что здесь происходит? – очень четко спросил он, в голосе его звучала сталь.

Принцесса остановилась, не дойдя до шатра всего несколько шагов. Она тут же обернулась и смерила чужеземца презрительным взглядом, что для женщины было просто непозволительно, и тут же сказала:

– Мы задержимся еще на несколько часов.

– Нет, – коротко ответил Рик. И это его «нет» было столь жестким, что возразить бы не посмел никто.

– Но... – начала было Иола, но северянин ту же перебил ее.

– Собрать шатер, через двадцать минут выдвигаемся, – он повернулся к принцессе спиной, не сомневаясь, что все будет исполнено в точности, как он велел, и направился к своим людям, что сейчас довольно резво обменивались репликами и смешками. Аирцы же тут же принялись исполнять приказ северянина. Тот взгляд, который Иола устремила в спину серебряного мужчины, мог испепелить его на месте, если бы девушка обладала хоть каплей силы.

До границы Аира караван добрался за неполных три недели. Все это время мы продвигались весьма спокойно и размеренно. Не было ни стычек внутри отряда, ни каких бы то ни было нападений извне. Что в целом и неудивительно. В Аире не было крупных хищников, способных напасть на такой внушительный отряд, зато их хватало в

землях Умира, начиная от огромных тигров, чей рост в холке достигал двух человеческих, а клыки были длиной в две ладони, и заканчивая огромными змеями, способными сломать хребет лошади и проглотить ее целиком. А также ядовитые травы, растения, источники. Конечно, не все, но и тех, что были, хватало вполне. Сэ'Паи Тонг в свое время заставлял меня зубрить наизусть всю флору и фауну, населяющую Умир, иногда мы даже совершали ментальные путешествия в эти края, так что худо-бедно, но я знала, чего нам ожидать от этих мест. Никто толком не знал, почему все эти твари не обитают на землях Империи. Кто-то считал, что это Бог Солнца облагодетельствовал Аир, кто-то, что земли Умира были прокляты многие века назад. Но правда была покрыта завесой тайны и веков. Что было на самом деле, не помнил никто, вот только в Умир без лишней надобности соваться никто не хотел.

Что же касается нападений людьми, в Аире это было практически на грани фантастики. Слишком уж суеверной была наша страна, а страх перед императорской семьей был впитан с молоком матери. Поднять руку на принцессу – приравнивалось к тому, что ты сам проклинаешь весь свой род на века. Безусловно, в землях Императора Солнца были и разбойники и убийцы, но заставить их напасть на «похоронную процессию еще не жены, но уже и не девушки» было невозможно ни за какие деньги.

Посему продвигались мы хоть и медленно, но без лишних приключений. С приближением к границе воздух становился более влажным, а в сочетании с палящим весенним солнцем, и удушливым. Любая одежда промокала на теле в считанные секунды. Ощущение было такое, что сними с себя рубашку, выжми ее и будет добрых полфляги воды, разве что такую воду пить нельзя. Климат менялся, с ним менялась и окружающая нас растительность. Деревья становились более раскидистыми, с пышными зелеными кронами, в коре которых все чаще встречались распускающиеся цветы-паразиты, их семена пускали корни прямо в дерево, отчего казалось, что само дерево цветет разноцветными гирляндами белых, фиолетовых, желтых и красных цветов. Сами растения здесь были более высокими, широколиственными, отчего лес вокруг становился практически непроходимым. И если бы не забота Императора о наших стоянках, то было бы и вовсе несладко.

Я же с того памятного вечера, когда меня пригласили к костру северян, теперь присоединялась к ним каждый раз, стоило приготовиться моей пище. Всякий раз они спрашивали, не передумала ли я насчет того, чтобы поесть нормально, и всякий раз приходилось объяснять, что я не могу. Больше всех расстраивался Кельм, иногда мне казалось, что он уже меня похоронил и теперь старательно скорбит... по несколько минут каждый вечер. В целом сама атмосфера у костра чужаков была такой теплой, непринужденной, создавалось впечатление, что собрались добрые друзья, у которых одни интересы на всех. Они много смеялись и шутили, порой я начинала ловить себя на мысли, что понимаю, о чем они говорят. Я и впрямь начинала понимать значение некоторых слов и фраз, и это не могло не радовать. Хотя северяне держались весьма миролюбиво, я все же понимала, что это может быть лишь пылью в «мои детские глаза». Они подолгу расспрашивали меня о традициях в Аире, затем обсуждали это между собой на родном языке и непременно начинали хохотать во всю силу своих легких. Я усердно делала вид, что совсем ничего не понимаю. Тогда отсмеявшись, они продолжали свои расспросы вновь.

– Так почему считается, что когда у женщины очень узкие глаза, это красиво? – скалясь всеми своими зубами, пробасил Олаф на очередной стоянке.

Сегодня мужчин интересовали каноны женской красоты, а не политические устои, как обычно. Полагаю, причиной тому стало несколько распитых бурдюков с вином, но это не столь существенно.

– Потому, – обвела присутствующих смущенным взглядом. Мне на самом деле было неудобно обсуждать с ними такие вещи, сама не знаю почему, но всякий раз, когда разговор заходил за женщин, становилось не по себе. – Есть такое поверье, что в душе у каждой женщины живет демон, который проникает в душу мужчины через глаза и сводит его сума.

– Охохохо, – утробно хохотал Кельм, а ему вторили и остальные. – Es wirte sage ert!^[32]

– Sagt Helga beeretum geehn must sie wlste better!^[33]

– Lada sager aus, du bist cretin when sie inns du!^[34] – не растерявшись, сквозь смех и слезы ответил рыжеволосый Брану, обладателю пышных коричневых усов и совершенно блондинистой шевелюры на голове.

– А худоба – это красиво? – тихим шепотом поинтересовался Бьерн.

– Конечно, – тут же согласно кивнула я, – женщина должна быть миниатюрной и хрупкой, с маленькими ступнями и ладонями.

Очередной взрыв хохота и ряд реплик на родном языке.

– Was ontter seine legg?^[35] – непонимающе вопрошает Олаф. – If ich dest af reddung see nucht alle!^[36]

Следует заметить, что те трое северян, которых я видела в зале Императора, в наших дискуссиях практически никогда не участвовали. Но у меня было такое ощущение, что каждый вечер они пристально наблюдают за всем происходящим в лагере сквозь увеличительное стекло, включая меня. Они смотрят, слушают, подмечают, а все остальные работают как отвлекающий маневр. Ну и развлекаются за мой счет, не без этого. Тем не менее Рик, Брейдан и Дэйм, так звали этих троих, за все время нашего путешествия ни разу не позволили себе вести себя так, как их товарищи. При этом эти трое всегда сохраняли вежливые улыбки на лицах, когда того требовала ситуация, и готовы были присоединиться к текущей беседе в любой момент.

– По мне так краше моей Хельги никого на свете нет! Грудь такая, что даже в мою ладонь не помещается, бедра широкие, а значит, и детей может рожать без осложнений. И все равно, что ладони не маленькие, коли готовят хорошо! – неожиданно сказал Кельм на моем родном языке. – А тебе, Дэй, какие девочки нравятся? Есть зазноба-то?

Отчего-то я очень смутилась от такого вопроса. И сама не заметила, как позволила густому румянцу разлиться на щеках. Зато от остальных скрыть этот факт не удалось. Мужчины понимающе заулыбались, а разговорчивый и не в меру простодушный Кельм ободряюще заговорил.

– Ну, ничего, вернемся домой и найдем тебе девку. Знаешь, какие красавицы в наших краях живут? Тебе такие и не снились! Правда, откормить бы тебя не мешало для начала, а ты все упрямишься, – погрустнел вдруг северянин. – Хоть и чудной ты, но жалко тебя все одно... – Ну, вот и несколько минут скорби по мне на этот вечер.

– See, artendes aus schmutze ins boy fus klein und slim nicht? Er grette uter eina frey ne werde! Grdde trest grief, es warriar zerd^[37], – тихо сказал Олаф, поглядывая на меня с неподдельным сочувствием.

– Und mit wand!^[38] – подсказал Бьерн.

– Und mit wand, – согласно кивнул Олаф.

– Я им займусь! – ни с того ни с сего вдруг провозгласил Кельм.

Несколько северян дружно сплюнули в огонь на эту его реплику, а кто-то тихо пробурчал:

– Es Dei truely not diedes?^[39]

– Слушай, парень, я решил сделать из тебя хорошего бойца, – широко улыбаясь, сказал рыжий северянин, от души хлопнув меня по плечу, от чего я едва не рухнула, распластавшись у его ног, и сильно закашлялась. Мужчины дружно отстранились, прикрывая носы и рты руками. Такого заявления я уже совсем никак не ожидала. Что за прихоть разыграла в голове у этого рыжего словоблудца? Только мне его в качестве наставника и не хватало, чтобы ощутить все прелести этого путешествия.

– Кельм, – откашлявшись, заговорила я. – Спасибо тебе, конечно, – решила сначала поблагодарить этого мужчину за оказанную честь, – но ты знаешь, кто я? – очень спокойно спросила я.

– Ты? – рыжий нахмурился, размышляя над моим вопросом. – Как это у вас называется, служка?

Я даже воздухом поперхнулась. Ну, конечно, что еще они могли подумать? Служками в нашей стране называли не только слуг при храме. Если дело касалось военной сферы, то служка – это человек, который где-то между воином и обычным человеком. То есть молодой человек, который не смог стать профессионалом в силу отсутствия способностей. А посему вынужден отрабатывать свое обучение в качестве «принеси – подай». Одним словом, раб-слуга при военных.

– Кельм, на самом деле я пай последней ступени Ю Хэ, – спокойно ответила я, стараясь бороться с совершенно неуместным чувством обиды за Дэй Ли. Быть служкой это позорно, лучше уж простым крестьянином. Однако как-то эмоционально я восприняла их отношение ко мне? – Этот поход – это мое испытание выпускника.

– Ты пай, правда? – неверяще переспросил Кельм.

– Да.

– Тогда я тем более тобой займусь.

Интересно, если бы я сказала, что я Тень, он все равно бы решил мной заняться? Ну, пусть попробует, может, и впрямь чему-нибудь полезному обучит...

– Ты не обижайся, Дэй, но на вид я тебя одним плевком перешибу, – заявил Кельм, на следующее утро. – Ты маленький и тощий, проку с тебя никакого, – уверенно сказал он и ни с того ни с сего ухватил меня двумя пальцами за руку, так что его пальцы полностью сомкнулись кольцом на предплечье и еще место осталось. Он брезгливо поднял мою конечность и потряс ею для вида. – Это чё? – с подозрением осмотрел мою руку он.

– Рука, – ответила ему я, не пытаясь вырваться.

– Нет, – хохотнул он и вновь потряс моей рукой в воздухе. – Это ж надо... – задумчиво пробормотал он, в это время закатав рукав своей рубахи и подсунув свою руку для сравнение мне прямо под нос, сжав кисть в кулак. Надо сказать, что у меня аж глаза на переносице сошлись. Кулак Кельма был если не с мою голову, так с половину точно. Тугие змеи мышц извивались под кожей, стоило Кельму сделать хоть одно движение пальцем или кулаком.

– Вот рука, – гордо сказал он.

Да у меня ноги, наверное, тоньше его рук в обхвате...

– Запомни, сынок. – Я аж чуть не подавилась от этого «сынок», но маску невозмутимого спокойствия решила держать до конца. – Женщины на кости не кидаются, – убежденно кивнул Кельм. – Воина, может, я из тебя за столь короткий срок и не сделаю, но хотя бы в подобающий мужчине вид постараюсь привести. Ты даже среди своих выделяешься, – грустно покачал головой северянин.

– Что значит «выделяюсь»? – обеспокоенно переспросила я.

– Да ваш народ на нашем фоне и так, как дети на прогулке с родителями, а ты так вообще как младенец верхом на зайце. Вот что, сегодня зайца у тебя я заберу, – сказал он, бесцеремонно хватая мою животину под уздцы, когда я уже закончила привязывать к ней сумки. – Будешь двигаться пешком! Чередуя бег с шагом, я буду следить!

Когда Кельм дернул осла, чтобы увести, то последний попытался истошно заорать, но тут кулак северянина переместился под нос животине, и крик тут же оборвался. А осел, гнусный предатель, покорно поспешил за моим благодетелем.

– До вечера будешь двигаться пешком, – повторил он.

Кельм ушел к своим. Осел казался на фоне северянина только родившимся жеребенком, таким маленьким и беззащитным, что мне

даже жалко его стало.

День сегодня выдался особенно жарким, солнце палило нещадно, воздух, насыщенный влагой, был удушливым и спертым. Но бежать мне все же пришлось. Не скажу, что это было так тяжело, как думал Кельм. Я и впрямь «застоялась», если можно так сказать, в этом путешествии. Мне не хватало привычных нагрузок, потому вместо того, чтобы чередовать нагрузку, я чуть отстала от каравана, а после уже бежала в одном спокойном темпе. Конечно, было бы лучше, если бы не было так влажно, но и это было терпимо. Пока бежала, связалась с Сэ'Паи Тонгом, показала ему последние события. Сэ'Паи веселился, как ребенок. А напоследок сказал, чтобы не обижала рыжего северянина, ведь он старается помочь, а это нужно поощрять...

Солнце медленно ползло по небу, и, судя по всему, было уже около трех часов дня, когда где-то за поворотом послышался стук тяжелых копыт, а спустя еще мгновение оттуда выскочил и сам жеребец, на спине которого с бешено вращающимися глазами сидел Кельм.

– О слава всем Богам, ты еще не сдох! – заорал он, старательно осматривая меня со всех сторон. – Я про тебя забыл! – так же простодушно заявил он.

Пока северянин не пришел в себя, я, вовремя спохватившись, начала дышать, словно задыхаюсь. Для убедительности даже за бок схватилась, мол, держусь на последнем издыхании.

– Что, плохо с непривычки?

– Да, – все еще пыхтя, простонала я, – не знаю, как держусь до сих пор!

Во взгляде рыжего промелькнула искра сочувствия, которая тут же погасла, под осознанием долга передо мной и тем, что все это мне же во благо.

– Ничего, парень, будешь бегать каждый день, а вечером заниматься со мной, и станешь на человека похож! – убежденно сказал он.

– Кельм, – задыхаясь, простонала я, – зачем тебе это? Брось меня! – что на меня нашло, не знаю, но захотелось вдруг пошалить. Давно меня так не развлекали. А, может, и никогда...

Рыжий посмотрел на меня как-то по-новому, глубоко вздохнул и сказал совершенно серьезно:

– Не переживай, Дэй, все будет хорошо. – После чего развернул свою лошадь и отправился обратно.

Как-то стало совсем невесело. Отчего-то показалось, что я сказала что-то не то, и вместо шутки вышло что-то личное и лишнее сейчас для рыжего чужака.

К вечеру ближе я почувствовала легкое недомогание, как же не вовремя! Но, как бы там ни было, я все же женщина и определенные дни бывают даже у Тени. Необходимо было позаботиться о себе и привести себя в порядок, пока никто ничего не заметил. Потому легко ускорила и побежала, обгоняя неспешно едущий караван, взглядом ища северян. А вместе с ними и моего осла, у которого на боку были мои сумки со всем необходимым.

Северяне были, как и обычно, во главе отряда, вот только Кельма среди них я не увидела. Зато мой осел нашелся быстро. Он неспешно трусил следом за гнедым жеребцом Брэйдана. Причем делал он это никем не понукаемый и не будучи привязанным к луке седла северянина. Сам Брэйдан ехал, глубоко задумавшись о своем и, кажется, заметил меня лишь, когда я ухватила осла за поводья и попыталась остановить его.

– Дэй? – непонимающе посмотрел на меня темноволосый властитель. Его глаза сейчас казались цвета изумруда. Заходящее солнце отражалось в них, зажигая на самом дне яркие искры. – Что ты делаешь?

– Пытаюсь остановить животное, – чуть хрипя, опять подергала поводья я.

– О, прости, – смущенно улыбнувшись, он протянул руку в сторону осла и сжал пальцы в кулак.

Даже не пользуясь своими возможностями, я ощутила, как завибрировали потоки энергии вокруг.

– Пришлось привязать его, на редкость упрямая... эээ... прости, я не знаю, что это за животное, – вновь улыбнулся он.

До этого дня мне еще ни разу не приходилось говорить с ним. Иногда казалось, что Брэйдан мысленно отсутствует. Он всегда был задумчив, чересчур наблюдателен и осторожен. Было такое впечатление, что он видит каждого из присутствующих насквозь, а

веселые посиделки у костра его несколько не интересуют. Он много времени проводил рядом с Риком и Дэймом, хотя и с ними общался довольно скупно.

– Устал? – спросил он, оглядывая меня с ног до головы.

– Ничего, – так же просто ответила я.

– Кельм у нас очень увлекающийся, ты уж извини, – хмыкнул Брэйдан, поправляя прядь выбившихся черных как смоль волос за ухо.

– Садись, до стоянки еще около получаса, – напомнил мне Брэйдан, потому как я совершенно забыла, зачем собственно так бежала.

Решив, что полчаса я смогу потерпеть, легко вскочила в седло. Натянула поводья, понукая осла отправиться в конец отряда, и поняла, что этот гад и думать не думает куда-то уходить.

– Оставь, – махнул рукой северянин, – он еще не отошел, так что пристраивайся рядом.

Пристроиться рядом значило бы лицезреть пятки Брэйдана прямо перед глазами, настолько высокой была его лошадь.

Похоже, Брэйдан тоже это заметил, потому, долго не раздумывая, ухватил меня за шкирку, как котенка, и забросил себе за спину. Я только заметила, как земля исчезает куда-то так стремительно, а уже в следующее мгновение оказалась сидящей за спиной этого мужчины, обнимая его за талию. Первым порывом было тут же отпустить его, потом огромный конь выразительно всхрапнул и как-то дернулся, отчего я даже подлетела и щелкнула зубами от неожиданности.

– Держись, Дэй, – засмеялся Брэйдан. – Это тебе не на зайце верхом ездить.

– See er tu smutz ebengen wind!^[40] – засмеялся рядом едущий Рик и заговорщицки подмигнул темноволосому.

В ту же секунду гнедой жеребец сорвался с места. Признаюсь, такого я не ожидала. Северянин не сделал ни одного движения, чтобы подхлестнуть лошадь, не издал ни единого звука. Животное, словно стрела, бесшумно сорвалось и устремилось вперед! Руки непроизвольно сомкнулись на талии северянина еще крепче, и я, совершенно забыв обо всем на свете, прижалась к нему всем телом. Порыв ветра ударил в лицо, из глаз сами собой потекли слезы. В душе огненным цветком распускаясь восторг, ощущения были такими, словно я – ветер, я – свобода, я – полет.

Я всегда любила летать и так скучала без этого, и вот сейчас нечто подобное испытывала вновь! Когда встав на край обрыва, где дикие ветра заставляют трепетать полы сухэйли, и они развеваются за спиной, словно черные крылья. Когда в первый раз твой наставник стоит за твоей спиной, и ты знаешь, что, если у тебя не получится, то он поймает. Синее, такое невероятно синее небо раскинуло свои объятия над головой, и ты делаешь шаг, ступая прямо в облака... Ты энергия, ты свет, ты это мир вокруг, часть его, и вот ты уже скользишь, разрывая воздух, опускаешься все ниже и ниже. И нет в этом мире никого счастливее тебя, никого более целостного и прекрасного...

В какой-то момент я отпустила руки, раскинула их, словно птица, и засмеялась. Впервые в этой жизни, кто бы мог подумать, что это произойдет здесь и сейчас. Так легко, открыто, словно маленький ребенок, я смеялась и ощущала себя совершенно счастливой. Кажется, моему смеху вторил другой, более густой, раскатистый, словно эхо ушедшей грозы, смеялся и Брэйдан.

Казалось, не прошло и нескольких минут, как мы остановились на широкой поляне. Брэйдан спросил, нужна ли мне помощь, чтобы слезть с его коня. Сказав, что справлюсь сама, легко спрыгнула с огромного животного, уже через секунду Брэйдан стоял рядом со мной.

– Ну как? По лучше скачек на зайце? – широко улыбаясь, спросил он.

– Не то слово, – все еще не в состоянии совладать с собственным лицом, засмеялась я.

Брэйдан какое-то время смеялся вместе со мной, а потом я вдруг поняла, что он молча наблюдает за мной.

– Знаешь, Дэй, – неожиданно сказал он, поймав мой взгляд своим. – Не потеряй это.

– Что? – непонимающе переспросила я.

– Умение так радоваться простым вещам, – сказал он, тут же как-то смутившись, взял жеребца под уздцы и повел к краю поляны. – Мы к реке, пойдешь с нами? – неожиданно спросил он, остановившись у кромки леса. Сейчас Брэйдан выглядел немного задумчивым, но решив, что раз он предлагает, то стоит пойти. Ведь обычно от него лишнего слова не дождешься, а тут сам предлагает продолжить общение.

– Да, – кивнув, тут же поспешила за северянином, пока он не ушел слишком далеко.

– Ты купаться будешь? – просто спросил он, начиная стягивать свою рубаху через голову, когда мы оказались на берегу небольшой лесной речки. Императорские слуги, как всегда, предусмотрели все до мелочей.

– Нет, – поспешно ответила я, – я потом.

– Почему? – с интересом посмотрел на меня Брэйдан, оставшись в одних штанах.

– Стесняюсь, – тут же нашлась с ответом я.

– Чего? – уже как-то обеспокоенно воззрился северянин.

– Ну, – решив, что врать так врать, дала полет фантазии. – Ты, то есть все вы, такие большие и крепкие, а я такой заморыш... Ну, понимаешь, мне неудобно!

Брэйдан нашел причину для отказа весьма забавной, потому, посмеиваясь, замотал головой и начал расстегивать брюки.

– Чудной ты, – хмыкнул он. – Что же, я не вижу, что ты совсем еще ребенок! Мы все такими когда-то были – тощими и нескладными. Кельм так вообще был самым маленьким из всех. Давно конечно это было...

– Давно? Но ведь ему всего где-то двадцать с небольшим, – непонимающе уточнила я.

– Да, было триста восемьдесят лет назад, – согласно кивнул северянин, пристально наблюдая за моей реакцией на его слова.

– Сколько? – Нет, конечно, я – Тень, и могу прожить столько же, не старея и не меняясь. Но о себе-то я знала. А вот что северяне, такие, как Кельм, обладающие мощной энергетикой, но не умеющие ею пользоваться, по крайней мере, я думала, что никто, кроме Брэйдана, Рика и Дэйма, больше не умел пользоваться энергопотоками, также могут быть долгожителями, я и не подозревала.

Должно быть, я выглядела искренне удивленной, потому Брэйдан снисходительно улыбнулся и присел рядом со мной на зеленую траву.

– Да, Дэй, мы глубокие старики, – хмыкнул он. – Не бессмертные, конечно, нас можно убить. Но мы не стареем уже очень давно. Это проклятье нашего народа, горе и боль.

– Боль? – непонимающе нахмурилась я.

– Боль, – согласно кивнул он. – Раньше так не было, – тяжело вздохнул он. – Раньше не старели и долгожительствовали лишь Властители.

– Разве так плохо жить долго? – все еще не понимая, что в этом такого ужасного, спросила я.

– Плохо, Дэй. Очень плохо, особенно если учитывать тот факт, что не стареют лишь мужчины, а женщины гаснут, словно пламя свечи на ветру.

– Что? Как это?

– Мужчины изменились, а женщины нет. Проклятье избирательно. В нашей стране не рождалось мальчиков вот уже около пятидесяти лет, а тот, что был рожден последним, выглядит сейчас, как пятилетний малыш, хотя ему уже за пятьдесят. Зато девочки есть практически в каждой семье. Знаешь, как это страшно? У Кельма подрастает сейчас маленькая дочка, а самая старшая умерла в том году семидесятилетней старухой. А он все такой же, как в тот день, когда на наши земли легло забвение.

Сейчас Брэйдан говорил совершенно непонятные мне вещи. Разве возможно проклясть целый народ таким диким образом? Как можно жить в таком мире, и какие силы поселились там, что способны на такое? О таком в Дао Хэ не слышали и не знали. Мы занимались познанием мира и себя и на этом пути, единственным, кто мог тебе помешать – это ты сам. Не верили даосцы и в магию, магических существ, не встречали ничего подобного наши монахи ни в землях Аира, ни где бы то ни было еще на нашем континенте. Но то, что говорил Брэйдан было прямым доказательством возможного. И что с этим делать?

– Мы ведь не потому пришли в Аир, что у нас нет своих женщин, – грустно улыбнулся Брэйдан.

Она придет из мира Солнца,
Дыханье жизни в мир проклятый неся.
Растают льды под поступью ее,
Вернется жизнь на круги своя.
По доброй воле выберет она,
Родное сердце для себя.

Не слишком складно продекламировал северянин строки на моем родном языке.

– Нам нужна наследница Аира, чтобы разбить замкнутый круг, – уверенно произнес он.

– Но почему именно наследница? – с растущим интересом спросила я.

– Ну, потому, что никто больше к нам особенно не спешит уже очень давно... особенно по собственной воле, – хмыкнул он. – Если мы не будем пытаться, если не станем искать выход, то сам мир забудет о нас, а тот, кто ищет, всегда найдет, – убежденно сказал он.

– Ладно, я купаться, – встрепенулся северянин, словно сбрасывая с себя всю тяжесть этих мыслей. – Ты точно не пойдешь? – спросил он, вопросительно изогнув черную как смоль бровь.

– Не, Брэйдан, как сделает Кельм из меня нормального мужика, так и поплаваем, – попыталась отшутиться я.

– Ну, ловлю на слове, – хмыкнул мужчина, поднимаясь с травы и начиная развязывать шнуровку брюк. – Знаешь, не заикливался бы ты на этих глупостях. Время придет и возьмет свое, и ты вырастешь. На твоём месте я бы послал Кельма куда подальше. С чего он взял, что если топтать пешком до наших земель, то ты непременно подрастешь?

– Хороший вопрос, – пробурчала я себе под нос, стараясь лишний раз не смотреть на постепенно обнажающегося мужчину.

Нас учили, что тело – это всего лишь сосуд для души. Но почему-то никто не говорил, что я буду испытывать неловкость и стыд, смотря на то, как раздевается совершенно незнакомый мне мужчина?!

– Что-то не так? – спросил Брэйдан, заметив, как заливает мои щеки постыдный румянец.

Он стоял передо мной в коротких домотканых штанах, а я из последних сил старалась усидеть на месте и не броситься сквозь лес напролом к стоянке. Чувства, которые я испытывала в этот момент, были такими новыми, странными, пугающими. Казалось бы, я прожила всю свою сознательную жизнь в монастыре, где жили одни мужчины. Но все они воспринимались как родные, ничего подобного по отношению к кому-либо из них я никогда не испытывала. Да что тут говорить, я ни к кому ничего подобного не чувствовала. И чего тут было больше, желания подойти ближе или убежать напролом через колючие кусты, не знаю.

– Все нормально, живот просто болит. Я, пожалуй, пойду, надо мне, – густо покраснев, прошептала я, поднимаясь на ноги.

– Ну, давай, – кивнул Брэйдан. – И завязывал бы ты со своей кашей, все из-за нее, скорее всего, – участливо посоветовал он мне вслед.

Себя в порядок я приводила с другой стороны от реки, в огромных зарослях папоротника. Там, где, даже владея необычными способностями, меня было не найти.

Когда же начало темнеть, ко мне подошел мой новоявленный наставник, с двумя огромными мечами, небрежно закинутыми ему на плечи.

– Ну что, готов? – широко улыбнувшись, спросил он.

Я, неохотно оторвавшись от засыпания крупы в котелок, хмуро посмотрела на него.

– Это что? – указала взглядом на принесенный северянином инвентарь.

– Как что? Мечи, конечно, – хмыкнул он.

– Я понимаю, но зачем мне меч, который подходит более высокому человеку?

Мечи северян были в среднем около метра в длину, мой рост был около ста шестидесяти сантиметров, так что сражаться такой вот дубинкой мне совсем не хотелось. Это было бы неудобно, причем очень.

– Других у меня нет, – как-то разом погрузнел Кельм. – Тогда, может, на кулаках поборемся? – несколько оживился он.

Да, учитывая тот факт, что внутреннюю силу использовать я не стану, а вешу я, как пара его сапог и ремень, то борьба будет увлекательной...

– А что? Весело будет и разомнемся немного, а то весь день в седле, все тело затекло!

– Ну, это у кого как, – пробурчала себе под нос, но Кельм все же расслышал.

– А ты как думал, парень? Я же предупреждал, что это будет тяжело! Ладно, вот что мы сделаем, – сказав это, Кельм уверенным шагом направился в сторону густорастущих кустов. Тут же исчез в них, после чего кусты затряслись, да так сильно, что впору было бы

подумать, что он выдирает их с корнем. Но уже через несколько минут северянин вернулся, неся в руках две толстые палки, уже без листьев и коры.

– Вот, – улыбнувшись во весь рот, радостно провозгласил он. – Это точно подойдет. Так что вставай, лентяй, и займемся делом!

Заметив выжидательные взгляды остальных северян и, не менее любопытные, аирской стражи, решила, что раз им всем так хочется, то пусть, с меня не убудет. И, в конце концов, мне было просто интересно, какая манера боя предпочтительна чужакам. Главным было не позволить себе использовать внутреннюю силу, только тело. А это, безусловно, будет забавно. Кельм, который явно весил больше ста килограммов, и я, вооруженная палкой, буду похожа на муравья, решившего отлупить слона.

Легко поднявшись на ноги, взяла у Кельма предложенную палку и посмотрела на северянина снизу вверх. Кельм не заставил себя ждать и сделал то, что, должно быть, неплохо срабатывало с противниками его роста и комплекции. Высоко подняв в руках палку, он протяжно заревел, должно быть в знак устрашения, и обрушил удар прямо мне на голову. Легко увернувшись, я оказалась за его спиной и что было силы лупанула мужика чуть ниже спины. Кельм вытянулся струной, со стороны северян послышались смешки и улюлюканья, а сам мужчина очень быстро повернулся ко мне лицом. Он смотрел на меня, как смотрят на с виду безобидное насекомое, которое вдруг оказалось весьма кусачим и назойливым. И в этот момент все изменилось. Северянин резко ускорился, обрушивая на меня удар за ударом, дерево трещало и стонало под этой мощью, а мне едва удавалось не упасть на колени от вновь и вновь отражаемых ударов. Кельм больше не ревел, не улыбался, он сосредоточенно работал палкой, мне же казалось, что мои руки уже просто отсохли и отвалились, я их практически не чувствовала. Никогда бы не подумала, что так будет сложно удержать себя и не вложить в удар часть внутренней энергии. Мне оставалось только защищаться. И вот когда я уже начала мысленно прикидывать, сколько еще сможет выдержать тело, Кельм ударил сбоку так, что будь у него вместо палки меч, то голова бы моя покатила по поляне, задорно подпрыгивая на кочках. В последний момент я подставила палку. И тут дерево не выдержало, издав оглушительный треск, палка лопнула, а едва замедленный удар пришелся прямоком на плечо. Я

понимала, чем обернется для меня такой удар, что это, скорее всего, сломанная ключица, в лучшем случае, но выпустить силу, отразив его, все же не решилась. Кто-то скажет, что за столь мимолетный отрезок времени просчитать все невозможно, я же отвечу, что Тень живет в своем времени и пространстве.

Я была права, палка пришлась прямиком на плечо, на какой-то миг отсушив руку. Я же повалилась ничком, даже не пытаюсь удержаться на ногах. Огнем взорвалась боль, заставляя сложиться пополам, тихо застонав.

Послышался топот тяжелых ног, крик и брань на чужом языке. Кельм выглядел испуганным и уже было бросился ко мне, как подбежавший Олаф что было силы отвесил парню такую оплеуху, что рыжий едва устоял на ногах.

– Dersto!^[41] – гаркнул ему в лицо пожилой северянин и, ухватив его за шкуру, как котенка потащил вон с поляны. – Ich stim fur du, teachsorre afangen!^[42]

Надо мной же в тот же миг склонился Брэйдан, легко подхватил на руки и быстрым шагом направился в противоположную сторону. Как я уже поняла, к реке. Брэйдан двигался быстро, стремительно, казалось, он не бежит сквозь густой лес, а летит над землей. Возможно, так и было, я же совершенно по-детски уткнувшись носом ему в плечо, старалась утихомирить боль, которая из острой перешла в ноющую. Старалась дышать глубоко и ровно, на чистом энтузиазме выходило плохо.

В какой-то момент заросли кончились, и мы оказались на том самом берегу, где сегодня Брэйдан купался. Он аккуратно усадил меня на землю, сам сел рядом и начал расстегивать вязаные пуговички на моей куртке. Не сразу сообразив, что же он делает, некоторое время я просто пыталась отдышаться.

– Что ты делаешь? – тихо пробормотала я.

– Не бойся, я просто посмотрю, – тут же ответил он.

Большие пальцы северянина несколько неуклюже пытались вытащить пуговицу из тугой петельки, и именно в этот момент я, наконец, поняла, что он собирается сделать.

– Не надо, – ухватила его за ладонь здоровой рукой. – Это просто ушиб.

– Я могу вылечить, – прямо посмотрев мне в глаза, сказал он, не пытаясь скинуть мою ладонь. – Надо только посмотреть, насколько все серьезно.

– Как ты можешь вылечить? – решив прояснить этот момент, спросила я.

Брэйдан несколько задумчиво посмотрел на меня, глубоко вздохнул и сказал:

– Я просто могу это сделать, но мне нужно прикоснуться к телу в этот момент, с этим есть проблемы? – выразительно посмотрел он на меня.

«Конечно есть!» – хотелось закричать ему в лицо. Но разве мужчины могут стесняться друг друга? Насколько я знаю, им в принципе должно быть без разницы, ходить друг перед другом голышом или в одежде.

– Нет, конечно, проблем нет, – независимо покачала я головой, стараясь казаться невозмутимой. – Просто, возможно, не обязательно раздеваться полностью?

Брэйдан в глубокой задумчивости отстранился от меня, на лицо его упала хмурая тень, и он о чем-то довольно долго размышлял, после чего нахмурился еще сильнее и чуть ли не зло уставился на меня.

– Скажи, мальчик, с тобой что-то произошло, почему ты боишься, когда тебя трогают, или... – он неловко замялся. – Находиться наедине с мужчиной? – выпалил он на одном дыхании.

Мысленно призывая себя к спокойствию, я скрипнула зубами, стиснув здоровый кулак, чтобы не искушать судьбу, я так же хмуро посмотрела в ответ на северянина.

– Нет, – процедила я сквозь зубы. – Я просто не люблю, когда ко мне прикасаются, потому что мне это не нравится, – чеканя каждое слово, сказала я. И, подумав, что врать так врать, закончила: – У меня, как у любого послушника Ю Хэ, есть татуировка во всю спину, которая весьма красноречиво говорит о том, что я собственность Императора. – И это было правдой, у каждого из стражников была такая наколка. – Это дракон, на голове которого лежит человеческая рука. И если другие, – кивнула головой в сторону, где остались стражники принцессы, – смирились, то я нет. Каждый раз, смотря на себя со стороны, я понимаю, что всего лишь раб, и мне это противно!

Брэйдан озадаченно замолчал, потом перевел на меня потемневший взгляд и сказал:

– У нас нет рабства – это отвратительно каждому из нас. Обнажи плечо, большего не потребуется.

Стараясь скрыть облегчение, я аккуратно расстегнула пуговички на куртке, развязала шнуровку на рубашке и оголила пострадавшее плечо.

Брэйдан осторожно подошел ко мне со спины, прохладные пальцы нежно коснулись побагровевшей кожи, я невольно вздрогнула от его касания. Нежное тепло начало разливаться по пострадавшей руке. Вдруг захотелось спать или хотя бы прилечь. Брэйдан, словно почувствовав, что я едва могу сидеть, притянул меня к себе так, что я могла опереться спиной о его ноги, и положил ладонь мне на плечо. Меня словно стрелой пронзило, но, несмотря на это, я была не в состоянии пошевелиться. Почувствовала лишь, как по капле втекает в мое тело энергия, как разливается она по руке приятным теплом, как уходит боль и становится легче дышать.

– Лучше? – несколько отстраненно и задумчиво спросил он.

– Да, – тихо прошептала я, стараясь подняться на ноги.

Но Брэйдан ловко нагнулся и поднял меня на руках.

– Пока нельзя двигаться и лучше поспать, – это были последние слова, которые я услышала в этот долгий вечер. Заботливый сон сомкнул веки, и тихая, безмятежная тьма приняла в свои объятия мой разум.

Проснулась как от рывка. Утренний полумрак еще не успел рассеяться, солнце только начинало расцвечивать предрассветную хмарь на горизонте. Лагерь спал безмятежным сном. Сегодня в карауле стояли аирцы, северяне, казалось, спали крепко и безмятежно. Во всяком случае, храп над их маленьким лагерем стоял такой, что даже палатка принцессы трепетала, как от сильного ветра.

Решив, что в запасе у меня должно быть еще где-то около часа, бесшумно поднялась, подхватив свои вещи, и направилась к реке. Медлить не стала, решительно скинув одежду и взяв в руку кусок мыла, полезла в воду. Кто его знает, когда в следующий раз будет возможность помыться. Сегодня днем мы должны пересечь границу

Аира, а что нас ожидает в Умире, не ведает никто, не говоря уже об остальном пути.

Я лежала на спине, волосы мои опутывали тело, но стоило течению подхватить их, как они начинали трепетать, словно причудливые лепестки подводного пламени, небо постепенно светлело, а я не могла найти в себе сил выйти из воды. Сейчас, мысленно, я была очень далеко, и возвращаться мне совсем не хотелось. Казалось, чего стоит потянуться сознанием к свету, устремляясь в бесконечность, оставить тело здесь, прямо на дне небольшой реки, и освободить себя от бремени, от обязательств. Стать единым потоком силы, уйти в никуда и стать всем. Так притягательна эта мнимая свобода, и столь же бессмысленна, ведь я еще не готова...

Оставив глупые мысли, решительно поплыла в сторону берега. Быстро вылезла и, не вытираясь, тут же оделась.

«Что за дурь лезет в голову с утра пораньше?» Сама подивилась тому, что на меня вдруг нашло. Собрала вещи и направилась в сторону лагеря, краем сознания отметив, что у реки ветра нет, а чуть в стороне, у кустов – есть. Странно...

Вернувшись в лагерь, увидела, с какой неохотой пробуждается отряд ото сна. Аирцы степенно разводили огонь, готовя нехитрый завтрак для себя и принцессы. Мне же было проще, моего ужина хватало и на завтрак. Правда, крупы и овощи удавалось раздобыть разные, путем набега на обоз с провиантом. Но я же ведь тоже часть охраны, так что мне вроде бы как полагается.

Северяне тоже уже были на ногах и разводили костер отдельно. Хмурый с утра Олаф был сегодня главным по кухне, возможно именно потому он и хмурился. Только тут я заметила Кельма. Мой «наставник», еще более хмурый, чем Олаф, аккуратно потирал фиолетовый глаз и что-то бурчал сквозь зубы, искоса поглядывая в сторону сегодняшнего повара. Должно быть, заметив, что на него смотрят, Кельм повернулся в мою сторону и, улыбнувшись во весь рот, помахал мне рукой. Рыжие волосы топорщились во все стороны, багровый фингал закрывал полглаза, а улыбка вышла такой искренней, что я невольно улыбнулась в ответ.

– Ну, ты как? – проорал он.

Кричать не стала, просто благодушно кивнула в ответ.

– Ну, и слава всем Богам Азаргарда! – заорал он еще громче.

От приветствия северянина проснулись уже все. Даже принцесса, недовольно поглядывая в сторону Кельма, вылезла из своего шатра и, прошептав что-то одной из своих служанок на ухо, отправила девушку к Сэй Лум. Капитан, внимательно выслушав служанку, кивнул и пошел ко мне. Вот это уже интересно.

– Скажи ему, чтобы так не орал, – сказал Сэй Лум, подойдя ко мне ближе.

– Так утро уже, – ответила я, ставя котелок на огонь.

– Знаю, но принцесса жалуется на шум. Кстати, как ты?

– Да нормально уже.

– Тот северянин тебя вылечил?

– Да.

– Расскажешь сегодня, – коротко бросил Сэй Лум, направляясь к своим людям.

Каждый вечер я держала отчет перед капитаном. Обычно это не занимало много времени. Ну что я могла рассказать, если не понимала того, о чем северяне общаются между собой? Правильно – ничего, только то, о чем они меня спрашивали. А вот насчет того, как буду рассказывать о лечении, я пока не знала. Хотя знала, конечно, ничего я ему не расскажу, ни к чему ему.

– Кельм! – что было силы позвала я северянина. Получилось, словно ворона каркнула, но да ничего.

– Что? – пробасил он в ответ, отвлекаясь от натягивания штанов.

– Не ори так! Принцесса спать не может! – не сдержавшись, решила немного проучить этого задаваку.

Кельм утробно захохотал и заорал уже в полную силу легких:

– Не буду!

Бросила быстрый взгляд в сторону принцессы, та побледнела, сжала кулаки, но воли эмоциям не дала. Лишь зло посмотрела на меня, стараясь прожечь насквозь, развернулась и исчезла за пологом шатра.

Сегодня я ехала верхом на осле. Когда Кельм только попытался заикнуться о продолжении тренировок, первым кто вмешался, был Олаф:

– Если побежит малец, ты пристроишься следом, – очень тихо сказал северянин, многозначительно разминая кисти рук. – Я тебе обещаю.

Кельм, как-то нервно сглотнув, посмотрел на руки Олафа, но все же попытался возразить:

– Но мы только начали...

– Нет, вы закончили, – сказал Брэйдан, затягивая седло на своем жеребце. – Это не обсуждается.

Кельм кивнул и подошел ко мне.

– Не расстраивайся, – сочувственно похлопал он меня по плечу и направился к своей, такой же рыжей, как и хозяин, кобыле.

Ну, чтобы не быть слишком уж невежливой, я тяжело вздохнула вслед северянину и радостно потопала к своему милому ослику, который со вчерашнего вечера напрочь отказывался отходить далеко от жеребца Брэйдана.

– Оставь, – сказал северянин, когда заметил все мои тщетные попытки увести осла от любимившегося жеребца. – Он, по всей видимости, еще не скоро отойдет. Не стоило мне так сильно его привязывать.

– Да уж, – нахмурилась я.

– Поедем рядом?

Идея не слишком мне понравилась, учитывая тот факт, что Брэйдан не спешил закидывать меня к себе за спину, то придется ехать рядом у его ног. Но осел был непреклонен, а уж это животное умело настоять на своем, как никто иной.

Грустно вздохнув, кивнула северянину.

– Откуда у Кельма синяк? – спросила я, стоило нашему каравану неспешно двинуться в путь.

– Ну, Олаф, вчера с ним поговорил, – неохотно пояснил северянин, смотря на меня сверху вниз.

– Как это? – поинтересовалась я.

– Вот так, просто объяснил сыну, как следует вести себя с учениками.

– ?.. – вопросительно посмотрела я, стараясь побороть первый шок от столь интересного известия.

– Да-да, Кельм – сын Олафа, – усмехнулся Брэйдан. – Как видишь, несмотря на возраст и прошедшие годы, Кельм так и остался дитя дитем, это, пожалуй, и к лучшему.

– Что значит к лучшему? – сейчас я ощущала себя губкой, готовой впитать любую информацию о чужеземцах, особенно тогда, когда ею

делятся с такой охотой.

– Хорошо, что, несмотря на то, что мы не стареем внешне, мы не стареем и душой. Не так сильно, во всяком случае.

То, что сказал сейчас Брэйдан, так и осталось для меня загадкой. Что значит «постареть душой»? Душа – это то небольшое, что даровано людям, как бессмертная частица вселенной. Сэ’Паи Тонгу недавно перевалило за шесть сотен лет, но он решил начать стареть физически не потому, что ему все надоело в жизни. Просто его душа требовала продолжения пути. Он чувствовал, что все самое интересное у него еще впереди, и пора двигаться дальше. Мой мастер любит жизнь во всех ее проявлениях, преклоняясь перед ней, проживая каждый новый день с радостью. Думаю, главное, это в восприятии происходящего. Ну, и конечно, в силе воли. Как говорил Сэ’Паи: унынье – это и есть старость; может быть, так оно и есть? Не знаю, должно быть, я еще слишком молода, чтобы судить о таких вещах.

– Почему ты не вылечишь его? – тихонько спросила я после небольшой паузы, когда каждый из нас думал о своем.

– Зачем? – спросил Брэйдан.

– Потому, что ты можешь, – так же просто ответила я.

– Во-первых, это урок отца сыну, я не имею морального права вмешиваться, если никто из них не просит; во-вторых, я бы и сам откорректировал ему и второй глаз, вот только на это у меня опять нет права, – хмыкнул Брэйдан.

– Все же обошлось, зачем копить злобу?

– Это не злоба, – сквозь зубы процедил Брэйдан. – Я просто не понимаю, как он мог быть столь... – тут северянин замолчал, отвернувшись от меня в другую сторону.

В таком вот странно возникшем молчании мы ехали до самой границы Аира. И не сказать, чтобы молчание тяготило, скорее даже наоборот. Мне нравилось молчать рядом с ним, это было просто. Хотя чувство определенной недосказанности так никуда и не ушло.

У самой границы мы на какое-то время остановились. Было решено, что несколько телег лучше всего отправить в обратный путь, потому как содержимое их повозок было в основном съедено, а то, что оставалось, можно было с легкостью перераспределить среди остальных. Мне кажется, возницы, которым было разрешено отправиться в обратный путь, неустанно восхваляли Бога Солнца,

счастливо улыбаясь и косясь на виновника неслыханной удачи! Это обстоятельство задержало нас еще на несколько часов. В результате, когда мы смогли продолжить путь, полдень уже миновал, и в скором будущем нам пришлось бы подумать о месте ночлега.

Северяне уверенно вели за собой караван, потому многие решили, что чужаки наверняка знают, что делают и куда нас ведут.

То, что мы покинули гостеприимный Аир, лично для меня стало очевидным практически сразу. Аир и впрямь был Империей Солнца, там чувствовалась защищенность, словно земля сама оберегала тех, кто там проживал. Умир же казался притаившимся воином. Всем своим естеством я ощущала скрытую опасность, словно тысячи взглядов пристально наблюдают за продвижением неспешной вереницы повозок и всадников, только и ждущие удобного момента, чтобы напасть. Эта энергетика враждебности повисла в воздухе, заставляя постоянно сосредоточенно прислушиваться к окружающему пространству. Казалось, стражники Аира не замечают нависшей угрозы, вот только северяне все как-то разом подобрались. Не слышно было больше шуток на их гортанном наречии, стих смех и непринужденные беседы, и только скрип колес и нервное похрапывание лошадей резали гнетущую тишину вокруг.

Окружающая природа также изменилась. Лес превратился в непроходимые джунгли, растения стали выше, а воздух еще более влажным. Было такое ощущение, что мы находимся в какой-то парилке, дышать было практически нечем. Каждый вздох казался огненным шаром, который застывал где-то в легких. Дышать было очень трудно. Наверное, особенно сложно было мне и северянам, мы к такому точно были непривычны.

Где-то через час пути плохо себя почувствовал один из «колдунов». Предсказатель, который почему-то не сумел предсказать для себя опасности в этом путешествии, начал задыхаться и почувствовал боль в сердце. Лекарь Аира тут же поставил диагноз:

– Сердечная несостоятельность, – с самым умным видом изрек лучший лекарь Аира. – Он умирает.

Мне же подумалось, что не зря в Империи все стараются обращаться за помощью к травникам, эти люди передают свои знания из поколения в поколение, и если травник ошибается или выказывает

халатное отношение к подопечному, то его бреют налысо и с позором выгоняют из селения. Забирая все нажитое в качестве компенсации пострадавшим. Такие случаи редки, потому как о профессионализме этих людей ходят легенды.

– Чего? – нахмурившись, переспросил Рик. – Я не понял, что он сказал.

Сереброволосый северянин искренне полагал, что просто не понял значения иностранного слова.

– Er wist mort er sagt^[43], – пробурчал Бьерн на ухо товарищу.

– Это я понял, – отмахнулся Рик. – Почему он умрет?

Лекарь Аира воззрился на северянина, как на святотатца:

– Потому, что сердце его не в состоянии справиться с тяжелым путешествием! – серьезно выверился мужчина, а Рик все так же непонимающе продолжал смотреть на этого, с позволения сказать, лекаря.

– Breidan, halp einer man, Ich keine weist was er sage!^[44] – обернувшись к моему давешнему целителю, сказал Рик.

– Warum Ich?^[45] – спросил Брэйдан, тем не менее спешиваясь с лошади и подходя ближе.

– Потому что ты лучший, – уже на моем языке сказал Рик, подмигнув Брэйдану.

– Отойди, – совсем уж как-то непочтительно сказал темноволосый северянин, подходя ближе к больному предсказателю.

– Что? Да как вы смеете...

– Смею, – коротко прервал возмущение лекаря Брэйдан, бесцеремонно распахивая шелковое кимоно больного и кладя руку ему на грудь.

Какое-то время ничего не происходило, потом я отчетливо ощутила, как стягиваются к северянину потоки силы, как скручиваются они забавными спиралями, и то, как проникают сперва в тело Брэйдана, а потом и в самого больного. Предсказатель ошутимо напрягся, застонал и как-то разом обмяк.

– Готово, – сказал северянин, отнимая руку от груди пациента.

– Что ты наделал? – чуть вскрикнул лекарь, но Брэйдан и тут его перебил:

– Проспит до вечера, сегодня не тревожить его.

Весь процесс исцеления занял не более десяти минут. Лекарь, совершенно запутавшийся в происходящем, испуганно переводил взгляд то на своего коллегу, мирно посапывающего на подушках внутри повозки, то на Брэйдана, что невозмутимо запрыгнул в седло и велел всем разойтись и продолжить путь. Должно быть, сегодня у нашего целителя все жизненные ценности перевернулись с ног на голову, потому как он, совершенно механически переставляя ногами, с каким-то пустым взором поплелся внутрь повозки и, аккуратно присев рядом с больным, будто бы отстранился от окружающей его действительности.

По мере продвижения вглубь страны мне все больше и больше становилось не по себе. И, как я ни старалась, не могла понять, в чем же причина? Я прислушивалась к себе, к окружающему пространству, но все было тщетно. Ощущение неправильности витало вокруг. Все казалось каким-то покореженным, на энергетическом плане, даже деревья выглядели странными, необычными. Дело было не в том, что растительность вдруг стала расти корнями к небу, а кронами к земле. Нет, конечно. Но стоило начать смотреть на энергетические токи дерева, любого, даже самого маленького растения, небольших животных, у которых почему-то у всех были ярко-алые глаза, и становилось совсем жутко. Выглядело это так, словно кто-то, а именно какой-то мясник, поработал с естественными энергетическими токами этих существ и растений. Может, конечно, и природа их такими задумала, но выглядело это страшно, уродливо, неправильно.

– Что? Не по себе? – спросил Брэйдан, должно быть, заметив мой тяжелый взгляд из-под бровей.

Я хмуро взглянула на северянина. Говорить не хотелось, отвечать не имело смысла. Казалось, отвлечешься на что-то другое и пропустишь самое важное.

– Сам не пойму, – односложно ответила я.

– Жаль, ты не видишь того, что вижу я, – ответил северянин, так же как и я прислушиваясь к окружающему пространству.

«Ну, с этим можно и поспорить», – мысленно хмыкнула, а вслух ответить уже не решилась.

– Так бывает, когда вмешиваются в естественный баланс всего сущего.

– Что ты имеешь в виду?

– Проклятые земли, – весомо обозначил он. – Похоже на то, что пытались сделать с нашими...

Я промолчала. Не стал продолжать разговор и северянин.

На ночлег мы остановились засветло. Аирцы, как обычно, поставили шатер для принцессы и чуть меньше для колдунов, после чего принялись разводиться костер. То, что делали северяне, сначала было мне не совсем понятным. Брэйдан, Рик и Дэйм в задумчивости обошли поляну по кругу, прислушиваясь к чему-то им одним понятному, после чего рассредоточились, образуя идеальный треугольник. Вот тут-то и началось самое интересное.

Трое мужчин, высоких, статных, таких разных, воздели руки к небу. Казалось, они просто стоят. Но это только если смотреть на происходящее взглядом обычного человека. Я же видела, как стягивается к их фигурам витающая вокруг энергия. Как заставляет трепетать их волосы несуществующий ветер, а на самом деле невероятной мощи поток силы. И словно морозные узоры на стекле, сплетается энергетический купол над нашей стоянкой. Голубоватосиние узоры, цепляясь друг за друга, уходят куда-то в небо, чтобы соединиться точно в центре. Как только последние узоры соединились, внутри купола ощутимо похолодало. Стоило мне несколько ошарашенно выдохнуть, как изо рта тут же вырвался клуб пара.

Мужчины обменялись довольными взглядами, опуская руки, и дали команду своим землякам обустроить лагерь.

– В чем дело?! – грозно нахмурив брови, за моей спиной возникла хрупкая фигурка невесты.

– Принцесса? – глубоко поклонившись, сказала я, не совсем понимая, что происходит. С чего бы вдруг эта девушка решила отринуть все положенные традиции, вылезти из шатра, да еще начать говорить в таком неподобающем женщине тоне.

– Я, кажется, спросила! В чем дело? – уже прорычала она мне в лицо.

– Устраиваемся на ночлег, – сказала я очевидное, на мой взгляд.

– За кого ты меня принимаешь, раб? – зло прошипела она. – Я что, не знаю, как устраивается лагерь на стоянку? Что сделали эти чужаки, и почему стало так холодно?

– Откуда же мне знать? – опустив взгляд, тихо говорила я.

– Потому что ты единственный, с кем они общаются.

– И что же? – Должно быть, мой ответ означал дерзость, не уверена. Но вот принцесса достаточно медленно замахнулась, должно быть, прицеливаясь, как использовать свои длинные ногти более эффективно. И уже начала опускать ладонь, когда неожиданно крепкие пальцы сомкнулись на ее запястье, не дав завершить удар.

– Это еще что? – довольно грубо спросил зеленоглазый северянин, возникнув рядом с нами.

Принцесса в неподдельном возмущении воззрилась на Брэйдана и зло зашипела.

– А ну отпусти меня! Только я вправе решать, как поступать со своими рабами!

Брэйдан и не думал отпускать девушку, и казалось, вовсе не замечал, какими глазами та смотрит на него.

– Вы, должно быть, еще не поняли, – очень вкрадчиво заговорил он. – Но в наших землях рабства нет. А вы, как будущая жена Властителя, должны принимать наши законы и устои.

На этот раз принцесса дернула рукой по сильнее, Брэйдан же не стал удерживать ее, пальцы его разжались, и Иоле без особого труда удалось освободиться от его хватки. Но уходить она вовсе не спешила, напротив, повернулась лицом к Брэйдану и заговорила с совершенно невозмутимым видом.

– Сегодня мы пересекли границы Империи, к которой я принадлежу, но до ваших земель нам еще далеко, потому я не намерена придерживаться правил, которые мне чужды. Это, – выразительно ткнув пальцем мне в грудь, – мой раб, – очень четко произнесла она последнее слово. – И я буду решать, как себя с ним вести. Что же касается моего будущего супруга, то я даже не уверена в том, есть ли он, а вы просите уважать его законы и нравы, – горько усмехнулась принцесса.

Сейчас она больше всего казалась маленькой девочкой, которая злится, не зная, кто именно виноват в ее бедах. И даже думать не думает, что останься она дома, разве была бы ее участь более завидной? «Любовь» и «женщина» в Аире – понятия редко совпадающие, в том смысле, что браки по любви возможны крайне редко, только если «любовь» весьма удачно совпадет с другими обстоятельствами, по которым будет принято решение о заключении

брака. Даже в самых бедных семьях женщина выдается замуж только по договоренности между родителями и с условием, что у нее есть хорошее приданое, что уж говорить, когда речь идет о принцессе...

– То есть вы считаете, что подобное поведение вам дозволено? – вкрадчиво спросил Брэйдан, каким-то потемневшим взором оглядывая принцессу.

– Да, – прямо ответила она.

– Нет, – возразил он. – И терпеть подобное лично я не намерен.

– Да кто ты такой, чтобы диктовать мне условия? – едва не засмеявшись в лицо северянину, спросила она.

– Будущий муж, – коротко и ясно ответил он.

Должно быть, впервые с моего знакомства с принцессой наши эмоции были примерно одними и теми же. Обе мы ошарашенно уставились на Брэйдана, и нам обоим было горько от услышанного, вот только, если я прекрасно понимала, почему расстроилась принцесса, то точно так же не могла понять, почему эта новость стала такой неприятной для меня.

– Es tantum zweilich^[46], – хмыкнул на родном языке Рик, который как-то незаметно подошел ко мне со спины.

– Das it^[47], – подтвердил Дэйм, коротко усмехнувшись.

– Es Irre nicht werde, Es Irre kleine ferst^[48], – легко улыбнувшись, сказал Брэйдан. – Ступайте к себе, – уже более холодно обратился он к принцессе. – Эта ночь обещает быть долгой.

Принцесса за этот короткий миг вновь преобразилась. Лицо ее превратилось в непроницаемую маску, спина чуть ссутулилась, взгляд опущен в пол, лишь пальцы, нервно подрагивая, сжимают складку шелкового кимоно. Новость о будущем супруге, должно быть, оказалась совершенно неожиданной для нее, и Иола просто не знала, как себя вести теперь. Думаю, от полученного шока она оправится быстро, главное, чтобы никто из служанок не пострадал.

– Да, конечно, – едва слышно прошепала она и маленькими шажками заспешила к своему шатру.

– Что это с ней? – ошеломленно интересуется Рик. – Тебя, что ли, испугалась в качестве супруга?

– Не знаю, я уже даже боюсь предположить...

Сегодня и впрямь ночь обещала быть долгой. Несмотря на то что я развела огонь и устроилась к нему поближе, было очень холодно. Я надела на себя все, что только можно было, правда одежда из меха так и осталась нетронутой. Хотя я и постаралась «почистить» ее, прикасаться было все равно неприятно. Остаточный след еще оставался, не говоря уже о том, что мне просто противно носить на себе кожу и волосы некогда живого существа. Даже не так, мне это дико. Задействовать резервы организма тоже было нельзя, почему-то я была просто уверена, что северяне это тут же заметят.

Вот так, свернувшись калачиком на тонком одеяле, под не менее тонким покрывалом, сотрясаясь всем телом, я смотрела на нежно-голубые сплетения узоров северян на черном фоне беззвездного неба. И думала о том, что предстоит нам впереди. Вспоминала прошлое, почему-то вспомнилось, как Сэ'Паи Тонг привез из тогда еще далекого и загадочного Каишим сладости. Мне было примерно десять лет, когда я впервые попробовала сладкие булочки с нежной кремовой начинкой, присыпанные сверху орехами и сахарной пудрой. Мастер вез их очень бережно, потратил много сил, чтобы они остались такими же вкусными, как в тот день, когда их испекли. А я, увидев его подарок, сказала, что даже пробовать не буду.

«— Почему? — несколько удивленно спросил он.

— Я не знаю, что это такое, а вдруг не вкусно?

— А вдруг, не попробовав, ты этого не узнаешь?

— Зато и не расстроюсь, — не согласилась я.

— Разве не стоит иногда рискнуть чем-то, чтобы узнать наверняка? — Как всегда, мастер даже в самых простых вещах видел куда больше, чем просто действие.

— Не знаю, может быть, иногда?»

Сэ'Паи очень позабавило мое уточнение тогда. И он не упустил возможности вставить свое.

«Если ты будешь бояться жизни, то она так и пройдет мимо тебя, оставив лишь горький привкус несбывшихся надежд».

Тогда я не очень поняла, что он имел в виду. Но эту беседу запомнила хорошо. А еще запомнился мне и вкус лакомства, которое оказалось чем-то невероятным. Эти пирожные вызвали просто бурю эмоций, я и подумать не могла, что еда может быть такой...

Когда мне было около восьми лет, Сэ'Паи рассказывал, как живут мужчины и женщины вне стен монастыря. Говорил, что если они чувствуют, что нравятся друг другу, то непременно женятся, заводят детей и живут вместе. Врал, конечно, что именно поэтому они делают это в Аире, но все же было интересно. На резонный вопрос: где берут детей? – мастер рассказал все как есть, и о сексе, и о любви, и о взаимоотношениях. Только вот, с точки зрения даосца, секс не был простым механическим актом или способом получения удовольствия, даосцы воспринимали секс как нечто естественное и прекрасное. Это был момент единения и обмена энергиями. И происходил он лишь между теми, кто действительно был важен друг для друга.

«– А у вас, Сэ'Паи, есть такой человек? – с детской непосредственностью спросила я.

– Был, – грустно вздохнув, ответил он. – Но она ушла уже давно.

– И что же, вы теперь никогда не будете вместе? – Почему-то стало очень жаль, что учитель остался один.

– Вот еще глупости, – засмеялся он. – Мы и сейчас вместе, только в разных плоскостях мира. Она сказала, что подождет, когда я буду готов последовать за ней дальше.

– И когда же?

– Да, скоро уже, Дайли, только тебе помогу немножко, – хмыкнул учитель, глядя меня по голове, покрытой черной тканью сухэйли».

Тогда я порадовалась, что учитель скоро последует за той, кто была ему так дорога. Сейчас же мне было грустно, что скоро придет этот день.

Но этой студеной ночью, под защитным куполом северян, я думала о том, будет ли в моей жизни человек, за которым мне бы захотелось пойти сквозь миры, время и пространство? Как бы мне этого хотелось... в этом я боялась признаться даже самой себе.

Еще думалось мне и о том, что произошло сегодня после того, как был установлен купол. Как отчего-то стало так одиноко, когда Брэйдан сказал, что именно он будущий муж Иолы. Почему так? Это же ведь не значит, что наше общение закончится с его женитьбой? У Кельма тоже есть жена, но от этого я не чувствую себя какой-то потерянной, что ли? И что за странная смута творится у меня в душе с того момента, как мы начали общаться с этим зеленоглазым властителем. Иногда ловлю себя на мысли, что мне не хватает его общества. Или пытаюсь

расслышать его голос среди голосов других, просто так, незачем. Хочется говорить с ним, просто быть рядом или смотреть на него, не важно, ощущать его где-то близко, и тогда все в этом мире становится лучше – правильно.

Недовольно встрепенувшись, отгоняя непрошенные мысли, перевернулась на другой бок, в очередной раз попытавшись заснуть и хоть немного согреться.

– Ты совсем замерз, – раздался знакомый голос того, кто так занимал мои мысли этой ночью.

Я не успела подивиться тому, как ему удалось подкрасться столь бесшумно, как на меня сверху упало толстое одеяло.

– Вот, – столь же тихо сказал он, присаживаясь рядом со мной.

Я же, наоборот, приподнялась, расправляя одеяло.

– Откуда? – приятно удивившись, спросила я.

– Это секрет, – хмыкнул Брэйдан, откидываясь на локтях и устремляя взгляд в темное небо.

Я посмотрела на его четко очерченный профиль, хорошо просматривающийся в голубом свете, плетения купола. Правда, увидеть это могли, пожалуй, только четверо из всех присутствующих.

– Сегодня я в карауле, – пояснил зачем-то северянин. – Заметил, что ты не спишь, решил, что, может, ты составишь мне компанию?

Невольно я улыбнулась и пожала плечами.

– Почему нет? Я не замечал, чтобы раньше ты оставался в карауле? – спросила я, чтобы хоть что-то сказать.

– Раньше этого и не требовалось, – ответил он мне и тут же пояснил: – Эти земли не такие, как в Аире. Должно быть, ты не чувствуешь, но все здесь пропитано чуждой силой. Мы опасаемся, Дэй. И ты будь впредь осторожен, – пристально посмотрев на меня, сказал он.

То, о чем говорил сейчас Брэйдан, мне было более чем понятно. Умир беспокоил меня, я не понимала пока, чем конкретно, но, несмотря на то что сейчас мы были на его границе, я все равно чувствовала смутную тревогу от близости этих мест.

– Скажи, – вдруг заговорил он, после небольшой паузы, когда каждый из нас думал о своем. – Как так получилось, что лучшие воины Аира считаются рабами императорской семьи? – с едва скрываемым раздражением спросил он.

– Хм, – я просто не знала, как это объяснить, чтобы он понял меня правильно. – В Ю Хэ попадают совсем еще маленькими, где-то в возрасте трех-четырёх лет. Многие семьи мечтают о такой судьбе для своих детей, это очень почетно.

– Почетно, что твой сын станет рабом? – нехорошо прищурившись, спросил он.

– Об этом думают как о служении чему-то священному.

– Да уж, – хмыкнул он. – Святость одного из представителей Солнечной династии не может не бросаться в глаза, – иронично изогнув брови, сказал он.

– Но она ведь твоя будущая жена, – отчего то произнесла я это очень тихо, словно боялась услышать, как говорю это вслух.

На это мое замечание Брэйдан не успел ничего ответить, потому как в тот же миг купол, установленный северянами, пошел рябью и загудел, низко и протяжно.

– Проклятье, – зашипел Брэйдан, как-то по-звериному пластично поднимаясь на ноги и всматриваясь в собственное плетение.

Было совершенно точно, что что-то не так. За пределами купола не удавалось разглядеть никого и ничего, не говоря уже о том, чтобы почувствовать постороннее присутствие. Тишина сковала эту темную ночь, и лишь протяжное гудение купола говорило о том, что случилось что-то не слишком хорошее. Легко подхватив свой шест, я оказалась на ногах рядом с северянином, который каменной статуей замер, вглядываясь в непроглядную ночь.

– Ur erz fust^[49], – не повышая голоса, сказал он.

На другой стороне лагеря, где была стоянка северян, бесшумно начали подниматься рослые фигуры и так же, в полной тишине и мраке, рассредоточивались по периметру лагеря.

– У тебя что, нет меча? – спросил он очень тихо.

– Есть.

– Тогда положи палку и возьми меч.

– Но... – попыталась возразить я.

– Что, никогда не убивал? – в его голосе не было иронии или насмешки, скорее простая констатация фактов.

– И не хотелось бы начинать, – ответила я.

– То, что ползет сюда совсем скоро, убивать не надо, это надо упокаивать, так что отбрось свои принципы, сейчас они неуместны.

Решив поверить Брэйдану на слово, я быстро извлекла из рядом лежащего мешка небольшие парные ножны моих клинков. Увидев мое новое оружие, северянин, лишь выразительно причмокнув губами, попросил:

– Просто будь рядом, хорошо?

В ответ я лишь кивнула, а сама подумала: «Главное, сам не потеряйся».

– Надо разбудить остальных.

– Ребята этим сейчас займутся. Нам не нужен шум, а если проснутся ба... э-э... женщины, то, одним словом, нужно все сделать тихо. И... – положив свою широкую ладонь мне на плечо, сказал он, – на этих тварей не действует магия, они не чувствуют боли, только если оставить их без головы, будет означать, что они не встанут вновь.

Внутри у меня все заледенело. Я просто не могла понять, о чем он говорит, что за существа находятся там, с другой стороны?

Аирцы поднимались со своих мест и без лишних вопросов брались за оружие. Группа около десяти человек рассредоточилась вокруг шатров принцессы и колдунов. Еще пятеро лучников заняли оборонительные позиции вокруг лагеря. Сам Сэй Лум и его лучшая пятерка подтянулись к Дэйму на противоположной стороне лагеря.

– Скоро взломают, – сквозь зубы процедил Брэйдан. – Не дай им укусить себя, – поспешно пробормотал он, словно это было самым важным сейчас.

С тихим шелестом, словно дуновение ветра, опал купол северян. И в тот же миг по чувствам словно хлыстом ударило ощущение опасности. Спину будто ледяной водой окатило, а сердце понеслось нестройным галопом. То, что пришло из леса к нашей стоянке, было очень похоже на людей. Но людьми эти существа выглядели лишь внешне. Это были человеческие оболочки с бесцветными радужками глаз, бледной иссох-шейся, местами потрескавшейся кожей. Они с такой жадной взирали на людей, что сейчас, замерев каждый на отведенном ему месте, готовы были встретить опасность лицом к лицу. Но ни один аирец не встречал в этой жизни ничего подобного. Существа были полностью разумны, но совершенно бездушны. Словно их суть просто отрезали от тела. Как такое возможно?

Эта мысль была последней, перед тем как одно из существ, гортанно зарывчав, кинулось к самому центру лагеря. Его же примеру

последовали и остальные.

Я едва не пропустила тот момент, когда эти твари, а по-другому я просто не знала, как их назвать, пришли в движение. В один миг их фигуры просто смазались и исчезли во тьме ночи. Где-то совсем рядом послышалось, как режут воздух спущенные с тетивы стрелы, как вскрикивают и тут же захлебываются в собственном крике люди. И тут пришла первая волна, первая смерть, боль, ужас, страх, прошли тело, заставляя задыхаться от нахлынувших эмоций.

«Закрывайся!» – неожиданно резкий голос Сэ'Паи Тонга ворвался в сознание.

И тут уж сработали рефлексы, натренированные годами. Если мастер говорит, то тело делает вне зависимости от меня.

Закрыв сознание от потока нахлынувших эмоций, сметающих все на своем пути, распахнула глаза, которые сейчас больше всего походили на черные провалы. Я знала, как умеет смотреть Тень, надеюсь, что никому из живых не удастся увидеть этого сегодня. Поляна вокруг выцвела, превратившись из непроглядно-черной в светло-серую. Теперь я точно видела, что происходит вокруг. Существа нападали стремительно, быстро, так, что люди просто были не в состоянии увидеть происходящее вокруг них. Твари целились прямо в горло, легко разрывая тонкую кожу, они начинали жадно пить из поврежденных артерий, после чего откидывали от себя уже бездыханные тела, словно ненужные игрушки.

Легко скинула с мечей потертые ножны, даосская сталь, словно почувствовав, что сегодня ее пустят в ход, приветливо отозвалась в руке на просьбу о помощи в этой битве. И, более уже не медля, просто скользнула к твари, что уже подкрадывалась к Брэйдану, который отбивался сейчас от нескольких ее собратьев.

Высоко подпрыгнув, давая энергии свободно течь по телу, простым скользящим движением ударила по все еще не замечающей меня твари. Тихо и бесшумно приходит смерть, когда ее несет тень. Обезглавленное тело начало заваливаться на бок, но я уже не смотрела туда. Мое внимание было обращено к северянину. Рассудив, что он и так неплохо справляется, решила помочь тем, кому сейчас это было действительно необходимо.

«Не двигаться, скользить, словно тень во тьме. Бесшумно, так, будто тебя и вовсе нет. Не смотреть на тех, кому не помочь. Закрывать

чувства, думать о цели. Не бояться и не сомневаться, они не живые, их убили задолго до тебя, ты всего лишь освободишь их души. Позволишь им уйти, не оборачиваясь во тьме».

Основной наплыв тварей оказался как раз у шатра принцессы. Здесь в жестокой схватке сошлись люди и эти полумертвые твари. И последние явно выигрывали. Ближе всех ко мне оказалось существо, что с жадностью вцепилось в горло полумертвого аирца. С жадным чавканьем и всхлипами оно сосало теплую кровь, не замечая ничего вокруг себя. Именно в тот момент, больше уже ни в чем не сомневаясь, ударила крест-накрест, просто срывая голову с плеч твари. Теплая, пахнувшая гнилью и тленом, кровь россыпью капель брызнула на лицо и тело.

И вот тут-то меня заметили и остальные. Они бросились одновременно, сразу несколько существ, рыча, кинулись на меня. Приходилось вертеться, уворачиваясь от цепких когтей тварей. Все мои удары мечами, ногами воспринимались этими созданиями как нечто совершенно не несущее опасности. Они их просто не ощущали.

Мечи порхали, быстро и неустанно, дожидаясь своего мгновения. Но напор тварей и не думал хоть сколько-нибудь уменьшаться. На смену тем, что падали к моим ногам, приходили новые. А энергия внутри меня все более настойчиво требовала выхода, Тень хотела забрать их из этой реальности, стереть с лица земли раз и навсегда. Повинуясь единому порыву, отпустила призрачную руку, и та без промедления ворвалась в тело ближайшего существа, вырывая из самого нутра ее жизненную силу. Тварь словно подкошенная рухнула на землю. Ближайшие к ней испуганно отшатнулись на какой-то миг, но жажда вела их в бой и была куда сильнее страха.

Теперь сражение шло уже на двух слоях реальности. Тень брала то, что хотела, я уничтожала тела мечами. В какой-то момент поняла, что рядом со мной никого не осталось. Опустилась в низкую боевую стойку, осматривая окружающее пространство, на предмет особенно изворотливых и хитрых существ, но вокруг никого не было. Лишь тела и кровь. Поспешно отвернулась, стараясь не думать об этом, и начала осматривать поляну. Во всех ее концах звенела сталь. словно влившиеся в единое целое с воздухом, замерли крики и стоны людей.

Но неожиданно высокий, женский крик ворвался в окружающее пространство совсем рядом со мной. Кричали внутри белоснежного

шатра, на котором сейчас расцветали алые цветы из крови, пролитой рабами за жизнь той единственной, ради которой они могли бы умереть без вопросов и сомнений.

Не раздумывая, ворвалась в шатер. И тут же замерла, стараясь лишним движением не дать повода твари накинуться на сбившихся в кучку девушек, которые, трясаясь и плача от страха, прикрывали своими телами сжавшуюся в самом центре Иолу.

Тварь с интересом повела головой в мою сторону и... улыбнулась?! Так провокационно, нагло, хитро, смотрела она на меня.

«Мол, с кого начать, ты только выбери?»

– Иди сюда, – тихо прошелестел мой голос, так говорит лишь Тень сквозь толщу наслоившихся реальностей. – Или я приду...

Тварь как-то настороженно сжалась, чуть присела, всматриваясь мне в лицо... и заговорила!

– Мне нужна она, – прошипело существо, указывая кривым пальцем на дрожащую Иолу. – Она избранница, а тебя не трону, если уйдешь.

Он чувствовал Тень внутри меня. Чувствовал и боялся, а еще он все прекрасно понимал. Быть может, не такие уж они и мертвые... Нет. Не думать.

– Ты выбрал, – коротко сказала я, отталкиваясь от пола ногами, пуская энергию на свободу, тем самым усиливая прыжок. А существо прыгает мне наперерез.

Всего лишь короткий миг, один точный замах, удар – и тварь падает на пол, уже обезглавленная. А ее улыбка еще долго будет перед моими глазами, как подтверждение того, что иногда приходится делать выбор. И, что бы ты ни выбрала, он никогда не станет истинно правильным. И за каждое такое решение придется отвечать перед самым строгим судьей – твоей собственной совестью.

– Не выходите из шатра, – коротко бросила я, скрываясь за некогда белоснежным пологом.

Сколько времени прошло с начала этой бойни, я даже примерно не представляла. Но стоило мне выйти из шатра, как резкий, для глаз Тени, луч солнца пронзил серую хмарь на горизонте. Тут же зажмурилась, возвращая глазам привычный вид, а когда открыла их вновь, оказалось, что уже начинает светать. Уцелевшие твари, словно почувствовав приближение рассвета, начали отступать к кромке

тропического леса. Вскоре последняя из них скрылась за густыми зарослями, сверкнув напоследок недобрым взглядом, который обещал новую встречу.

Только сейчас я вдруг осознала, что вокруг царит просто ненормальная тишина. Она повисла над поляной покрывалом смерти и горя.

«А вдруг больше никто не выжил?» – паническая мысль пронеслась в голове, заставляя испуганно осматривать окружающее пространство.

Но вот Олаф склонился над чьей-то фигурой, рядом с ним застыл Бьорн, поджав побелевшие губы, он успокаивающе похлопал мужчину по плечу. Вот к ним спешат и остальные северяне: Дэйм, Рик, Бран, Стефан... Повернув голову в другую сторону, с облегчением понимаю, что с Брэйданом все хорошо. Сейчас он, Сэй Лум и еще несколько аирцев ходят среди распластанных на земле тел людей и животных, выискивая среди этой мешанины раненых, тех, кого еще можно спасти. Но, судя по всему, таких... нет?

Не сразу понимаю, как дрожат мои руки. И как тяжело вдруг становится дышать.

«Закрыться, держаться, закрыться...» – как молитву твержу сама себе.

Сама не понимаю как, но я уже иду в сторону сидящего на земле Олафа. Ощущения такие, что на поляне не осталось и сантиметра, на котором не было бы пролито крови. Кажется, что ступни с каждым шагом вязнут в кровавом месиве из человеческой плоти. Что-то влечет меня именно в тот уголок поляны, будто бы там я могу быть нужна кому-то... очень сильно нужна.

– Wir muss dane it^[50], – тихо шепчет Бьорн на ухо склонившемуся над кем-то Олафу. – Willst du mich...^[51]

– Ich will!^[52] – рычит вдруг Олаф, скидывая руку Бьорна с своего плеча. – Gabst mir sagt wilrau!^[53]

Уже не чувствуя ног, подхожу совсем близко. Кажется, мне не нужно знать языка, чтобы понять, что происходит. Его тело со всех сторон окружили северяне. Суровые воины, привыкшие терять то, что дороже всего, сейчас прощались с тем, кому привыкли доверять свою спину, кого многие уже давно считали братом. А кто-то провожал в последний путь родного сына.

Кельм лежал на темной от крови земле. Он тяжело и прерывисто дышал. Его губы потемнели, приобретая какой-то странный землистый оттенок. А рыжие локоны рассыпались по земле, превращаясь в бурокрасные. Он с трудом смотрел на родного отца, который в этот миг, казалось, состарился за все заимствованные годы. Олаф немигающе всматривался в глаза сына, словно пытаясь ухватиться за него, не отпустить, удержать.

– Well, da, wir met soon!^[54] – тяжело захрипел Кельм и попытался улыбнуться.

Первый шок прошел, и сейчас я просто не понимала, почему они все стоят и ничего не делают? Почему не лечат его?!

– Почему вы не поможете ему? – хрипло спросила я, привлекая к себе всеобщее внимание.

– Не лезь, пацан, – вдруг зарычал Бьорн, но тут же был отдернут от меня в сторону крепкой рукой Брэйдана, непонятно каким образом оказавшегося тут.

– Ничего нельзя сделать, – тихо сказал он, – яд *wigrou* разъедает душу, уничтожает ее.

Быстро перевела взгляд на Кельма. Рыжий, кажется, стал еще бледнее, но на его теле не было ни одного серьезного повреждения. Лишь маленькая розовая царапина на правой щеке.

«Вот и еще одно мое решение в эту странную ночь. Только сейчас сомнений быть не может, неважно это, главное помочь тем, чем можешь, здесь и сейчас». Аккуратно положила руку на плечо Олафа и, быстро обойдя убитого горем отца, приблизилась к Кельму. Осторожно опустилась на колени и положила ладони на его щеки.

– Что ты делаешь? – как-то потерянно спросил Олаф.

– Возвращаю тебе сына.

– Что?.. – непонимающе вскрикнул Бьорн.

Ему вторили и остальные. Я же их уже не слушала, а, поймав затуманенный взгляд рыжего северянина, начала склоняться над ним, пока наши лбы не соприкоснулись. Тень скользнула внутрь Кельма, чувствуя все его естество. Дело было плохо, так не выйдет.

– Велите женщинам освободить шатер и несите его туда, – жестко сказала я, не смотря ни на кого конкретно.

– Но... – попытался было кто-то возразить.

– Быстро! – уже прорычала я.

Когда Кельма занесли в шатер, северяне было попытались усесться вокруг умирающего. Но такого свидетельства моих подвигов мне уж точно было не надо.

– Вон пошли, – так же грубо скомандовала я.

Прослеживалась странная закономерность, что чем грубее я с ними разговаривала, тем лучше они выполняли приказы.

– Если хоть кто-нибудь войдет, будете хоронить его сегодня же вечером.

– Но ты... – опять встрял было Бьорн.

И вновь на помощь пришел Брэйдан.

– Хорошо, – коротко кивнул он, уводя товарища за руку, как ребенка.

Оставшись наедине с Кельмом, который так и не приходил в себя после общения с отцом, присела рядом с ним и, вложив в ладонь легкий энергетический импульс, хлопнула его по щеке. Рыжий недовольно нахмурился, но глаза все же открыл. Какое-то время он потерянно пытался всмотреться в мое лицо, несколько раз непонимающе моргнул и наконец-то сказал:

– Недоделанный? Тебе чего?

Я чуть не подавилась заготовленной по случаю речью! Но, быстро взяв себя в руки, как можно серьезнее сказала:

– Слушай сюда, Рыжий, я тебя вытащу, но мне нужно, чтобы и ты этого хотел так же сильно, как и я.

– Понятно, – расплылся в кривой ухмылке северянин. – Я сдох или сошел с ума?

– Пока ни то и ни другое, но еще слово – и будешь выбирать сам, – рыкнула на Кельма, используя уже проверенный прием.

Кельм странно нахмурился, но замолчал.

– Если скажешь кому, что сейчас увидишь, или хоть как-то упомянешь, я тебя сам же и порешу, учти, я не шучу.

Откуда брались силы у этого рыжего, я просто не понимала, но вместо того, чтобы согласно кивнуть, он опять разулыбался во весь рот и игриво поинтересовался, чего такого он не видел, что я могу ему показать.

– А вот и посмотрим, – хмыкнула я, начиная стягивать с него сапоги.

Я раздела его до нательных порток, которые, как я поняла, исполняли функцию нижнего белья. Все это время северянин не уставал посмеиваться и подшучивать над тем, чего я от него хочу. Должно быть, перестаралась я с импульсом, но нужен он мне был в сознании, когда я начну.

– Теперь послушай меня, Кельм, ничего не бойся, – вкрадчиво заговорила я. – Я проведу тебя за собой, но для этого мне нужно быть к тебе так близко, как только можно, я должен чувствовать тебя своим продолжением не только духовно, но и физически.

Кельм непонимающе сощурил глаза. Сейчас он выглядел еще более бледным, уставшим, но озорные огоньки в его глазах никуда не ушли. Я осторожно сняла шапочку и потянулась руками к пуговичкам на куртке.

– Э-э-э, – прохрипел он. – Дэй, ты чего это, парень? – кажется, северянина наконец-то проняло, и вид его стал каким-то испуганным.

– Если хочешь жить, то просто молчи, – еле слышно отозвалась я, кладя куртку рядом с ним. Тут же сняла обувь и начала разматывать ноги.

– Дэй, слушай, ты не смотри, что я того... – выразительно закатив глаза, сказал он. – Но на тебя меня еще хватит, лучше оденься и вали, – с рычащими нотками в голосе продолжал уговаривать меня он.

Не слушая больше его угроз, постаралась сосредоточиться на собственных ощущениях. Вот уж не думала, что придется предстать в таком виде перед мужчиной, и уж тем более не ждала, что этим человеком окажется Кельм.

Потянулась рукой к сложной косе, быстро распустила волосы, чтобы хоть так скрыть наготу. Сняла штаны, оставаясь в просторной рубахе и коротких, плотных штанишках, что выступали аналогом женского белья в Аире.

Северянин нервно сглотнул и как-то странно захрипел.

– Не все так, как ты привык думать, – если я хотела его успокоить, то сказала, видимо, что-то не то, потому как Кельм разразился совсем уж бурной тирадой на родном языке, а закончил всего несколькими словами по-аирски:

– Долбаный извращенец, я живым не дамся!

Не споря с ним, просто сняла рубаху и начала расстегивать крючочки на тугой полоске, что удерживала грудь. Со стороны

северянина воцарилось молчание, и лишь его учащенное дыхание говорило о том, что он все еще жив.

– Ты... – еле слышно прошептал он, когда широкая повязка упала рядом с ним, и тяжело сглотнув, с какой-то невероятной жадностью начал всматриваться в черты лица, фигуру. – Боги...

Я молча подошла к нему и опустилась на пол:

– Молчи сейчас, не мешай.

Когда мои тонкие пальцы легли на его запястья, Кельм странно напрягся, после чего дыхание его окончательно сбилось, став каким-то ломаным и хриплым. Открытыми ладонями провела по всей длине рук, до самых плеч, стараясь ощутить движение внутренних токов и энергии, подстраивая себя под него. После чего легко села к нему на бедра и, положив руки на отчего-то горячие щеки мужчины, наклонилась к нему так близко, что наши губы почти соприкасались.

– Посмотри на меня, – почти ласково прошептала в его губы.

Кельм, судорожно сглотнув, с трудом открыл глаза, неверяще всматриваясь в мои.

– Обними меня так крепко, как сможешь. – Его большие, грубые ладони тут же сомкнулись на моей спине, прижав к обнаженной груди.

Казалось, сердце Кельма вот-вот вырвется из груди, так сильно оно стучало сейчас. Мне и самой было не по себе, уж больно интимно он касался меня, слишком горячими казались его ладони, а глаза будто светились изнутри странным, будоражающим кровь блеском. Но сейчас все это было не уместно, не говоря уже о том, что ничего подобного впредь я постараюсь не допустить. Прикрыв веки, выпустила Тень, и когда вновь открыла глаза, уже тьма посмотрела в ответ на северянина.

– Иди ко мне, – позвала его.

Кельм, не в состоянии пошевелиться, испуганно замер, в немом ужасе продолжая смотреть мне в глаза.

Наклонилась еще ближе, соединяя наши губы. Теперь его вдох – это мой вдох, его сердце бьется так часто, но мое выводит свой ритм, уводя его за собой.

«Дыши со мной, будь мной, растворяясь во мне», – призывает Тень непокорную душу.

Серые глаза все еще испуганно смотрят, но вот проходит миг, и Кельм начинает дышать ровно, в унисон со мной. Его сердце превращается в эхо моего. Единый ритм биения жизни на двоих. Так

просто, так правильно. Но это лишь начало нашего пути. И уже через мгновение начинаю соединять наши поля. Многого не надо, лишь суметь слиться хоть на миллиметр, а дальше уже моя тень будет чистить его биополе, тело и душу.

Яд тварей серыми проплешинами выедает энергетическое поле северянина, я вижу это так ясно. Ощущения такие, словно в душу опрокинули кувшин кислоты, которая прожигает насквозь все, до чего может дотянуться, биополе похоже на рваную тряпку, аура из сияющей превратилась в блеклую и больную. Тянусь к ней своей тенью, поглощая в себя все поврежденные участки, заменяя их своей чистой энергией, вливая ее капля за каплей. Яд «жжет» меня изнутри, потому просто избавляюсь от него, выбрасывая на самые тонкие слои мироздания. Нематериальная материя, разве может быть такое? Еще как.

Кельм держит меня крепко, его руки замерли, словно стальные. Но сейчас не понять, где я, а где он. Мои пальцы запутались в рыжих прядях, а губы слились с его в единое целое. Это не поцелуй, нет, просто еще один способ быть ближе. Кажется, мы соединяемся друг с другом каждым миллиметром кожи, то же самое происходит сейчас и с нашими душами, аурами и энергиями. Полный обмен, замкнутый цикл, а я, словно фильтр, пропускаю через себя яд тварей сразу на нескольких слоях мироздания.

Время растворилось и перестало существовать, когда руки северянина обмякли и очень медленно опустились по моей обнаженной спине. Кельм уснул спокойным, оздоровительным сном. Ему нужно было ассимилировать мою энергию, принять ее и приспособиться, постепенно изменяя ее под себя. Тяжело дыша, я буквально съехала ему под бок. Перед глазами все плыло и кружилось, но мысль о том, что кто-нибудь может не утерпеть и войти, прибавила сил одеться. Несколько раз я просто не могла попасть ногой в штаны, кое-как, раза с десятого, удалось застегнуть крючки на повязке и натянуть на себя рубаху. Куртку, как я ни старалась, застегнуть не удалось.

С трудом поднявшись на ноги, сотрясаясь всем телом от слабости, поплелась в сторону выхода. Непослушные пальцы сжимали шапочку, которую я так и не смогла надеть. Волосы остались также распущенными.

Полог шатра показался каким-то невероятно тяжелым. Откинуть его удалось далеко не сразу, несколько раз я подносила руку к плотной ткани и просто не могла ухватиться за его край, промахиваясь снова и снова. Возникло желание плюнуть на всё и на всех и остаться спать прямо здесь, у входа. Когда полог шатра распахнулся с другой стороны, яркий солнечный свет больно ударил по глазам, заставляя щуриться.

– Дэй, – тихо произнес такой знакомый голос Брэйдана.

Без лишних слов он подхватил меня на руки и вынес наружу.

– Как ты? – С тревогой посмотрели на меня зеленые глаза.

– Устал, – скупо сказала я, откидывая голову ему на плечо.

Брэйдан нес меня не долго, в какой-то момент он остановился и очень аккуратно, не спуская меня с рук, сел на землю. Тут же поняла, что мы не одни. Он принес меня туда, где сейчас одним, уже не таким большим, кругом, сидели уцелевшие после нападения люди и северяне. Только женщин среди них не было. В круге с нашим появлением воцарилось гнетущее молчание, и десятки любопытных глаз обратились ко мне. Перед глазами все расплывалось, но тем не менее я постаралась взять себя в руки и посмотреть на лица тех, кто ждал от меня объяснений.

Брэйдан еще крепче прижал меня к себе и заговорил:

– Спрашивай, и мы уйдем, – обратился он к кому-то сидящему справа от себя. – Он сильно ослаб, – кивнул Брэйдан в мою сторону.

Тут же кисти моих рук накрыла одна огромная мозолистая рука, и я увидела, как надо мной склоняется отец Кельма. Лицо Олафа было словно восковая маска, казалось, мужчина приготовил себя к самым страшным новостям и уже вознамерился хоронить своего ребенка. Морщины на его лице, ранее не столь бросающиеся в глаза, приобрели четкие очертания. Взгляд стал тусклым и каким-то безжизненно пустым.

– Скажи мне, – тихим шепотом попросил он, словно уже знал ответ.

– Он спит, скоро проснется, надо будет покормить, – говорить получалось с трудом. – Восстанавливаться будет еще несколько дней, но все будет хорошо, Олаф.

Огромная ладонь как-то судорожно сжалась на моих кистях, и только сейчас заметила, что северянин дрожит всем телом. Олаф

сильно зажмурился и только и успел сказать «спасибо», прежде чем Брэйдан решительно поднялся и зашагал в сторону реки.

Он нес меня в полном молчании, изредка бросая в мою сторону задумчивые взгляды. Весь его вид говорил о крайней степени сосредоточенности. Но вот джунгли немного отступили, и мы оказались на берегу небольшой реки. Брэйдан аккуратно опустил меня на землю, позволяя прислониться спиной к широкому стволу дерева. Сам же присел напротив и пристально посмотрел на меня. Солнце светило ярко, причудливо золотя поверхность воды. Эти искры отражались сейчас во взгляде северянина, делая его изумрудным. Невольно я начала погружаться в эту манящую зелень. Казалось, что меня утягивает куда-то далеко. Мир переставал существовать, лишь только эта притягательная зелень его глаз имела значение.

Должно быть, я начала заваливаться на бок, потому как Брэйдан решительно поймал меня за плечи и вернул в исходное положение.

– Чувствую, надо принять меры, иначе разговора не выйдет, – пробормотал он, поворачиваясь ко мне спиной и уходя к реке.

Северянин наклонился, зачерпывая в ладони, сложенные лодочкой, прозрачную воду, и, повернувшись ко мне в профиль, поднес жидкость к лицу. Брэйдан некоторое время просто смотрел на собранную воду. Потом аккуратно подул на нее, и в этот самый момент вода в его ладонях начала переливаться всем радужным спектром, бросая сияющие блики на лицо мужчины. Он удовлетворенно кивнул и вновь подошел ко мне.

– Пей, – сказал он, поднося ладони к моим губам.

Я было попыталась отмахнуться от него, но Брэйдан и не думал отступать.

– Пей, – повторил он.

Попыталась немного приподняться, опираясь на руки, но идея оказалась не слишком удачной. Руки слушались плохо, сил не было совершенно, потому обреченно откинулась вновь на ствол дерева. В этот момент ощутила, как кончики пальцев северянина коснулись губ. Поняв, что сопротивляться смысла нет, приоткрыла рот. Стоило первой капле упасть на язык, как горло пронзил спазм. Такой жажды я не испытывала никогда прежде. Казалось, то не вода была в его ладонях, а живительный источник. И капли, что падали с его пальцев, растворяясь на языке, проникают в каждую клеточку организма, неся с

собой силу, энергию, жизнь. Удалось сделать всего несколько глотков, как я накрыла его руки своими ладонями, привлекая их ближе к губам, и пила уже сама. Чувствовала, как восстанавливается сила внутри меня, как приходит в норму энергетический баланс. И лишь когда мои губы коснулись уже пустых ладоней, испуганно открыла глаза и подняла взгляд на сидевшего рядом северянина. Брэйдан казался странно напряженным и пристально смотрел на меня. В нерешительности я немного отодвинулась от него, он же просто продолжал смотреть, должно быть, обдумывая, как начать разговор.

– Кто ты? – тихо, спросил он. – Я видел, что ты делал этой ночью, – хрипло продолжил говорить он. – Многие из нас видели, но не все были в состоянии понять, что именно тебе подвластно. Но это не относится ни ко мне, ни к Рику с Дэймом, ты же понимаешь? – вопросительно взглянув на меня, спросил он.

Я медленно кивнула.

– Кто ты? – еще раз спросил он. – Если способен убить тварей, даже не касаясь их? Что за сила в тебе сокрыта, Дэй? Ты излечил Кельма, хотя всем известно, что после укуса или царапины, нанесенной этими существами, есть только две дороги: либо стать одним из них, либо смерть. Душу нельзя исцелить – это неподвластно никому из нас. Ты же сумел и это.

Ненадолго замолчав, он отвернулся в сторону реки и, глубоко вздохнув, продолжил:

– Я видел многих воинов, я среди них вырос, – жестко чеканя каждое слово, говорил северянин, сверля меня испепеляющим взглядом изумрудных глаз. – Я знаю, какими бывают истинные мастера в наших краях, как они умеют сражаться, убивать... Но еще я никогда не видел, чтобы воин расслаивался между реальностями, переходя из одной плоскости мира в другую... Скажи мне, Дэй, если ты не враг нам, а я, похоже, один из немногих, кто продолжает так думать, – когда он это сказал, я изумленно распахнула глаза и посмотрела прямо на него. – Люди всегда боятся того, чего не знают и не понимают, – примирительно сказал он.

Тяжелый вздох вырвался помимо моей воли. И, откинувшись вновь на широкий ствол дерева, я обратила свой взор к реке. Сейчас мне не хотелось смотреть в глаза северянину. Не хотелось не потому, что я боялась его. Вовсе нет, просто почему-то мне было неприятно от

того, что придется ему лгать. Конечно, кое-что я все же расскажу ему, наверное, даже больше, чем нужно. Но отчего-то главной тайной сейчас казалось вовсе не то, что я Тень, а то, что я – женщина. И именно ее мне хотелось открыть ему больше всего. Вот ведь странно...

– Я... – Невольная усмешка возникла сама собой, но вовремя совладав с собой, посмотрела пристально в его глаза, выпуская тень на поверхность. – Не человек.

Брэйдан напрягся всем телом, несколько отшатнувшись от моих потемневших глаз. И только сейчас пришла запоздалая мысль, что я, наверное, несколько поспешила с демонстрацией своих особенностей. Поспешно вернула глазам прежнее состояние, сказала:

– Во всяком случае, не в общепринятом представлении. Мои родители были людьми, я – нет.

– Как такое возможно? – растерянно пробормотал он, продолжая рассматривать меня своим пронизывающим насквозь взглядом.

– Мы такими рождаемся, никто не знает, вследствие каких именно причин, – я старалась говорить спокойно и размеренно.

– Мы? Вас таких много?

– Смотря что ты понимаешь под словом «много», – невольно улыбнулась в ответ.

– Сколько вас? – жестко спросил он, не поддавшись на мою улыбку, Брэйдан оставался крайне напряженным.

– Достаточно, – уклончиво ответила я.

– Ты не скажешь мне?

– Я не скажу об этом никому, – пояснила я.

– Но в нашем отряде таких, как ты, больше нет?

– Нет.

– А они знают о тебе? – имея в виду аирцев, спросил он.

– Нет.

– Зачем ты здесь? – вкрадчиво спросил он, наклоняясь ко мне ближе.

Этот допрос не слишком-то мне нравился, потому наклонилась точно так же к нему и посмотрела прямо в глаза.

– Чтобы обеспечить вашу безопасность, – коротко сказала я, следя за реакцией северянина.

Казалось, Брэйдан потерял дар речи. Он продолжал смотреть на меня, не находясь со словами, и кажется вообще выпал из реальности.

Наши лица были друг от друга на расстоянии нескольких сантиметров, и я чувствовала его теплое, слегка учащенное дыхание на своей щеке. Должно быть, он был ошарашен моим заявлением о «безопасности», мне же просто хотелось смотреть на него так близко, вдыхая аромат его тела. По спине прошла волна жара, и я, не ожидая такой реакции на его близость, отшатнулась, нервно глотая воздух.

Выражение лица северянина на какой-то миг показалось разочарованным, но это было столь мимолетным, что я не была даже уверена в том, что правильно его растолковала.

– Откуда ты? – серьезно спросил он через какое-то время, что мы провели в полной тишине.

– Имеешь в виду, где я вырос?

– Да.

– Есть ли в ваших краях монастыри? – вместо ответа спросила я.

– Нет, у нас такого нет. Я не очень хорошо представляю, что это такое, – как-то рассеянно отозвался Брэйдан.

– Это такие закрытые коммуны, где люди, объединенные одними общими убеждениями или целями, живут отдельно от остального мира, – как могла, пояснила я. – В таком месте я рос.

– И что же это за монастырь? – с трудом выговорив новое слово, спросил он. – Я слышал, как ты говорил, что являешься Паи последней ступени Ю Хэ, это такая школа воинов, так?

– Монастырь, – поправила я. – Ю Хэ – это монастырь, где воспитывают воинов.

– И что, куча мужиков живут за стенами монастыря совершенно закрыто? – несколько отвлекшись, недоверчиво переспросил он.

– Да, – не совсем понимая, что его так смущает, ответила я.

– А женщин воинскому делу у вас учат? – решил уточнить он.

– Нет, это недопустимо.

Брэйдан на какое-то время замолчал, потом посмотрел на меня и прямо спросил:

– Ю Хэ ведь не то место, где рос ты?

– Откуда такие выводы? – настороженно произнесла я.

– Ну, ведь остальная охрана тоже обучалась в Ю Хэ, а ты сам сказал, что никого подобного тебе тут больше нет, – пояснил он свои соображения. – И как же бедные мужики выживают? – уже тише,

практически на грани слышимости пробормотал он, слегка покачав головой. – Так откуда ты, Дэй?

– Я послушник монастыря Дао Хэ, – прямо ответила я. – Точнее был им. Сейчас я на тропе выбора.

– Выбора? Дао Хэ? – переспросил северянин.

– Да, я ушел из монастыря и сейчас ищу свой путь. А Дао Хэ это монастырь, что находится очень далеко отсюда, меж Восточных гор.

– Там живут такие, как ты? – решил уточнить он.

– Да, но запомни лучше сразу, если вдруг кому-то придет идея наведаться туда с визитом, нежелательным для наших монахов, вы оттуда не вернетесь. Это не угроза, горы вас не отпустят и не подпустят.

– Да я... – как-то растерянно начал отвечать Брэйдан, – и не имел в виду ничего такого.

– А я и не считаю так, но жизнь может обернуться по-всякому. Даосцы не желают зла никому, даже своим врагам. Мы не приемлем насилия, потому стараемся его избегать, например, предупреждая заранее, что нас лучше не трогать.

– Как ты оказался в отряде, направляющемся в наши земли?

Тут я несколько насупилась, вспоминая предложение учителя посмотреть мир и все прочее, что столь невинно предлагал мне мастер. Думаю, Сэ'Пай многого мне не сказал тогда, скорее всего, он знал куда больше, но воспитывать же нужно, потому и умолчал.

– Император попросил моего учителя об услуге. И на то есть документ, если нужно, – решила сделать жест доброй воли, может, перестанут тогда подозревать в том, в чем не надо.

– Не обижайся, Дэй, но думаю, мои товарищи захотят ознакомиться, – не слишком уверенно сказал он. – Я верю тебе и так, но сейчас у нас в стране крайне тяжелая обстановка, потому и подозревать приходится всех и вся. Да еще и нападение это...

– А что с ним? – заинтересовалась я.

– Ну, как бы мы идем новой тропой, о которой никто, кроме тех, кто состоит в отряде, не знает. План передвижения, который был утвержден в Аире по землям Умира, мы поменяли еще на границе. Те твари, что пришли этой ночью... – начал говорить Брэйдан, – в Умире таких нет, Дэй. Эти земли, конечно, кишат всякой дрянью, но такого они еще не знали.

– Откуда такая уверенность?

– Потому что эта чума наших земель, а вы столкнулись с ними впервые этой ночью, не так ли?

– Это правда, я и не знал, что возможно нечто подобное.

– На севере возможно все, – коротко заметил он. – А это – порождение наших льдов. И их сюда привезли. Точнее привезли, скорее всего, одну особь или несколько, но вирги быстро увеличиваются в числе за счет своих жертв.

– Кто?

– Это наше название, сокращенное, а в переводе будет означать «ледяные демоны», я так думаю.

– Ты не понял, кто привез? – решила пояснить свой вопрос я. Познания особенностей перевода, конечно, интересно, но не сейчас.

– Это довольно долго объяснять, – скупое ответил он, пытаясь сменить тему разговора.

– Ну, так мы никуда не спешим, – многозначительно подняв брови, сказала я. – Брэйдан, думаю, мне следует знать кое-что и о тебе, – тут же поправилась: – О вас. Сегодня ночью умерло много людей. – Мысль о том, что скоро мое восприятие восстановится само собой, немало пугала, но закрываться больше суток подряд я не смогу. В идеале нужно покинуть это место до того момента, как мои блоки упадут, но на ночь глядя сниматься никто не станет, а это значит только одно – ночь будет долгой...

– Кельм чуть не погиб, – тяжело вздохнула я, – стольким аирцам просто разодрали глотки, а мы от самого Аира ушли лишь на расстояние дневного перехода. Кто вернется домой, Брэйдан, если нападения продолжатся, м-м? Вы втроем и я? Или только я? Что молчишь? – требовательно посмотрела я на него.

– Мы все понимаем, но внутренние дела страны... я не уверен, что вправе их обсуждать, – очень аккуратно сказал он.

– М-м-м, в переводе это означает: «Я тебе верю, пока ты рассказываешь о себе, и твои дела не касаются ни меня, ни моей страны»? Как это будет сокращенно? – иронично улыбнувшись, спросила я.

– Нет, – поспешил возразить он. – Ничего подобного! Ладно, если уж я прошу быть честным тебя... – он многозначительно обвел меня взглядом. – То могу быть и сам честным с тобой в равной степени.

Если не вдаваться в подробности... – и опять этот многозначительный взгляд в мою сторону. – В нашей стране идет междоусобная война.

– Война? – А в голове забились лишь одна мысль: «Куда мой дорогой Сэ'Паи меня отправил? Он что, не знает, что со мной станет на войне? Одни отголоски сведут сума уже на подходе!»

– Да, – согласно кивнул он. – Как ты понимаешь, вследствие произошедших с нами изменений не могло произойти и того, что многим вечная жизнь весьма понравилась. А то, что женщины оказались неподвластны этим переменам, их не слишком-то и озаботило.

– Что случилось в вашей стране?

– Эксперимент, – коротко ответил он.

– Что?

– Это случилось давно, некоторым из властителей было мало полученной силы. Умение манипулировать энергией казалось недостаточным. Точнее не так, они захотели облагодетельствовать и всю нацию.

– Но зачем? – Само вмешательство в естественные законы мира казалось кощунством.

– Дэй, я не знаю, сколько тебе на самом деле лет, – заговорил он. – Но поверь, когда ты рождаешься в обычной семье не таким, как все, с даром Властителя. А твои родители, сестры, братья, любимые, друзья всего лишь люди, которые умирают, болеют, стареют, то невольно начинаешь задумываться над тем, а нельзя ли и им продлить жизнь? Разве не приходила тебе подобная мысль?

– Нет, – просто ответила я. – У меня нет семьи, Брэйдан. Все мои близкие такие же, как и я. Но даже, если бы дело касалось человека, я просто могу отправиться вместе с ним...

– Что? Самоубийство? – не на шутку возмутился он.

Я невольно улыбнулась, хотя и не к месту.

– Что за бредовые мысли в твоей голове? – неправильно истолковав мою улыбку, спросил он.

– У нас несколько разные понятия о некоторых вещах, – уклончиво ответила я. – Продолжай.

Брэйдан еще какое-то время гневно сверлил меня взглядом, но поняв, что его многозначительные взоры не находят отклика, продолжил свой рассказ.

– Наше общество в те годы разделилось. Были властители, которые ратовали за естественный порядок вещей, а были те, кто желал перемен. Смертные в эти дела не посвящались, и их мнения никто не спрашивал, – тяжело вздохнул он. – В ходе бесконечных экспериментов с энергопотоками появились вирги и еще целая вереница тварей, которые и по сей день бродят по нашим землям. Мне кажется, что наши маги добрались и до Умира, уж больно характерные черты воздействия.

Стараясь воспринимать сказанное им как можно более хладнокровно. Я задала вопрос, который сейчас интересовал меня более всего:

– Почему последствия неудачных опытов, – кое-как заставила себя выдать это слово, – не были устранены?

– Кто-то был, кто-то нет. Честно сказать, Дэй, я не знаю, чем руководствовались те, кто оставлял их в живых.

– Все твари человекоподобные?

– Нет, есть разные.

– И на всех не действует магия?

– Прямое воздействие не действует на самых высокоорганизованных.

Какое-то время я пыталась осознать сказанное северянином, и чем больше я над этим думала, тем страшнее мне становилось.

– Что сейчас у вас творится?

– А сейчас страна расколота надвое. В одной ее части живут те, кто желает избавиться от навязанного дара, а в другой те, кто желает оставить все как есть. И я сильно подозреваю, что Ингвер знает, кого мы везем с собой в родные края.

– Ингвер?

– Да не важно, – смутился он. – Они знают, вот что главное.

– Ясно, – сказала я, вставая и с удовольствием потягиваясь, разминая затекшую спину.

– Что, неужто вопросы кончились? – иронично изогнув бровь, спросил он, поднимаясь следом за мной.

– Каждый вопрос хорош в свое время, – вспомнив любимую присказку учителя, сказала я.

Восточная мудрость впечатления не произвела, северянин лишь фыркнул и улыбнулся.

– Идем, надо помочь остальным. Еще не все тела убраны, – как-то чересчур просто сказал он. – Скоро вечер, хотелось бы успеть с погребением каждого.

Стоило войти в лагерь, как я начала чувствовать себя нехорошо. Меня начало ощутимо мутить, но это было не из-за того, что вся поляна была усеяна человеческими телами. Как раз тел и не было. Но отголоски чужой боли, мучительной смерти начинали проникать в сознание. Пока это можно было терпеть.

Люди сустились где-то на другом конце поляны. Там же были и служанки принцессы, сама принцесса и несколько десятков уцелевших аирцев. Все они, кроме принцессы, разумеется, стаскивали туда разномастные ветки и поленья, сооружая какой-то массивный постамент.

– Надо сжечь тех, кто был убит, – пояснил Брэйдан. – Я оставлю тебя ненадолго, нужно поговорить с остальными, – сказал он и пошел к остальным.

Я шла неспешно, с осторожностью, делая шаг за шагом. Старалась смотреть куда угодно, но только не туда, где горой были свалены тела убитых. Люди, замечая мое приближение, смотрели с осторожностью, о чем-то тихо перешептываясь. Наконец, от группы аирцев отделилась фигура Сэй Лума, и он, под пристальными взглядами северян и своих братьев по оружию, пошел в мою сторону. Капитан остановился, не дойдя до меня нескольких шагов, и низко поклонился.

– Сэ'Пай, – прошептал он, а я аж замерла от такого обращения.

Хорошо, что я держала себя предельно собранной все это время, потому тут же нашлась с ответом:

– Сэй Лум, – сказала я, – никогда не склоняй головы передо мной.

– Но... – попытался возразить он.

– Нет, я монах Дао Хэ, а не Император.

Сэй Лум испуганно выпрямился. Глаза его расширились, а дыхание сбилось:

– Дао Хэ? – и тут он начал заваливаться на колени.

Мысленно застонав, бросилась ловить мужчину, до того, как он решит улечься передо мной ничком.

– Ну хватит уже, – просипела я, схватив его за плечи и потянув вверх. – Нашел место, где прилечь, – буркнула я, понимая, что если он будет упорствовать, то ляжет как раз на меня. – Слушай, имей совесть, я тебя не удержу, – из последних сил удерживая капитана от падения, хрипела я. Честно сказать, уже начала думать, не встряхнуть ли его как следует, используя силу.

Но тут Сэй Лум образумился естественным путем и, твердо встав на ноги, сказал:

– Простите меня.

– Сэй Лум, перестань, мне не за что тебя прощать. – Капитан попытался что-то возразить, но я постаралась расставить все точки над «і» тут же. – Я прошу тебя оставить все, как есть. Твой порыв мне понятен, и я знаю, что для вас значит встретить живого даосца, но прошу, позволь мне остаться самим собой, не превращаясь в героя благородной сказки?

Какое-то время Сэй Лум просто смотрел на меня, размышляя о чем-то своем, но после кивнул.

– Я сделаю, как просишь.

– Спасибо, – благодарно улыбнулась я. – Пойдем, скажи, чем помочь? – зашагала я вперед, не дожидаясь, пока Сэй Лум придет в себя.

Честно сказать, мне было ужасно неловко. Ну, кто я такая, скажите мне? Что уважаемый воин, защитник, заслуги которого неоспоримо выше моих, будет стоять передо мной на коленях? Иногда порядки, которые царят в Аире, меня сильно угнетали. Эта вечная необходимость кланяться под разным углом для каждого представителя знати, бесправность большей части населения и положение женщины в качестве обстановки дома. Все это было мне чуждым.

Но сейчас было не место и не время думать о подобных вещах. Мой блок начинал опадать. Еще немного и нужно будет куда-нибудь уйти. Отсидеться до утра.

– Нужно перенести трупы на деревянный настил, – тем временем говорил капитан. – Северяне сказали, что смогут сжечь их тела дотла. Уж не знаю, как им это удастся?

– Ясно, – скупо ответила я, в то время, когда мы уже подошли к месту, где были свалены... они.

Сейчас все мужчины занимались тем, что переносили трупы на приготовленный деревянный постамент. На меня в данный момент просто косились, разговаривать в царящей атмосфере смерти никто даже не пытался. Лица многих походили на замершие маски. Молодые аирцы, что пережили эту ночь, но потеряли друзей, соратников, просто людей, с которыми им приходилось делить хлеб, выглядели опустошенными и измотанными. Глаза многих были красными от перенапряжения и скупых слез. Северяне же выполняли то, что требовалось, без какой-либо толики эмоции, что нашла бы отражение на их хмурых лицах.

– Бери за руки, а я за ноги и понесли, – обратился ко мне капитан, стоило в нерешительности замереть рядом с этим капищем.

Стараясь побороть дрожь в руках, наклонилась к трупу уже немолодого мужчины, что, по всей видимости, был возницей одной из повозок. Решительно взялась за предплечья, в то время как Сэй Лум подхватил тело за щиколотки. Не сговариваясь, мы встали и понесли.

Ощущения накатывали, словно волны океана, ритмично и часто, но тут же отступали, наталкиваясь на выставленный щит. Я чувствовала эти эманации, но пока только их присутствие. Никакого физического дискомфорта. Надолго ли?

Пока мы несли тело возницы до деревянного постамента, я старалась думать и желать освободившейся душе мирного пути, призывая ее не жалеть ни о чем и идти вперед. Не знаю, слышали ли умершие мои молитвы, но я очень надеялась на это.

Каждый раз, когда мы несли очередного умершего к месту, где он будет похоронен, я старалась не прикасаться к обнаженной коже. Пыталась ухватиться за ткань рубахи или куртки, лишь бы избежать полного контакта. Но тем не менее с каждым разом становилось все сложнее сдерживать себя. В очередной раз, следуя к постаменту, я старалась смотреть лишь себе под ноги, не думая ни о том, что делаю, ни о том, кого держу за руки. Вот только Сэй Лум, должно быть, очень устал за прошедшие сутки, потому как он без конца запинаясь в шаг. И вот, на самом подходе к деревянному настилу, Сэй Лум неожиданно споткнулся, а я чисто механически попыталась перехватить запястья умершего, но вместо того, чтобы опять ухватиться за рукава рубахи, мои ладони заскользили и уже в самый последний момент сомкнулись на ни чем не прикрытых кистях.

Испуганно распахнув глаза, пытаюсь оглядеться. Так темно, все кричат, а я никак не могу понять, что происходит?! Слышны звуки боя, испуганное ржание лошадей. Но ночь такая темная, с трудом удается разглядеть то, что происходит на расстоянии всего метра от меня. Но страх овладевает всем моим естеством. Откуда-то точно знаю, что если останусь на месте, то не выживу! Бежать, нужно отсюда бежать, чем дальше, тем лучше! Я не воин, я не обязан умирать. Я просто не могу умереть... Едва переставляя ногами, что кажутся сейчас какими-то ватными и чужими, я бегу в полнейшей тьме. Дышу так часто, что, кажется, легкие не выдержат и взорвутся у меня в груди, а сердце – это то единственное, что я еще могу слышать, его стук. Значит, я жив!

Меня что-то сбивает с ног, что-то настолько сильное, что я даже не в силах пошевелиться под этой железной хваткой, просто пытаюсь дернуться, встрепенуться, хоть как-то сопротивляться. В то время как острая боль пронзает кожу на шее и что-то горячее бежит по горлу, стекая за шиворот куртки. А боль от шеи постепенно разрастается по всему телу. Ощущения такие, что я горю без огня. Хочется кричать, но крик захлебывается в странных булькающих звуках. А это нечто все продолжает удерживать меня, не давая двигаться еще некоторое время, которое кажется вечностью из агонии страха и боли. После мое тело заваливается на бок, и хотя я понимаю, что больше ничто меня не держит, а пошевелиться все равно не могу. Только и вижу, как фигура того, кто сделал это со мной, исчезает в чересчур стремительно наступающей тьме...

Реальность возвращалась постепенными толчками. Сначала мир вокруг окрасился светлыми тонами, проявились окружающие стоянку деревья, люди. Каждый из предметов и живых существ проявлялся постепенно, с трудом его словно выталкивало в окружающую меня пустоту.

– Ты в порядке? – должно быть не с первый раз встревоженно интересовался Сэй Лум.

Звук проходил будто через толщу воды, как-то замедленно, приглушенно.

Я стояла, все еще держа мертвеца за руки, и не в состоянии ни вдохнуть, ни выдохнуть. Создавалось впечатление, что воздух

потерялся где-то в легких и сейчас разрывал грудную клетку огнем.

Я понимала, что буду ощущать то, что чувствовали те, кто здесь погиб. Но уж никак я не была готова к тому, что буду переживать с ними миг их гибели. Сейчас, смотря на Сэй Лума, я все еще чувствовала, как смыкаются клыки на моей шее, как горячая кровь быстрыми струями бежит куда-то мне за воротник куртки и как боль расцветает огненным цветком в моих венах.

– Да, – судорожно выдохнув, сказала я. – Послушай, Сэй Лум, – быстро заговорила я, боясь пропустить очередную волну, что уже подкатывала ко мне. – Я сейчас уйду, не ищите меня, я вернусь на рассвете, когда все будут готовы продолжить путь.

Сэй Лум, который привык исполнять то, что ему говорят высшие чины беспрекословно и точно, кивнул. Но все же решил уточнить:

– Что если они вернуться? – спросил он.

– Значит, вернусь и я, – просто ответила я. – Но я не думаю, что это случится сегодня.

– Почему?

Вот и что я должна ответить на этот закономерный вопрос? Потому что не чувствую тревоги? Потому что сегодня есть уверенность и спокойствие относительно того, как пройдет ночь? Маловероятно, что моя интуиция прозвучит как весомый довод.

– Потому, – сказала я как раз в тот момент, когда мы положили тело на деревянный настил. – Я буду недалеко, – бросила я и решительным шагом пошла прочь, пересекая поляну.

Мои щиты таяли на глазах, каждый шаг давался с трудом. Когда я была у самого края поляны, очередная волна паники, боли, страха накрыла меня, выбивая воздух из легких. Я выгнулась, пропуская ее сквозь меня и стараясь выровнять дыхание. Перед глазами на миг возникло и исчезло бледное лицо вирга. Просто вынырнуло в окружающий мир, обнажая клыки, и тут же рассеялось, будто и не было.

Теперь я уже бежала, прорываясь сквозь густые заросли наугад, задыхалась, пережидая очередной мираж, где с громким чавканьем мою глотку драли острые зубы, и вновь продолжала бег. Это был настоящий кошмар, куда хуже того, что я пережила этой ночью. За какие-то минуты я побыла на месте пожилого возницы, что умирая, так и не понял, что с ним произошло. Была и молодым воином,

который в миг своей смерти думал лишь о том, как же он хочет жить. Была и другом того самого воина, который попытался защитить товарища, но ему свернули шею, не успел он подойти на достаточное расстояние! Я умирала и умирала, корчась от боли в какой-то канаве, в которой оказалась каким-то непостижимым образом. Должно быть, упала, когда в очередной раз реальный мир угас, подсовывая моему сознанию картинку недавнего прошлого.

Я и подумать не могла, что будет так! До этого дня я ни разу в своей жизни не сталкивалась с таким побоищем. Единственные трупы, виденные мной, были животными, не людьми. И даже тогда мне было паршиво, а сейчас это была мясорубка для души. Самое страшное было в том, что я не могла отделить свое сознание от сознания убитого. Я свято верила, что все мной виденное происходит именно со мной. На какой-то миг сознание замещалось переживаниями жертвы, ее образом мышления, чувствами, страхами, болью. В себя я приходила ненадолго, времени хватало лишь на то, чтобы вздохнуть несколько раз, осмотреться и вновь погрузиться в очередной кошмар.

Уже потом я думала о том, почему все происходило именно так. Ведь не должно же было быть так плохо? Быть может, дело было в том, что это были не посторонние для меня люди? А может, потому, что они были убиты массово в одном месте, которое не удалось тут же покинуть? Возможно, и потому, что убивали их так страшно? Не знаю, но это было совсем не то, к чему меня готовили. Сэ'Паи никогда не говорил, что можно настолько реалистично считывать смерть с места, только эмоции, иногда образы, но никогда он не упоминал о том, что можно реально перенестись в минувшие события, в каждую из жертв, раз за разом.

В очередной раз приходя в себя, я поняла, что что-то изменилось. Я больше не лежала на сырой земле, не сжимали мои пальца ее клочья. Но я все еще находилась в лесу, не на поляне. Только вот теперь меня что-то, а точнее кто-то крепко держал на руках, бережно прижимая к широкой груди. Этот кто-то пах, словно бриз соленого океана. И этот запах был первым, что удалось осознать. Одной рукой он удерживал меня на своих ногах, а второй гладил по слипшимся волосам и что-то говорил. Я совершенно не могла понять, что? Сперва казалось, что это набор урчащих и гортанных звуков. Но сам голос был смутно знакомым. Я попыталась оторвать голову от плеча, к которому ее

прижимали, но получилось это лишь тогда, когда сам мужчина почувствовал, что я пришла в себя. Он ослабил хватку, и я смогла поднять на него взгляд.

Брэйдан удерживал меня одной рукой, вторая же бережно провела по моему лицу, откидывая прилипшую к щеке прядь. Он выглядел каким-то подавленным и разбитым. Взгляд казался не на шутку встревоженным. Казалось, он просматривает меня всю насквозь, слой за слоем, вглядываясь куда-то все глубже и глубже.

– Брэй... – слабо прошептала я, не в силах произнести его имени до конца.

Брэйдан судорожно вздохнул и притянул меня еще крепче к себе. В тот же миг мне стало нечем дышать, и я протестующе уперлась ладонью в его грудь.

– Живой, – облегченно выдохнул он. – Боги, провалиться б тебе на этом месте, – запричитал северянин, как-то чересчур нежно водя пальцами по моим волосам. – Чтоб ты сдох, – тут же приласкал он. – Как ты мог так поступить! Ты идиот, что ли, правда?

– Брэйдан, я... – попыталась слабо возразить, но меня тут же прервали.

– Заткнись лучше, – шикнул он. – Как ты мог? Как ты мог так поступить, никому не сказав?! Мы такое пережили прошлой ночью, эти твари все еще бродят где-то в этих лесах. Но стоило немного отвлечься от твоей светлейшей монастырской зад... от тебя, короче, как ты умотал в лес за каким-то тебе одному известным делом, свалился в канаву и решил здесь же и заночевать!

– Брэйдан, ты не... – вяло попыталась я оправдаться.

– Молчи! Только молчи, или всеми Богами клянусь, выкину туда, где подобрал, и сверху засыплю! Ты хотя бы понимаешь, полоумный, что вода, которую я дал тебе на берегу – это чистая энергия, которая нужна была для восстановления. Но она же закрыла твою ауру тонкой восстановительной пленкой, тебе отдыхать нужно, а не по лесам слоняться!

«Ах, вот оно что, аура... Истончившаяся аура не выдержала, прорвало преграду», – запоздалое понимание произошедшего пришло ко мне сейчас.

Брэйдан продолжал держать меня на руках, как-то потерянно его пальцы скользили в моих волосах, путались в прядях и вновь гладили,

утешали.

– Ты такой придурок, Дэй, – как-то тихо прошептал северянин, прижимая меня еще немного сильнее. Совсем чуть-чуть, но так приятно.

– Прости, – прошептала я ему куда-то в плечо, – сам не ожидал, что так получится...

– Угу, – хмыкнул он, уже как-то более спокойно. Мне даже показалось, что именно сейчас он улыбается. Я даже увидела перед мысленным взором эту улыбку, такую теплую, в которую хочется верить...

– Не смей так больше поступать, понял? – строго сказал он. – Что произошло? Почему ты потащился в лес на ночь глядя?

– Мне должно было стать плохо, – чуть слышно, правдиво ответила я, не считая нужным скрывать это сейчас.

– В смысле «плохо»? – непонимающе спросил он, и я даже представила, как хмурятся его темные брови в этот момент.

Я глубоко вздохнула, немного подумала, как лучше все объяснить, а потом просто рассказала то, что происходит с любым даосцем, стоит ему прикоснуться к вещи, принадлежавшей другому человеку, остановиться на ночь в чужом доме, просто зайти в место, где кто-то когда-то жил. Мы чувствуем энергетику места, можем понять, была ли семья, проживавшая в том или ином доме, счастливой, или же под крышей конкретно какого дома происходили плохие события, будь то убийства, скандалы, драки, что угодно. Любые места, предметы, вещи, все равно, что своеобразные пишущие устройства, которым под силу запомнить все с момента их создания.

– И ты сейчас чувствовал то, что...

– Нет, Брэйдан, сейчас я умирал ровно столько раз, сколько было убитых прошедшей ночью, – каким-то чужим голосом сказала я. – Должно быть, все потому, что аура так истоцилась, пока я занимался Кельмом. Так быть не должно было, но было... Знаешь, если мне суждено умереть с разорванным горлом, то это будет как-то обыденно, что ли? – вяло пошутила я, а рука северянина так и замерла на моих волосах.

Он долго молчал. Молчала и я. Опираясь щекой на его крепкую грудь, где под тонкой рубашкой, прощупывались твердые, как гранит, мускулы и так быстро билось сердце. Станным образом именно этот

звук придавал сил, заставляя чувствовать себя уверенно и защищенно. И так это было ново для меня, чувствовать кого-то столь близко и верить, что именно ему под силу защитить, уберечь и помочь.

– Я тебя попрошу только один раз, Дэй, – каким-то незнакомым ледяным тоном заговорил северянин. – Если впредь возникнет подобная ситуация, ты поставишь меня в известность до того, как твой монашеский зад решит, что ночью в джунглях безопасно лежать без сознания в первой попавшейся канаве, – жестоко чеканя последние слова, сказал он. – Ты понимаешь, что мы могли бы покинуть это место до того, как тебе стало бы так плохо?

– Как бы мы ушли, Брэйдан? А остальные, а? Разве собрать обоз так быстро, а трупы, а Кельм?

– Ну, уж до ближайших кустов или канавы дошли бы, – съехидничал он, а я отчего-то покраснела. Хорошо, что ночь, не видно.

Эту ночь мы так и провели под ветвями раскидистого дерева. Брэйдан оперся спиной о его широкий ствол, продолжая удерживать меня на руках. А я, сама не знаю когда, провалилась в умиротворяющий сон. Казалось, энергия, что такими мощными потоками клубилась вокруг Брэйдана, укутала меня теплым, непроницаемым одеялом, и я, больше не чувствуя чужой боли, просто выпала в сон.

Просыпаться не хотелось, но солнце уже начинало раскрашивать небо ярко-алыми красками, воздух нес утреннюю прохладу, а еще меня кто-то неустанно щекотал за нос. Поняв, что это не игры сонного разума, тут же распахнула веки, скрестив глаза на переносице, и просто замерла, затаив дыхание.

Они были такими маленькими, просто крошечными, с ноготок. Птички, не бабочки, не мухи, а именно что птички! Серебристо-зеленые крошки порхали в золотом солнечном свете на небольшой полянке, перелетая от цветка к цветку. И такая вот крошка, должно быть, решила, что мой нос это какой-то диковинный цветок, и сейчас настойчиво пыталась засунуть свой маленький клювик в него.

Не в силах оторваться от такого волшебного зрелища, я не сразу поняла, что меня кто-то очень крепко обнимает за талию, сковав тело в кольце сильных рук. Перед глазами тут же всплыл вчерашний день и его завершение, поняв, что это руки Брэйдана, я странно успокоилась, чем немало саму себя удивила. Я не выносила прикосновений ни

раньше, ни сейчас, всегда старалась избежать этого. Но когда ко мне прикасался он, это не вызывало неприятия. Даже наоборот, это было... хорошо? Но сейчас мне очень хотелось показать Брэйдану то, что видела я. Словно какое-то чудо, которое следовало разделить именно с ним. Не сильно пихнула северянина в бок. Брэйдан сначала что-то недовольно пробормотал на своем языке, потом как-то странно напрягся, еще сильнее сжимая меня в руках, и тут же резко оттолкнулся от ствола дерева. От этого движения странная птичка испуганно отшатнулась от меня, а я замерла, потому как теперь он прижимал меня к своей груди всем телом.

– Что? – выдохнул он, обжигая щеку горячим дыханием.

– Смотри, – сказала я, кивая в сторону порхающих существ.

Крохотные птички, казалось, могли просто зависать в воздухе над понравившимся им цветком. В этот момент их маленькие крылышки двигались так быстро, что их было не различить. Золотые лучи утреннего солнца игривыми бликами отражались на изумрудном оперении этих созданий, делая их какими-то нереальными и волшебными.

Мы оба смотрели не отрываясь. Казалось, Брэйдан был поражен не меньше меня, потому как он смотрел на открывшееся зрелище так же пристально, как и я. Только руки его в какой-то момент стали обжигающей спиралью, что сплелась на моем теле. Удары его сердца я могла чувствовать сквозь ткань куртки, а дыхание огнем обжигало щеку. Волна непонятого волнения прошла по телу и разлилась теплым огнем внизу живота. Эта его близость стала вдруг такой волнительной, пугающей, непонятной.

– Пойдем, – чуть хриплым голосом попросила я. – А то остальные волнуются, наверное.

Он ответил не сразу, продолжая смотреть прямо перед собой.

– Не волнуются, – хриплым, должно быть, со сна голосом, сказал он. – Я им еще вчера передал, что нашел тебя, Дэй, – выдохнул он мое имя.

От этого его «Дей» волна мурашек побежала по телу, заставляя бороться с собой, чтобы не поежиться прямо в его объятиях.

– Все равно пора уже, – настойчиво сказала я.

Отчего-то было неловко, что сейчас, несмотря на то что уже утро и я чувствую себя вполне хорошо, он все же продолжает так крепко

меня обнимать. Брэйдан не стал спорить, просто как-то судорожно выдохнул, вновь опалая мне щеку своим горячим дыханием, разомкнул руки и позволил встать.

То, что он больше не касался меня, внесло в душу странное смятение, ощущение утраты расплзлось в сердце горечью и смесью чего-то совершенно неопределимого. Странные птички вмиг утратили свое очарование. Да и это удивительное утро вдруг стало каким-то блеклым и совершенно обычным. Как же так?

Вдруг с какой-то необъяснимой ясностью я поняла, что запущен где-то в сердце необратимый и необъяснимый процесс. Все менялось, преображалось, мое мировосприятие рушилось на глазах, и... это пугало куда больше, чем нравилось.

«Душевное волнение», какое странное и непонятное словосочетание, думала я раньше. Что могло означать оно? Как можно потерять внутренний баланс? Невозможно. Гармония и целостность, вот что казалось мне основополагающими истинами, которые должны царствовать внутри каждого. И сейчас странный мужчина непонятно каким образом вторгается в установленные мною порядки. Он раскачивает маятник внутреннего равновесия, стоит ему лишь пристально посмотреть на меня, улыбнуться. И всё – волнение, желание, томление вскидывают голову глубоко в душе, разбивая ее гладь спокойствия и умиротворения. «Должно быть, что-то не так со мной? Быть может, Брэйдан использует на мне свою силу, а я не понимаю как?» – подозрительно скосив взгляд на идущего рядом северянина, подумала я.

«Но он же не знает, что я девушка». – Эта мысль огненной вспышкой возникла в сознании. Не удержавшись, я сделала глубокий вдох и замерла на середине шага.

«Что же происходит? Сэ'Паи!» – растерянно позвала я того, к кому так давно привыкла обращаться, когда мне нужна была помощь.

«Дайли?» – последовал незамедлительный ответ, и знакомое присутствие чужого сознания в голове. «Понятно», – через какой-то миг отозвался Сэ'Паи Тонг, без труда считывая события последних дней.

«Что? Что вам понятно?» – с надеждой спросила я.

«Ты плохо училась, Дайли, – многозначительно добавил мастер. – Ты боишься потерять равновесие, которое устоялось внутри твоей

души, а почему бы не найти его вновь в том, что открывается тебе сейчас».

«А что мне открывается?» – заранее зная, что он не ответит, спросила я.

Сэ'Паи вместо ответа прислал мне картинку, и от вида ее кулаки сами непроизвольно сжались.

Мастер показал свой образ. Сидящий в собственной келье, на небольшой подушечке мужчина хитро щурился мне в ответ, отпивая даосский чай из маленькой пиалы. Улыбка на его губах говорила лучше всяких слов и означала она только одно: «Я не понимаю вопроса, отвечать не буду, какой же хороший день сегодня». Примерно так он смотрел на меня, когда решал, что в этом вопросе я должна разобраться сама.

И тишина. Сэ'Паи просто схлопнул сознание, закрывшись от моих мыслей на неопределенное время.

– Что-то не так? – заинтересованно спросил Брэйдан, увидев, как я растерянно замерла посреди леса. – Ты можешь туда идти? Или встретим обоз уже на дороге?

– На дороге, – буркнула я, понимая, что идти на поляну, где был разбит лагерь, не самая лучшая идея.

Брэйдан попытался положить руку мне на плечо, а я, сама не понимая, почему, вдруг резко отшатнулась от него.

– Ты чего? – нахмурился северянин.

– Ничего, пойдем, – хмуро ответила я. И решительно направилась в ту сторону, где мы смогли бы присоединиться к остальным.

Мы шли в полной тишине. Брэйдан все равно как почувствовал мое нежелание общаться, молчаливо шел впереди. А я... начинала думать, что схожу с ума. Он молчал, а мне хотелось, чтобы он что-то сказал, но если бы он это сделал, я бы не стала слушать и разговаривать... Меня пугал он, пугало его близкое присутствие, мне хотелось, чтобы он был рядом и как можно дальше! Хотелось, чтобы он вернул тепло своих рук, лежащих на моей талии, и хотелось, чтобы он никогда больше ко мне не прикасался. Эта какофония эмоций, желаний, странных образов выводила меня из равновесия. И был еще один немаловажный момент, о котором не стоило забывать. А если быть точной, то их было несколько. Во-первых, Брэйдан считает меня мужчиной... Что я последнее время как-то упускала из виду, но его

странные знаки внимания, наверное, не совсем естественны среди мужчин? А вдруг у них так принято? Или, может, ему нравятся мужчины?.. Нет, этого не могло быть, ведь он же женится... Он женится, и это во-вторых, почему... что? Только сейчас я начала осознавать те чувства, что зарождались внутри меня, так ясно, как никогда прежде. Но это же невозможно?

Я вновь замерла на середине шага, не в состоянии понять, осмыслить, осознать! Как это возможно? Как... пришло в мою душу это странное, всепоглощающее чувство? Как сумел появиться его росток, и всего за несколько недель, словно ядовитая лиана, опутать сердце, душу, разум? Разрастись везде, куда было способно добраться, а я понимаю это только сейчас, смотря в спину человеку, который решительно идет вперед, уходя от меня все дальше и дальше. И ведь бесполезно пытаться сохранить это, как не следовало и осознавать, что оно есть. Совсем скоро мы окажемся в северных землях, где Йола станет женой Брэйдана. А я, словно побитая палкой собака, уйду, зализывая раны, что, может быть, и неосознанно, оставит этот северянин у меня на сердце. Ведь будет именно так. Даже если он поймет, что я женщина, сможет ли это что-то изменить?

На душе стало совсем тоскливо. Чувство безнадежности разрасталось внутри все сильнее и ярче. Как-то некстати пришла мысль, а могу ли я вообще претендовать на его внимание? Красива ли я? Достаточно ли интересна для мужчины, чтобы задуматься о том, что меня можно полюбить? Никогда прежде не волновал меня этот вопрос. Да и с чего бы?

Я вновь зашагала следом за северянином, только вот больше не было в душе трепета от одного взгляда на него. Точнее к трепету присоединилось еще и отчаянье: как же так?

Мы присоединились к обозу практически сразу, как оказались на дороге. Должно быть, северяне могли передавать мысли друг другу, иначе не объяснить, как они узнали, когда выдвигаться, и что Брэйдан нашел меня вчера вечером. А, судя по тому, что сам северянин сказал, что передал им обо мне, то вывод мой был именно таким.

Брэйдан совершенно спокойно подошел к своему жеребцу, забрал поводья у Рика и, даже не посмотрев на меня, запрыгнул в седло.

Казалось бы, ничего страшного не произошло, а обидно стало все равно. Моего осла удерживал Сэй Лум, и когда я подошла к нему, он тут же поинтересовался, не желаю ли я пересесть на лошадь? Раньше, наверное, согласилась бы не задумываясь, а теперь не хотелось.

Обоз наш сильно уменьшился и теперь состоял из пяти повозок, где место возниц занимали оставшиеся в живых воины Аира, северян, Сэй Лум и меня. Наши мудрецы тоже понесли утрату. В страшную ночь погиб целитель.

Стоило мне оказаться верхом на воем «скакуне», как осел целенаправленно потрусил ближе к жеребцу Брэйдана, к которому он столь сердечно прикипел за последнее время. Да и, похоже, не он один, только в отличие от осла, мне нравился тот, кто с гордой осанкой восседал на вороном коне, хмуро смотря вперед и, казалось, ничего не замечая вокруг. Мы ехали молча, казалось, Брэйдан никак не отреагировал на то, что я подъехала ближе к нему. Он все так же продолжал о чем-то сосредоточенно размышлять. Я же сначала расстроилась, толком не понимая отчего, потом же решила, что все это может и подождать. А вот то, что я нигде не видела Кельма, меня насторожило. Его коня вел за своим Олаф. В то время как самого воскресшего северянина нигде не было. Почему-то я была уверена, что уже сегодня утром он сможет подняться и самостоятельно передвигаться. Возможно, что у него будет легкая слабость. Неужели я ошиблась?

– Олаф, – негромко позвала я северянина, что ехал прямо позади меня.

Усатый мужчина выглядел лет на десять моложе, чем вчера. Чему-то улыбался, напевая себе под нос какую-то весьма заунывную мелодию, и едва ли не радовался всему и вся. Олаф расслышал меня не сразу, где-то со второго раза. Казалось, что он совершенно не осознает, какой вид у него сейчас, а может, у северян принято открыто выражать то, что на душе?

– Чего тебе, малец? – добродушно поинтересовался мужчина.

– Где Кельм, Олаф? – несколько встревоженно спросила я, указывая взглядом на неспешно идущую следом рыжую кобылу.

– У него, – нахмурился Олаф, а я вдруг испугалась, что что-то случилось, пока меня не было. Но тогда почему все такие спокойные? А сам отец Кельма сияет получше новой монетки?

– Stephen, as sage 'ausschlaze ubungen'?^[55] – тихо поинтересовался он у пристроившегося рядом с ним Стефана.

– Он режет в постели, – не задумываясь перевел Стефан и серьезно кивнул мне.

– Кого? – испуганно спросила я, теряя нить разговора.

– Постель, – серьезно подтвердил Олаф. – Режет постель.

– Зачем?

– Устал, значит, надо.

Смерив этих голубчиков неоднозначным взглядом, решив, что лучше спросить у кого-нибудь еще, что там «режет Кельм от усталости», отвернулась. За спиной странно зашушукались и, посмеявшись немного, замолчали. Чем же, интересно, я их так позабавила? Несут невесть что!

– Aus strange er^[56], – буркнул Стефан, в то время как Олаф согласно кивнул.

Как выяснилось чуть позже, отец Кельма настоял, чтобы сын провел этот день в постели. Это пояснил мне Рик, в то время как Брэйдан вновь замкнулся. Размышляя о чем-то о своем, он старался без необходимости не смотреть в мою сторону и не заговаривать. Я изредка посматривала на его гордый профиль снизу вверх и в такие моменты ловила себя на мысли, что мне нравится смотреть на него. Нравится, как солнечные блики путаются в иссиня-черных волосах, как зажигаются его зеленые глаза озорными огоньками, стоит золотым лучам их коснуться невзначай. Это завораживало. И стоило немалых трудов отвернуться и просто не думать. Дайли было обидно его невнимание, а для Дэя, мальчика, которого я изображала, это было бы правильно? В том смысле, что так и следовало бы себя вести мужчине с женщиной? Наверное, да.

А вечером меня ждал сюрприз. Причем настолько неожиданный, что на какое-то время я просто потеряла дар речи. Я как раз собиралась навестить Кельма, который сейчас находился в одной из повозок, когда мы встали на очередную стоянку. Расседлав осла, решила, что надо бы поговорить с северянином. Узнать, изменилось ли его отношение ко мне и в какую сторону? Что он намерен делать с полученной информацией? И конечно же надо было посмотреть, как северянин восстанавливается после полученной травмы?

И вот, когда осел отправился кормиться сочной листвой растущей вокруг стоянки растительности, ко мне подошла одна из служанок принцессы. Девушка выглядела изрядно смущенной, но в то же время она была полна решимости. Потому, глубоко склонившись передо мной, она прошептала:

– Госпожа желает говорить с вами, Сэ’Паи. Она будет ждать вас, когда все лягут спать, на берегу ручья.

Девушка выпрямилась так резко и, не дожидаясь ответа, поспешила обратно в уже установленный шатер, который после предыдущей ночи из белоснежного превратился в буро-серый. Я лишь растерянно моргнула ей вслед, совершенно не понимая, что на этот раз взбрело в голову Йоле?

Решив, что дела принцессы еще могут обождать, быстрым шагом направилась в сторону повозки, где должен был быть Кельм. Я уже потянулась к пологу, как он распахнулся, и на землю прыгнул Кельм. Он, должно быть, как раз собирался выбраться из-под душного тента, потому никак не ожидал, что кто-то окажется так близко к входу. Я резко отскочила в сторону, чтобы северянин не прыгнул прямо на меня.

Кельм казался бледнее обычного, но выглядел гораздо лучше, чем вчера. Тут же начала просматривать его энергопоток, ауру, общее состояние. Все было в пределах нормы. Должно быть, со стороны это выглядело так, что я беззастенчиво его разглядываю с ног до головы. Кельм странно напрягся, когда мой взгляд остановился на его резко исхудавшем за эту ночь лице, и порозовел...

Его взгляд словно приклеился к моему лицу, глаза лихорадочно блестели, дыхание вмиг сбилось.

– Э... это, – нерешительно забормотал он. – Спасибо тебе, – неразборчиво сказал он, отчего это больше походило на «спасибо те», потом глубоко вздохнул, и выпалил: – Жене только не говори, – на этой фразе северянин пошел красными пятнами и странно закашлялся.

В этот момент стало так хорошо. Захотелось улыбнуться и заверить северянина, что уж кто-кто, а я точно ничего не скажу. Я очень переживала, как он пройдет сквозь мою энергию, как воспримет подобную близость. Ведь как побочный эффект могла возникнуть и влюбленность, увлечение, желание быть ближе. Но, судя по виду

Кельма, он, конечно, испытывал определенную степень неудобства, но волновало его совсем другое.

Широко улыбнулась в ответ, и как это было принято среди северных мужчин, размашисто хлопнула Кельма по плечу:

– Не волнуйся, Red affer^[57], не скажу. – Признаюсь честно, такое обращение к Кельму я слышала очень часто, потому и решила так его назвать. Наверное, это было каким-то домашним прозвищем или что-то вроде того, потому как сам северянин воспринимал подобное обращение с улыбкой и смехом, задорно отвечая собеседникам. Вот только я, наверное, что-то не так сказала, потому как Кельм как-то странно закашлялся и нервно кивнул в ответ.

– А ты, Кельм, сохранишь мою тайну? – очень серьезно спросила я.

Лицо северянина вмиг приобрело сосредоточенное выражение, и он ответил:

– Я обязан тебе, Дэй, как никому и никогда не был. Я буду молчать столько, сколько нужно, и от меня никто и никогда не услышит о том, что произошло прошлой ночью, – а потом, уже шутливо: – Жаль только, настоящего мужика из тебя так и не сделаю, а ведь обещал.

В этот момент я вдруг поняла, что больше не одна в этом долгом походе. У меня появился друг. Настоящий друг, на которого можно будет положиться, что бы ни было и, который обязательно поможет в меру своих сил.

Тем временем сумерки сгущались, северяне вновь выставили свой щит, под которым стало холодно и неудобно. В этот раз щит стал больше, и вопреки моему желанию, он охватывал и часть берега ручья. Для моих глаз поляну окутало нежно-голубое сияние. Брэйдан продолжал вести себя отчужденно. Он не говорил со мной, не смотрел в мою сторону, занимаясь сугубо делами по размещению лагеря. Я тосковала. Когда лазоревые узоры раскрасили купол и под ним стало ощутимо холодать, отчего-то вспомнилось сегодняшнее утро и то, как же было хорошо проснуться на его руках. Тепло и спокойствие – такое ощущение от объятий было только рядом с ним.

Лагерь погружался в сон. Поверхностный, беспокойный, но сон. Мне же не спалось совершенно. Во-первых, у меня свидание, смешно сказать, совсем скоро. Во-вторых, меня одолевало беспокойство, не

нападут ли вирги в эту ночь? Интуиция молчала, я старалась верить ей, но беспокойство от этого все равно не уходило.

Лагерь окунулся в умиротворяющую тишину, и лишь время от времени всхрапывающие кони нарушали покой спящих. Я откинула с себя покрывало и, легко ступая по земле, направилась к ручью. Ступать бесшумно было так же легко, как дышать. Часовые на своих постах так и остались не потревоженными. Уж не знаю, как Иоле удастся прийти в назначенный час, но у меня проблем с этим не возникло.

Когда исчезли последние заросли, растворившиеся в царящей вокруг тьме, я оказалась на берегу ручья, русло которого серебрила полная луна, Иола уже была там. Она стояла спиной ко мне. Такая маленькая, хрупкая, и казалось, абсолютно беззащитная. Ее нежно-голубое кимоно ниспадало на землю и в свете ночного светила казалось серебряным водопадом, укутавшим ее невесомую фигурку. Иола смотрела на небо, вероятно, о чем-то думая и совершенно не замечая того, что уже не одна на берегу.

– Ты звала меня? – мой голос разбил окружающую тишину, заставив принцессу испуганно вздрогнуть.

Она тут же взяла себя в руки, нервно сглотнула и повернулась ко мне лицом:

– Да, – прошелестел ее голос в ночи. – Звала... – и было в этом слове какая-то недосказанность, что сейчас повисла в воздухе.

– Зачем? – спросила я, понимая, что молчать можно долго, вот только как-то не хотелось совершенно.

– Дэй... я, – нервно закусив губу, вновь замолчала она и сделала шаг по направлению ко мне.

Честно сказать, мне стало не по себе от этого ее маневра. К чему все это? Чего она хочет? Если прочувствовать местность, то никого кроме ее, меня и двух служанок, притаившихся в ближайших кустах, нет. Я бы еще поняла, если бы где-то поблизости находились остатки стражи Иолы, и она захотела, таким образом, меня скомпрометировать. Но мы были одни, то есть почти одни!

– Прости меня, – почти ласково сказала она, подходя еще на один шаг ближе ко мне. – Ты спас меня, нас всех, – слово «всех» было сказано с таким придыханием, что у меня невольно волосы на теле встали дыбом. – А я... я была не права. – Ее глаза встретились с моими

и, кажется, теперь были не в состоянии оторваться. Она смотрела так пристально, так открыто, и в них читалось неподдельное чувство вины. Ну, мне так казалось, поскольку я была несколько шокирована происходящим и изображала самую простую по композиции статую.

– Пойми меня, – тяжело вздохнув, говорила она, с каждым шагом приближаясь все ближе. Сейчас я очень хорошо понимала, как так кролики не в состоянии убежать от смотрящего на них удава. Чувствовала себя примерно так же. Вот уж ситуация! – Это замужество, оно сделало из меня вздорную, избалованную дрянь. Мой отец жестокий человек, он привык получать то, что он хочет, не спрашивая никого. Меня никогда не спрашивали, Дэй, чего хочу я.

Конечно, я понимала ее. Нас никого не спрашивали. Ни одну из женщин Аира не спрашивают, чего они хотят. С той лишь разницей, что я была благодарна судьбе за тот выбор, который совершили мои родители, отдав меня в монастырь. Иола же пока не поняла и не приняла свою судьбу. И как же мне хотелось быть на ее месте...

– Я спрошу, чего ты хочешь, принцесса? – несколько холодно поинтересовалась я.

Иола в нерешительности замерла, не дойдя до меня нескольких шагов. Как-то испуганно отвела взгляд в сторону.

– Ты – первый мужчина, который обращался со мной не как с принцессой или с женщиной, а как с человеком, – тихо сказала она. – Ты не давал мне спуска в моих ошибках, ты спас меня, оказавшись самым сильным и смелым, и я...

– Послушай, я...

– Не перебивай меня, пожалуйста... – в нерешительности замолчала она. – Мне ненавистна сама мысль о предстоящем замужестве за этим мужланом. И я хотела... То есть подумала, что... вот, – сказала она, протягивая мне красный платок, сложенный в несколько раз.

Не вполне понимая, что она там надумала, без какой-либо задней мысли, приняла ее дар. Иола выжидающе смотрела на меня. Ее взгляд был не требовательным, но просящим. И решив, что стоит посмотреть, что такое она мне дала, медленно развернула края платочка. Белоснежные лучи полной луны высветили такой же нежно-белый цветок Э'куры, лежащий на ярко-алой ткани. Стоило мне увидеть это,

как я похолодела от макушки до пяток. И тут же подняла взгляд на принцессу.

– Прошу тебя, – с мольбой в голосе сказала она. А меня от ее слов прошиб холодный пот. – Я прошу тебя быть им, – посмотрев на цветок в моих руках, дрожащим от волнения голосом сказала она.

Прекрасно осознавая, что после того, что я скажу ей, я стану для нее единственным и самым верным врагом, я так же ясно поняла, что эту ситуацию нельзя пускать на самотек. При всем моем желании я бы просто не смогла выполнить ее просьбу. Хотя в чем-то могла ее понять. Ей, как и любой женщине, хотелось быть с тем, кто смотрел бы на нее, как на равную. Мы были практически ровесницами, а молодой Дэй, должно быть, представлялся ей хорошим, сильным воином, который разглядел за ее положением человека. В постели с которым она смогла бы почувствовать себя любимой, пусть единожды, пусть и не с тем, о ком мечталось, но и не с тем, за кого принуждали выйти.

– Прости, – тихо прошептала я, протягивая цветок ей обратно.

Иола замерла. Казалось, внутри этой девушки поднялась настоящая буря, что сейчас просто вымораживала ее изнутри.

– Ты отказываешь? – тихо спросила она, не в силах скрыть неожиданно заблестевшие в ночи глаза.

– Твой цветок предназначен не мне, – тихо прошептала я, боясь своим голосом нарушить ту хрупкость, что мешала пролиться первым слезам принцессы.

Сейчас она казалась такой беззащитной, маленькой девочкой. Хотелось прижать ее к себе крепко-крепко, позволить ей быть самой собой, оплакивая ее горе. Все еще держа в одной руке платок, я взяла свободной кистью ее руки. Принцесса не сопротивлялась.

– Давай поговорим? – предложила ей, уводя чуть дальше от любопытных взглядов слуг.

Она молчала, смотря куда-то сквозь меня.

– Не молчи, Иола, нужно поговорить, – вкрадчиво сказала я.

– Я хотела, чтобы ты сделал это для меня, – через какое-то время сказала она упавшим голосом. – Хотела, чтобы хотя бы что-то в этой жизни зависело от меня. Понимаешь? Хотя бы что-то!

Мы разговаривали долго. Иола неожиданно раскрывалась совершенно с другой стороны. И не принцесса была в эту ночь перед моими глазами, а девочка, которая считала, что оказаться на севере –

это худшая кара, что могла быть ниспослана свыше. Я видела то, как она внутренне содрогается от одной мысли о предстоящем замужестве, и мне становилось ее жаль в эти моменты. Но вмешиваться в ход вещей я тоже не представляла себе возможным. Ведь разве не стоит это того, что Кельм, Олаф, Стефан, все остальные, не предназначенные самой природой к бессмертию, вернуться к нормальной жизни? И порой можно ведь найти что-то хорошее, казалось бы, в самой безвыходной ситуации. Попытаться ее изменить для себя, но оставить прежней для остальных. Быть может, и ей следовало посмотреть на северян под другим углом, попытаться увидеть в Брэйдане то, что видела я... Это был не тот вопрос, в котором я разбиралась хорошо, и не тот вопрос, в котором мне хотелось бы помогать. Но разве могло быть иначе? Возможно, это от меня и требовалось.

Когда я уходила, Иола оставалась стоять на берегу ручья. Ее энергетический фон вернулся в норму, и сама девушка выглядела более спокойно. Она смотрела мне вслед, и влажные дорожки на ее щеках серебрила луна.

Когда Дэй скрылся в зарослях джунглей, маленькая принцесса еще долго смотрела ему вслед. Сначала ее взгляд казался каким-то потерянным и тусклым, ей было искренне жаль, что он отказал. Это было бы куда проще, получи она его согласие. Но поздно было отступить, после того какие последствия были у данного ей согласия. Не здесь и не сейчас, много раньше. Когда она сказала «да» тому человеку, что обещал избавить ее от замужества, она не могла и подумать, к каким событиям это приведет. А всего-то и нужно было надеть глупый медальон.

Иола решительно встряхнула головой, поворачиваясь спиной к растущему позади нее лесу и тихо сказала:

– Не хочешь, значит? И я не хочу... – сказала она, сжимая в крохотной ладошке маленький серебряный кружок, что на тонкой веревочке носила она под своим кимоно.

Одинокая слеза скатилась по щеке девушки, находя знакомую дорожку от уже пролитых. Нет, она была честна с Дэем не полностью, кое-что она не договорила, но ни перед кем она прежде так не открывала душу.

А это уже было много. Ее сердце иногда самой Иоле казалось бездонной пропастью, где были намешаны секреты, интриги, горе, разбившиеся мечты, много чего еще, но самый главный ее сундучок хранился на самом дне души. И берегла в нем Иола свою волю. Волю к жизни, к самостоятельности, свободе – и готова была отдать за это очень и очень многое.

– Значит, будет по-другому, прости меня, Боже, я хотела иначе...

Ни Дэй, ни сама Иола в этот момент не очень хорошо представляли, что такое щит северян. Как и то, что что бы ни происходило под его пологом, это не станет лишь тайной для двух девушек, но и не ускользнет от внимания тех, кто был за этот щит в ответе.

Ночь прошла, над стоянкой забрезжил рассвет, а мне казалось, что всю ночь я бегала в полную силу своих физических способностей. Разговор с принцессой стал неожиданно болезненным. Не только потому, что мне и впрямь было жаль ее. Но и потому, что я явственно понимала сейчас, что я и Брэйдан – это то, что невозможно. Просто по определению вместе нам, увы, не быть. Не те предназначения, разные судьбы и разные пути. Это выматывало душу, мое спокойствие, внутренний баланс осыпался крупными хлопьями пепла. А я теперь не знала, как все вернуть на место. Как сохранить то, что еще осталось, и не позволить чувствам, что разъедали меня изнутри, окончательно разрушить все до основания.

Я сосредоточилась на том всепоглощающем солнце, что зарождалось в груди, каждый раз стоило мне подумать о северянине. Представила, как мои невидимые руки аккуратно обнимают его, говорят спасибо за то, что удалось почувствовать за эти недели. А потом представила, как солнце уходит в тень. Медленно, неохотно, я погружала его в истоки своей силы. Уговаривала, настаивала, подчиняла. Любовь останется, но чувствовать ее я не буду. Хотя бы какое-то время будет легче, проще. Я не стану замечать его, перестану думать и мечтать о том, чему не сбыться. Я постараюсь, а Тень поможет.

Когда я вновь оказалась в седле, жизнь не расцвела новыми красками, не стала проще. Теперь она погрузилась в равномерный

серый. И гладь моей души успокоилась, пусть ненадолго, но она пришла в необходимое равновесие.

– Доброе утро, – сказал Брэйдан, подъехав ко мне на своем вороном жеребце.

– Доброе, Брэйдан, – безразлично скользнув взглядом по северянину, я кивнула ему.

Мужчина задумчиво нахмурил брови и, не сказав более ни слова, отправился во главу отряда. Мой осел своевольно последовал за ним.

Обоз неспешно двигался по наезженному тракту, меня равномерно покачивало в седле, казалось, что это ритм жизни вокруг. Плавный, умиротворяющий и дающий успокоение. Брэйдан молчал, думая о чем-то своем, молчала и я, потому как сознание мое было далеко. Пользуясь тем, что мы двигаемся ровно, и впереди еще долгий путь, я просто выскользнула из тела и теперь невидимой тенью стелилась меж дремучих зарослей каймаровых деревьев, что росли исключительно в богатой влагой почве и напоминали собой едва проходимую чащу. Тонкие стволы переплетались между собой так, что в этих зарослях царила вечная ночь, несмотря на яркое, палящее солнце на небосводе. И мне это нравилось, хотелось одиночества, покоя. Хотелось раствориться во тьме, отстраняясь от окружающего мира. Золотая нить, что была связующим звеном между мной и телом, давала возможность удаляться на любые расстояния, тело при этом не страдало, и даже было способно на минимальные механические действия. Я не улетала далеко, старалась держаться ближе, быть рядом.

В таком состоянии ощущение времени незаметно стирается, теряя свой ход, растворяется в окружающем пространстве. Потому очень легко потеряться на несколько дней, если это твое первое путешествие за рамками сознания. Мое было уже... я не помню, каким по счету, но именно сейчас удержаться, чтобы не пустить свою суть в свободный полет, было невероятно тяжело. Но отнюдь не я стала тем отрезвляющим фактором, что заставил меня настороженно замереть.

В царящем вокруг полумраке, среди переплетенных стволов каймаровых деревьев, где невозможно пройти простому человеку не вооруженному мечом, чтобы прорубить себе дорогу, крались твари. Они сливались с окружающим пространством, быстрые,

неразличимые простому зрению, следовали они параллельно нашему обозу. Их белесые глаза мелькали то тут, то там. Они следили, ждали, преследовали, оставаясь незамеченными и невидимыми. Казалось, кто-то из них передвигался, не касаясь земли, скользящие тени под сенью густых зарослей, куда не проникал солнечный свет, ведомые голодом и жаждой. Их было достаточно много на наш маленький, изрядно потрепанный отряд. И сейчас мне казалось, что оставшиеся в живых люди вряд ли сумеют пережить еще одну полноценную атаку.

Воспоминания о прошлых смертях вяло встрепенулись в погруженном в тень сознании. Это тело может сомневаться, бояться, содрогаясь от ужаса прошлого. Сейчас мне был неведом ни страх, ни боль, ни сомнения. Энергия не умеет всего этого. День клонился к вечеру, и уже совсем скоро придется разбивать лагерь. И что тогда? Еще один взломанный щит, смерть аирцев, только уже абсолютно каждого, еще пострадавшие северяне или мертвые? Как раскроются карты судьбы в этот раз?

Позвать кого-то сюда было бы таким же самоубийством, как ждать прихода тварей на открытой поляне. Я не знаю, какими навыками обладают северяне, но даже им нелегко пришлось в прошлый раз. От аирцев осталась жалкая горстка самых опытных, лучших воинов империи.

«А здесь мне будет комфортно», – неожиданная мысль возникла, стоило осознать, что если сражаться тут, то и жертв не будет, не будет отвлекающих и сдерживающих факторов? Осталось только позвать свое тело по нити, что незримо связует нас.

Брэйдан ехал, размеренно покачиваясь в седле. Сегодня он молчал, молчала и она. Такая маленькая, обманчиво беззащитная женщина, мысли о которой не покидали его уже несколько недель. Как раз с тех самых пор, когда он узнал истинное лицо своего нечаянного пациента. Маленький парнишка, которого они все считали непонятым довеском среди профессиональных воинов, к которому относились снисходительно и даже насмешливо, оказался не просто женщиной, неизвестно сколько времени живущей на этом свете. Но и действительно страшной силой, которая отправилась в этот путь, чтобы беречь их. Как такое в принципе возможно? Он помнил тот день на берегу реки, когда незадачливый, иногда слишком легкомысленный,

Кельм сломал неуклюжему пареньку ключицу. То, как отчаянно она не давала расстегнуть свою смешную курточку на матерчатых пуговках. И то, как он неожиданно разозлился, поняв, кем являются воины принцессы. Но даже это не шло ни в какое сравнение с тем, когда его пальцы коснулись белоснежно-мраморной кожи ее плеча, такой нежной. И когда он начал считывать информацию о телесных повреждениях парня, который неожиданно оказался и не парнем вовсе.

Он помнил, как той же ночью отправился следом за ней к реке, решив проследить и попытаться понять, кто она? Зачем ее поставили в их отряд? Чего стоит ждать от этой чужестранки, которая, несмотря на то что женщина, осмеливается носить мужское платье в этой стране. Сейчас он так явственно представлял перед своим мысленным взором, как он, будто сопливый мальчишка, смотрел на нее обнаженную, и не мог найти в себе сил пошевелиться, отвести взгляд. Как серебрила луна белый мрамор ее кожи, как черными змеями облепили маленькую фигурку мокрые волосы, и то, с какой жадностью смотрел он на это хрупкое тело, стараясь сохранить в памяти каждый миллиметр. Небольшая девичья грудь, плоский живот, сквозь кожу на котором так ярко проступали кубики пресса, маленькая попка и крепкие стройные ноги. Казалось, что скульптор высек фигуру этой женщины из камня, оставив ее недвижимо стоять на берегу реки. Хоть и видел он ее такой считанные секунды, но этот образ крепко врезался в память и еще не раз являлся в бессонные ночи.

После того, что было открыто ему, он старался держаться ближе к странной гостье. Разобраться, кто она такая, и что им следует делать с ней, стало навязчивой идеей. Он не обмолвился и словом с товарищами об истинном облике чудного паренька по имени Дэй. Порой он и сам не мог понять, почему молчал, казалось, это его тайна и его загадка.

Брэйдан искоса взглянул на погруженную в свои мысли девушку и тяжело вздохнул. Как-то незаметно произошло то, что он даже сейчас не брался озвучить вслух. Сперва это было просто общением, потом его стало тянуть к ней, потом захотелось прикоснуться. И ощущения в тот момент были такими, словно руки его объаты невидимым пламенем, унять которое по силам, лишь сомкнув их на тонкой талии, вдохнуть ее нежный аромат, притянув ближе. Как это было вчера...

Он видел, на что способна эта женщина, видели и его друзья, только полагали, что способен на это неказистый тощий паренек. Но даже сейчас он полагал, что, быть может, ему показалось? Как живое существо, из плоти и крови, способно расслоиться на несколько плоскостей.

Будучи одним человеком, Дэй могла заменить собой десяток воинов, неуязвимых для материального оружия. Это было очередной загадкой.

А еще Брэйдан лишь в тот миг, когда понял, что Дэй ушла и пропала в ночном лесу, впервые осознал, насколько может быть страшно не за себя или друзей, а совершенно постороннего. И каким тяжким грузом может сорваться этот страх с души, когда ее маленькая фигурка находится в крепком кольце его рук.

Он жил долго, очень. Много терял, любил и снова терял. Как бывает, когда тебе доподлинно известно, что твоя юная избранница, став тебе женой, уйдет очень скоро, а ты и не заметишь. Это больно. А если в этом браке у вас рождается дочь? Маленький комочек счастья, который через каких-то семьдесят лет будет смотреть на тебя, вечно юного отца, глазами умудренной годами жизни старухи. Скажет тебе:

– Папа. – Позвав, как дитя зовет отца.

А ты будешь стоять у изголовья ее постели, и вся твоя сила покажется ненужной и проклятой, лишь потому, что любимых не вернуть и не удержать. Года пронесутся снежной вьюгой по сердцу, заметая шрамы, чувства, способность любить. Ты выберешь для себя цель и поклянешься, что больше никогда не войдет в твой дом та, что будет ждать. Не захочется больше ни семьи, ни детей, потому как ты точно знаешь, что нет хуже кары, пережить свое дитя. Схоронить на отвесной скале два любимых сердца. Которых ты запомнил не старыми и больными, а молодыми и счастливыми, такими будут являться они к тебе во снах и звать за собой. Но крепка сила ледяных чертогов, и Властитель не может уйти, не в его власти положить конец прожитым годам. Аирцы считают северян легкомысленными и поверхностными, но сами люди северных земель испили до дна чашу горя собственных семей. И, если не быть такими, а каждому из них выпустить всю ту боль, что лежит на сердце, то уже и не смогут подняться их крепкие тела, не найдут в себе силы держать меч и продолжать жить.

Их жизни были разными, отличными, но такими похожими. Каждый имел за плечами и радость, и горечь потерь. И если Властители рождались долгожителями и могли с этим жить, то простым мужчинам, вдруг обретшим дар бессмертия, было тяжелее всего. Это раньше они могли мечтать о долгожительстве, о том, чтобы не стареть и не болеть, глупые люди. А как же так случилось, что приобретя все это, они вновь недовольны. Нельзя менять то, что задумано силами, куда более мудрыми, древними. Человеческий разум создан для перемен, как и человеческое тело. После того, как Ингвер и его приспешники сотворили свои эксперименты, естественный баланс был нарушен. Появились в их краях ядовитые, смертоносные вирги, бывшие люди, сосущие кровь и боящиеся солнца, сокки, тоже человекоподобные существа, которые питались трупами людей и животных, архи, наполовину люди, а наполовину звери, которые в основном держались непроходимых чащоб и выбирались в селения лишь для того, чтобы обзавестись самками, которые смогли бы выносить их детей. Много этих тварей развелось в их землях, после смелых экспериментов той части Властителей, с которой они борются и по сей день. Но и сами люди, которые в одночасье превратились в бессмертных, порой теряли разум, становясь более агрессивными и вспыльчивыми. Изменения не принесли счастья никому.

И вот сейчас Брэйдан с ужасом начинал осознавать, что что-то меняется в нем. Та ледяная корка, которой так давно покрылось старое сердце, вдруг треснула и закровоточила. Это и пугало и возбуждало одновременно. Иногда он ловил себя на том, что мысленно представляет, как его губы касаются губ Дэй, как его руки скользят по ее телу, оставляя обжигающие следы на обнаженной коже, накрывают небольшие холмики груди, как прогибается она в его объятиях. И только ночь и полная луна будут тому свидетелями, когда жаркие стоны разрежут тишину...

Брэйдан неловко встрепенулся и вновь кинул сумрачный взгляд, на какую-то отчужденную сейчас Дэй.

Она молчала, молчал и он. А, что тут скажешь, если она, скорее всего, считает его... извращенцем, оказывающим знаки внимания мальчику.

Северянин зло сплюнул от этой мысли.

Неожиданно он почувствовал изменения в энергетических слоях и вдруг понял, что колебания идут от Дэй, что уже давно ехала с отсутствующим видом. Ее глаза были прикрыты, а лицо совершенно непроницаемым, тело расслабленным, она даже не держала за поводья то страшилище, не то лошадь-карлик, не то заяц с копытами, на котором предпочитала путешествовать.

Тем временем образ Дэй вдруг начал дрожать, пошел рябью...

В этот самый момент время для Брэйдана потеряло свой ход, и он прыгнул к ней. Его руки сомкнулись на плечах девушки, как раз в тот момент, когда ее фигура исчезла, растворившись черной дымкой, словно и не было. Исчез из реальности и Брэйдан, утянутый сквозь слои вместе с телом Дайли.

Сознание и тело соединились, как и должно было бы быть, вот только все равно что-то оказалось не так. Потому, как только я почувствовала, что мы слились в единое целое, меня тут же придавило чем-то к земле, погребая под собой и выбивая воздух из легких. В ту же секунду, не думая и не разбираясь, вскинула руку открытой ладонью вверх, вкладывая энергетический импульс, сбивая с себя непонятную ношу и откидывая как можно дальше. С протяжным «Ооо!» ноша улетела, а я тут же оказалась на ногах, низко припадая к земле, впитывая окружающую вокруг обстановку, расположение тварей. Они, к моему удивлению, не спешили нападать, а как-то настороженно продолжали следить за мной. В этот момент со стороны, куда оттолкнула первую из них, раздалось:

– Merd!^[58] – прохрипел такой знакомый голос.

Отвлекаться от виргов, что начинали подтягиваться ко мне плотным кольцом, не хотелось, но краем глаза удалось выцепить следующую картину.

Брэйдан распластался на земле, широко раскинув руки и ноги, бешено вращая глазами, он пытался подняться, в то время как твари подступали все ближе и ближе. Северянин что-то выплевывал изо рта, растерянно крутил головой, и, кажется, совершенно не понимал, где оказался.

«А он-то как тут оказался?» – спросила я, кажется, вслух.

– Тебя пытался удержать, – буркнул он, окончательно приходя в себя и вскакивая на ноги. – Что за?.. – неожиданно осекся Брэйдан,

обводя окружающее пространство взглядом.

К чести северянина, он не выглядел испуганным, шокированным или растерянным. Брэйдан вел себя так, словно происходящее не что иное, как рядовая ситуация.

В то же время в его руке блеснула сталь, и он оказался за моей спиной. Ни о чем не спрашивая, не говоря ни слова, он оценил обстановку и занял место, которое посчитал самым лучшим в данной ситуации.

– Потом поговорим, – сквозь зубы процедил он.

Я не ответила.

Твари бросились сразу, единым рывком, они кинулись со всех сторон. Их обнаженные клыки метили в горло, когти старались дотянуться до обнаженных участков кожи. Они не рычали, не издав ни единого звука, просто сошли бесшумной лавиной своих искореженных тел на нас, тихо, просто, быстро.

У меня не было мечей, они так и остались лежать в сумке, что вез на своем боку осел. Но, главное, что мне было нужно сейчас, было со мной. Мое тело, мастерство и сила. Брэйдан рубил тварей так иступленно. Он не размахивал мечом, не двигался много. Его движения были скупы и точны. Простой замах, удар – и обезглавленное тело опадает к его ногам. Пространство между нами и наступающими тварями было ограничено естественными зарослями тонкоствольных деревьев. Отчасти это облегчало задачу, а отчасти гораздо затрудняло ее. Ну, мне казалось, что Брэйдану могло быть тяжело, хотя заметно этого и не было. Северянин справлялся профессионально, и казалось, не прилагая к этому особых усилий.

Передо мной была совершенно иная задача. Материальная оболочка отражала нападения виргов, в то время как те же руки, только на другом уровне реальности, выдирали искры из их уже мертвых тел. На какой-то миг необходимо было удержать тварь, обездвижить ее, после чего неощутимые пальцы смыкались на той едва тлеющей энергетической искорке, вырывая ее и подавляя собственной энергетикой.

Тварей было не так много, как в ночь их первого нападения. Но сейчас они казались еще более голодными, чем несколько дней назад. Они двигались быстрее, ускорялись и мы. Казалось, что я зритель, наблюдающий за сражением со стороны. Не было ни всплеска

адреналина, ни какого-то неистового желания уничтожить этих существ, просто я знала, что так нужно, а значит, надо было это сделать.

Спина Брэйдана, прижатая к моей спине, помогала чувствовать уверенность в своих силах и в том, что когда он рядом, оказаться пораженной мне не грозит. Он был той опорой, с которой просто не может быть ни страшно, ни опасно. В нем чувствовался стержень, настоящий, который не сломается, как бы тяжело ни было, если за его плечами стоит тот, кто готов довериться. И эта неосязаемая, возможно и не необходимая забота, грела сердце, радовала душу, даже сквозь ту серую хмарь, которую я сама загнала в свое сознание.

Твари уступали, все больше недвижимых тел оказывалось лежащими вокруг нас. Но то, что их стало меньше, лишь усугубило положение. Теперь они не спешили нападать, а настороженно рассредоточились вокруг нас. Казалось, они присматриваются. Так и вышло. Несколько тварей прыгнуло сразу, только не на нас, а между нами, в тот же миг к ним присоединились и оставшиеся пять, разводя меня и Брэйдана друг от друга, стараясь сделать более уязвимыми.

На Брэйдана кинулось четверо, они атаковали сразу на разных уровнях, что само по себе означало, что он просто не успеет отразить сразу все их попытки. На какой-то миг в душе у меня все оборвалось, как раз тогда, как две искры растворились в моих «руках». Твари не видели и не чувствовали того, что я с ними делала, но от этого непонимания опасности становились только свирепее. Теперь же на одну меня осталась одна тварь, в то время как Брэйдан оттолкнулся ногами, делая сальто назад и уходя с траектории атаки виргов. Все это не заняло и секунды, а он уже оказался на ногах и как раз завершал замах, чтобы снести очередной твари голову.

Брэйдан остался один на один с тремя тварями, и это не могло меня не отвлечь от той последней, что жаждала сейчас моей крови. Она ударила стремительно, просто какая-то доля секунды, и по плечу потекло что-то горячее, обжигающее кожу. Вирг укусил туда, куда была возможность это сделать. Его клыки, как нож в масло, вошли в податливую плоть руки, я тут же ударила в ответ, вырывая гнилое нутро твари. Но вот как бывает, кто опоздал, тот опоздал. Кровь быстрыми ручейками начинала стекать с руки, прерывистыми каплями окропляя землю. Твари, что до этого момента были полностью

поглочены Брэйданом, вдруг замерли, жадно раздувая ноздри, устремили взгляд своих белесых зрачков на меня. Этого хватило северянину, чтобы завершить последние в этой схватке удары.

Он стоял спиной ко мне, меч был опущен, и все его лезвие было измазано в черной жиже, что была у виргов вместо крови. Черные волосы растрепались на широких плечах. Видно было, что Брэйдан неспроста не оборачивается ко мне, он глубоко и часто дышал, сжимая и разжимая кулаки, в то время как мою руку начинало жечь. Будто бы языки пламени начинали лизать кожу и плоть, расплзаясь по венам все глубже в тело.

– Как ты мог?! – зарычал он, словно дикий зверь.

Было бы глупо отвечать на его вопрос, потому я просто молчала.

– Ты мелкий придурок, как додумался только! Мне, может, тебя на цепь посадить, а? – спросил он, поворачиваясь ко мне вполборота.

На дне его зеленых глаз, казалось, то и дело вспыхивают и гаснут зловещие искры едва сдерживаемых эмоций. Но в то же время он смотрел на меня так пристально, казалось, что он пронизывает меня своим взглядом насквозь. В какой-то миг он нахмурился, воздух с шумом вырвался из его легких, и жуткий полустон-полурык сорвался с губ:

– Нет...

Он кинулся ко мне, в тот же миг с его пальцев сорвались потоки силы, подхватившие меня и поднявшие в воздух, как раз тогда, когда сам северянин заключил в кольцо своих рук.

– Оно укусило тебя, – прошептал он.

Я растерянно кивнула, как-то не ожидая подобной реакции с его стороны. Его веки медленно прикрылись, а губы сжались в тонкую линию. Он не сказал больше ни слова, но вот стоило ему вновь посмотреть на меня, когда наши взгляды встретились, и мне стало физически больно от того выражения, что застыло на дне его зеленых глаз. Там, в самой глубине, была такая тоска, безнадежная и древняя. Она царилась, безраздельно владея душой северянина.

– И... – он тяжело сглотнул. – Прости меня, – шепнули его губы.

– За что?

– Что не смог уберечь, – так же тихо ответил он.

Хотя руку и жгло достаточно ощутимо, все же нашла в себе силы улыбнуться в ответ.

– Тогда, может, вылечишь?

Брэйдан тяжело выдохнул после этих моих слов и нерешительно отвел взгляд.

– Не могу, Дэй.

– Почему? Кости-то хорошо зажили?

– Ты забыл, Дэй, эти твари ядовиты...

– Нет, Брэйдан, это ты забыл, что твари ваши ядовиты для людей.

Мне плохо, я чувствую, но пока это не критично. Нужно будет еще поработать, чтобы вывести яд из тела, но умирать пока не собираюсь. Потому и прошу, залечи рану? Я, конечно, могу остановить кровь, срастить кожу, но тогда, боюсь, на яд меня уже не хватит.

Северянин резко вскинул голову, не веря, всматриваясь в мои глаза.

– Но...

– Я не человек, забыл? Я же говорил...

Его пальцы нежно коснулись поврежденного плеча, и такое знакомое тепло потекло из его руки, стягивая поврежденную кожу, сращивая разорванные волокна мышц.

– Забыл, – покорно согласился он, отнимая пальцы рук от уже зажившего плеча.

Он недолго молчал, пристально смотря мне в глаза. Постепенно в его печальных глазах зажигались те самые искры, от которых по телу начинали бегать мурашки. Руки еще крепче сомкнулись на теле.

– Какой же ты... – хрипло прорычал он, а я уж подумала, что успешно избежала его нотаций. Тем временем Брэйдан глубоко вдохнул, готовясь разразиться гневной тирадой. – Дура, – выдохнул он мне в губы, притягивая к себе еще крепче.

Его губы накрыли мои, а рука тут же вцепилась в затылок, притягивая ближе, не давая возможности отстраниться. Он целовал меня так яростно и жадно, его губы терзали мои, покусывая и уводя за собой. Пальцы путались в волосах, а вторая рука прижимала за талию к сильной и крепкой груди. Казалось, то жжение в поврежденной руке ничто, по сравнению с тем пламенем, что сейчас рождалось внизу живота. Вся моя защита от чувств, что испытывала к северянину, осыпалась и растаяла, в этот момент показалось, что жаркое, такое яркое солнце заполнило все внутри, а он продолжал целовать меня. Мои руки вцепились в его плечи, и казалось, что если вот сейчас он

просто отойдет от меня, или каким-то неведомым образом все это окажется сном, я просто не смогу дышать в этой жизни.

Мертвые вирги, что недвижимо лежали вокруг; заросли каймаровых деревьев; принцесса и наш обоз; само время; все растворилось, исчезло и померкло вокруг, чтобы дать нам стать единственно реальными существами в этом мире, который, кажется, тоже перестал существовать. Только его руки, скользящие по моей спине, только мои пальцы, что запутались в его волосах, только наше, одно на двоих, дыхание и поцелуй, который соединил нас здесь и сейчас. Губы Брэйдана были то жесткими, то нежными, ласкающими, он целовал меня, а я отвечала ему с не меньшей отдачей, пусть неумело, быть может, не так, как должно делать это женщине, но я просто отдала это право своему телу, решать, как нужно и как будет правильно.

В какой-то момент Брэйдан отстранился от меня, его пальцы заскользили по нежной коже щеки, а я не могла найти в себе сил открыть глаза и посмотреть на него. Неожиданно появилась мысль: «Что же мы делаем? Он женится! И он знает, кто я? Как? Откуда? Что же теперь?» Столько вопросов и ни одного ответа.

– Посмотри на меня, – тихо попросил он.

Когда наши глаза встретились, казалось, что я тону в водовороте тех эмоций и чувств, что сейчас кружились на дне его зеленых, как весенняя трава, глаз. А он смотрел так пристально, так нежно. Смотрел и молчал, после чего вновь склонился ко мне, запечатывая губы легким, почти невесомым поцелуем.

Со стороны тракта послышался сильный треск, гвалт и крики на языке северян. Это обстоятельство заставило Брэйдана отстраниться.

– Тебе нужно позаботиться о себе?

«Что?» – чуть было не спросила я, не слишком-то понимая, что именно он имеет в виду.

– Яд, – должно быть, прочитав мою растерянность во взгляде, пояснил он. – Пойдем, я отнесу тебя, а то наши весь лес выкорчуют, пока к нам доберутся, – хмыкнул он, не спуская меня с рук, он отправился в ту сторону, откуда доносился шум на непонятном, но таком знакомом языке.

Стоило Брэйдану сделать несколько шагов, как деревья, что преграждали путь своими витыми стволами, начинали расходиться в

стороны, образуя своеобразный коридор для нас двоих. Северянин бережно прижимал меня к себе. Он смотрел вперед, но вот, когда забрезжил просвет в самом конце этого коридора, он неожиданно остановился, посмотрел на меня и сказал:

– Скажи мне, маленькая моя, как ты хочешь, чтобы я поступил?

– Что? – смутившись от такого обращения, спросила я.

Уголки его губ поползли вверх, а в глазах заплясали озорные огоньки.

– Ты хочешь, чтобы никто не знал о том, что знаю я?

– Я уже начинаю сомневаться, что хоть кто-то об этом еще не знает, – пробурчала я себе под нос, но Брэйдан услышал и, кажется, даже возмутился.

– Я никому не говорил...

– И давно ты знаешь?

– Ты не ответила на вопрос, – хмыкнул он.

– Ты тоже, как ни странно.

– Что ты имеешь в виду?

С успехом проигнорировав последний его вопрос, решила все же ответить на первый.

– Я не хочу, чтобы кто-то знал.

– Хорошо, – кивнул он мне. – Тогда придется сделать и еще кое-что, а то долго ведь не получится, – широко улыбнувшись, он склонился ко мне. Губы, чуть прохладные, накрыли мои.

Он вновь целовал меня. И вновь я таяла в его руках, при этом прекрасно понимая, что ни к чему хорошему это не приведет.

Вот так мы совершаем ошибки. С радостью, возбуждением, будоражащим кровь, и, наверное, иногда оно того стоит, даже несмотря на то, что после будет больно. Но порой тот самый «стоп» просто невозможен, или же мы упорно продолжаем отодвигать его до того самого мифического «потом».

Я лежала на деревянном полу повозки, которую мне выделили после того, как Брэйдан вынес меня к остановившемуся после нашего исчезновения обозу. Правда, сначала пришлось объясняться с северянами, что прорубались к нам сквозь непролазную чащу. По всей видимости, Рик и Дэйм пытались раздвинуть заросли своими силами, но помимо их двоих, к процессу подключились и остальные, прорубая

эти дебри мечами. Ор стоял невыносимый. И больше всех голосил Кельм. Он плевался, махал мечом, что-то орал и снова махал мечом, одним ударом срубая тонкие стволы. Увидев то, как Брэйдан выходит из джунглей со мною на руках, крики стихли, и мы оказались под прицелом множества глаз.

– Was ire habd?^[59] – невозмутимо, поинтересовался Дэйм, оставляя в покое неподатливые стволы каймаровых деревьев.

– Теперь все хорошо, – ответил Брэйдан, спокойным шагом подходя к товарищам. – Но Дэю нужна помощь.

– О, Боги всех Богов! – заголосил Кельм, протискиваясь к нам между телами своих товарищей. – Что с тобой? Ты живой?! Скажи же мне! – продолжал голосить рыжий, и от его криков начинало закладываться уши. – Пропустите же меня, задницы отъели, не пройдешь! – возмутился Кельм, застряв где-то совсем рядом. – Дэй, держись, я иду!

Брэйдан с сочувствием посмотрел на меня, легонько улыбнувшись уголками губ.

– Ты ему нравишься, – лукаво щурясь, сказал он.

Рик и Дэйм поспешили расступиться сами, прежде чем рыжий обласкал бы и их зады.

– О, Боги, что стряслось? – вцепился он мне в плечи и как следует встряхнул.

Моя голова, до того расслабленно лежавшая на плече Брэйдана, замоталась в разные стороны, а когда он отпустил, с глухим «тук» откинулась на твердое плечо северянина.

– Почему ты молчишь? Почему он молчит? – вызверился рыжий на Брэйдана.

– Потому, что ты, Red affer, слишком уж меня трясешь, – решив поощрить Кельма за заботу, вновь назвала его тем же прозвищем, которое ему так нравилось. – Всё хорошо, – сказала я, посмотрев прямо на него.

Кельм как-то странно замолчал, покраснел, а вокруг разразился дружный мужской хохот.

Рыжий с каким-то непонятным раздражением обернулся к остальным и процедил сквозь сжатые губы:

– If sie keine shut, Ich erzelle er saus sie ferdung aus seiner frau! Und ich abengen sei, er smart gant wer keine nicht^[60].

Смех в рядах северян тут же стих. И теперь уже в разговор вмешался Брэйдан:

– Я все объясню, но Дэю нужна повозка и уединение.

Я попросила, чтобы Кельм проследил за тем, чтобы меня не тревожили, пока я сама не выйду. Почему именно его? Все просто. Для того, чтобы сделать то, что я хотела, мне опять пришлось бы раздеться, и поскольку мы с северянином уже успели разглядеть друг друга во всех самых откровенных ракурсах, и если я буду нужна, то ничего страшного не произойдет, если позовет меня он. Потому, как только полог повозки закрылся за мной, и обоз вновь пришел в движение, я расчистила место, где смогла бы лечь и разделась.

Обнаженной кожей лежать на грубой поверхности необработанного дерева было не слишком-то приятно. Но это ощущение дискомфорта длилось недолго. Закрыв глаза, вынырнула из тела и теперь рассматривала свою оболочку со стороны. Самой себе я казалась такой маленькой, практически невесомой. Покрывало из черных волос закрывало грудь, живот, после чего спадало на пол. Девушка, что сейчас лежала в мерно покачивающейся повозке, казалась спящей, такой спокойной. Я приблизилась к самой себе и стала теперь смотреть не на тело, а на то, что происходит внутри.

Яд виргов неспешно перетекал из одной части тела в другую, пытаюсь найти брешь, чтобы начать разъедать не только живые ткани, но и мою энергетику. Не уверена в том, что мне по силам описать картину своего восприятия происходящего, но я попробую. Просматривая процессы, происходящие в собственном теле, я не видела ни крови, ни мягких тканей, ни органов, это не было похоже на то, как если бы с меня содрать кожу и разглядывать все под увеличительным стеклом. Тело, его материальная часть перестала существовать перед взором, лишь энергетический слепок, который светился бледно-голубым в полумраке повозки. Там, куда яд еще не успел добраться, было ровное сияние здоровой оболочки. Но вот рука, часть плеча и левая грудь переливались ярко-алым. На этом участке можно было увидеть, как клубится, вспыхивая и тут же угасая, нездоровая энергетика боли и борьбы. Ждать больше было нельзя, иначе восстановление заняло бы куда больше времени и сил.

Призрачные ладони вошли в самый эпицентр, зачерпывая ярко-алое сияние и вынимая его из тела. Стоило яду оказаться в руках тени,

как он почернел и призрачными хлопьями пепла развеялся в окружающем пространстве.

Раз за разом я проделывала одно и то же действие. Зачерпывала ладонями яд и ждала, когда он развеется в пространстве, пока на том месте, где были алые всполохи, участок тела не очистился полностью. Ровное белое сияние, неправильное, потому как это означало только одно – яд разрушил энергетические токи в теле. Необходимо было восстанавливать поврежденное место, и чем скорее, тем лучше. Многие люди полагают, что их болезни это следствие инфекций или неправильной работы органов, даосцы смотрят на этот момент иначе. Если в вашем теле не засорены энергетические каналы, если жизненная энергия циркулирует правильно, то и нарушения не возникнут. Это первооснова нашей медицины, в первую очередь необходимо восстановить энергетический баланс организма, а уже потом начинать лечение последствий его нарушения. Наш организм – он живой, вот что необходимо понимать в полной мере, и он все понимает.

Бывает так, что человек, смотря в зеркало, думает, какой он некрасивый, насколько уродливо его тело, и как не нравится ему, что он слишком полный или худой, маленький или высокий и прочие глупости. Как вы считаете, захочется ли живому организму, который все прекрасно понимает, работать исправно, когда к нему так относятся? Негативные эмоции, ненависть, страх, зависть, все это тоже нарушает ход токов в вашем теле. Некоторые, очень пожилые тени говорят так: «Возлюби тело, как свой родной дом, где тебе всегда рады, где тебя ждут и принимают, каким бы ты ни был, и тогда дом будет твой процветать и радовать глаз. Ежели стаскивать в дом все ненужное, не ухаживать за ним и не любить, то и дом твой будет подобен обветшавшей халупе».

Мы частенько посмеивались, когда Сэ'Паи Ву начинал очередной урок вот такими витиеватыми выражениями. Я же скажу проще: как ты к телу, так и оно к тебе. Будешь его ненавидеть, оно будет болеть и отвечать тебе тем же. Я не знаю, как выгляжу в глазах других людей, быть может, кто-то скажет, что я страшная, кто-то решит, что слишком худая, мне это безразлично. Я знаю одно: мое тело самое лучшее в мире и любовь у нас взаимна.

Сейчас же была несколько иная ситуация, мою оболочку инфицировали. И та дрянь, что содержалась в слюне виргов, была способна поедать и видоизменять не только мягкие ткани, но и душу, ауру, словно кислота, она уничтожала все, до чего могла добраться.

Когда я закончила, стояла глубокая ночь. Нырнула в тело, прислушалась, все ли в порядке в лагере. Накинула на себя кусок мешковины, что нашелся среди прочего добра в повозке, и провалилась в глубокий, оздоровительный сон, не найдя в себе сил ни на что большее. Все же, как бы я ни храбрилась перед Брэйданом, но яд изрядно подточил мои силы, особенно учитывая то, что они еще не успели окончательно восстановиться, после случая с Кельмом.

– Пусти, – грозный мужской голос донесся сквозь замутненное сном сознание.

– Нет, – вторил ему не менее рассерженный голос Кельма.

– Что значит «нет»? – как-то нехорошо переспросил тот, которого теперь я могла опознать как Брэйдана.

– Не пуцу.

– Кельм, – глубоко вздохнул мой северянин. – Ты нарываешься.

– И что? Сказал не пуцу, значит, не пуцу.

– Слушай, – дальше шел монолог на языке северян. Гневный такой монолог.

– Мне все равно, можешь хоть на голову встать, я не пуцу. Дэй не велел.

– Что значит «не велел», – даже не видя Брэйдана, я очень живо представила, как опасно прищурились зеленые глаза северянина.

Но Кельм был неприступен.

– В словаре погляди, что это значит, – рыкнул рыжий.

– Не зли меня, Рыжий!

– «Не зли меня, Рыжий», – передразнил Кельм интонацию Брэйдана. – Иди отсюда, не пуцу, сказал.

– Почему, ты можешь объяснить? – из последних сил сдерживаясь, прорычал северянин.

– Потому что нечего тебе там делать. Дэй ясно сказал, сам выйдет, когда будет готов. Так что иди отсюда. Вон, кашу ребенку помешай, проснется, кормить надо будет.

Пока эти двое не перешли к активным оборонительно-наступательным действиям, я спешно натянула штаны, обмотала ноги и всунула их в свою плетеную обувь. Куртка и рубашка пришли в негодность, потому как кровь моя бурыми пятнами растеклась по ткани. Но тут уж выбирать не приходилось, пришлось надеть то, что было. Волосы подобрала кожаным шнурком, естественно, что на плетение косы времени не было. Борясь с неприятными ощущениями ломоты в теле, поползла к выходу из повозки и решительно отдернула полог. Надо сказать, что я выбралась вовремя. Потому как Кельм, широко расставив руки и ноги, преградил доступ в повозку и держаться готов был до конца. В то время как Брэйдан, кажется, решил брать противника штурмом.

– Что вы творите? – хрипло поинтересовалась я, пристально взглянув на этих двоих.

Оба тут же посмотрели на меня, и Брэйдан, воспользовавшись тем, что Кельм отвлекся, отпихнул его в сторону, подходя ко мне ближе. Его глаза пристально всматривались в мое лицо, и столько в них было тепла и неподдельной тревоги, что на душе у меня стало вдруг светло и уютно.

– Как ты себя чувствуешь? – проникновенно спросил он.

– Уже хорошо, – улыбнулась я в ответ и почувствовала, как на щеках расцветает легкий румянец. Поймала себя на мысли, что хочу, чтобы его губы коснулись моих.

– Я тоже хочу, – словно прочитав мои мысли, прошептал он.

– Дэй? Ты пришел в себя! – бесцеремонно отпихнув Брэйдана в сторону, передо мной возник Кельм. – Ну, что ты встал, неси скорее еду! – гаркнул он на возмущенно воззрившегося на него северянина. – Что стоишь, рот раззявил? Иди уже отсюда! Дэй, как ты? Что-нибудь болит? – тоном заботливой матушки поинтересовался Кельм.

Я лишь отрицательно покачала головой, легко улыбнулась, не в силах спокойно наблюдать за тем, как Кельм проявляет свою заботу.

Брэйдан лишь покачал головой, схватил Рыжего за шкуру и вновь отодвинул от меня.

– Кельм, не заставляй меня делать тебе больно, просто иди и принеси Дэю поесть. Теперь можешь успокоиться, с ним все хорошо, – это было сказано так спокойно и таким тоном, что даже у меня пошел мороз по коже.

– Но...

– Иди.

Рыжий посмотрел на меня так печально, глубоко вздохнул и с видом, мол, «все, что мог, прости», пошел к костру, где в маленьком котелке закипала моя еда, как я поняла.

– Что ты с ним сделала? – шутливо спросил Брэйдан, положив локти на край повозки.

– Помогла всего лишь, когда было нужно.

– Такое впечатление, что ты его потерявшийся ребенок, который неожиданно нашелся, – хмыкнул он.

Я же промолчала, думая о том, как бы Кельм и впрямь не превратился в чересчур опекающую нерадивое чадо мамашу. Тяжело вздохнула.

– Что? – с тревогой во взгляде посмотрел на меня Брэйдан.

Я лишь покачала головой:

– Ничего, просто подумала, как бы его забота не превратилась в навязчивую идею. – Я и впрямь боялась, что так может случиться. Ведь та близость, что была между нами, могла превратиться и в дружбу, а могла и перерасти в манию, тут уж не угадаешь. С Кельмом такого не должно было произойти, у него слишком мощная энергетика, потому его забота это скорее проявление дружбы и благодарности.

Каша оказалась такой, что с каждым проглоченным комочком у меня сводило скулы, и казалось еще немного, и я просто подавлюсь, умерев смертью храбрых. Но то, с каким видом смотрел на меня Кельм, который эту кашу и варил, заставляло кушать и говорить спасибо.

«Ничего, мне бы только доесть», – успокаивала я себя, глотая очередной пересоленный комок не жуя.

– Совсем плохо? – склонившись к моему уху, спросил Брэйдан.

– Нет, все очень вкусно, – улыбнулась я, но в отличие от Кельма, Брэйдан не слишком-то и поверил.

– Он готовил сам, – шепотом пояснил северянин. – Никого не подпускал, сказал, что видел, как ты это делаешь.

– У него получилось за... – закашлялась я, подавившись еще не проглоченным кусочком. Брэйдан услужливо постучал по спине. – Замечательно, – кое-как выдавила я.

– Да уж вижу, – хмыкнул северянин.

Дорога стелилась под скрипучими колесами повозок, отряд продвигался к границе Умира, которую мы с успехом и без очередных жертв и преодолели спустя две недели, хотя по моим расчетам должны были это сделать не раньше чем через месяца полтора.

– Как же так? – растерянно спросила я Брэйдана, с которым мы все время нашего путешествия ехали рядом.

Северянин загадочно улыбнулся, но все же ответил:

– Если бы дело касалось нас троих, меня, Рика и Дэйма, то путешествие туда и обратно не заняло бы и дня.

– Но...

– Ответ хочешь услышать? – Я растерянно кивнула.

– Тогда послушай сначала. Наша сила позволяет нам перемещаться из одной точки пространства в другую, просто пробивая ее насквозь, но конкретно сейчас это стало невозможным. Слишком много людей, не обладающих силой, слишком много материальных предметов. Очень энергоемко. Да и странно было бы, если бы мы приехали в Аир, взяли невесту подмышку и просто исчезли, будто нас и не было.

– Но возможно?

– Возможно, конечно, но зачем? Конечно, возможность избежать этих нападений того бы и стоило, но что уж теперь. Мы, причем каждый из нас, просто хотели сменить обстановку, хотя в Аир добрались где-то за неделю.

– А сейчас как так выходит, что мы движемся так быстро.

– Ты не чувствуешь и не замечаешь, так?

– Что именно?

– Как меняется пространственное полотно, пропуская нас, словно иголку сквозь множество слоев ткани.

– Но почему я не замечаю?

И еще одна загадочная улыбка со стороны северянина.

– Я же тоже не вижу в тебе силы? А она есть, я знаю.

Улыбнулась ему в ответ.

Все прошедшие две недели мы старались держаться близко друг к другу, но и на расстоянии. Наедине побыть практически не удавалось, хотя те жаркие взгляды, что бросал на меня Брэйдан, когда никто не

замечал, говорили о том, что он этого очень хочет и готов организовать. Но тут уже я прикидывалась, что совершенно не понимаю, чего ему нужно. Не потому, что не хотела, очень как раз таки хотела оказаться вновь в его жарких объятиях, почувствовать его руки на своем теле, прижаться губами к его губам и раствориться в этих прикосновениях, забывая обо всем на свете. Но чем ближе мы приближались к северу, тем явственней представлялась мне моя утрата. И я сопротивлялась, пыталась держаться близко, но на расстоянии. Глупо, конечно, но я полагала, что так будет легче.

– Дэй, – едва слышно шепнул Брэйдан.

– М-м?

– Есть разговор, – еще тише сказал северянин.

– Дав...

– Сегодня вечером, не сомневайся, он состоится, – твердо подытожил он.

«Он состоится», – подумалось мне с грустью. Тогда и впрямь станет сложно делать вид, что все хорошо. Что у меня есть надежда и уверенность в том, что между нами возможны отношения.

Ночь тихим пологом накрыла стоянку, где уместились наши повозки. На черном бездонном небе россыпью засияли звезды. Сегодня была красивая ночь. Прохладный ветерок играл прядями моих волос, что после долгого дня выбились из косы. А я сидела, обняв ноги руками, около небольшого лесного ручья, что нам удалось найти на границе Умира. Дальше с водой будет еще хуже, особенно когда мы пересечем самое сердце пустынных земель. Но сейчас приятная свежесть, исходящая от источника, помогала расслабиться и просто ни о чем не думать. Хотя, конечно, я думала. Думала о том, как благодарна той неведомой силе, что позволила мне узнать, каково это, чувствовать, что ты не одна в этой огромной Вселенной. Думала и о том, что потерять это еще неокрепшее чувство будет тяжело, но гораздо легче, чем если бы это произошло уже на Севере. Хотя кого я обманываю... Все верно, все правильно: разные пути – разное предназначение. Я ведь не уверена, что мое путешествие на Север – это единственная дорога, которая выпадет мне в этой жизни? Тени – путники, мы всегда идем, всегда ищем что-то одним нам известное и

не останавливаемся до тех самых пор, пока весь путь на этой земле не будет пройден.

Имею ли я право остановиться рядом с ним? Даже если «да», то возможно ли это с его стороны?

– Ты пришла первая, – раздался тихий шепот у меня над ухом.

Я прикрыла глаза и глубоко вздохнула. Пришло время ответов на давно назревшие вопросы, и как же сильно их не хочется знать...

– Я просто никуда не уходила.

– Знаю, – кивнул Брэйдан, присаживаясь напротив меня так, что его лицо оказалось очень близко от моего, наши руки соприкасались, и мне стоило лишь чуть наклонить голову, чтобы она оказалась на его плече. – Ты скажешь мне сегодня?

– Что? – прекрасно зная, о чем он говорит, я все равно спрашивала его.

Брэйдан глубоко вздохнул и первым опустил голову на мое плечо. Каскад черных смоляных волос осыпался мне на руку и грудь.

– Скучаю по тебе, – тихо шепнул он мне на ухо.

– И я, – коротко ответила я, жадно вздыхая аромат его волос.

– Ты избегаешь меня, я вижу.

– Да.

Брэйдан замер всего на долю секунды и вновь заговорил:

– Почему, Дэй? Скажешь?

Слова застряли в горле. Я впервые почувствовала себя иностранкой, вот вроде и знаю, что меня гнетет, и как сказать знаю, а язык незнакомый, и потому боюсь на нем говорить!

– Скажу, – шепнула я, погружая пальцы в длинные волосы северянина и пропуская шелковистые пряди между ними. – Брэйдан, я, мне... – Очередная пауза, в поисках нужных слов. – Ты же женишься, – выпалила я так быстро, а слова все равно повисли в воздухе, словно залипли в тягучем киселе.

Он молчал. А я вдруг поняла, что в душе раскрывается непроницаемо черная воронка, что втягивает все чувства, переживания, всё, и такая апатия приходит на место всего этого.

– Женюсь, – согласился северянин.

И это его слово заставило нервно дернуться, скидывая его голову с моего плеча. Но мой маневр оказался не слишком-то успешным, потому как талия тут же оказалась в кольце его рук. Я повернулась к

нему лицом к лицу и тут же наткнулась на буквально лучащиеся весельем глаза. Кулаки сжались очень быстро. Я ударила его без замаха, прямо в довольное жизнью лицо. Ни о чем не думая, это была просто вовремя не остановленная реакция на сказанное. Северянин охнул, схватился за нос и просипел:

– На тебе.

– Ч-что? – нахмурившись, переспросила я. Как бы я ни пыталась понять смысл сказанного, но он с успехом от меня ускользал.

– Мой нос, – простонал северянин, все еще прижимая руки к лицу.

Я лишь почувствовала, как стекается энергия к фигуре этого мужчины, скорее всего, он пытался вылечить поврежденную часть тела.

Уже через несколько секунд Брэйдан откинул голову назад, отчего его черные волосы взметнулись вверх, опадая на плечи. Он выразительно перевел дух и внимательно посмотрел на меня, сжавшуюся в комочек.

– Н-да, с тобой можно только серьезно, – хмыкнул он. – Иди ко мне, – позвал он меня, приглашая к себе на колени.

Я выразительно смерила его взглядом, но не сдвинулась с места. Он кивнул каким-то своим мыслям и сказал:

– Дэй, какой идиот тебе это сказал?

– Ты, – прямо ответила я.

Черные брови как-то резко удивленно изогнулись, а северянин тем временем переспросил:

– Я? Но я не...

– Не мне, ты сказал это Иоле. Тогда она настаивала на задержке обоза, и ты...

– О Боги, – легко улыбнулся он. – Я сказал, да? – неподдельно смутившись, уточнил он, потирая рукой подбородок. – Что ж, теперь понятно, что сказал тебе об этом и впрямь идиот, – хмыкнул он. – Может, все же позволишь тебя обнять и все объяснить? Я же скучал...

– Нет, – фыркнула я. – Расскажи сначала, потом посмотрим.

– Хорошо, давай по порядку, ладно? Так будет понятно, что происходит, и думаю, таких вопросов больше не возникнет. А, между прочим, кому-то следовало спросить об этом раньше, – выразительно посмотрев в мою сторону, сказал он. – А не полагаться на память того,

кто не всегда помнит, что ел на завтрак, потому как возраст уже не тот все же, – хмыкнул он.

Я ничего не ответила на эту его шутку, потому как сейчас была напряжена, словно натянутая тетива лука, вот-вот готовая отправить стрелу в полет.

– Иола сосватана в наши земли, и ей, действительно, предстоит стать женой Властителя. Вот только подходящих кандидатур из свободных и желающих около... – он ненадолго задумался, – двадцати пяти мужчин. Определять «счастливчика» будет Совет старейшин и алтарь.

– Алтарь? – как-то замороженно новым знанием переспросила я самое последнее из того, что было сказано.

– Да, алтарь, на котором прольется кровь Избранницы и оставшихся мужей. Кого выберет ее кровь, тот и станет ее мужем.

– Как это кровь? Выберет?

– Ох, можно теперь тебя обнять и рассказывать дальше? – жалостливо заглянул он мне в глаза.

– Нет, не отвлекайся, – жестко отрезала я, впитывая, словно губка, каждое его слово.

– С тобой очень не просто иметь дело, а? – все же улыбнулся он. – Ладно, есть в наших землях святые места или, как их называют простолюдины, «Каменные круги мира». Эти круги подчиняются своим хранителям, провидцам нашего народа, астрологам, мудрецам, хранителям древнего знания. Эти люди умеют просчитывать будущее, понимают настоящее, определяют судьбу каждого в отдельности или всего народа. В большинстве случаев они не вмешиваются, только когда считают это необходимым, как сейчас. Их задача понять, является ли принцесса той, кто нам нужна, или... – он как-то странно взглянул на меня, – нет. Если да, то они же совместят ее кровь на одном из алтарей с кровью других претендентов и подберут ей максимально подходящего супруга.

– Все решает кровь?

– Увы, да.

– А если они выберут тебя?

– Нет, – жестко отрезал он подобную возможность.

– Почему?

– Участвовать в этом можно только по своей воле, а я больше не хочу этого.

– Но Иола, она тоже не хочет, как же тогда? И почему не хочешь ты? – знаю, вопрос был глупым, где-то наивным, но мне просто хотелось услышать на него ответ.

– Хм, формально в пророчестве сказано, что Избранница придет к нам добровольно, но, судя по всему, женщины Аира не спешат отправиться в тяжелое и полное опасностей путешествие за мужчиной своей мечты... И потом, мы ведь ни разу не заставляли ее отца соглашаться на нашу помощь, в обмен на его дочь, ни саму Иолу не принуждали к соблюдению условий.

– Не принуждали? Вы уничтожили войско Императора Солнца и требовали за его воскрешение принцессу.

– Мы что? – удивленно переспросил он. И тут же начал смеяться. – О, вот значит как! Поразительно! Этот олух каким-то чудом пересек Северный океан, его суда пришли в полную негодность, его «армия» заблевала за время путешествия большую часть наших вод, потом он влез в Наше сражение с Отступниками, где собственно и лишился многих людей! Мы же, узнав, откуда он, предложили доставить его домой сокращенным путем, вернуть тех, кого еще можно было поставить на ноги, в обмен на замужество с одной из возможных дочерей. Он, заметь, с радостью согласился.

– Что?

– Дэй, просто поверь, все было не совсем так, как сказал Император, а куда проще. Молодой дурак, вбухавший кучу золота в совершенно глупый поход, к которому ни он, ни его люди готовы не были. Я, если честно, очень боюсь, как аирцы перенесут путешествие по воде, он же этим не озаботился совершенно. Суда были не рассчитаны на наши воды, потому сам факт, что они доплыли – это уже чудо. Но вместо того, чтобы собрать силы, попытаться взаимодействовать с нами, он вмешался не в войну, а в небольшую стычку, в результате чего получил по полной и от нас и от людей Ингвера.

«Он назвал Императора дураком, – подумалось мне. – В Аире ему бы отрезали язык и четвертовали за такое, в Дао Хэ мысленно посмеялись и одобрили».

– А я не хочу участвовать в этом потому, что в моей жизни появилась та, которую я выбрал, – тихо закончил свой рассказ он. Брэйдан поднялся на ноги, шагнул ко мне, опустился и молча водрузил меня к себе на колени. Я не сопротивлялась.

– И другой мне не надо, – сказал он, прежде чем его губы коснулись моих.

Поцелуй был долгим, нежным. Он целовал меня так бережно, его немного отросшая щетина покалывала чувствительную кожу вокруг губ, но мне было все равно. Сейчас мне было все равно на весь огромный мир, который совершенно потерялся в его прикосновениях, в той радости, что зародилась в сердце от его последних слов. Мои руки скользили по его широким плечам, пальцы путались в волосах, а он прижимал меня так крепко, что казалось еще немного, и мы просто сольемся в одно целое. И это было бы правильно, но хотелось, чтобы произошло не так и не здесь. Зато никто не отнимал у нас возможности наслаждаться простыми прикосновениями друг к другу, никто не запрещал его рукам скользить вниз по моей спине, смыкаясь на ягодицах и прижимая к себе еще сильнее, никто не мог воспротивиться моему желанию обвить его талию ногами и прижаться к нему еще крепче. Брэйдан хрипло выдохнул, немного отстраняясь от меня.

– Это плохо закончится, девочка моя.

– Для кого? – прошептала я ему в губы.

Он улыбнулся, отчего в голове возник образ довольного сытого кота.

– Не для меня уж точно, – хмыкнул он. – Но я не возьму свою женщину на сырой земле и под открытым небом. Во всяком случае, не в первый раз, – хмыкнул он.

Мы долго сидели, обнявшись, под сенью цветущего маленькими белыми цветочками, что распускались по ночам, кустарника. Брэйдан держал меня на руках, рассказывая о созвездиях, что сейчас были видны на небе, о легендах Севера, что и какое созвездие означает и почему. А я слушала, не потому, что пыталась запомнить каждый его рассказ, а просто потому, что мне было приятно слышать его тихий голос, что шептал мне эти удивительные истории на ухо. Он гладил меня подушечками пальцев, в то время как я, откинувшись ему на грудь, практически лежала на нем и заморожено смотрела на россыпь таких холодных в своем сиянии и далеких звезд.

И снова дорога, долгий выматывающий путь по пустынным землям, которые не принадлежат никому, потому как никто не в силах выжить в этой засушливой, знойной, безродной пустыни. Желтая потрескавшаяся почва, по силам пробить которую лишь редко растущим колючкам. Редкий ветерок не спасает от палящего, сжигающего бледную кожу солнца. Не выдержав такого издевательства, я уже в первые часы, когда джунгли истаявали с каждым шагом, а вокруг все отчетливее прорисовывались контуры мертвой земли, повязала на голову одну из своих светлых рубашек и ей же закрыла лицо. Я не слишком люблю солнце, когда жарко, мне неприятно быть на улице, что уж говорить о том, когда температура достигает таких высот, что волосы закручиваются в тугие спиральки на голове. Свежи еще воспоминания раннего детства, когда маленьким Теням не разрешали выходить на улицу в солнечную погоду. Как болезненно жжет тело, даже не слишком яркие и сильные лучи. Сейчас не так, но неприязнь к жаркой погоде осталось прежней.

Северяне страдали от этой жары, похоже, не меньше моего. Но держались все стойко. Разве что женщины и мудрецы выходили из своих повозок лишь ночью, чтобы перебраться в шатры.

– По крайней мере, тут на нас точно нападать не станут, – хмыкнул Брэйдан, закручивая свои длинные волосы в пучок.

– Откуда такая уверенность? – взглянула я на него из-под своей защитной «шапки».

– Твари не выносят высоких температур, – ответил он.

Кожа на лицах северян сильно покраснела, но последовать моему примеру и обмотать себя чем-нибудь, никто не спешил. Мужчины страдали, но терпели, дожидаясь вечера, когда Брэйдан, Рик и Дэйм займутся их ожогами.

– Когда же мы приедем? – проныл где-то сзади Рыжий.

– Скоро, – буркнул Дэйм. – И так жмем во весь опор в сложившихся обстоятельствах, так что завтра вечером будем уже у моря.

Где-то позади нас раздалось сразу несколько разочарованных вздохов.

– Как же я ненавижу эту палящую блямбу на небе, – прорычал Кельм, еще раз глубоко вздыхая.

– Несемся во весь опор? – поинтересовалась я у Брэйдана.

– Да, режем пространство, видишь, Рик ушел в конец обоза?

Я кивнула в ответ.

– Он за нами правит. Тут еще незаметнее, чем в джунглях можно перемещаться потому, как вид везде одинаковый, – хмыкнул он.

Улыбнулась, тихо порадовавшись, что это нестерпимое пекло скоро закончится, и я увижу море. Прежде я путешествовала лишь сознанием, а теперь мне очень хотелось увидеть и почувствовать.

Мечты мои сбылись уже следующим вечером. Ощущения были такими, что кто-то просто сменил декорации. Раз, и заменили картинку, и вместо потрескавшейся земли, плодородная почва, обжигающее солнце сменило теплое и ласкающее, зеленая трава под копытами изнывающих от жары животных, небольшие зеленые горы и невероятная лазоревая гладь впереди. Она везде, куда ни посмотри! И солнце, словно раскаленный огненно-красный шар, готово утонуть в пенящихся волнах, окрашивая синюю поверхность алым. Заставляя переливаться морскую гладь золотым, сиреневым, нежно-розовым, то же самое происходило и с небом. Это было зрелище, которое хотелось увидеть, запомнить, а после убрать в самую дорогую шкатулку памяти, чтобы вспоминая, представлять, как морской бриз путается в волосах, каким пряным может быть воздух, и как можно ощущать счастье, просто смотря вот на такие вот чудеса земные.

– Нам необходимо спуститься по тракту, – заговорил Рик, – затем пересечь город и войти в порт. Нас должны уже ждать.

– Кто? – я невольно насторожилась, снимая с лица изрядно вымокшую рубаху.

– Свои, – хмыкнул Рик.

Королевство Алирии было чисто торговой державой. Оно не конфликтовало ни с кем и никогда, каждый пересекающий его границы и имеющий при себе хоть медную монетку, хоть мешок с золотом, был другом и желанным гостем. А уж заставить потратить алирцы могли любого. Здесь торговали все и всем, начиная пуговицами и заканчивая людьми, редкими животными, рабынями для постельных утех. Купить можно было все, чего душа желает, только плати! Хочешь девочку, хочешь мальчика, хочешь младенца, и никто не спросит, для каких

целей, переживет ли купленный тобою эту ночь, все что угодно за деньги. В тюрьмах Алирии сидели только должники и воры, которых нельзя было продать в силу определенных причин, все прочие преступления легко можно было откупить, если денег не было, то тут уже либо казнь, либо рабовладельческий рынок. Второе чаще.

Но алирцы свято чтит права покупателей и делали все для того, чтобы покупки были приятными и удовлетворяли потребностям клиентов. Сейчас мы готовились войти в ворота второго по значению города Алирии – Лиош. Это был портово-торговый город, имеющий прямой выход в море, большой порт и обширное внутреннее устройство. Были здесь базары, где покупатели могли торговаться, как только заблагорассудится; торговые павильоны, где все цены были фиксированы и облагались налогами; рабовладельческие аукционы; животноводческие рынки; рестораны; таверны; гостиницы; чайные дома; дома порхающих, где ждали мужчин с разнообразными предпочтениями, готовых платить за свои причуды. Сюда ехали со всего континента, кто-то за редкими товарами, а кто-то за изысканными утехами. Но внутреннее устройство Алирии было еще более жестким, чем в Аире. Женщины, урожденные алирки, скользили по улицам города в черных непроницаемых хламидах, закрывающих лицо, не имели права говорить с посторонними, смотреть в глаза другим людям, особенно мужчинам. Эти правила касались лишь местных, на чужестранок подобный запрет не распространялся.

«Словно домой вернулась», – подумала я, провожая взглядом вот такую алирку, с ног до головы укутанную в черное.

– Я никогда не привыкну, как здесь относятся к людям, – сквозь сжатые губы процедил Олаф.

– Да уж, – ответил ему Кельм. – Предложи я своей Хельге вот такой наряд, и потом бы зубы выплюнул...

– Это верно, сын. Наши женщины молчат, только когда спят. А скажи им, чтобы они не смели и смотреть на нас, так сами же нам веки и прикроют, – густым басом захохотал Олаф.

– Это правда? – тихо шепнула я Брэйдану.

Он непонимающе посмотрел на меня. Казалось, даже не слышал, о чем говорили его товарищи.

– Что?

– Что у вас женщины свободны?

Брэйдан нахмурился, как бы все еще не понимая вопроса, а потом ответил:

– Жена – шея, муж – голова, куда шея повернет, туда голова и смотрит, так у нас говорят. И это правда, женщины обладают теми же правами, что и мужчины, вольны в выборе профессии, мужа, того, как им жить.

– И каково это? – мне, правда, было интересно, как это устроено у них.

– Хреново, – вместо Брэйдана ответил Стефан, – никакого покоя нет, зажрали совсем!

– У него пять девочек, – улыбнувшись, шепнул мне Брэйдан. – Очень своевольных девочек.

– Они демоны в юбках! То им бусы надо, то гребешки, то платья, то колечки, то чего-нибудь вкусенького, а как поесть приготовить, ни одной на месте нет!

Отряд дружно хохотал под негодующие вопли Стефана, в то время как все мы, оплатив проездную пошлину, вошли в ворота Лиош.

– Чего вы ржете, вам бы так! Легче удавить, чем прокормить, – уже себе буркнул Стефан, с интересом начиная осматривать окружающее пространство. – И если решишь у нас за кем-нибудь приударить, парень, имей в виду, терпеть ваше аирское отношение наши девушки не станут. Они и за меньшее готовы в бороду вцепиться, а тут... – уже тихо пробормотал он, продолжая крутить головой по сторонам.

– Учту, – хмыкнула я, а Брэйдан загадочно улыбнулся.

Единственной широкой улицей в Лиош была та, по которой мы сейчас ехали. Центральная торговая улица пересекала весь город и выходила как раз к порту. От этой улицы тонкими веточками расходилось множество других, более узких, но не менее оживленных. Повсюду толкался суетливый народ. Архитектура Лиош была очень простой, жилые дома походили на высокие четырехугольные короба, с множеством жилых квартир. Свой дом в Лиош мог позволить себе лишь весьма состоятельный человек. Оживление в монотонном пейзаже песочно-желтых домов, вносили здания торговых павильонов, чайных домов, ресторанов, гостиниц, таверн. Каждый хозяин пытался сделать свое заведение более ярким, привлекающим внимание

покупателей. Кому-то удавалось, а у кого-то получался непомерно пестрый вид.

Вдоль тротуаров гордо вышагивали алирские мужчины, облаченные в длинные, по самые пятки, рубахи, открытые сандалии и, в зависимости от положения, тонкие обручи на головах. Кто побогаче надевал обруч, инкрустированный драгоценными камнями и золотом, мужчины низших сословий носили простые кожаные. Вслед за богатыми хозяевами семенили рабы. Иногда это были рослые парни в воинском обмундировании, но с неизменной железной полоской на шее, или хорошенькие девушки в откровенных нарядах, встречались дети, совсем еще малыши, но с такими же железными полосками, навеки перечеркивающими их жизни в мире Алирии.

– Твари, – жестко сплюнул Рик, смотря потемневшим взглядом вслед такому вот хозяину с детьми на «поводке». – Mord der torre^[61], – прошипел он едва слышно, сжимая кулак, и дергая какие-то энергетические нити.

Волнение было ощутимым, меня даже передернуло оттого, как сильно заволновалось окружающее пространство.

– Alisch!^[62], – рыкнул на него Дэйм. – Не за тем пришли.

– Ya, but est er mord under!^[63] – зло прошипел Рик в ответ.

– Что происходит? – обратилась я к Брэйдану за разъяснениями.

– Ничего, Дэй, ничего, – тихо ответил он. – Рик еще молод, ему тяжело сдерживаться.

– Он что-то сделал с тем алирцем, я чувствую, – не отступалась я.

– Он разорвал его энергетические нити, что поддерживают жизнь в любом организме, – ответил Брэйдан и посмотрел мне в глаза, ожидая моей реакции на произошедшее убийство.

– Это его выбор, – скупой ответила я, понимая, что не знаю, как правильно. Просто не знаю. – Я понял.

– Ты не одобряешь?

– Нет, но и не осуждаю, не мое право. Я не знаю, как должно быть, – правдиво ответила я.

– Иногда, я не говорю о данном случае, но приходится решать, выбирая из двух заведомо неверных вариантов тот, с которым ты сможешь жить.

– Брэйдан, – посмотрела я на северянина, – убийство для даосцев неприемлемо не потому, что мы столь романтические натуры, не

понимающие, что есть люди, которые этого действительно заслуживают, нет, мы это очень хорошо понимаем. Но знаешь ли ты, что бывает с Тенями, которым приходится убивать?

– Нет, – он смотрел на меня как-то иначе, словно я открывалась для него с совершенно другой стороны.

– Мы теряем себя в крови других людей и не людей. Растворяемся в их боли, теряем способности, исчезаем, нас просто стирают из реальности, как гнилое ненужное пятно. Я могу убить, но я же буду страдать за это куда больше, чем освобожденная от телесной оболочки душа. И жить дальше мне будет очень тяжело.

– Расскажешь мне потом подробнее? – спросил он.

– Расскажу, – улыбнулась в ответ, стараясь не думать о том рабовладельце, что сегодня ночью ляжет спать в свою постель в последний раз.

Порт принял наш изрядно обмельчавший обоз оживленным гомоном, толкотней, суетой и множеством кораблей, что сейчас стояли пришвартованные к пристани, ожидая разгрузки или же, наоборот, своих пассажиров и товар. Людей было много, разных национальностей, которые не спешили определяться. Нескончаемой вереницей стекались сюда подводы с товаром или же отправлялись на базары Алирии, уже груженные привезенным повозки.

Несмотря на поздний час, солнце уже практически село, а вокруг опустились легкие сумерки, народу меньше не становилось. Казалось, порт работает в полном режиме и ночью.

Но сейчас нам необходимо было продвигаться в самый дальний, менее оживленный его конец, где корабли оставались на долгие стоянки, платя баснословные деньги за арендуемое место.

Я плохо разбиралась в судостроении, но то, что видела на предыдущих стоянках, и в подметки не годилось той пятерке кораблей, что ждала нас в конце порта. Первый корабль был около двадцати пяти метров в длину, киль его сделан был из одного мощного куска дуба, от него поднимались крутые изгибы носа и кормы. Каждый пояс обшивки, как пояснил мне Брэйдан, перекрывал ниже лежащий пояс и был приклепан к ней. На самом носу была вырезана голова какого-то змеящера, весьма устрашающего вида. В ширину он был примерно около шести метров, огромный парус был сейчас собран.

– Благодаря нашим технологиям строения, корабли у нас достаточно гибкие и могут идти по бурному морю, не разбиваясь.

Я кивнула с серьезным видом, словно разбиралась в данном вопросе не хуже самих северян. Хотя честно сказать, не сильно-то и хотелось.

На правом борту сидел бородатый мужчина, свесив ноги наружу, он фривольно ими болтал и орал во всю глотку какую-то песню. Временами мужик звучно икал, после чего пение продолжалось. За его спиной время от времени взрывался дружный хохот, но мужчина в широких штанах и рубахе совершенно не обращал на это внимания и продолжал петь. Волосы у бородача были примерно такого же цвета, как у Кельма, но немного темнее.

– Кто его взял? – пробасил Олаф, гневно всматриваясь в пожилого мужчину, которому на вид было около шестидесяти лет. Точнее сказать было трудно, из-за густо растущей бороды, длинных волос и кустистых бровей.

– Деда? – как-то придушенно пискнул Кельм.

– Значит, трезвых не осталось, – констатировал сей факт Дэйм, как-то опасливо косясь на рыжего певца. – Если Терех здесь и поет, то все остальные пьют.

– Как ему удалось уговорить старейшин включить его в этот поход? – негодующе поинтересовался Бьорн.

– Если старая лиса хочет влезть в курятник, она в него влезет, – сквозь зубы прошипел Рик. – Твой папа, Олаф, это стихийное бедствие во плоти.

Словно почувствовав, что оказался под прицелом множества глаз, Терех оборвал песню на самой высокой ноте, сощурился и пристально глянул в нашу сторону:

– Engegen, unsere mutter abt!^[64] – рыкнул мужик, отчего Олаф странно напрягся, а Кельм как-то сдвинул лошадь так, чтобы она не слишком выглядывала из-за отца и его жеребца. – Чего так долго? – уже по-аирски спросил он.

– Da, wir...^[65] – начал было Олаф, но «старичок» его тут же перебил.

– Warum erzelle so schmiss as aus seine smutze?^[66] – ворчливо осведомился рыжий бородач, грозно посмотрев на Олафа из-под

кустистых бровей. – Что, думали, я останусь с этими старперами штаны протирать, когда такая возможность выпала прогуляться?

– Да ты вроде и сам уже не первой свежести, – нерешительно буркнул Бьорн.

– Сказал бы я тебе, где моей свежести понюхать можно, – хмыкнул дед и как-то неожиданно наклонился назад, исчезая за бортом корабля.

Я мысленно схватилась за сердце, неужели разбился? Но, похоже, кроме меня больше никто не волновался. А когда с борта корабля послышался зычный бас, топот множества ног, а после спустили трап из плотно сколоченных досок, и по нему как ни в чем не бывало спустился этот двухметровый рыжий, бородатый дед, с шириной плеч которого не мог бы сравниться ни один из присутствующих в отряде. Признаюсь, мне и самой стало не по себе.

Его небесно-голубые, чистые глаза смотрели грозно, но справедливо. В мужчине чувствовался стержень. И то, что он был лидером, не вызывало сомнений.

– Он капитан на этом корабле, – тихо шепнул мне Брэйдан. – И не только на нем.

– Ну, покажите же мне ту голубку, ради которой весь сыр-бор! – улыбнувшись, пробасил он.

– Терех, так не принято, – скупое ответил Брэйдан. Я уже приготовилась к тому, что мужчина отпустит очередную остроту в адрес северянина, но вместо этого он скупое кивнул и обвел взглядом всех присутствующих.

– Повозки останутся тут. Не знаю, что там за ценные подарки, но половину придется тоже оставить, готовьте животных к погрузке. И... – тут его взгляд упал на моего осла и странно напрягся. Напряглась и я, предчувствуя что-то не слишком хорошее для своего мальчика. – Чем болела скотина? – деловито поинтересовался он, ткнув толстым пальцем в нос ослу.

– Ничем, – не слишком уверенно сказала я, поскольку никогда не интересовалась жизнью животного до того, как оно попало ко мне.

– Рахит или что заразное? – не унимался дедушка Кельма.

– Да с чего вы взяли? Он здоров, – неподдельно возмутилась я.

– Тогда я бородатая девица на выданье! – рыкнул он в ответ.

– Терех, это порода такая, – ситуацию прояснил Брэйдан. – Называется «осол», «осьел», как-то так, короче.

Какое-то время капитан молча взирал на мое животное, потом перевел взгляд на меня и добавил:

– Точно? – Я кивнула. – Тогда второй вопрос, что в отряде делает ребенок?

Широко распахнув глаза, я снизу вверх смотрела на Тереха и не знала, что сказать. Ну, какой же я ребенок, в конце-то концов.

– Де... то есть Терех, Дэй не ребенок, он в охране принцессы, – решил вступить за меня Кельм.

После его заступничества на миг показалось, что началась гроза. Терех смеялся так, словно раскаты грома сотрясают землю.

– Ну, внучек, повеселил, – кое-как отсмеявшись, сказал он. – Но я еще раз спрашиваю, зачем притащили ребенка, олухи? Только мне сопли не хватало за ним подтирать все путешествие, мне и вас хватает во как! – он провел ладонью по горлу. – Мамка где твоя? – наклонился он ко мне ближе.

– Нет у меня, – окончательно смешавшись, сказала я. Ну что, в грудь себя ударить и проорать, что я мужик?!

– О-оо, – сочувственно протянул дедушка Кельма и похлопал меня открытой ладонью по голове, отчего я чуть не упала с осла. – Сирота?

– Ну, как бы да.

– Жаль, ну да не смертельно, потому бери свою скотину и возвращайся туда, откуда пришел.

– Терех, он правда из охраны, – вновь вступился Брэйдан, понимая, что я как-то неожиданно ступевалась и не справляюсь.

– Боги, куда катится этот мир, – пробурчал Терех, но оставил мою персону в покое.

– Ладно, давайте грузиться. И поскорее, а то эти скоро припрутся...

– Кто? – с интересом спросил Олаф.

– Как кто? Работоторговцы! Засранцы, повадились мне по вечерам девок своих на продажу предлагать! Да на кой мне эти селедки малолетние сдались в моем-то возрасте? Я им так и сказал, так они мне мальчиков привели на следующий вечер...

– И?... – нервно сглотнул сын Тереха.

– И теперь ходят другие товар предлагать, те, кто бегают быстрее, а девчонки те же. Молодые, худые, как палки. Что с ними делать, с молодыми-то? Я люблю женщин постарше, да и поплотнее, а этих разве что придавить можно во сне, чтоб не мучились, болезные. Хочу я вам сказать, дети, женщина должна знать, зачем ей мужчина, а мужчина должен быть уверен, что, обняв свою любимую, не наставит себе синяков по всему телу, – дед вновь смеялся, после чего как-то серьезно обвел нас своим небесно-голубым взором и густым басом заорал:

– Чего уши развесили? Работаем, сказал!

Прониклись все без исключения, разве что трое властителей отвели Тереха в сторонку и живо начали с ним о чем-то перешептываться, в то время как с кораблей высыпали новые действующие лица. Северяне радостно приветствовали своих товарищей, перебрасывались фразами на своем гортанном наречии, и тут же принимались за разгрузку повозок под присмотром Сэй Лума. Меня, к слову сказать, тоже приобщили к общественно-полезному труду, доверяя перетаскивать не слишком тяжелые грузы на борт и уговаривать осла ступить на плотно сколоченный деревянный трап и подняться на борт. Место для вещей находилось под съемными панелями, которые и были палубой. Все вещи складывались под них. Для животных было выделено отдельное судно с командой, людям пришлось тоже распределиться. Я, принцесса, Сэй Лум и две служанки попали на тот самый борт, где за капитана был дед Кельма. Сам Кельм с дедом плыть не пожелал и всеми правдами и неправдами пытался попасть на любое другое судно.

– Плыви с лошадьми, – рыкнул Терех, – или со мной, сам решай!

– Ладно, – понурившись, неохотно согласился внук капитана.

Властители тоже распределились на разных кораблях, и конечно же Брэйдан настоял на том, что поплывет вместе с Терехом. Оспаривать его желание никто не стал. Но, тут возникали проблемы у меня. А именно, как ходят в туалет на их кораблях?.. Быть может, вопрос и глупый, но животрепещущий! Что мне делать?

Поднявшись на борт, я поняла одно: на корме есть небольшое закрытое помещение, в остальном же корабль был открыт всем ветрам. Это, конечно, не страшно, с моим здоровьем можно спать и под открытым небом, но вот что делать со всем остальным? Сейчас все

устраивались на ночь, в том числе и женщины. Слуги Иолы, с вещами и одеялами, уже было направились к огороженному помещению, как зычный голос Тереха донесся до них:

– Вы что, девки, опупели? В туалете спать собрались?

– Как в туалете? – изумилась одна из служанок и, презрев все правила приличия, заговорила с незнакомым мужчиной.

– А ты как думала? Я на нос корабля встаю, чтобы дела свои оформить? Или задом за борт свешиваюсь?

– Но... – щеки девушки начал заливать густой румянец. – Где же нам спать?

– Где хотите, места много.

– Но принцесса не может вместе...

– Дело ваше, тогда отхожее место отгородим, и вам немного пространства останется. Но насчет запахов прошу меня не доставать. Кид, – позвал Терех одного молодого северянина, что сейчас заканчивал укладывать настил на корабле, под которым разместились припасы и пресная вода. – Подсоби дамам.

Молодой парень, хотя еще вопрос, насколько он молодой, лишь кивнул и принялся выполнять полученный приказ. В общем, чувствовалась определенная слаженность команды и капитана. Терех не позволял себе панибратства, ругани или осмеивания подчиненных, когда дело касалось непосредственно его работы. Он был серьезен, собран и замкнут, но стоило произойти чему-то не требующему его капитанских навыков, как мужчина переключался на совершенно другой лад. Но поражало не это, а то, насколько серьезно выполнялась малейший его приказ, как беспрекословно подчинялись и как опасно косились на него члены команды, стоило северянину изъяснить недовольство выполняемыми работами.

Выставив караул, Терех оглядел нас немного осоловелым взглядом и сказал:

– Не могли завтра приехать, такую пьянку загубили, изверги, – беззлобно махнул он рукой в сторону Брэйдана и Кельма, который все же принял волевое решение плыть вместе с дедом. – Ладно, всем спать, завтра на рассвете выдвигаемся.

На рассвете нас подняло вовсе не то, что команда начала готовить судно к отплытию, а вездесущий дед Кельма, который кричал на

берегу так, что равнодушным не остался никто:

– Опять притащили?! Сказал, не возьму! Ты посмотри, на кого девки твои похожи! Я у них на ребрах рубахи стирать могу!

– Ай, Терех-ага, зачем так говоришь? У нас товар хороший, лучший в Алирии! – чересчур тихо по сравнению с капитаном, отвечал продавец живым товаром.

– Уводи, сказал! Всю душу вымотал ты мне со своими бабами!

– Неужели ни одна не приглянулась? Смотри, какая эта молодая да сочная, как спелый плод.

– Зато я переспелый! А, впрочем, стой тут вместе со своими девками сколько влезет, – через какое-то время уже тише сказал он. – Команда моя вся поднялась, будить никого не надо, да и я глотку размял с утра пораньше. Так что, Сюдюль...

– Сюмбюль, – обиженно поправил продавец.

– Без разницы. Спасибо, что зашел, как я тебя и просил, на рассвете.

– Так зачем ты меня звал, раз брать никого не будешь?

– Попрощаться...

– Тебя Бог накажет за твой характер, Терех-ага, – гневно сплюнул продавец, говоривший по-аирски, но с сильным акцентом.

– И тебе счастливо оставаться, Сандюль.

– Сюмбюль! – рыкнул мужчина.

– Без разницы, – со смехом в голосе ответил капитан.

Этот разговор происходил на грани слышимости, но судя по выражению лица Брэйдана, последние слова Тереха слышали мы оба.

– Будь с ним осторожен, Дэй, – прошептал мне Брэйдан одними губами. – Он очень проникательный старый лис и плут, и не такой весельчак, каким кажется. Его стоит опасаться, даже будь ты трижды Властитель, понял?

Я незаметно кивнула и поднялась.

– Хорошо. Он не плохой, но своенравный. И не всегда, что хорошо Тереху, будет таковым и для того, кого он захочет облагодетельствовать. Он очень сложный человек, – сказал Брэйдан так, что слышать могла бы только я.

– Ой, все уже проснулись? – делано удивленным голосом разнеслось над нашим кораблем, когда капитан поднялся на борт. – Выдвигаемся, – уже строго рыкнул северянин.

И на палубе корабля тут же началась непонятная мне суета. Но каждый из присутствующих членов команды делал строго определенное действие.

– Брэйдан, – обратился Терех к властителю. – Настроишь энергетические контуры? – Хоть это и прозвучало как вопрос, но было больше утверждением.

– Думал, уж не спросишь, – хмыкнул северянин.

– Ну, что вы, как можно? – ехидно пробасил капитан, тут же находя новую «жертву» для разговора и отходя от Брэйдана на несколько шагов.

– Что за контуры? – тихо поинтересовалась я у северянина, стараясь не отставать от него. В то время как Брэйдан уверенным шагом шел на нос корабля.

– Наши корабли – это своеобразные механизмы, которые могут плавать по морям самостоятельно, а могут делать это с энергетической подпиткой. Если правильно наладить контуры и подачу энергии, то корабль будет резать пространство без нашего непосредственного участия.

– Ты хочешь сказать, что вы умеете перерабатывать энергию и использовать ее?

– Да, не так просто, как сказал ты, но умеем, – улыбнулся Брэйдан, снимая настил на полу и открывая моему взору совершенно непонятный механизм, состоящий из нескольких десятков разноцветных кристаллов, переплетенных между собой невидимыми простому глазу энергетическими нитями.

Казалось, северянин о чем-то глубоко задумался, но спустя некоторое время я почувствовала, как начинают двигаться энергетические потоки вокруг. Как стекаются они к фигуре мужчины, ластаня, словно послушные руке хозяина звери. Они проникали внутрь его тела тысячами голубоватых нитей, а после он ловко закручивал их в одному ему понятные спирали и закреплял к кристаллам. Это занятие заняло всего несколько минут, и то, с какой скоростью работал Брэйдан – поражало. И как ловко он обращался с каждой отдельной нитью, и насколько послушны они были его воле.

– Ты преобразуешь их? – пораженно спросила я.

– Ну, как бы я самая главная деталь, – хмыкнул он.

– Невероятно. – Это действительно поразило меня. Интересно, а моей силой он мог бы точно так же управлять? Направляя ее, преобразовывая и изменяя?

Я всегда знала, что я источник, энергия, наделенная разумом, волей и душой. Это сложно понять, еще сложнее объяснить, но когда с подобным знанием живешь всю жизнь, то начинаешь понимать это глубже, чем кажется, осознавать себя. Аирцы говорят, что мы существа, наделенные Божьей искрой. В чем-то они правы, мы ведь рождены энергией, живое воплощение, способное вернуться к собственным истокам или же существовать отдельно, рассеяться в пространстве, раз и навсегда слившись с миром, или же удерживать свою личность, это выбор каждого. Но, думаю, для того, чтобы выбрать первое, нужно прожить очень долгую жизнь, прежде чем суметь отказаться от собственного «я».

– Готово, – деловито осматривая полученный результат, сказал Брэйдан. – О чем задумался?

– А, – легко махнула рукой я подсмотренным жестом у северян, который означал «не важно».

Брэйдан, увидев это, легко улыбнулся.

– В пути будем около недели, может меньше.

– А если бы плыли обычным путем?

– Очень, очень и очень долго, – хмыкнул он.

– А как же остальные корабли?

– Рик и Дэйм все сделают, а пока предлагаю заняться изучением нашего языка, хотя бы в пределах необходимого минимума?

Я несколько смутилась и, улыбнувшись, сказала:

– Ну, я уже кое-что выучила...

– Правда? – с интересом спросил он. – Может, покажешь мне свои умения во владении языком? – Вроде бы ничего не сказал, а я смутилась, причем так, что уши, должно быть, покраснели. Благо коса почти полностью их прикрывала.

Коротко кивнула в знак согласия, и молча пошла за Брэйданом.

– *Kyolm ist inborn son of Olav und Nord, most smart, deist und strong warrior. Ich...* [67]

По мере того, как я говорила, лицо Брэйдана все больше вытягивалось, приобретая совершенно неопределимое выражение. На

последней фразе он начал жевать губы, а глаза как-то странно сощурились.

– И каков перевод? – любопытно спросил он.

– О, Кельм сказал, это ритуальное приветствие, которое мне стоит произнести при знакомстве с его женой, – ответила я с самым гордым видом.

Последнее время Кельм часто со мной занимался, объясняя, как и кого необходимо приветствовать, заставляя заучивать ритуальные фразы, которые оказались весьма тяжело запоминаемыми, но я старалась.

– Так это он научил? – как-то ласково спросил Брэйдан, кидая мрачный взгляд в сторону рыжего, что сейчас то краснея, то бледнея выслушивал наставления своего деда. Мы же с Брэйданом сидели почти у самой кормы, стараясь никому не мешать. Корабль уже покинул порт Алирии и сейчас готовился к выходу в открытое море. Легкий бриз путался в распущенных волосах Брэйдана, словно играя с ними, он подбрасывал пряди, путая их между собой и заставляя ловить солнечные блики. Сам его вид завораживал меня, заставляя постоянно отвлекаться от насущного.

– Могу я поинтересоваться, чему еще он тебя обучил?

– Конечно, – с готовностью согласилась я, – ты знаешь, Кельм и впрямь мне помог. Он научил меня, как правильно приветствовать семьи, каждого из членов отряда и что и кому сказать, чтобы подчеркнуть достоинства каждого.

– Да? – вопросительно изогнул бровь Брэйдан, – Как интересно...

– О, послушай, что мне следует сказать семье Стефана! Irre husbe is torte mut! Wir dum keine food gerabt on er!^[68]

– А... даже боюсь спросить, – странно побагровев, сказал он, – моему отцу он ничего не просил передать?

– Нет, – тут же отозвалась я, – он сказал, что твой отец занимает слишком высокое положение и будет невежливо, если с ним начнет говорить чужестранец.

– Да? Как мило с его стороны, – зло посмотрев в сторону Кельма, сказал Брэйдан.

Через несколько минут, когда Брэйдан перевел все заученные мною фразы, спину Рыжего сверлило уже два недовольных взгляда.

– Зачем он это сделал? – не находясь с ответом, спросила я северянина, продолжая наблюдать за тем, как Кельм под дедушкиным руководством драит палубу. Зачем Терех заставляет внука этим заниматься, было для меня еще большей загадкой. Но дед и внук не собирались никого посвящать в свои тайны.

– Думается мне, это тебе за то, как ты его называешь.

– В смысле? Вы все его так называете, – непонимающе тряхнув головой, обернулась я к Брэйдану.

– То мы, и совсем другое, когда ты...

– Да что такого-то?

– Ну, знаешь, мне бы тоже было неприятно, если бы меня так обзывали при каждом удобном случае, – многозначительно сказал Брэйдан, подтягивая одно колено к груди и кладя на него локоть.

– Обзывали? – мои брови поползли вверх.

Еще через несколько секунд я сидела пунцово-красного цвета в то время, когда Брэйдан просто неприлично, откинув голову назад, смеялся навзрыд.

– Ну, я же не знал, – тихо пробормотала я, в то время, как северянин продолжал сотрясаться от приступа хохота.

Тихая гавань Алирии осталась где-то далеко за горизонтом, сменившись беспокойными водами открытого моря. Казалось, что с каждой минутой меняется окружающий нас климат. Становилось ощутимо прохладней, небо затягивало тяжелыми тучами, волнение на море усиливалось. Корабль начинало ощутимо покачивать, а вместе с тем самочувствие непривычных к морским путешествиям аирцев ухудшалось. Особенно плохо себя чувствовали женщины. Служанки то и дело выбегали из своего небольшого укрытия и, уже не обращая внимания на присутствующих, свешивались с борта, чтобы хоть немного облегчить свои мучения. Йола все же оставалась взаперти. О том, как себя чувствует принцесса, ее верные служанки отвечали скупой, говоря, что все хорошо. Но вид самих девушек вызывал глубокое сочувствие. Цвет их лиц с каждым часом приобретал бледно-зеленый оттенок, передвигались они все медленнее и каждую ощутимо шатало. Сэй Лум тоже, казалось, чувствовал себя неважно, но все же держался. Пожалуй, мне было легче остальных, потому как, во-первых, мой организм был на порядок более тренированный, а во-

вторых, я попросила Брэйдана об услуге, которая заключалась в том, чтобы он проследил за тем, чтобы меня не тревожили. Я легла на тонкое одеяло подальше от всех, накрылась с головой вторым и просто выскользнула из тела. Как всегда в таких случаях, я испытывала ни с чем несравнимый восторг. Мое тело... его не было, я осознавала это, но мой дух он был везде и нигде. Хотелось подняться ввысь и отправиться в долгий, такой бесконечный и прекрасный путь, но все же я давно научилась контролировать свои порывы в такие моменты, потому представила, что сижу на борту корабля и наслаждаюсь путешествием. Конечно, ни рук, ни ног в таком состоянии у меня не было, но спроецировать сознанием привычный образ было не сложно. Потому вот уже несколько часов я сидела рядом с Брэйданом на борту корабля, в то время как он, о чем-то глубоко задумавшись, совершенно не замечая моего незримого присутствия, сидел у моих ног. Соленые брызги морской воды, подымавшиеся в воздух, когда темные волны наталкивались на борт корабля, проходили сквозь меня, опускаясь на плечи северянина. Но он, казалось, этого вовсе не замечал. Его темно-зеленые глаза были устремлены в пустоту, и казалось, такая бездна разливается на самом их дне. Она завораживала, в нее хотелось ступить и раствориться без остатка, она тянула меня к себе, словно считая частью, принадлежащей ей.

Сейчас это были глаза Властителя, бездонные, бесстрастные, манящие, бесконечно глубокие. Энергетические нити оплетали наше судно, образуя своеобразный каркас, но каждая нить, прежде чем коснуться судна, проходила сквозь тело северянина. Он словно притягивал их из окружающего пространства.

Иногда я возвращалась в реальный мир, чтобы поесть или просто для того, чтобы не выглядеть слишком подозрительно притихшей. Ни к чему этим людям лишние мысли на мой счет, им и так есть о чем подумать. В таких прыжках «туда и обратно» прошло три дня. На четвертые сутки нашего путешествия я решила больше этого не делать. Волнение на море усилилось, небо затянуло тяжелыми свинцовыми тучами, которые вот-вот были готовы обрушить всю несомую ими мощь на наши головы. Ветер стал порывистым, обжигающе холодным и хлестким. С каждой секундой холодало все сильнее. Северяне уже давно облачились в теплые вещи, я же очнулась укутанной в теплый меховой плащ, отчего тут же почувствовала себя

не комфортно. Одним рывком скинула его с себя и поднялась на ноги. Колючий, ледяной ветер с острыми капельками холодной морской воды тут же проник под тонкую ткань куртки, заставляя неприятно поежиться от всепроникающего холода.

Брэйдана рядом не было, он разговаривал о чем-то с дедом Кельма, стоя на носу корабля. Да и в остальном на корабле стояла непонятная суэта, никто не сидел без дела.

– Простудишься, – несколько уставший женский голос раздался позади меня.

Я не спеша обернулась, рассматривая ту, что сейчас стояла, опершись спиной о борт корабля. Иола выглядела усталой и измученной, но, несмотря на это, она была безупречна от макушки до пяток. Сейчас ее волосы были убраны в высокую прическу, идеально уложены и украшены нефритовыми гребнями и жемчужными нитями. А само тело было укутано в белоснежную длинную шубу. мех неизвестного зверька был невероятно пушистым, отчего казалось, что принцесса утопает в невесомом меховом облаке. Это было бы даже красиво, если бы не было столь омерзительно...

Я глубоко поклонилась и ответила:

– Все в порядке. Как вы себя чувствуете?

Иола ухмыльнулась уголком губ и несколько игриво, если не сказать наигранно, сказала:

– К чему весь этот официоз сейчас? Вряд ли мое положение, чем ближе мы приближаемся к этим проклятым землям, приобретает все ту же значимость, – холодно чеканя каждое слово, сказала она.

– Не стоит, – так же холодно ответила я.

– Что?

– Не стоит спешить в суждениях.

– Спешить? – хмыкнула она. – Если не поспешить, то все будет еще хуже, чем сейчас, – сказала она, кладя маленькую ладошку на серебряный кругляшок, который с самого Аира висел у нее на шее, который она так старательно прятала под тканью шелкового кимоно всякий раз, когда он неосторожно показывался взору окружающих. Я заметила его еще в первую встречу, но после видела всего лишь однажды, в ночь, когда на нас напали вирги.

Она сказала все это с такой ощутимой двусмысленностью, что не заметить этого было просто невозможно.

– Что вы задумали?

Иола не выразила ни малейшего удивления моему вопросу, а просто легко пожала плечами и ответила:

– Ничего, разве я что-то могу?

Оттолкнулась от борта корабля и нетвердой походкой направилась в выделенное ей помещение. И лишь когда ей оставалось всего несколько шагов, чтобы исчезнуть за деревянной дверкой комнатки, она повернулась ко мне вполборота, легко улыбнулась и сказала:

– А, может, и могу...

И тут же исчезла за маленькой дверцей.

Ее последняя фраза мне очень не понравилась. Еще больше не понравился мне тот лихорадочный блеск ее глаз, с которым она смотрела сейчас на окружающих ее северян. Не понравилось мне и то тягостное чувство, что сейчас поселилось глубоко внутри. Что-то грядет, я чувствую, я знаю... Быть может, имеет смысл покопаться в мыслях принцессы? Только лучше это делать ночью, все же на тех, кто не практикует мысленное общение и не занимается практиками, как я в монастыре, никогда не знаешь, как скажется мое вторжение. Лучше не рисковать и дожидаться ночи, когда сознание принцессы будет расслабленно и не сможет сопротивляться.

Пока же я достала свой изрядно истрепавшийся походный мешок, расшнуровала его и вытащила наружу теплые вещи, что вручили мне еще во дворце Императора. Надевать все это не хотелось, но в то же время было бы странно, если бы я так и осталась в своей тонкой курточке и штанах. Потому, сделав глубокий вдох, начала натягивать штаны и куртку прямо поверх моей одежды. Ощущение дискомфорта возникло тут же. Не сильное, но вполне ощутимое. Мне было неприятно прикосновение меха и кожи к моему телу. Казалось, под теплой одеждой все зудит. Но делать было нечего, только терпеть. Плетеные тапочки я убрала в мешок, а вместо них надела тяжелые сапоги мехом наружу. После я опустилась на палубу корабля, уткнув лицо в колени, и начала глубоко дышать, борясь с приступом тошноты, что тут же появилась, стоило надеть эти вещи.

– Ты в порядке? – раздался над головой голос Брэйдана.

Не найдя в себе сил ответить, просто неопределенно покачала головой.

– Тебе плохо от качки? – обеспокоенно спросил он.

– Нет, – отозвалась я. – Мне плохо, но не поэтому.

Широкая ладонь опустилась мне на плечо, а сам северянин присел рядом со мной. Я невольно облокотилась на него, в то же время не меняя позы.

– Холодает, – тихо сказала я.

Не видя лица северянина, я все же почувствовала, как легкая улыбка коснулась его лица.

– Разве? По-моему, очень даже тепло.

– Хм, что же по-твоему холодно?

– Холодно? Боюсь, это ты сможешь узнать месяца через три, когда в наших землях кончится лето, – он ненадолго замолчал. Молчала и я, стараясь дышать так, чтобы нормализовать внутреннее состояние организма. – Мы прибудем раньше, чем планировали, – вновь заговорил он. – Уже завтра на рассвете войдем в воды Аранты.

– Аранты? Ваша столица, да?

– Не совсем, столица и часть государства имеют одинаковое название.

– Почему так рано прибываем?

– Не могу сказать пока.

Его ответ заставил меня отвлечься от собственного состояния и обратить вопросительный взгляд в сторону Брэйдана.

– Не можешь сказать потому, что не знаешь или потому, что не хочешь?

– Потому, что не уверен в ответе, – легко улыбнувшись кончиками губ, ответил он.

– И такое бывает? – хмыкнула я.

– Как видишь, даже со мной.

Его глаза сейчас светились смехом, но даже так от меня не могла укрыться тревога, притаившаяся на самом их дне.

– Что-то случилось?

– Не знаю, но такое ощущение, что что-то идет не так...

– А поконкретнее можешь сказать?

– Боюсь, пока не могу. Все, что у меня сейчас есть, это мое предчувствие, но я привык ему доверять. Потоки меняются, я это хорошо ощущаю. Дэйм и Рик тоже. И мне кажется, так просто попасть в порт Аранты нам не удастся.

– Нападение? Вы думаете, нас атакуют?

– Какой ты въедливый, – пожурил меня Брэйдан и тут же серьезно добавил: – Я не знаю, что произойдет этой ночью, но об одном хочу тебя попросить, можно?

Не сумев сдержать улыбки, я кивнула.

– Прошу тебя, держись меня, не влезай. Если на нас нападут Властители Ингвера, я не хочу, чтобы ты пострадал.

– Ты тревожишься не о том, – скупой ответила я. – Сосредоточься на главном, а я уж как-нибудь о себе позабочусь. – «И о тебе» – хотела добавить вслух, но разумно решила промолчать.

– Тем не менее я прошу тебя, – очень серьезно сказал он.

– Ты заставляешь меня повторяться.

– Я ли? – хмыкнул он. – Просто скажи мне.

– Сказать то, что ты хочешь услышать, и сделать по-своему? Зачем?

– Ты невыносим, – глухо рыкнул он. – Неужели это так трудно.

– Я не хочу говорить тебе то, что не выполню. Или ты так хочешь быть обманутым?

– Ты просто не понимаешь, с чем нам предстоит, возможно, столкнуться.

– Нет, Брэйдан, это ты не понимаешь... Страх будет тебе только мешать. Не стоит тревожиться за меня, лучше думай о важном, – сказав это, я легонько сжала кончики его пальцев, что сейчас расположились на моем плече, и вновь уткнулась лицом в колени.

– О важном? – сквозь зубы прошипел он. – Я о нем и думаю!

Он резко поднялся и ушел. Кажется, разозлился не на шутку. Странно... Я же не прошу его нарядиться в женское кимоно и отправиться в комнату принцессы, вышивать шелком картины? Почему он просит меня меняться в угоду своим страхам? Разве можно избежать чего-то, спрятавшись от всего мира? И какой тогда смысл жизни? Существовать в безопасности, задыхаясь собственным страхом того, что уготовила тебе судьба. Наши страхи всегда находят нас, как бы сильно мы ни старались от них спрятаться. Жизнь дается, чтобы жить, бороться с собой и не бояться того, что ждет тебя за очередным поворотом судьбы. Все пройдет, и плохое и хорошее, но вот что останется после? Какое послевкусие будет у пройденного пути? Зависит только от нас самих.

Я сидела тихо, ожидая ночи и борясь с собственными ощущениями. Иногда выскальзывала из собственного тела, чтобы посмотреть, чем занята Иола. Принцесса, казалось, и не думала спать. Она, словно каменное изваяние, сидела в самом углу своей маленькой комнатки. На полу вокруг нее расположились служанки, которые по очереди дремали. Царила гнетущая тишина, и это было странно. Разве не должны женщины вести себя иначе? Не должны ли они разговаривать? Или хоть как-то общаться? Но нет. Каждый раз, стоило мне заглянуть в каморку принцессы, я видела одно и то же. Так прошел день. На палубе продолжала суетиться команда северян, выполняя отданные им команды. Терех, Брэйдан и Кельм находились на носу корабля, о чем-то сосредоточенно разговаривая. Подслушивать я не стала не потому, что не хотела, а потому, что говорили они на родном языке. Я же достала свой шест и на всякий случай положила его рядом с собой.

– Слушай, – вместо приветствия над головой раздался голос Кельма.

– Что? – в тон северянину ответила я.

– Я собственно чего пришел, – начал свою речь Рыжий. – Ты бы пошел, что ли, принцессу охранять?

– Правда? А, я, по-твоему, чем занимаюсь?

– В каюту к ней иди, – буркнул он. Глаза Кельма лихорадочно поблескивали в надвигающихся сумерках, и, судя по ауре, он изрядно нервничал.

– В чем дело?

– Ни в чем, – слишком быстро выпалил он, отчего выговорить фразу как следует на аирском у него не получилось, и в ответ мне раздалось загадочное «нием». Вопросительно изогнув бровь, пристально посмотрела в лицо северянина. Кельм, судя по всему, решил, что ему не верят, а не просто не понимают. Отчего нервно затоптался на месте, что было весьма проблематично из-за качки, что стояла вокруг.

– Ну, тебе трудно, что ли? Это приказ, – нерешительно сказал он.

– Да, – легко улыбнулась я. – Забавно, только вот незадача, даже если я постараюсь влезть в эту каюту, то единственное место, куда смогу уместиться – это нужник за ширмой, – спокойно сказала я. – Кельм, успокойся уже. Я говорю в последний раз, что никуда не уйду

отсюда. И еще раз спрашиваю, что происходит? Скажи мне, просто ответь.

– Брэйдан думает, что на нас сегодня нападут, – понурившись, ответил Рыжий.

– В таком случае мне тем более следует остаться здесь.

– Здесь будет небезопасно.

– Конечно, в туалете куда спокойней, – хмыкнула я. – Хватит уже. Разве подвел я вас хоть раз, чтобы заслужить подобное отношение?

– Нет.

– Тогда лучше остановить наш спор уже сейчас. Всё.

Тяжелые ледяные капли упали мне на ладони. словно две непрошенные слезинки, оброненные хмурым небом. Но стоило упасть этим скупым капелькам, как небо разразилось оглушительным раскатом грома, сокрушаясь о своей потере. И тут же обрушило на наши головы целый поток холодной воды.

Шторм в северных землях – это страшное испытание, которое могут вынести лишь сильные духом. Волнение такое, что не всегда понимаешь, где верх, а где низ. Ветер сбивает с ног, волны захлебываются в своем желании пустить корабль на дно, и лишь люди, такие маленькие и непокорные, продолжают сопротивляться воле природы. Команда северян действовала, как один организм, выполняя приказы капитана. В то время как сам Терех, казалось, испытывал ни с чем несравнимый восторг от происходящего. Он улыбался в то время, когда порывы ледяного ветра били ему в лицо, путаясь в лохматой рыжей шевелюре. Он смеялся, когда мощные волны накрывали корабль и тут же отступали. Что за невероятный народ эти северяне?

Я же сидела, словно мышка, вцепившись двумя руками в борт корабля, стараясь не мешать работе остальных и не быть для них проблемой. меховые одежды намокли, и стали невыносимо тяжелыми. Они словно пригвоздили меня к палубе корабля. Снять бы их, да боюсь, стоит отцепить руки и меня просто выкинет за борт. Вот ведь... Из-за набежавших туч казалось, что сейчас уже глубокая ночь. Темная вода, черное небо, ледяной ветер и тысячи капель, яростно витающих в воздухе, такое ощущение, что мы провалились в водяную бездну, где нет ни проблеска света, ни надежды на спасение, лишь тьма правит в этом мире.

Я не видела Брэйдана, слишком непроглядная чернота была вокруг. Но тем не менее отчетливо его чувствовала. И в какой-то момент по моему обостренному восприятию словно лезвием ножа полоснул резонанс, которым сработало силовое поле корабля. Как если бы я натянула железную струну, и она оборвалась у меня в руках, с силой ударив по незащищенным пальцам. Должно быть, сейчас я была похожа на выброшенную на сушу рыбу, так сильно меня это оглушило. Судорожно хватая ртом воздух, я еще сильнее вцепилась руками в свою мнимую опору, при этом стараясь осмотреться вокруг. Человеческим зрением здесь было не обойтись, пришлось переходить на другие слои восприятия, но то, что хотела увидеть, я все же увидела.

Во тьме этой не покорившейся стихии ночи наш маленький корабль светился, словно голубой фонарик, пронизанный тысячами энергетических нитей, что призвал мой властитель. Они тянулись вдоль всей обшивки корабля, пронизывали вдоль и поперек палубу и смыкались странным невесомым куполом у нас над головами. Это было похоже на то, что выплетали северяне во время наших ночевок на суше, но структура все же отличалась. Более упрощенная, что ли? Без лишних сплетений, простая и сложная одновременно.

И именно сейчас эта сеть выдерживала градом сыплющиеся на нее удары. Места, куда они наносились, вспыхивали ослепительно-белым сиянием. И не успевал такой участок успокоиться, вернувшись к нежно-голубому, как вспыхивал соседний, и так по всей площади купола, без малейшего перерыва. Вспышка, еще вспышка, белоснежная и невыносимо яркая, такая, что больно смотреть. То, что это самая что ни на есть атака, было теперь совершенно очевидно. Интересно, а шторм тоже «их» рук дело? То, что для такого нападения купол Брэйдана был не предназначен, было теперь мне понятно совершенно точно. Как и то, что осталось совсем немного, прежде чем защита северянина осыплется, словно пепел на ветру. Вспышки не несли с собой никаких звуков, не было ни взрывов, ни хлопков. Лишь ревущий ветер, шум от огромных волн, что швыряют наш корабль из стороны в сторону, и белоснежные вспышки чужих заклятий.

Не теряя более ни секунды из оставшегося времени, порядком ооченевшими пальцами начала расстегивать свою промокшую насквозь куртку. Ни к чему мне этот бурдюк на шее, словно две меня

на плечи залезло. Пальцы слушались плохо, слишком замерзли руки. И не потому, что я забыла о терморегуляции собственного тела, просто ветер был невыносимо холодным. Только сейчас заметила, что мои волосы и меховые ворсинки на куртке покрылись ледяной коркой, что неприятно хрустела, стоило начать двигаться. Пальцы рук, словно чужеродный крючки, с трудом удерживали пуговицы. Как же плохо...

Прикрыв глаза, потянулась всем естеством к тому золотому, теплomu шару, что представляла у себя в груди, направляя его энергию и тепло в руки, наслаждаясь откликом силы внутри и последовавшим за ним теплом.

Стоило промокшей куртке упасть на палубу корабля, как свое существование прекратила выстроенная Брэйданом защита. Энергетические нити, рваные и обуглившиеся, начинали рассыпаться в пространстве. В то же время на палубе корабля вспыхнули белоснежные окна порталов, рвущих окружающую материю. Эти порталы действительно разрывали ткань мироздания, грубо, насильно прорываясь в естественный порядок. Это не было похоже на то, как хожу я. Тени просачиваются между слоями, не тревожа нити, не затрагивая энергетические токи. Сейчас же материю просто рвало на части. Все это произошло очень быстро. Всего несколько секунд – и на палубу нашего судна высыпало около десяти человек. Каждый из пришельцев был высок и хорошо развит. Их фигуры были укутаны в теплые плащи, а волосы забраны в высокие косы. За спинами виднелись рукояти мечей, которыми никто из пришельцев не спешил пользоваться. Они просто рассредоточились ровным кругом, повернувшись к нам лицами.

Странным образом шторм продолжал бушевать, но нашего корабля это словно бы не касалось. Не было больше той невыносимой качки, хотя дождь вперемешку со снегом и продолжал лить, ветер стал более щадящим. Таким, что можно было безбоязненно подняться на ноги и быть уверенной в том, что тебя не снесет в океан.

Пришельцы сейчас больше всего напоминали собой каменные изваяния. Совершенно непроницаемые лица, белоснежная кожа, точеные черты лица. То, что это не люди, было ясно с первого взгляда, но и от властителей, которых я видела до сих пор, они тоже отличались. Отличались чем-то, что можно ощутить лишь на уровне подсознания. Какой-то незримой идеальностью, нечеловечностью,

выветренностью. Словно не живые, бесстрастные, так будет сказать гораздо правильнее. Не было в их глазах того огонька любви к жизни, который светился в глазах Брэйдана или Рика. А, быть может, это мне хотелось так их воспринимать? И это я боялась разглядеть за их лицами живых людей?..

Но вот круг слегка расступился, и из-за плеч пришельцев вышел мужчина. Он шел неспешно, очень уверенно. Его поступь была тверда, его осанка говорила о том, что этот человек не привык склонять голову ни перед кем. Его черные, словно вороново крыло, волосы были так же заплетены в высокую косу, а его зеленые, цвета весенней травы, глаза с хищным прищуром смотрели на каждого из нас и ни на кого конкретно. Вот только я, стоило мне увидеть того, кто ступил на палубу нашего корабля, казалось, проваливаюсь в какой-то бесконечный запутанный кошмар.

Сердце, судорожно сжавшись, замерло, нерешительно сделало новый удар и понеслось в груди бешеным галопом, заставляя кровь бежать, обжигая вены внутри. На мгновение мне даже подумалось, что реальность ускользает от меня. Прерывистый вдох вырвался из груди, и только тогда удалось взять себя хоть немного в руки.

Сейчас из-за спин своих товарищей уверенной походкой вышел тот, кого я никак не ожидала увидеть. Он был так похож, одно лицо, одна фигура, те же глаза, губы, черты лица, такие знакомые и любимые, но такие холодные и далекие. Брэйдан. Это была точная его копия, идеально похожая. Вот только глаза... Это были чужие и холодные глаза незнакомца.

Я резко обернулась, ища взглядом его. Того, кого хотела увидеть сейчас больше всего на свете. Увидеть и убедиться, что этот пришелец точно не Брэйдан. Что мой властитель реален, и все, что было, не сон!

Брэйдан каменным изваянием замер по правую сторону от меня. Его мокрые пряди волос черными змеями облепили шею и плечи. Сейчас он напряженно следил за своей точной копией, что с каждым шагом приближалась к нему. На самом дне его глаз плескалась ничем не прикрытая ярость. Словно еще не много, и он мог бы убить пришельца при помощи одного лишь взгляда.

– Gotte abst, brud^[69], – неожиданно заговорил пришедший.

Брэйдан не ответил на приветствие чужака. Моих знаний языка уже хватало, чтобы понять, что сейчас сказал этот мужчина. И слово

«брат», несмотря на то как были похожи эти двое, не вязалось в моем понимании. Как этот холодный, бесстрастный чужак может быть братом Брэйдану? Сколь были похожи они внешне, столь же различались во всем остальном. Это было невозможно не заметить, даже не зная пришельца.

Человек внимательным взглядом обвел присутствующих, как бы невзначай задержал его на мне, в этот момент я предусмотрительно вернула глазам обычный человеческий вид, Сэй Лум и еще несколькими аирцам. После этого он заговорил вновь, но уже на моем языке. С чего бы?

– Имеет ли смысл говорить с тобой, а?

– Меня мучает тот же вопрос, – скупое ответил Брэйдан.

– Наша борьба, она столь долго длится, что я даже буду скучать по тебе.

– Ингвер, перестань, не трать мое время.

– Конечно, ведь у тебя его осталось так мало, – знакомые нотки в интонации брата Брэйдана смущали меня, но в то же время создавалось дикое впечатление, что устами любимого человека говорит незнакомец. – Просто отдай мне ее, и мы закончим наш разговор.

Брэйдан улыбнулся одними уголками губ.

– Нет.

– Уверен?

В ответ полное решимости молчание.

– Прольется кровь твоих людей, ты же понимаешь.

И вновь в ответ тишина.

Ингвер позволил себе легкую ухмылку и заговорил вновь:

– Зачем ты продолжаешь гнаться за призраками прошлого? Прими настоящее, стоя со мной плечом к плечу...

– Хватит, от твоего нытья у меня болит голова. Все время одно и то же! Я уже наизусть знаю, что ты скажешь, как знаю и то, каков будет мой ответ.

– Ты один, нас одиннадцать, считать-то ты хотя бы умеешь?

На этот раз, словно отражение собственного брата, Брэйдан ухмыльнулся точно так же, как всего несколько секунд назад сделал это Ингвер.

Не говоря более ни слова, Брэйдан ударил первым. Он не сделал ни единого движения, лишь дрогнули кончики пальцев, и огромной высоты волна обрушилась на головы тех, кто осмелился угрожать в эту ночь. Складывалось такое впечатление, что это не вода восстала из пучины океана, а живое существо взяло и смахнуло с палубы корабля половину тех, кто вторгся без предупреждения. Так быстро все произошло, не встретив ни малейшего сопротивления, струи черной воды обвивали тела, утаскивая их на самое дно океана.

Не давая противникам времени опомниться, команда северян, уже обнажив мечи, бросилась в бой.

Несмотря на то что на нашей стороне было численное превосходство, уже с первых секунд стало понятно, что победа будет нелегкой. Противники не спешили пользоваться своими способностями то ли потому, что мастерство их было не такого уровня, как у Брэйдана, то ли потому, что боялись повредить «ценный груз» нашего корабля. Звенела сталь, рвалась плоть под ее натиском, проливалась кровь и боль.

«Закрыться», – было первой мыслью, стоило раздаться первым оглушительным ударом мечей. Мой шест был у меня в руках, легкий, обманчиво хрупкий, он мог защищать своего обладателя не хуже меча, вот только давал шанс на то, что мои руки не будут запачканы чужой кровью этой ночью. Противники расправлялись с командой Тереха, словно щелкали орешки. Так просто, быстро и решительно. Выверенные движения, веками отточенное мастерство, подпитанное силой и энергией. Ребятам Тереха было просто не по силам выдержать такой натиск.

Не думая более ни секунды, я бросилась туда, где сейчас схватились с властителями северяне. Бессмертные люди и маги, не способные стареть, но умеющие умирать. Каждый из оставшихся чужаков мог поспорить в силе с десятью обычными мужчинами. Бой кипел, падали на палубу бездыханные тела северян, их место занимали товарищи, и никто не смел и подумать, чтобы отступить. Мой шест ворвался в схватку, блокируя уже занесенный для удара меч. Дерево против стали – казалось, исход предрешен, если только речь не о дереве, которое используют даосцы. Оно крепко, словно вылитое из лучшей стали Империи, и легче перышка. Так древесину умеют обрабатывать только в нашем монастыре, создают его для защиты, не

для того, чтобы проливать кровь. У меня есть мечи, которые я отважилась обнажить лишь против виргов, надеюсь, более того не потребуется. Даосцы куют клинки не потому, что мы готовимся к убийствам, но считаем, что должны уметь это делать. Иногда даже нам приходится выбирать путь, по которому мы клялись не идти никогда. Быть может, кому-то из нас не хватит мудрости выбрать иначе. А, быть может, судьба нам его просто не предоставит. Но истинный мастер должен уметь многое, чтобы видеть перед собой несколько путей. Так ли это? Покажет жизнь, но это то, во что мы верим.

Обнаженное лезвие обрушилось на ничем не прикрытую древесину, которая тут же завибрировала у меня в руках, но осталась невредимой. Глаза Властителя широко распахнулись, словно обладатель меча никак не мог поверить в то, что мой тонкий шест выдержал подобный напор. Властитель был выше меня на две головы. Он возвышался надо мной, словно огромная статуя воителя. Мои тонкие, словно веточки, запястья крепко удерживали шест, который продолжал звонко гудеть у меня в руках. Казалось, мужчина здорово растерялся от такого сопротивления. Еще бы, ведь в его глазах я смотрелась маленьким несурзным ребенком с палкой?!

Не дожидаясь, когда мужчина придет в себя, ловко ушла из-под траектории его удара, резко наклонилась вперед, вкладывая всю силу в удар, и, размахнувшись, ударила его ногой. Тут же опустилась в низкую стойку, делая подсечку. Властитель, тяжело охнув, упал навзничь, где его уже достал завершающий удар моего шеста в солнечное сплетение. Все произошло очень быстро, большим плюсом послужила изначальная растерянность противника, но думаю, более на подобное везение надеяться не стоит.

Оглядевшись по сторонам, заметила, как Кельм сражается с одним из чужаков. И несмотря на то, что силы их не равны, он и не собирается уступать. Хотя и подрагивают его руки, сжимающие меч, и дыхание уже тяжело и прерывисто. Долго ли сможет продержаться рыжий? Не думаю, потому и поспешила ему на помощь, легко скользя между теми, кто сражался. Помогая им так, как это было возможно, отчаянно спеша пробиться ближе к Рыжему. Я успела как раз в тот момент, когда клинок чужака скользнул по бедру Кельма, заставляя того тяжело упасть на колени. Голова Рыжего лишь на мгновение упала на грудь, из горла вырвался судорожный вздох, но в тот самый

момент, когда клинок властителя был готов обрушиться на его голову, Кельм из последних сил вскинул руки и зажатый в них меч, стараясь заблокировать удар.

Я легко оттолкнулась ногами от пола, чтобы преодолеть оставшееся расстояние уже в прыжке, потом от чьего-то плеча. Шест зажала в руках на манер копья, чтобы нанести удар в нужную точку, вложила необходимый импульс в дерево, который перейдет в тело властителя сразу же при соприкосновении, и ударила. Древко точно опустилось в место, где череп соединяется с позвоночником, в тот же миг Властитель выронил из рук меч, вытянулся струной, запрокинув назад голову, и тут же упал. Кельм, кажется не слишком понимая, что произошло, нервно заозирался по сторонам, пока его взгляд не выцепил в общей картине происходящего меня.

– Тыыы... – выдохнул он, опираясь на свой меч и стараясь подняться.

– Я, – неодобрительно качнув головой, сказала я. – Вечно влипаешь во все, что не надо. И как ты дерешься? У девчонок научился? Прибудем в Аранту, я тобой займусь. – Наверное, шутить у меня еще плохо получается, не стоило и начинать, потому, как вместо того чтобы улыбнуться, Кельм побледнел и поспешил встать.

– Ты в порядке? – обеспокоенно спросила я, заметив, как болезненно морщится Кельм при каждом движении.

– Нормально, я сам о себе позабочусь...

Больше спрашивать его я не стала, потому как на данный момент Кельм был и впрямь в лучшем положении, чем многие из тех, кто присутствовал на палубе в эту ночь. Оставались еще люди, которые продолжали отстаивать свои жизни, оставались властители, которые по каким-то им одним понятным причинам не спешили пользоваться силой, чтобы просто стереть нас с лица земли, и продолжали сражаться лишь при помощи верных мечей и собственной силы.

Повернувшись спиной к Кельму, я невольно вздрогнула от того, что предстало моему взору.

Это было как сражение с собственным отражением. Такие разные и такие похожие, два брата и два истинных врага. Их мечи неустанно порхали в воздухе, то и дело сталкиваясь друг с другом. И такой мощи были эти удары, что казалось, то не люди схлестнулись друг с другом, то две противоборствующие стихии сошлись в одном поединке.

Брэйдан отталкивает брата плечом и вновь наносит удар такой силы, что лязг от соприкосновения с принявшим его клинком Ингвера стоит практически невыносимый, словно раскат грома в предштормовом небе. Ингвер бьет брата ногой в живот, вновь отталкивая противника от себя. И снова выплывают их мечи звенящую мелодию, от которой стынет в венах кровь и перехватывает дыхание. В какой-то момент Ингвер неожиданно споткнулся и, якобы потеряв равновесие, склонился немного вперед, выхватывая из голенища сапог совершенно черный клинок, больше всего напоминающий собой осколок каленого стекла с небольшой деревянной ручкой. Брэйдан сделал очередной замах, который тут же отвел мечом противник.

Все произошло в считанные секунды, но мне этого вполне хватило, чтобы принять решение.

Рука Ингвера, сжимающая обсидиановый клинок, резко пошла вверх, в то же самое время я поняла, что Брэйдан не видит того, что делает брат, а я просто не успеваю к нему. Тело среагировало прежде, чем разум успел основательно подумать, что же такое я делаю? Да и времени на это как такового не было.

Знакомое ощущение, как тень оттягивает тело за собой, перенося меня в нужную точку пространства сквозь слои, и то, как выбрасывает меня между двумя дерущимися мужчинами. Никто из них этого просто не ожидал, что вот так, из ниоткуда, возникнет еще один противник. Только мои ладони поймали огромную кисть с занесенным для удара кинжалом. Брэйдан, оказавшийся позади меня, по инерции отшатнулся назад, тем самым освобождая пространство для меня, в то время как Ингвер и не думал отступать или изменять своим намерениям.

Тут же ударила по второй руке брата Брэйдана ногой, вкладывая значительную часть внутренней силы в этот мах, выбивая меч из вмиг онемевшей руки, которая на доли секунды превратилась в неподвижную плеть. Должно быть, Ингвер испытал дикую боль в этот момент, вот только вместо того, чтобы стать для меня более уязвимым, он стал еще более свирепым, чем всего мгновение назад. Мои ладони казались совершенно детскими, такими хрупкими и маленькими, лежащими на его огромной кисти, сжимающей странный клинок. Он давил с такой силой, что, несмотря на всю энергию, что я вкладывала в сопротивление, руки начинали ощутимо дрожать. Он дернулся вперед, стараясь ударить меня головой в переносицу, и я всего лишь на долю

секунды отшатнулась назад, пытаюсь увернуться. Его рука, которая казалась совершенно обездвиженной всего мгновение назад, широкой ладонью опустилась мне на затылок, притягивая к мощному торсу мужчины. Сейчас он наклонился ко мне так близко, всего несколько миллиметров разделяли наши лица. Жар его дыхания опалил кожу на щеке, а зелень глаз казалась такой знакомой, но столь же чужой.

Обсидиановый клинок, он вошел в плоть быстро. Так быстро, что сперва я этого даже не ощутила. Я смотрела в глаза тому, кому так легко уступила, и просто не могла понять, как же так произошло. Что произошло? В то время, как горячая кровь заливала мой живот, согревая замерзшую кожу, я чувствовала, как темнота подбирается так быстро и стремительно, как сквозь маленькую ранку в моем теле неумолимо убегает сила. Слишком быстро, слишком необратимо.

Резкий толчок, удар, и мой враг, нет, мой убийца, исчезает. Только знакомый образ того, кого люблю, только его спина и расплывчатый образ того, как вновь схлестнулись эти двое. Кто-то толкает меня так сильно, что, потеряв равновесие, меня швыряет к борту корабля. Все путается перед взором, который отчего-то становится замутненным, сознание плывет, как и сила, что с каждой секундой покидает меня. Низ и верх меняются местами, я падаю. Меня вышвырнуло за пределы силового поля корабля, как если бы его и не было вовсе или меня не было? Точнее, меня восприняли за то, что можно пропустить сквозь нити?

Ледяные воды черного, бушующего океана приняли меня, спеленали словно малое дитя, тяжкими грузами меховых одежд на ногах, и потащили на дно, не давая и шанса на сопротивление. Уводя в иные миры, обещая покой и ласку, заволакивая своей бездонной тьмой и притягательной пропастью во льдах.

– Как ты могла? Как ты могла, Ирса?! – грубый мужской голос, твердый и непреклонный, звучал так яростно и жестко. – Ты, дочь Властителя, и пошла на такое?! Что теперь делать, ответь мне!

– Прости, отец... – тихий женский голос, едва сдерживающий рыдания, шепчет. – Я просто...

– Что просто? Не знала? Совсем тупая?!

– Отец! – вскрикивает она и тут же замолкает.

– Отец... отец... где теперь отец этого... ублюдка?! – яростно выплевывает мужчина, указывая пальцем... на меня?!

А кто я? И где? Почему лежу в... корзинке? Почему начинаю кричать, стоит этому огромному седому мужчине указать на меня пальцем и сердито прикрикнуть?

– Он был одним из чужестранцев, – шепчет женщина. Ее голос мне нравится. Кажется, что бы она ни сказала, а мне будет все равно нравиться, почему так?

– Аирец, – рычит мужчина в полную силу своих легких, а я, кажется, начинаю плакать еще сильнее. – Успокой своего выкормыша! И не знаю как, но избавься...

– Что? – всхлипывает она.

– Что? Не можешь? Любишь это? Только посмей приложить к груди! Узнаю – убью обоих.

– Но, отец... – взрывается рыданиями голос, что так нравится мне.

– Смогла раздвинуть ноги – сумей за собой убрать, – жестоко говорит этот седой страшный дядька. – У меня на тебя планы и это... – вновь указывает он в мою сторону, – в них не входит.

Резкий толчок уводит меня от этой картины из прошлого или воображения, выталкивая в реальный мир, который погрузился в черные ледяные воды северного океана. Я слышу, как резко бьется мое сердце, чувствую, как разрывает легкие нехватка кислорода. Пытаюсь сделать вдох, но вместо этого глотаю соленую ледяную воду. Паника, она приходит так же быстро, как и понимание того, что не могу пошевелить ногами, словно неподъемные гири подвесили к ним. Неимоверного труда стоило мне понять и вспомнить, что произошло, и почему я оказалась в таком положении. Прикрыв веки, я погрузилась вглубь себя, сосредотачиваясь на собственном теле, замедляя биение сердца и внутренний метаболизм. Дыхание – это жизнь для любого из существ, но то, что сейчас я осознанно делала с собственным телом, больше всего походило на смерть. Уснет мое сердце, кровь остановится в венах, замрет на неопределенный срок организм. Не умрет, просто застынет, пока не станет возможным вернуть его к жизни. Так поступают многие монахи Дао Хэ, когда их медитации затягиваются на долгий срок и даже сами хозяева оболочек не знают, когда смогут вернуться в родные тела. На то, чтобы погрузить свое

тело в подобное состояние, не нужно много сил, достаточно простого желания и умения. Но в то же время я находилась не в тепле родной кельи, а погружалась на дно океана и, как бы ни старалась, но все же это было лишь временным решением. Давление воды, низкая температура, возможные рыбы, что плавают здесь, все это могло навредить телу, причинить повреждения, с которыми даже я справиться не смогла бы. Но было и еще кое-что, что мешало мне просто выдернуть свою оболочку из пучины черных вод. Моя рана. То, что клинок оказался не так прост, я поняла, еще находясь на борту корабля. Как и то, что он пробил не только мое физическое, но и энергетическое тело. Я потеряла очень много сил. Очень. И сейчас, словно безвольная кукла, я просто погружалась все глубже и глубже сквозь толщу воды. Мое тело, расслабленно раскинув руки и ноги, дрейфовало в соленых водах северного океана. Коса давным-давно растрепалась, отчего распущенные волосы колыхались вокруг меня, словно языки черного пламени, а я бессильно наблюдала со стороны. Что делать? Где взять сил?

«Учитель, помоги мне, – мысленно потянулась я к тому единственному, кто смог бы не только помочь, но и услышать. – Прошу, если слышишь, помоги».

Мое сознание выдернуло от собственного тела, словно рука хозяина схватила нашкодившего котенка за шкурку. Так резко, так быстро, и впервые, пожалуй, я отчетливо поняла, что означает выражение «не принадлежать самой себе». Когда вот так, запросто, распоряжаются тобой, не особенно-то и приятно.

– Вы посмотрите на нее, она еще условия ставит, как ей помогать после этого? – ворчливо раздался до дрожи в сердце такой знакомый и родной голос.

– Учитель, – облегченно выдохнув, улыбнулась я, повернувшись лицом к говорящему.

Солнце светило так ярко, что я невольно сощурилась. Поляна, на которой мы находились, была усыпана полевыми цветами: сиреневые, желтые, белые, каких только не было! Легкий летний ветерок путался в моих распущенных волосах. Как странно... Сейчас на мне было изящное женское кимоно, нежно-голубого цвета, расшитое искусным шитьем. У меня такого никогда не было. Но где мы?

– Я тебя нарядил, – хмыкнул учитель, подходя ближе ко мне. – Недавно был на ярмарке в Хванчжоу, видел там такое на одной девушке, нравится? – со смешинками во взгляде спросил он, пристально всматриваясь в мое лицо.

– Я так влипла, Сэ'Паи, – тихо прошептала я в ответ.

– Уж вижу, – хмыкнул он, прищурился, начал обходить меня по кругу. – Боишься? – как бы невзначай спросил он.

– Уже и не знаю...

– Где ты сейчас? Я очень плохо тебя чувствую.

Чтобы ответить на его вопрос, мне пришлось сосредоточить все свои силы. Сейчас мое тело вдруг стало казаться таким незначительным и далеким. Ну, подумаешь, нет и нет.

– Посмотри на меня, – жестко сказал он, вставая прямо передо мной и заглядывая мне в глаза. – Где ты, паи?

– Я... – невольно нахмурился брови, задумалась я. – Я... не...

– Не смей даже произносить окончание этой фразы, – очень строго посмотрев на меня, сказал он. – Вспоминай все, что произошло до самой незначительной детали.

– Зачем? Что в том проку? – Непонятная апатия опустилась невесомым грузом на сердце, и вдруг стало так легко, так хорошо.

– Вот так и уйдешь? Просто и без сожалений?

Я непонимающе посмотрела на учителя.

– И что? О чем мне сожалеть? Я не чувствую, чтобы что-то тяготило мое сердце...

– А я? Меня тут оставишь одного?

Не сдержав улыбки, тут же ответила:

– Можем вместе, вы все равно собирались, – говорить о смерти вот так, без тени страха, боли или сожаления было странно, но когда момент пришел, чего уже бояться? Все решено.

– Ну, прям разбежался, – хмыкнул Сэ'Паи, выразительно поднимая брови вверх.

И тут же очень серьезно спросил:

– А он? Его тоже оставишь и уйдешь без сожалений?

– Кого?... – сказала и тут же осеклась.

Образы замелькали перед мысленным взором. Менялись картинки, менялись эмоции, топя сознание в нахлынувших чувствах. Я видела его улыбку, слышала голос, такой дорогой и родной,

вспоминала прикосновение его рук и губ, то, как тепло может быть на душе от простого касания его руки моей. Как это бывает, когда ты понимаешь, что любишь, что нуждаешься в ком-то так сильно, что ныряешь под нож и не думаешь о том, что, быть может, это последнее, что можешь сделать. Но делаешь потому, что это для него, ради него. И нужнее и дороже нет никого.

– Уйдешь? – тихо переспросил Сэ'Паи Тонг.

Судорожный вдох против воли вырвался из горла.

– А как же он? – тихий голос, словно и не мой вовсе.

– Это мой вопрос.

– Я тону, учитель. Мое тело исчезает, погружаясь все глубже, как мне вернуться?

– Где ты, покажи!

Я распахнула сознание, показав все, что видела, чувствовала и помнила.

– Помогите, – просто сказала, понимая, что не знаю, как справиться самой.

– Так бы сразу, – хмыкнул Сэ'Паи, – а то лишь бы старика с места сорвать. У меня еще дела, так что я пока никуда не спешу. Но вот помогать тебе в этот раз буду не я. Возвращайся.

– Что? – хотела было спросить я, но в который раз не успела, потому как тут же оказалась там, куда так отчаянно не хотела возвращаться.

Рыжие блики, исходящие от костра, отражались на кончиках ресниц, дразня и мешая предаваться такому сладостному занятию, как сон. Я лежала на тонком одеяле, которому было просто не по силам огородить мое тело от острых камней, на которые оно было постелено. Дискомфорт был неожиданно отрезвляющим фактором. Как долго я была во тьме? Как долго тонула в водной пучине и не могла найти в себе сил очнуться или вернуться? И где я сейчас? Что же произошло?

Я попыталась пошевелить пальцами, но ничего не получилось. Словно заочневшие, чужие руки совершенно отказывались подчиняться. Только неприятное ощущение покалывания, такое сильное, что сил терпеть практически не было, говорило о том, что это все же мои руки.

Распахнуть веки оказалось проще, но все же сложно. Но стоило мне открыть глаза, как я поняла, что совершенно не помню, каким образом оказалась лежащей на тонком одеяле, укрытой сверху еще одним, таким же на пустынном каменистом берегу. Рядом со мной потрескивал небольшой костерок. На воткнутых между камней двух рогатинах закипал котелок, от которого исходил пар и запах отчего-то очень знакомых трав. Вдохнув исходящий аромат глубже, поняла, что точно знаю, что за смесь сейчас начинает закипать на костре. И, если тот, кто поставил отвар, не хочет, чтобы он потерял все полезные свойства, то его пора снимать. Словно вторя моим мыслям, со спины раздались тихие, едва слышимые шаги.

– Очнулась? – доброжелательный мужской голос раздался совсем близко. Я готова была поклясться, что впервые в жизни слышу его, но тем не менее было в нем что-то такое неуловимо знакомое. И, кроме того, мужчина задал вопрос на аирском!

Тяжело повернув голову в сторону говорившего, невольно задержала дыхание. Надо мной склонился совсем еще молодой аирец. Юноша был моим ровесником, может чуть старше. Его волосы были собраны в высокий пучок на голове. Несмотря на холод, на нем была лишь тонкая куртка из темно-синей материи и такие же штаны. Пояс мужчины был совсем простым, черным, ничего не говорящем о своем обладателе. Тонкие приятные черты лица, чуть пухлые губы, раскосые карие глаза. Он выглядел таким незнакомым, и в то же время я точно знала его.

– Не узнала? – хмыкнул он, кривя губы в ухмылке. – Предательница, – шутливо пожурил он меня. – Я ее со дна морского достаю, а она не узнает родного брата!

– Т-тэо? – Губы шевелились с трудом, голос отчего-то задрожал, а в горле встал тяжелый ком. Глаза вдруг запекло и стало тяжело дышать. Что это?

– Ну, привет, теперь плакать собралась, – еще шире улыбнулся он, утирая слезу на моей щеке.

– Как ты?..

– Нашел тебя? – понятливо спросил он. – Сэ'Паи, – сказал он, словно одно это слово могло прояснить для меня многое, – как же еще? На самом деле, я прибыл в Аранту уже несколько недель назад и должен был встретить тебя уже здесь, но ты вдруг решила искупаться,

и пришлось пересмотреть планы о моем появлении. – Его пальцы заскользили по моему телу. Он практически не касался меня, но я прекрасно понимала, что так он осматривает меня. – Твое тело сильно пострадало, – спустя несколько секунд заговорил он. – Также затронута была и энергетическая оболочка, восстановление будет тяжелым. То, чем ты была ранена, не простое оружие. Если честно, я сам не мог залечить даже твою оболочку, края раны не желали стягиваться, а вся энергия, что я вливал в тебя, уходила в никуда. Если бы не Сэ'Паи, я бы не справился.

– Он был здесь?

– Ты же его знаешь, заявился, сказал, что я совершенно не использую знания, что подарил мне монастырь, и что если не начну думать головой, он пройдет палкой по той части моего тела, которой я привык думать, – не скрывая шутливых интонаций в голосе, сказал он. – Потом показал, как о тебе заботиться, и ушел. Сказал, что похорошему не должен был вмешиваться, но уж если я такой болван, то деваться некуда.

– Ты всегда знал, как манипулировать наставниками, – хмыкнула я.

– Еще не хватало проводить эксперименты над сестрой и другом, – подмигнул он мне в ответ.

– Неисправим, – улыbnулась ему так, как могла, несмотря на то, что это казалось столь же невероятным, как просто пошевелить пальцами на руках.

– Дайли, нам придется остаться тут на несколько дней, пока ты не восстановишься. Сейчас любые нагрузки очень опасны, обе оболочки сильно пострадали.

– Я понимаю, лишний риск никому не нужен, – с каждым словом веки, казалось, наливались свинцом, внятно говорить становилось все тяжелее.

– Спи, – тихо шепнул Тэо, а я просто не стала спорить и провалилась в такое заманчивое забытие.

Следующее мое пробуждение было уже не от всполохов костра, а потому, что кто-то настойчиво теребил меня за плечо. И, по всей вероятности, делал это довольно давно, судя по нетерпеливому сопению у меня над ухом.

– Дайли, вставай, пора принимать лекарство, – Тэо, похоже, разрывался между желанием тряхнуть меня как следует и тем, чтобы проявить себя заботливым другом. Потому тряс бережно, но интенсивно, отчего голова моя моталась в разные стороны, но просыпаться мне все так же не хотелось.

– Я знаю, ты меня слышишь, – прошептал он. – Если не откроешь глаз, я заткну тебе нос и волюю все в рот сам.

– Не посмеешь, – приоткрыв один глаз, шикнула на него я.

– Хочешь проверить?

– Нет, лучше помоги мне сесть, – попросила я.

– Чувствительность так и не вернулась? – взволнованно поинтересовался он. – Я работал со всеми нужными точками, все должно быть уже в норме.

– Вернулась, не переживай, просто тяжело пока. Тело словно ватное, я все чувствую, но так тяжело двигаться, – устало выдохнула я.

– Живот болит?

– Нет, уже нет. Немного чешется, но это же хорошо, ты же знаешь.

– Да, это хорошо.

– Упадок сил тоже легко объяснить, если будут тревожные симптомы, я ведь замечу первая и, уж поверь, в моих же интересах рассказать о них.

– Я боялся, после такого ранения будут последствия, – встревоженно заговорил он.

– Они и будут, точнее уже есть. Посмотри на меня, я хуже младенца, даже сесть не могу.

К вечеру ближе я могла сесть самостоятельно. Я чувствовала, как медленно и неохотно восстанавливается мое тело и энергетическая структура. Но, как бы там ни было, оно восстанавливалось, а это самое главное. Тэо все время был рядом со мной, помогал пить, есть, так же как и справляться с другими нуждами.

Теперь я могла осмотреть то место, где мы находились. Это была небольшая скалистая заводь, отсеченная от остального мира высокими серыми скалами. Небольшой участок берега и огромный беспокойный ледяной океан. Где-то недалеко сквозь скалы проходил источник пресной воды, потому это несказанно облегчало нам жизнь. Погода коренному аирцу показалась бы ужасной, но мне, как жителю гор,

было не привыкать к сильным и холодным ветрам. Кроме всего прочего, Тэо неустанно подпитывал меня силами, помогая согреться и быстрее восстанавливаться.

– Если все пойдет, как надо, то уже послезавтра сможем двинуться к столице, – сказал он, разводя огонь и ставя на него котелок с крупой.

– Не переживай, думаю, так и будет, – отозвалась я, кутаясь в тонкое одеяло.

– Замерзла? – встревоженно спросил он, протягивая ко мне руку, чтобы поделиться силой.

– Нормально, просто так приятнее, – улыбнулась я, осторожно отводя его ладонь. – Я не спрашивала, но зачем ты здесь?

– Кто знает? – хмыкнул Тэо. – Сэ'Паи сказал, что мое испытание начнется, когда я начну думать не только о себе. Сильно подозреваю, оно уже началось, – со смешинками во взгляде посмотрел он в мою сторону.

– Странное испытание...

– Отчего же? – пожал плечами друг. – Я и в самом деле всегда думал лишь о себе, так было удобно и просто. Единственный, о ком я смог бы заботиться – это ты, но ты всегда могла постоять за себя и в этом не нуждалась. Возможно, я здесь потому, что должен научиться помогать, а лучше всего начинать это делать, когда тебе не безразличен этот человек.

Не выдержав серьезности его тона, я улыбнулась.

– Помощник, помоги-ка мне встать и препроводи меня вон к тем кустам.

– Что? Опять? – покачал он головой, сокрушенно вздыхая. – Ты убиваешь все мои порывы!

Выражение лица Тэо было в этот момент таким по-детски обиженным: поджатые губы, красивые брови сложились домиком и сморщенный от досады нос – невольно вызвали улыбку, которая тут же перешла в смех.

– Я не виновата, – отсмеявшись, попыталась оправдаться я.

– А ну тебя, – отмахнулся он, помогая встать на ноги. – Никакой благодарности, – бурчал он себе под нос.

– Тэо?

– Что?

– Далеко мы от столицы?
– До кустов сначала дойди, а потом на Аранту замахивайся...
– Ну, правда, далеко?
– Полдня пути, если по береговой линии идти. А что?
– Думаю о том, что никто из моих спутников не в курсе, что со мной произошло...

– Так послезавтра и узнают. Или?.. – вопросительно изогнув бровь, сказал он. – Есть те, которым следовало бы знать раньше, – на последней фразе его голос понизился до шепота, а взгляд стал более пронизательным и испытующим.

Мысли о *нем* тревожили меня все сильнее. Все беспокойнее становилось на душе от незнания, как *он*, как команда? Пережила ли эту ночь? Справились ли люди? Как Кельм и Терех? Но самое главное, я хотела знать о том, как *он*? Это тревожило меня, внося смуту в душу.

– Есть, – коротко ответила, следя за выражением на своем лице. Отчего-то не хотелось, чтобы Тэо что-то заметил. Мне вдруг стало неловко.

– Ммм, ясно, – хмыкнул он. – Ясно, ясно...

– Что тебе ясно?

Сощурившись, посмотрела на него, желая получить пояснения.

– Что небо ясное, – отшутился он. – Но пока все равно лучше ничего не предпринимать. Ты же понимаешь?

– Да.

Студеный воздух охлаждал разгоряченную после боя кожу. Небо окрасилось в предрассветные тона серого, алого, золотого. От тех туч, что совсем недавно застилали горизонт, не осталось и следа, океан словно уснул, успокоившись и превратившись в смиренное черное полотно от края до края, куда хватало сил увидеть. Он стоял на самом носу своего корабля. Сейчас его зеленые глаза казались совершенно бесцветными, словно кто-то неосторожно задул то пламя, что некогда плескалось на самом их дне. Его черные длинные волосы рассыпались на поникших плечах. Он смотрел куда-то, куда невозможно было заглянуть человеческому взору. Кисти его рук то и дело нервно подрагивали, сжимая и разжимая кулаки. Соленые брызги от разрезаемых кораблем волн мелкой россыпью опускались на его одежды и лицо. Но Брэйдан совершенно не замечал этого. Сейчас всем

своим естеством, всей своей сутью он был очень далеко отсюда. Он не видел того, как на самом краю горизонта появилось багряное солнце, казалось, не замечал он и того, что сейчас происходило на корабле. Все его мысли были обращены к той, что так опрометчиво решила покинуть его, хотя обещала, что будет в безопасности. Обещала, что выживет, несмотря ни на что! Говорила, что сможет позаботиться о себе. И вот оно как вышло... Как она могла оставить его одного...

– Опять один? Зачем мне это? – его голоса не было слышно, шевелились лишь губы тихо и безмолвно.

Прошедшая ночь, словно вечно живущий кошмар, не отпускала его разум ни на секунду. Он помнил все, до мельчайших деталей, помнил и без конца прокручивал перед мысленным взором. Тот момент, когда эта глупая женщина влезла между ними, он помнил особенно хорошо! Как и то, с какой силой отшвырнула она его в сторону, не давая возможности что-то исправить. Помнил и то, как оттеснил брата как можно дальше от нее, не давая ему ни малейшего шанса добраться до Дэй. Только вот он уже использовал свой шанс...

В тот миг, когда взгляд Брэйдана упал на окровавленный клинок; когда понял, чья кровь осталась на руках брата, было уже поздно.

«Несколько жалких секунд, и уже ничего нельзя сделать?! Как такое может быть?! Как...» – вопрос, на который он не мог найти ответа. Именно он разъедал ему душу, словно кислота, прожигая ее насквозь.

В тот момент, когда осознание произошедшего стало для него отчетливо ясным, он позволил себе слабость. Выбрал ее, отступил, упустив шанс закончить эту войну, бросился туда, где была она, но опоздал.

И опять это злосчастное «как». Как он мог опоздать?! Как?

Ингвер и его приспешники, что сумели выжить в эту ночь, испарились столь же стремительно, как и появились. Лишь двое выживших из числа противников так и остались лежать на палубе корабля, еще долго не находя в себе сил, чтобы прийти в себя. Что удержало его от убийства в тот момент? Он и сам не мог ответить на этот вопрос. Тогда он думал лишь о ней, о том, как вернуть ее, как заставить океан отдать то, что принадлежало ему теперь по праву.

Очертя голову он кинулся во все еще беспокойные воды, пытался почувствовать ее при помощи своих способностей, найти так, как это

сделал бы обычный человек, просто ныряя. Но черная беспокойная вода не желала открывать ему то, что так надежно схоронила. Сколько времени прошло, прежде чем он окончательно понял, что проиграл? Брэйдан не знал до сих пор. Смутно помнил и то, каким образом смог вновь оказаться на борту, что говорил и что делал, эти воспоминания смазались в его сознании, словно на исписанный чернилами текст опрокинули стакан воды. Вроде бы и помнит, а вроде бы и нет.

– Что будем делать с пленными? – знакомый голос Рика дошел до его сознания не сразу. Но стоило вникнуть в смысл вопроса, как он не задумываясь ответил.

– Обезглавить, – холодно сказал он.

– Может, сначала допросить? – поинтересовался Дэйм, подходя к ним ближе.

«Когда они оказались на борту?» – растерянно подумал Брэйдан, но тут же ответил:

– Нет.

– Но...

– Нет, – все так же не оборачиваясь, повторил он.

– Ты ведешь себя неразумно, – попытался возобновить разговор Рик. – Мне тоже жаль парнишку, но...

– Парнишку? – полупшепотом переспросил Брэйдан. – Хм, парнишку... Послушай, – повернувшись к собратьям, неожиданно жестко заговорил он. – Напомнить ли мне, кто такой мой брат? Помочь ли вспомнить, кому могут быть известны его планы? Так что просто выполняйте приказ и ни слова больше.

– Ты словно сам не свой... – начал было Рик, но Брэйдан, сжав кулаки, резко осек его:

– Ни слова. И приведите принцессу, пора прояснить ситуацию.

– Принцессу?

– Да.

Он повернулся спиной к собратьям, прежде чем кто-либо из них решил задать очередной вопрос. Хватит разговоров, хватит ожиданий, хватит быть тем, кем никогда не являлся. Пора прояснить то, что давно выглядит чересчур подозрительным. Выяснить все от и до. Последнее время он позволил себе то, что не позволял столетия. Он позволил себе впустить кого-то в сердце, притворить двери в душу, забыть то, кем является. Забыться, как опрометчиво это было с его стороны. Мало ли

боли было в его долгой жизни? Должно быть, недостаточно, раз он все это позволил себе сейчас.

– Вы желали видеть меня? – нежный бархатистый женский голос раздался за его спиной.

– Да, – поворачиваясь лицом к принцессе Аира, ответил он.

Как и ожидалось, принцесса явилась к нему в сопровождении слуг. Она выглядела уставшей и бледной. И та белоснежная шуба, что была на ее плечах, делала ее вид еще более изможденным. Кожа на ее лице была словно вымазана мелом, темные круги залегли под глазами, но тем не менее это не мешало выглядеть ей с не меньшим достоинством, держаться твердо и уверенно.

Он долго наблюдал за этой женщиной. С самой первой их встречи не упускал ни единой ее реплики, взгляда, слова. Анализировал все ее поступки и действия. Это было не потому, что он в чем-то изначально подозревал ее. Простая привычка, выработанная годами, когда привыкаешь видеть всех, следить за каждым, при этом оставаясь внешне равнодушным и расслабленным. Он привык так жить, потому как к этому обязывало его положение. Этому учил его отец, это не раз спасало ему жизнь.

То, что принцесса не так проста, было ему очевидно еще до знакомства с ней. Все эти байки о прекрасных и наивных принцессах... он никогда не верил, что у власти способны удержаться глупые или просто недалёковидные люди. Даже не имея в своих руках силы, но живя во дворце, означало, что человек должен уметь выживать любыми возможными для него способами. Так было в его стране. И не важно, что в Аире женщина не имела каких-либо весомых позиций в обществе. Законы политики одинаковы для всех.

Сначала он усомнился в своих выводах насчет Иолы, решив, что она чрезмерно вздорна и своенравна там, где этого не требовалось. Но это если считать ее поступки в сравнении с его собственными интересами. А что если у принцессы были свои собственные мотивы? И тот ее разговор с Дэй...

От одной мысли о ней его сердце болезненно сжалось, пропуская удар. Он не позволил себе как-либо показать свое состояние. Лицо его так и осталось застывшим и безэмоциональным, вот только внутри все горело и кровоточило, словно разодрали нутро невидимые когти, вырывая сердце и душу.

«Боги, как же больно...»

– Как ваше самочувствие после такой ужасной ночи? – холодно сказал он, смотря на девушку сверху вниз.

Иола была очень хрупкой, миниатюрной, но даже сейчас не поднимала глаз при разговоре с ним, смотря себе под ноги.

«Не поздно ли играть в манеры и воспитание?» – хмыкнул про себя северянин.

Зная, какие нравы царили в Аире, за один такой скандал, что устроила принцесса в самом начале их путешествия, ее бы очень строго наказали дома. Но тогда она позволяла себе многое, что же покажет теперь?

– Благодарю вас, все хорошо.

– Испугались?

Девушка смущенно улыбнулась, подняв уголки губ, и коротко кивнула.

– Как это странно...

– Что? – непонимающе переспросила она.

– Вам ведь было нечего опасаться.

– Что? – Брови принцессы чуть дрогнули, показывая тем самым, что она не вполне понимает, что имеет в виду ее собеседник.

– Ну, неужели вы думали, что я не сумею вас обезопасить? – Холодная улыбка появилась на лице северянина, словно оскал хищника, что готов разорвать драгоценную добычу.

– Я ни на миг не сомневалась в ваших спосо...

От него не могла не укрыться та тень облегчения, что незримо промелькнула на ее лице от его последней реплики, потому он не смог удержать себя от удовольствия и сказал:

– Ну, или мой брат, он бы точно сумел.

– Что...

– Молчать, – жестко сказал он, подходя к принцессе так близко, что еще немного и между ними не осталось бы и сантиметра свободного пространства.

Подушечки его пальцев нежно провели по щеке принцессы, опускаясь к тонкой шее, где неистово билась жилка под кожей, еще немного ниже, выуживая из-за ворота шубы серебряную цепочку с маленьким металлическим круглым медальоном на ней.

– Милая вещица, – сказал он, резко срывая цепь с девичьей шеи.

Принцесса болезненно охнула, но не произнесла ни слова, лишь подняла полный ненависти взгляд, устремив его на северянина.

– Играть нужно уметь, – сказал он, крутя между пальцев медальон. – Это, – сказал он, указав взглядом на украшение. – Знаете, почему он дал вам его?

– Знаю, – сквозь зубы прошипела она.

– Вряд ли, – хмыкнул Брэйдан, сжав медальон в кулаке, после чего разжал ладонь, и прохладный океанический бриз тут же подхватил пепел, что остался на его руке, унося его прочь.

– Рассказать? – вопросительно изогнув бровь, спросил он. – Это, – указал он взглядом на свою ладонь, где осталось всего несколько песчинок от уничтоженного украшения. – Ваш смертный приговор, а не плата за свободу.

– Думаете, я вам поверю? – зло прорычала она.

– В зеркало посмотритесь, если не верите. Как думаете, сколько нужно энергии, чтобы питать родовой медальон Властителя простому человеку? Вы напрямую использовали его только три раза, и посмотрите, сколько сил он у вас отнял. Сейчас не поймете, но все последствия сможете прочувствовать уже через лет пять... если доживете, – сделав небольшую паузу, добавил он. – Только все же думаю, смерть по планам моего брата пришла бы к вам куда раньше.

– Врете!

– Зачем мне это?

– Я...

– Мне не интересно, – коротко прервал он ее. – Все, что вы скажете, не имеет никакого интереса для меня. То, что вы не знаете ничего, что могло бы быть для меня полезным – это очевидно, то почему вы пошли на это – скучно, банально и глупо, но вот то, к чему привели ваши действия... Столько смертей, просто интересно, оно того стоило?

Иола молчала, поджав губы и продолжая гневно смотреть на северянина.

– Это были рабы, – четко, практически по слогам произнесла она тихо, почти на грани слышимости. – Личная собственность Императора Солнца и Его Семьи.

– Что? – сузив глаза, переспросил он. Его лицо было совершенно нечитаемым, вот только побелевшие костяшки на сжатых кулаках

говорили об истинном его состоянии.

– Они клялись отдать жизнь за своего правителя, в данном случае за меня. Они это сделали. О чем я должна сожалеть? Ваши люди не пострадали, я потеряла кучку рабов, которые отдали жизни ради моей цели. Вы видите в этом несправедливость? Единственным свободным человеком среди погибших был Дэй. Жаль его, конечно, но он знал, что защита принцессы – это риск. Думаю, ему достаточно заплатил мой отец, так что, если вас интересует моя совесть, то не волнуйтесь, она в полном порядке. Куда больше сейчас меня интересует, что планируете делать вы? Полагаю, кое-чего я все же добилась, и замужество мне теперь не грозит?

– Напрасно вы так считаете, – в тон Иоле ответил Брэйдан. – Вы выйдете замуж, с вашим участием проведут ритуал, и, естественно, вы исполните супружеский долг, после чего...

– Убьете меня? – зло прошипела она.

– Отправим к папе, – тихо ответил он, наблюдая, каким белым становится лицо девушки, как блекнет ее полный ненависти взгляд, наливаясь такой обреченностью и безнадежностью, словно выцветает, превращаясь в совершенно безжизненный и пустой.

– Я покончу с собой...

– Попробуй, – хмыкнул северянин, опуская широкую ладонь на лоб принцессы. – Я запрещаю тебе, – тихо сказал он, отнимая руку от головы девушки.

– Что вы сделали?!

– Я – Властитель, забыли? И я всего лишь наложил запрет на некоторые действия с вашей стороны. Попробуете послушаться – и увидите, что с вами будет. А теперь идите к себе. Мы прибываем.

Он вновь остался один, смотря ничего не видящим взглядом на приближающийся порт Аранты. Сегодня он встретится с отцом, правнучками, их семьями. Сегодня, должно быть, будет праздник. Выйдут на пристань жены и дети, встречая давно не бывших дома мужей. Будет радоваться народ прибытию принцессы, ожидая чуда. Он будет вместе со всеми так, как привык, не показывая ни толики той боли, что сейчас тяжким грузом легла у него на сердце. Будет вести себя, как обычно. Потом придет ночь, и он отправится в свой большой одинокий дом, где встретят его слуги, среди которых уже давно нет ни

одной женщины, ляжет в пустую постель, потому что так надо, а не потому, что захочет уснуть. Будет смотреть в потолок до самого утра, думая о ней, ища способ, как закончить свое бесконечное существование, вновь и вновь не находя ответа. После настанет новый день, где будет цель, которая станет такой призрачной для него. Но он все равно будет идти к ней, какой бы бессмысленной она ему ни казалась теперь. Будет жить, будет делать все, что необходимо, но каждую ночь вновь и вновь он будет искать выход для себя, которого нет. Самоубийство? Недостижимая мечта для таких, как он. Быть убитым, как он может себе это позволить, когда такой тяжкий груз ответственности лежит на его плечах. Быть может чуть позже, когда он найдет способ избавить свой народ от проклятья? Да, тогда будет можно...

– Нет, нет и еще раз нет! Это просто невозможно!

– Почему ты упорствуешь? Я уже хорошо себя чувствую. – Как оказалось, переспорить Тэо было заданием куда более сложным, чем пересечь полмира, чтобы попасть на север.

С того момента, как я очнулась, минуло уже два дня. Казалось бы, срок небольшой, но только не в сложившихся обстоятельствах. За это время я утратила все спокойствие, которым наделил меня Дао Хэ. Что уж говорить, я не находила себе места! Как только я смогла самостоятельно ходить, я решила, что нам пора выдвигаться. Необъяснимая тревога влекла меня так сильно, что не было никаких сил противиться. Я переживала за северян, я переживала за осла (как там мой мальчик?), но я просто сходила сума от беспокойства о *нем*!

– Еще рано, – не уступал Тэо.

– В самый раз, – твердо сказала я, поднимаясь на ноги с тонкого одеяла, на котором сидела.

– К чему эта спешка? М-м?

– Так надо. Всё, хватит препираться.

– Ты невыносима! – буркнул он, начиная собирать вещи в довольно большой походный мешок. – Если что, я тебя не понесу! Учти это.

– И не надо. Мы пойдем через слои, – спокойно ответила я.

– Что? Какие могут быть слои в твоём состоянии? И потом, ты ни разу не была в Аранте. Куда будешь «нырять»?

– Но ты-то там уже был, значит, поведешь меня за собой. – Дело было в том, что не зная, куда ты хочешь попасть, очень трудно отправиться в путешествие подобным образом. Если не тащить с собой физическую оболочку, то это, конечно, не проблема, но вот когда приходится отвечать за безопасность перемещения тела, этот вопрос становится остро. Переместиться отдельно, как это было в Умире, сейчас я не могла. Как это ни печально признавать, но Тэо в чем-то был прав. Я была еще слишком слаба.

– Хорошо, мы отправляемся, но сделаем это ПЕШКОМ! – рыкнул он. – Ни о каких перемещениях и речи быть не может, поняла?

Я лишь улыбнулась и кивнула.

Дорога до столицы северян заняла у нас чуть больше чем полдня. Идти приходилось вдоль береговой линии, которая была в основном усыпана мелкими камнями, но иногда было и так, что на нашем пути встречались сильно выпирающие скалы, прикрывающие собой путь по суше. Благо можно было пройти по воде, погрузившись всего по пояс. Одежда промокла практически полностью. Стылый ветер легко пробирался под тонкую ткань, заставляя согревать себя вдвое сильнее. Но тем не менее мы шли. Все это казалось терпимым в сравнении с тем, что нам приходилось преодолевать, находясь за стенами Дао Хэ. Тэо постоянно делал небольшие перерывы, когда лично осматривал мое состояние, следил за температурой тела, за состоянием энергетических потоков.

– Как ты себя чувствуешь? – неустанно спрашивал он.

– Все хорошо, – точно так же отвечала я.

Я никогда не думала о том, насколько сильно будет отличаться север от востока. Конечно, я понимала, что мне придется столкнуться с различиями в культуре, быте, воспитании. Но ни разу не задумывалась о том, сколь сильно будет отличие в окружающей природе. И вот сейчас, когда берег немного поднялся, а скалы отступили, обнажая горизонт, я наконец поняла, что попала в другую страну. Горизонт казался темно-изумрудного цвета. Всюду, куда ни посмотри, были темные леса, из-за которых выглядывали белоснежные шапки гор. Это было очень красиво, необычно, странно. Аир имел свои леса и свои горы, но здесь все казалось более насыщенным, более массивным, непокорным.

– Красиво, да? – спросил Тэо, увидев, куда я смотрю.

– Невероятно.

– Нам уже недолго осталось.

– Какая она?

– Кто?

– Аранта.

Тэо ненадолго задумался, слегка нахмутив брови, после чего заговорил:

– Аранта, она словно высечена из огромной скалы.

– Как это?

– Это невероятно большой город из камня.

– Весь? – удивленно переспросила я.

– Ну, практически да. Она как бы делится на несколько ярусов.

Чем выше ярус, тем более высокопоставленные чины там живут. Правда, глупо?

– Почему? – не совсем понимая, что он имеет в виду, спросила я.

– Потому, чтобы доказать, что ты имеешь высокое положение в обществе, приходится каждый день лезть в гору.

– Им, наверное, и выходить не приходится, слуги все делают, – хмыкнула я.

– Не скажи, тут не так, как в Аире. Слуги есть, но каждый выполняет только то, за что ему платят.

– Как это?

– Ну, человек может устроиться в дом к властителю открывателем дверей, например.

– Кем? – фыркнула я.

– Я не знаю, как еще можно назвать эту должность, – отмахнулся Тэо. – Но слуге платят жалованье за то, что он встречает и провожает гостей.

– Жалованье?

В Аире слугам тоже платили, но в основном это были минимальные суммы, которых едва хватало на скромное питание или одежду.

– Да, слуги получают деньги, кроме того, если хозяин ведет себя не должным образом по отношению к ним, имеют право подать на него в суд или обратиться с жалобой к правителю. Тут многое отличается от того, что мы видели в Аире. Здесь нет рабов, женщины и

мужчины имеют равные права, нет подразделений на касты, и брак может заключаться между различными слоями населения.

– Это интересно, – хмыкнула я, с трудом представляя, как такое возможно.

– Да, честно сказать, мне здесь нравится, – неожиданно признался он. – Конечно, с питанием проблем не оберешься, но в остальном тут неплохо.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, – нерешительно начал он. – Если ты не ешь мясного, то все начинают думать, что ты больной, – хмыкнул Тэо. – Овощей мало и круп тоже, но найти можно, хоть и сложно. Еще пьют очень часто и много, все время норовят налить или угостить, так что я стараюсь питаться самостоятельно, никуда не хожу.

– Почему?

– У них выпить, поесть и подраться примерно одно и то же, – фыркнул друг.

– Ты преувеличиваешь, – не поверила я.

– Сама увидишь.

Так, за разговорами, в общем-то, ни о чем мы и шли, с каждым шагом приближаясь все ближе к столице северян. Я рассказывала Тэо о том, что происходило со мной в путешествии. Другу не пришлось говорить о том, что возникло между мной и северянином, он был и сам достаточно проницательным, чтобы обо всем догадаться. Кроме того, оказалось, что Тэо за время, проведенное в Аранте, успел неплохо тут освоиться. Оказалось, он прекрасно знал, где нам искать Брэйдана или любого другого из участников похода. Правда, сначала он предложил навестить его скромное жилище на окраине города и переодеться. Это было разумно, и спорить я не стала.

Аранта и впрямь казалась похожей на огромную скалу. Это был город-крепость, обнесенный по кругу толстой каменной стеной в три человеческих роста высотой. Но тем не менее снаружи город просматривался очень хорошо. Уходя вверх все выше и выше. Тэо был не прав, говоря, что этот город был полностью высечен из камня, встречались тут и деревянные постройки, было много зеленых насаждений. Улицы города были вымощены камнем, они были широкими, и, идя по ним, человек начинал чувствовать себя

совершенно крошечным. В город мы прошли через огромные ворота, правда, нам не повстречались ни стражники, ни проверяющие документы люди.

– Ворота сами определяют уровень опасности тех, кто через них проходит. У нас нет ни оружия, да и внутренне мы совершенно спокойны, потому и пропустили нас без проблем, – пояснил Тэо, стоило нам оказаться за стенами города.

– А с местными проблем не будет? – спросила я, наконец-то в полной мере осознав то, насколько мы отличаемся от северян.

Даже Тэо, всегда казавшийся мне непомерно высоким, сейчас, когда мы шли по широким улицам оживленного города, выглядел маленьким и тщедушным. Что уж говорить обо мне? Женщины, встречающиеся на нашем пути, были немного ниже мужчин, но все равно статными, в большинстве своем дородными красавицами. Необычные одежды, подчеркивающие изгибы фигуры, но не показывающие ничего лишнего, лишь усиливали то, насколько мы отличались. Сейчас на севере было начало лета, не сказать, чтобы на улицах было жарко, как в Аире, но для северных жителей царил действительно теплая погода. Потому на женщинах были одеты широкие белые блузы, расшитые непонятным мне орнаментом, поверх надевались либо жилетки и длинные юбки, либо облегающие верх фигуры длинные сарафаны. На лбах у большинства были повязаны ленты или повязки, длинные волосы обычно были заплетены в две или одну косу. Честно скажу, я была поражена. То, насколько красивы были девушки, какими разными были их лица, фигуры, волосы. Необычная красота, чуждая аирцам, но не менее привлекательная от этого.

Мужчины делились на две группы, если можно так сказать: бородатые и не бородатые. Если уж быть до конца откровенной, я путалась в лицах, отличая их по бороде или цвету волос.

– Нет, – отмахнулся Тэо. – Они любят чужестранцев, считают, что мы забавные, – фыркнул он. – Тебя так, наверное, просто на руках будут носить.

– С чего бы? – удивленно уставилась я на него.

– Ну, в мужской одежде ты выглядишь лет на пятнадцать-шестнадцать, мальчики тут не рождаются давно, причем очень. А ты такая миленькая к тому же, тетки в восторге будут.

– Тэо?!

– А при чем тут я? – отмахнулся он.

Чем дальше мы углублялись в город, тем острее я чувствовала наши отличия. Вот, например, по городу прогуливаются две подруги. Девушки открыто смеются, никого не стесняясь, показывают зубы и открывают рот. Их смех громкий, заразительный, открытый. В Аире так смеяться на оживленной улице могут лишь пьяные. А, если бы женщина позволила себе нечто подобное, то наказание для такой вольности было бы неизбежным. Кроме того, они гуляли совершенно одни. За ними не присматривали ни слуги, ни старшие братья или отцы. Женщины могли свободно заговорить с мужчинами, судя по некоторым интонациям, даже накричать на них, и за это никто не осуждал. Даже внимания не обратил никто, стоило одной торговке яблоками со всей силы ударить подошедшего покупателя полотенцем, что висело у нее на плече. Они спорили, кричали, как если бы были совершенно равны друг другу. И несмотря на то что эти двое ругались, я смотрела на них с восхищением.

– Невероятно, – хмыкнула я чуть слышно.

– Да, восток и север, словно два разных мира...

Я ничего не ответила на реплику Тэо, просто продолжала разглядывать проходящих мимо мужчин и женщин, словно ребенок новые игрушки.

Здания в Аранте были монументальными, основательными, совершенно отличными от того, что приходилось видеть в Аире. Если дома Каишим, казалось, словно парили в воздухе, благодаря многоярусным изогнутым крышам и видимой хрупкости построек, то дома в Аранте были выстроены из камня, с соблюдением четких геометрических пропорций. Они казались тяжелыми, суровыми исполинами, которым нестрашны любые бедствия, которые во что бы то ни стало устоят. Если сами дома были выкрашены либо в белый или серый цвет, то крыши были непременно красные. Не знаю, с чем это было связано, и почему соблюдалась такая скупость в цветах?

Как это ни странно, на нас смотрели тоже. Каждый проходивший мимо человек непременно скользил по нам любопытствующим взглядом. Некоторые оборачивались, провожая нас полушутливыми репликами, во всяком случае, я думала, что они были таковыми, судя по смешкам и шепоткам позади нас.

Выглядели мы и впрямь колоритно! Я, одетая в потрепанные, местами рваные одежды, выглядящая как подросток-оборванец, и Тэо, с пучком на голове и одетый в национальную одежду Аира. Кроме того, наша внешность бросалась в глаза среди подавляющего большинства северян. Если большинство встреченных нами были русыми, рыжими или блондинами, то мы со своими иссиня-черными шевелюрами и раскосыми глазами смотрелись странно, экзотично и, наверное, забавно.

– Долго нам еще? – не стерпев, спросила я.

– Я снимаю комнату за углом, – понятиливо отозвался Тэо.

– Почему ты не одеваешься так, как здесь принято? – спросила я.

– А ты думаешь, с моим лицом одежда многое изменит?

– Ну...

– Вот и я о том же, – хмыкнул он, уводя меня за угол небольшого здания, что, по всей видимости, являлось постоянным двором, судя по количеству людей вокруг и исходящим из его нутра запахам. – И потом, денег у меня не так уж и много. Не знаю, насколько расщедрился Сэ'Паи Тонг, но Сэ'Паи Ву был не слишком-то щедр. Мне только и хватило, что купить лошадь, кое-какую снедь и на питание в ожидании тебя. Ну ладно, не смотри так на меня! Еще осталось немного.

Зная «немного» Тэо, то это означало, что еще около года он может жить спокойно. Но не потому я сейчас так смотрела на него. Ему подарили ЛОШАДЬ?! А мне... осла. И денег дали только на дорогу до Каишим, вот ведь Сэ'Паи жадина!

Грустно вздохнув, последовала за Тэо, который сейчас вошел в небольшую пристройку к тому зданию, за угол которого мы повернули.

Комната оказалась небольшой, но чистой, с маленьким окошком. Из обстановки здесь был лишь стол, на котором стоял кувшин с водой и тазик для умывания. В самом углу лежало свернутое одеяло, подушка и вещевой мешок.

– Никак не могу привыкнуть к кроватям, – пожаловался Тэо, проследив за моим взглядом.

– Я тоже, – согласно улыбнулась в ответ.

Тэо прошел к мешку, открыл его, выживая на свет чистую куртку, брюки, пояс и плетенки.

– Держи, – протянул он мне вещи. – Надо сменить одежду и отдохнуть, после начнем искать твоего северянина, – хмыкнул он.

– Нет, – твердо ответила я. – Сейчас.

– Ты слишком изможденная, – не согласился он.

– Сейчас.

Внутри уже давно все переворачивалось от одной мысли о нем. Мне было больно, беспокойно, волнительно, даже не знаю, какое слово правильнее всего могло бы охарактеризовать мое состояние. Я скучала и волновалась, и кроме всего прочего, я не смогла бы утерпеть еще хотя бы час.

– Хотя бы переоденься, и я провожу тебя к его дому, дальше посмотрим.

– Знаешь, тебя не было совсем недолго, но я не узнаю тебя, – задумчиво проговорил пожилой мужчина, облакачиваясь на каменные перила, обрамляющие лестницу, ведущую в цветущий сейчас сад. Он смотрел на сына из-под густых, кустистых бровей. Его седые волосы крупными волнами спадали на плечи. Несмотря на то что на вид ему было глубоко за шестьдесят, его осанка и манера себя держать говорили о негибаемой силе воли и воинском прошлом. Агро не был Властителем, но ему довелось стать отцом двоих детей, рожденных с Даром. Он любил своих сыновей, старался растить их достойными людьми, но, по всей видимости, старался недостаточно, раз случилось так, что Дар одного из его сыновей стал проклятьем всего народа.

Он правил Арантой, входя в Совет старейшин, очень давно. Хотя и надоело ему все это нестерпимо, но не видел возможности сдаться и отступить, не исправив то, что натворил его сын и прочие Отступники. Женщина, что была матерью его детям, умерла столетия назад. Как умерли и две его дочери. Он тоже думал когда-то, что век его будет короток и мимолетен. Но вот ведь судьба, живет.

«Вечный старик» – так называл он сам себя.

Брэйдан стоял рядом с отцом, прислонившись спиной на те же самые перила и впериw пустой и холодный взгляд куда-то в пустоту.

– Я просто устал, – сказал он.

Отец поднял свои изумрудные глаза на сына, думая о том, что, несмотря на то, что столько лет прошло, он все равно знает, когда лжет его сын.

– Ясно, – сказал Агро, выпрямляя руки и опираясь теперь на ладони. – Ты станешь участвовать в отборе?

– Мне все равно, – пожал плечами сын.

– Даже так? С каких это пор?

– Отец, к чему этот разговор? Я и правда устал, если нужно, то я приму участие, если нет, то воздержусь.

– Думаю, нам следует отложить этот разговор?

– Возможно, ты прав.

Не прощаясь, Брэйдан оттолкнулся спиной от перил и не спеша направился в дом. Это был большой дом, сложенный из серого камня многие столетия назад, ставший пристанищем для Властителя очень и очень давно. Он жил здесь один все эти века, не впуская в свою обитель никого, кроме слуг и отца. Ему не хотелось, чтобы эти стены таили в себе воспоминания о людях, которых ему, возможно, придется потерять. Так же, как он привык держать свое сердце на замке, он старался закрыть двери в свой дом ото всех. Когда-то давно он решил, что так ему будет легче. Что это место будет тем единственным местом на всей земле, где он сможет жить, не думая о своих потерях.

Деревянная дверь из массива дуба тяжело затворилась за его спиной, погружая дом в полумрак. Он устало оперся на нее, понимая, что не в силах сделать и шагу. Обреченность тяжким грузом навалилась на плечи. Сейчас даже стены родного дома, на которые он привык так полагаться всю свою жизнь, не справлялись со своей задачей.

Прошло два дня с тех пор, как он вернулся из похода. Все было так, как он и думал. Встреча, радость людей, обретших надежду, улыбки и смех друзей, поздравления тех, кто ждал, общее для всех празднество, которое больше всего походило на извращенные похороны. Он провожал ее память, сидя за одним столом со смеющимися людьми, которые пили, ели, радовались и поздравляли друг друга.

«Надо подняться наверх, лечь и просто закрыть глаза. Сделать вид, что ничего не помню. Что ничего не было».

Очень медленно, словно каждое лишнее движение доставляет ему нестерпимую боль, он поднимался по лестнице, что вела в его спальню. Каждый шаг через силу, каждый вздох через боль, каждая мысль через «не могу». В полумраке, что царил сейчас в его обители,

фигура Брэйдана напоминала собой сторбившегося старика. Здесь можно было быть самим собой. Когда никто не видит, как тяжело у него на душе. Когда никто не сможет понять его слабости, можно обнажить свою суть.

Он добрался до своей спальни, поняв, что и впрямь ничего не желает так сильно, как лечь, закрыть глаза и хотя бы ненадолго притвориться, что ничего не было. Забыть и никогда не вспоминать.

– Это его дом? – спросила я Тэо, удивленно взирая на мрачного вида домину, что был скрыт за высокой зеленой изгородью колючего кустарника.

– Ну, другого я не знаю, – хмыкнул друг, точно так же всматриваясь в очертания особняка.

Это был дом, больше всего напоминающий миниатюрную крепость. Сложенный из серого камня, суровый и неприступный, скрытый за зарослями кустарника, он выглядел внушительно и строго.

– С тобой сходить? – улыбаясь одними уголками губ, спросил Тэо.

– Справлюсь, – хмыкнула я, переходя на другой уровень зрения.

Не думаю, чтобы Брэйдан полагался в своей безопасности лишь на колючки и ветки. И я, как это ни странно, оказалась права. Пространство вокруг особняка было унижено, истыкано, прошито от и до голубоватыми нитями, сплетенными и перекрученными друг с другом.

– Он параноик, – уверенно заявил Тэо, смотря на дом точно так же, как и я.

Невольно нахмурившись, покачала головой.

– Не могу не согласиться...

– Только что проку с этого вышивания в пространстве, когда в дом лезет Тень, – широко улыбнулся друг, хлопнув меня по плечу. – Рукодельники, – хмыкнул он, проводя кончиками пальцев по одной из нитей. – Столько стараний, и все не по нашу душу, – хмыкнул он.

– Я пойду, – сказала я, глубоко вздохнув, словно перед погружением в воду, и затаив дыхание шагнула вперед.

Сейчас я перешла на другой слой реальности. Не глубоко, так, чтобы понимать, куда иду. Мир выцвел вокруг, краски поблекли, лишь нити стали более яркими, лазорево-голубыми. Они пропускали меня охотно, словно чувствовали меня частью себя. Но все равно я двигалась медленно.

Не знаю почему, но чем ближе я приближалась к заветному особняку, тем сильнее стучало сердце в моей груди, тем тревожнее и волнительнее становилось на душе. Я хотела увидеть его, хотела удостовериться, что с ним все хорошо. А что, если его брату удалось поранить и Брэйдана? Что тогда? Ведь он же не Тень? Ему так просто не оклемаются от такой раны! Но я чувствовала его присутствие за стенами особняка. Слышала, как неровно бьется его сердце, тяжело, словно это невероятно трудно для него. Почему? Почему оно так стучит?

Я шла и боялась думать. Боялась задавать себе вопросы о нем. Но стоило мне переступить порог дома, как, не тратя более ни секунды, просто взлетела на второй этаж, судорожно соображая, где его комната, и прислушиваясь к собственным ощущениям. Мне пришлось пройти длинный узкий коридор, прежде чем я смогла ступить в полумрак его спальни и скользнуть в реальный мир.

Спальня оказалась достаточно большой, но совершенно темной. Все окна в комнате были зашторены, и сквозь плотную ткань проникало всего лишь несколько лучиков заходящего солнца. Он лежал на большой кровати. Его веки были плотно закрыты, и казалось, что он спит. Черты его лица заострились, создавалось впечатление, что он не ел и не спал уже много дней. Грудная клетка тяжело поднималась и опускалась в такт его дыханию. Брэйдан был полностью одет, даже высокие сапоги он не снял, прежде чем лечь на кровать. Я невольно начала присматриваться к его энергетическому состоянию и только сейчас поняла, насколько же сильно он истощен.

Я стояла в дверном проеме, долго не решаясь сделать и шага. Просто смотрела на него, слушала ритм его дыхания, всматривалась в любимые черты, и с болью понимая, как же сильно вымотали его прошедшие дни.

Медленно подойдя к кровати, опустилась на колени так, что наши лица теперь были на уровне друг друга. Не удержавшись, подняла руку и провела подушечками пальцев, очерчивая его профиль. Брэйдан вздрогнул и как-то болезненно нахмурился. Тогда я не сдержалась и легонько подула ему на лицо. Он тут же распахнул глаза, поворачивая ко мне лицо. Его глаза неверяще расширились, а дыхание оборвалось. Два безумно горящих изумруда смотрели на меня в темноте его комнаты, а я не могла найти в себе сил сказать хоть что-нибудь.

– Ты пришла? – наконец выдохнул он тихо, так что будь я чуть дальше, то и не расслышала бы вовсе.

Я коротко кивнула, позволив легкой улыбке коснуться лица, и сама не заметила, как маленькая слезинка побежала по щеке.

– Я ждал тебя, – также тихо прошептал он, – Ты ведь не уйдешь без меня?

Только сейчас я поняла, что он не понимает, что я жива. Смотрит на меня, словно похоронил, и теперь видит призрака. Тяжело сглотнув подступивший к горлу ком, покачала головой.

– Я не уйду ни с тобой, ни без тебя, – сказала, положив ладонь на его щеку и придвинувшись ближе. – Даже если попросишь, все равно не уйду, – прошептала прямо в губы и прильнула к нему.

Я целовала его. Целовала, понимая, что он до сих пор не верит в происходящее. Не понимает, что я из плоти и крови, стою перед ним на коленях, целуя губы, глядя шею, лицо. Но в какой-то миг все его тело напряглось, и руки стальными тисками сомкнулись на моих плечах, отстраняя в сторону. Он смотрел на меня так яростно, не веря в происходящее или боясь поверить. Это длилось всего мгновение, которое показалось вечностью. Но вот что-то изменилось на дне его изумрудных глаз, словно закружилось неистовое пламя, с каждой секундой становясь все сильнее и несдержаннее. Его руки поползли вверх по моим плечам, шее, накрывая лицо. Он гладил мою кожу нежно, трепетно, продолжая всматриваться в черты лица. Потом сел, подхватывая меня на руки и сажая к себе на колени.

– Это правда ты?

Небольшой кивок, и его губы вновь накрывают мои. В этот раз целует он. Так бережно, осторожно, словно боясь, что вновь исчезну прямо из его рук.

– Мне так многое нужно тебе сказать, – прошептал он, с неохотой отстраняясь от меня, – Но ведь ты подождешь? – улыбнувшись уголками губ, спрашивает он.

А я лишь киваю в ответ. Мои руки сами обвивают его шею, а тело жаждет прильнуть к нему еще сильнее.

И вновь я тону, только в этот раз в его объятиях, растворяясь все сильнее в его руках, теряя себя от прикосновений его губ.

Мои пальцы путались в его волосах, в то время как поцелуй становился все глубже и откровеннее. Его руки скользили по моему

телу, прижимая к себе все ближе. Я не помню, в какой момент оказалось так, что на нас не оказалось ни единого предмета одежды. Помню лишь как горело мое тело, как жаждало оно его прикосновений... Как хотелось отдать всю себя ему, как принимала то, что дает он мне. Даосцы, занимаясь любовью, пропускают всю свою энергию через партнера, обмениваются силой, на мгновение растворяются в близком для них человеке. Я же делала именно это сейчас... Отдавала всю себя без остатка, соскальзывая в сознание Брэйдана и растворяясь в нем. Понимая, какое наслаждение получает он, касаясь меня, получала его вдвойне. И даже легкая боль от того, когда он вошел в меня, не смогла изменить того, что я чувствовала, воспринимая происходящее через него. Его любовь и нежность, они словно обнимали мое сердце, разливаясь теплым нектаром в душе. Я касалась его тела, ласкала и чувствовала, как ощущает это он. Его поцелуи оставляли следы на моей коже, но то, что он испытывал, прикасаясь губами к моему телу, оставляло след в душе.

Эта ночь лилась, переплетаясь между нашими телами, она соединяла нас так, как никогда прежде. Ощущать его вот так было больше, чем просто отдаться мужчине. В эту ночь я стала женщиной с тем, кого любила. Я обрела больше, чем могла мечтать. Чувствовала то, о чем не могла и помыслить. И когда экстаз пришел к нему, он увел меня за собой, давая прочувствовать каждой клеточкой тела то, что чувствовал сам, заставляя выгибаться ему навстречу, двигаясь в такт с его движениями, принимая всего его без остатка.

Я засыпала у него на руках, в то время как он продолжал целовать мое лицо, нежно поглаживая спину. Он держал меня, крепко прижимая к своей груди. Его объятия согревали, заставляя верить, что все будет хорошо. И какие бы трудности ни преподнесла жизнь, все непременно будет решено до тех пор, пока он будет держать меня в своих объятиях, позволяя засыпать на своих руках.

Кажется, никогда в жизни я столько не спала. Но проснулась не потому, что выспалась, а от прикосновений рук Брэйдана, что так и не выпустил меня из своих объятий. Сейчас его пальцы невесомо поглаживали мои руки. Его сердце билось размеренно и ровно, кажется, я всю ночь только и делала, что прислушивалась к его ритму.

Но стоило мне разомкнуть веки, как его рука замерла и сомкнулась стальным кольцом, притягивая к себе еще крепче.

– Как ты могла так со мной поступить? – тихо сказал он, шепча мне в волосы эти слова. – Как ты могла? Я думал, что потерял тебя...

– Это невозможно, – тихо прошептала в ответ, уткнувшись носом ему в бок. – Я бы не сдалась так просто, – стараясь его приободрить, как можно более беззаботно сказала я.

Но, вместо того чтобы успокоиться, он резко сел, в то же время усаживая меня к себе на колени. Его зеленые глаза были полны гнева, боли, страха... столько всего сейчас было намешано на самом их дне.

– Больше никогда не смей так делать, – почти прорычал он мне в лицо. – Если сомневаешься во мне, то не стоит любить такого человека. Но если хочешь быть рядом со мной, то научись доверять мне.

– Но ты не видел...

– Зато чувствовал, прекрасно ощущал этот клинок. Ты же поняла, что он не так прост, как кажется? Его ковали специально для таких, как я. Точнее, чтобы иметь возможность убивать таких, как я. Но на всякое действие есть свое противодействие. Это оружие способно убить меня, а я способен его ощутить. Но ты... Ты обещала мне, что с тобой ничего не случится! И полезла под нож!

– Но я же здесь? – моя решимость таяла на корню под его жестким и непреклонным взглядом.

– Кстати, это весьма интересно, каким образом ты здесь? Но не меняй темы, – тут же шикнул он на меня. – Сейчас я говорю с тобой, первый и последний раз обсуждая этот вопрос. И выбор за тобой, Дэй...

– Дайли.

– Что?

– Меня зовут Дайли, – сказала я, проводя подушечками пальцев по его небритой щеке.

– Дайли, – медленно повторил он. – Я знаю, что ты сильная, – уже спокойнее сказал он. – Но я никогда не позволю тебе рисковать вместо меня. И сегодня я первый и последний раз спрашиваю тебя, готова ли ты мне доверять? Если нет, то наши отношения изначально обречены.

– Ты предлагаешь мне бездействие? Если подобное повторится, ты предлагаешь мне бросить тебя?

– Нет, я предлагаю тебе верить в меня так же, как ты привыкла доверять себе.

– Это потому, что я женщина?

– Нет, это потому, что ты моя женщина. Потому, что ты не простая незнакомка в моей жизни. Я верю, что не простая случайность, человек, который... который, я очень надеюсь, останется со мной на долгие годы. Человек, на которого я смогу положиться и которому смогу доверять, как себе. Того же я прошу и от тебя, – глубоко вздохнув, сказал он, ища взглядом мои глаза, всматриваясь в них в поисках ответа на свой вопрос.

Он не спрашивал, могу ли я попытаться. Сейчас он ждал от меня определенного ответа, который определил бы наше будущее. И почему у меня было такое ощущение, что этот вопрос прозвучал как предложение. Отвечу «да» – и он сделает все, чтобы мы были вместе, скажу «нет» – и больше никогда не смогу приблизиться к нему, потому что он не позволит. Но сейчас я думала и еще кое о чем. Я вспоминала тот момент, когда думала, что Ингвер готов нанести удар своим кинжалом. Вспоминала и понимала, что поступила бы так же. Не смогла бы стоять в стороне и смотреть, не стерпела бы. Но если сказать это ему сейчас равносильно тому, чтобы отвергнуть его, то, пожалуй, я поступлю в лучших традициях Дао Хэ.

– Да, – сказала уверенно и твердо, с верой в собственные слова.

Он долго всматривался в мои глаза, пытаясь понять, правду ли я сказала. Пусть смотрит, сейчас я старалась верить в то, что произнесла. Но именно сегодня глубоко в сердце я открыла новую коробочку с секретом.

«Я буду верить тебе. Я доверюсь, как если бы я и ты были бы одним существом. Но, как любой нормальный живой организм, я сделаю все, чтобы защитить себя, и не важно, какая из половинок будет в опасности».

– Знаешь, я смотрю тебе в глаза и верю тому, что ты сказала. Но в то же время я чувствую, что ты все равно полагаешь иначе, – улыбнувшись уголками губ, хмыкнул он.

– Вера определяется обстоятельствами, – в тон ему сказала я, не сдержав улыбки.

– Хочешь сказать, чтобы твои слова оказались правдивы, мне следует позаботиться об обстоятельствах? – вопросительно изогнув

бровь, спросил он.

– Это говоришь ты, я же не возражаю, – беззаботно пожав плечами, ответила я, теперь уже не скрывая смеха в голосе.

Он смеялся тоже, прижимая меня крепче к груди и глядя свободной рукой по волосам.

– Чувствую, мне придется купить тебе новые туфли с хорошим каблуком, – сквозь смех говорил он.

– Зачем?

– Чтобы мне под ним удобнее было, – фыркнул он.

Смысл шутки был мне не очень понятен, но смеялась я больше оттого, что то непонятное напряжение между нами ушло, и я поняла, что теперь все непременно будет хорошо. Во всяком случае, я искренне верила в это, надеялась изо всех сил.

Мы лежали обнявшись на его широкой кровати. Его пальцы путались в моих волосах, перебирая прядку за прядкой. Я же вслушивалась в биение его сердца и старалась просто наслаждаться происходящим.

– Расскажи мне, что произошло? – тихо попросил он.

И я рассказала. Опуская ненужные подробности, уменьшая степень того, как пострадала. Ограничившись тем, что мне помог мой друг и он сейчас в Аранте. Правда, узнав об этом, Брэйдан ощутимо напрягся, расспрашивая, кто он и как мне удалось с ним связаться. Я же, счастливо улыбаясь, просто рассказывала о нашей с Тэо жизни в монастыре, о том, как мы росли в ожидании Дня, и о том, как наставники отправили нас в путешествие, чтобы спустя время мы смогли встретиться именно здесь.

– Ты считаешь, это случайность?

– Конечно нет, – хмыкнула я. – Я не уверена в том, что Сэ'Паи не знал того, что мне понадобится помощь Тэо, как не уверена и в том, что это последний раз, когда мы сумеем помочь друг другу.

– Хочешь сказать, твой учитель заранее знал, в какой ситуации ты можешь оказаться? – растерянно переспросил Брэйдан.

– Вероятно, он это предчувствовал.

– Почему же не предупредил?

– Зачем? – искренне удивилась я.

– Чтобы предотвратить...

Решив вовремя прервать его негодование по этому вопросу, приподнялась, положив локти ему на грудь и всматриваясь в черты его лица, чтобы знать, поймет ли он то, что я скажу.

– Предотвратить чью-то судьбу – преступно. Понимаешь?

– Нет, – просто ответил он, а я лишь тяжело вздохнула. Это будет сложнее, чем я думала.

– Скажи, если ты будешь знать, что выйдя из дома, на тебя нападут и поранят, ты выйдешь?

– Я буду предупрежден и смогу это предотвратить.

– А что если нет. И твои попытки предотвратить ситуацию ее только ухудшат?

– Тогда я останусь дома.

– А что, если твоя рана поможет тебе в будущем избежать более серьезных последствий.

– Как это?

– Ну, например, поранившись, ты не сможешь отправиться с группой других людей в путешествие, в котором на них нападут вирги, и выживших не останется. Тогда будет ли тебе казаться твоя рана злом или необходимым вмешательством, которое спасло тебе жизнь.

– Хочешь сказать, что ваши наставники могут предсказывать будущее?

– Конечно нет, – улыбнулась я. – Просто у каждого поступка есть свое следствие, и наши наставники очень хорошо понимают эти причинно-следственные связи, видя их в масштабе не одного человека, а мира или конкретно взятого общества, понимаешь?

– С трудом, – честно признался он.

– Знаешь, чему учат в Дао Хэ?

– Нет, но ты ведь расскажешь?

– Расскажу, – игриво улыбнулась в ответ, но продолжила: – Никогда, ни при каких обстоятельствах не думать, что жизнь ненавидит тебя, посылая испытания, которые тебе не по силам.

– Ты правда в это веришь?

– Я с этим живу.

– Хорошо, и даже теряя близких, человек не должен думать, что жизнь несправедлива? – несколько жестко спросил он.

– Мне сложно понять ваше ощущение утраты, – тихо сказала я. – В Дао Хэ смерть воспринимают как рождение новой жизни на

совершенно другом уровне. Мы провожаем ушедших с легким сердцем, желая им доброго пути. Мы скучаем, но радуемся, продолжая любить и вспоминать то светлое, что остается в нашей памяти об ушедшем.

– Тогда, раз умереть это так хорошо, почему ты кинулась спасать меня?

– Я не хотела, чтобы ты уходил. Мне было больно думать о том, что ты покинешь меня, когда я не готова последовать за тобой.

– У меня мороз по коже от твоих слов, – фыркнул он.

– Почему? Я всего лишь говорю, что хочу побыть с тобой здесь и сейчас, что наш путь еще не пройден, и если бы ты погиб тогда, это было бы неправильно.

Он долго молчал после моих слов. Его мысли никак не отражались на лице, и я уже подумала, что неосторожно обидела его. Ведь ему довелось прожить не один десяток лет, много терять, любить, а сейчас я говорю ему, что и не потери то были вовсе, а просто у каждого свой путь, свое начало и свой конец.

– Твои слова... я должен многое обдумать, прежде чем понять их, – наконец сказал он.

– Знаешь, я кое-что видела, когда погружалась на дно, – нерешительно начала я.

– Что? – тут же обратил он на меня свой взор.

– Не знаю, словно я побывала в прошлом. В том времени, когда Сэ'Паи еще не забрал меня в Дао Хэ.

– И что это было?

– Я... словно видела свою мать... – Сказала и сама задумалась над правдивостью своих видений.

Кажется, я молчала слишком долго, потому как Брэйдан, не выдержав, все же спросил:

– И? Ты не хочешь мне рассказать, что именно ты видела?

– Я и сама не знаю, – нервно покусывая губы, ответила я. – Это было словно сон, но такой реальный. Мне привиделось, что моя мать и, кажется, ее отец спорили. Даже не так, они ругались из-за меня...

– Из-за тебя?

– Да, будто бы моя мать нагуляла меня, и тогда ее отец приказал ей избавиться от ребенка.

– И что было дальше?

– Не помню, но, судя по всему, ей это удалось, – хмыкнула я.

– А что-нибудь еще помнишь?

– Не уверена. Ее имя, оно крутится на языке, но вспомнить никак не получается, – глубоко вздохнув, опустила голову ему на плечо.

– Ты так спокойно об этом говоришь, – как бы между прочим сказал он.

– А как я должна об этом говорить?

– Не знаю, мне всегда казалось, что вспомнить или узнать что-то о родном человеке должно быть чем-то важным?

– Ну, мне интересно, не более.

– Ты злишься на нее?

– С чего бы? – улыбнулась я. – Если кому обижаться, то это ей на меня, а не мне.

– Что? – нахмурился он и приподнялся так, чтобы иметь возможность заглянуть мне в глаза.

– Эй, лежи смирно, неудобно, – толкнула его локтем в бок, потому как от его движений моя голова начала съезжать с облюбованного плеча.

Получив ощутимый тычок, он тут же лег, как и раньше позволяя мне использовать свое плечо в качестве подушки.

– Понимаешь, этой женщины, скорее всего, уже нет в живых...

– Как ты можешь это знать наверняка?

– Это знает любая Тень, – тихо сказала я. – Наши родители... Они умирают после рождения таких детей, как мы. Их тела не справляются с такой нагрузкой, слишком разные энергии и слишком мощные наши сущности для их тел. Дети забирают на себя все жизненные силы. Кто-то умирает еще при родах, кто-то в ближайшие годы.

– Даже отцы?

– А в чем разница? Родителей обычно двое, Тень высушивает оба источника, забирая все, что может.

– Исключения?

– Нет.

– А ты? Если забеременеешь ты, то...

– Нет, – сухо ответила я на его вопрос, стараясь справиться с неожиданным волнением, охватившим все внутри. Отчего-то разговор вдруг стал болезненным и неприятным. – Тени... мы пустоцветы.

– То есть... – неожиданно запнулся он.

– То есть детей иметь мы не можем, – сухо ответила я, только сейчас в полной мере понимая, как важно это может быть для него. – И если... – глубокий вздох, – если это проблема для тебя, то я пойму...

– Знаешь, это стало бы проблемой, не проходи я по этой земле почти полтысячи лет, не увидь я всего того, что видел, и не пойми я одной простой истины для таких, как я.

– Какой?

– Одиночество – то единственное, с чем я не могу справиться, – сказал он, прижимая меня к себе еще крепче.

Сколько времени прошло с тех пор, как обняв меня, он уснул, я не знаю. Сейчас я просто лежала рядом, думая, когда еще повторится подобный миг в моей жизни. Когда смогу лежать с ним рядом, не думая ни о чем, а просто радуясь тому, что он есть. Что остался цел. Слушая его дыхание и не замечая больше ничего и никого в этом мире. Но время шло, и по моим внутренним часам приближался обед. И несмотря на поздний час, я не слышала ни звука в этом огромном доме. Не суетились слуги на кухне, не приходил никто в гости, не было того шума, который должен был бы быть в таком большом доме. То, что внутри мы были совершенно одни, было очевидно. Но почему? Неужели никто больше тут не живет?

– Как думаешь, твой маскарад пора прекращать? – спросил он меня, когда стало совершенно очевидно, что пора вставать и искать что-нибудь из еды.

Есть хотелось очень сильно, но учитывая тот факт, что Брэйдан, как выяснилось, выгнал всех обитателей дома на неопределенный срок, то придется, во-первых, провести разведку на кухне и, во-вторых, в случае неудачи, отправиться на поиски съестного в город.

– Это еще зачем? – фыркнула я, натягивая штаны, что подарил мне Тэо. Они были великоваты и длинноваты для меня, но пока не найду свои вещи, ничего другого надеть возможности не будет.

– Ну... – неожиданно замялся он. – Не могу же я и дальше делать вид, что ты мальчик. Даже если очень захочу, но смотреть на тебя иначе, чем сейчас, не смогу. Меня неправильно поймут, – хохотнул он.

– Придется рискнуть, – сказала я, выуживая из-под кровати свою утяжку для груди.

– Помочь? – заинтересованно разглядывая новый предмет моего туалета, поинтересовался он.

– Помоги.

Из дома мы вышли, когда на Аранту уже начали опускаться сумерки. Каменный город сейчас казался розово-серым из-за ярких лучей заходящего солнца. Температура вокруг стала ощутимо понижаться, сменяя летнее тепло севера ночным холодом. Люди, проходящие мимо и спешащие по своим делам, теперь были одеты в легкие куртки или шерстяные вещи. Никто не оставил без внимания приход вечера, потому как каждый знал, что здесь шутки с погодой выйдут боком тому, кто проигнорирует ее. Брэйдан, несмотря на все мои уверения, что мне тепло, все же заставил меня облачиться в один из своих плащей. Благо он был сделан из ткани, а не из меха. Но его полы шлейфом тащились вслед за мной, заставляя прохожих недоуменно оборачиваться и рассматривать, что же это за чудо такое, укутанное в мужской плащ.

– Я хотела тебя спросить, – наконец-то я вспомнила, что хотела узнать у него. – А где мои вещи?

Брэйдан неожиданно споткнулся, практически на ровном месте, и уставился на меня испуганным взглядом.

– П-прости, – пробормотал он, а у меня в душе так все и оборвалось.

– Неужели все пропало? – не скрывая огорчения в голосе, спросила я.

– Н-не знаю...

– М-м?

– Я забыл! Совсем про них забыл! – При этих словах широкая ладонь северянина со всего маху обрушилась ему на лоб. Звук получился таким, что от неожиданности я даже подпрыгнула.

– Ты чего?

– Боги, как я мог?!

– Перестань, это всего лишь вещи, – отмахнулась я, не желая наблюдать за тем, как он еще что-нибудь начнет себе отбивать в память о потерянном.

– Нам нужно отправиться к Кельму.

– Зачем к нему? – Не то чтобы я не хотела увидеть Рыжего, просто боялась, как он отреагирует на мое возвращение. Кое-что мне все же удалось отметить в северных мужчинах. Они были чересчур

эмоциональны в сравнении с аирцами. И, если Брэйдан был весьма сдержан, по рамкам северян, то Кельм был типичным их представителем...

– Он забрал твоего осьля...

– Кого?

– Лошадь, – как ни в чем не бывало сказал он, без запинки выговаривая то слово, которое получалось и больше всего подходило по смыслу.

Мы шли по улице, уводящей нас из верхнего яруса города, где жил Брэйдан, в «срединный» город, как я назвала его для себя. Улицы здесь были более широкими и оживленными. Кругом пестрели вывески с названиями лавок торговцев и таверн. Несмотря на поздний час, былолюдно. Казалось, Аранта и не думала спать. Хотя, может, это у меня сохранились понятия Дао Хэ, то есть, если темно, то ты спишь, солнце встало, значит, и тебе пора.

– Как оживленно, – все же сказала я.

– Конечно, это же центр города.

– Да? А я думала, центр на самом верху...

– Нет, верхние ярусы занимает в основном знать, и там тише всего обычно. А в центре живут те, кто в состоянии себе это позволить. К тому же тут всегда оживленно илюдно.

– Кельм живет здесь?

– Чуть ниже, там, где начинаются жилые кварталы. Устала?

– Нет, просто интересуюсь. То есть он не слишком богат?

– То есть ему так удобно, – хмыкнул Брэйдан. – А где сейчас твой друг? Ты нас познакомишь?

– Должно быть дома. Мы договорились, что я приду к нему завтра утром.

– Откуда знала, что задержишься так надолго? – не скрывая улыбки, спросил он.

– Не знала, рассчитывала, – хмыкнула я.

Оказалось, что дом Кельма находился всего в двух кварталах от центра города. Это было высокое каменное строение, в два этажа, огороженное от оживленной улицы каменной изгородью. Дом, казалось, облюбовала большая семья, судя по тому, во скольких окнах сейчас горел свет.

– Ммм, сколько человек тут живет?

– Много. Кельм, его жена и дочь, его отец, жена отца, сейчас тут живет Терех, а его одного можно считать за пятерых минимум, кроме того, две незамужние сестры Кельма.

– Я думала, больше...

– Я же говорю, дед идет за пятерых.

Я уже было занесла руку, для того чтобы отворить калитку, ведущую во двор дома Кельма, как Брэйдан, перехватив мое запястье, сказал:

– Давай, может, ты подождешь во дворе, а я пока зайду в дом и подготовлю их.

– В каком смысле «подготовлю»?

– Ну, понимаешь, сегодня вроде бы как третий день, с тех пор, как ты якобы погибла... и...

– Что? – я все никак не могла понять, к чему он клонит.

– Есть поверье, в чем-то оно даже правдиво, ну да это сейчас неважно. Одним словом, люди, я имею в виду простых людей, верят, что покойник, то есть умерший насильственной смертью, может вернуться с того света на третий день после гибели. Они полагают, что если вслух поминать умершего, то он может вернуться, чтобы пить кровь живых или навлечь проклятье на весь род.

– Что за бред?

– Может, и бред, но многие подсознательно боятся и стараются чтить традиции предков.

– Но Кельм и его семья не простые люди? Они знают о виргах и прочих тварях...

– Именно поэтому я и прошу тебя подождать меня, – сказал он, открывая калитку во двор.

Дворик оказался весьма чистым и уютным. Недалеко от дома была небольшая пристройка, которая, судя по всему, имела назначение конюшни.

– Тогда ты не против, если я побуду на конюшне, пока ты будешь с ними говорить?

– Если ты так хочешь? – пожал он плечами, направляясь к дому.

Я же в свою очередь отправилась в сторону деревянного строения, надеясь увидеть там моего осла. Уж очень я переживала, как он перенес все те тяготы, что выпали на его долю.

Стоило переступить порог постройки, как меня окутал запах сена и стоящих в стойлах лошадей. Здесь было ощутимо теплее, чем на улице. Лошади чуть слышно всхрапывали, принюхиваясь и прислушиваясь к окружающей их обстановке. Возможно, они чувствовали то, что в конюшне появился кто-то еще, хотя я и старалась ступать бесшумно, чтобы ненароком никого из них не напугать. Само строение погрузилось в густой полумрак уже с наступлением сумерек, лишь из самого дальнего угла лился теплый оранжевый свет, источаемый масляной лампой.

– Знаешь, – тихий мужской голос разрезал окружающее пространство, заставив меня остановиться и прислушаться. Мужчина говорил по-аирски, но с ощутимым акцентом. Конечно, я узнала обладателя голоса, да и как его было не узнать, если в свете лампы так отчетливо виднелась его рыжая шевелюра.

– Я говорю с тобой на твоём родном языке, потому что боюсь, что ты не поймешь меня иначе.

Заинтересованно замерев совсем рядом с Кельмом, старалась даже дышать через раз, чтобы понять, чем он тут занимается, и не быть раскрытой раньше времени.

– Мне так жаль, – его плечи как-то сразу поникли, а голова опустилась еще ниже. – Хоть ты и урод, но тоже, наверное, переживаешь, что она умерла.

«Веский довод», – подумала про себя, но вступать с радостным воплем «вот, она я!» пока не спешила.

– Я забрал тебя к себе и теперь буду заботиться о тебе, понимаешь? – В ответ осел активно запыхтел, должно быть, учуяв мой запах, и окончательно разволновавшись, начал нетерпеливо «икать», переступая с ноги на ногу.

– Ну, знаешь, ты мне тоже не особо нравишься, – по-своему истолковав поведение животного, буркнул Кельм. – Но я намерен постараться любить тебя, несмотря на то что ты редкостная страшила и в целом бестолковая и бесполезная скотина, я буду заботиться о тебе в память о ней. Но... – вскинув указательный палец вверх, сказал он. – Перестань охаживать мою Белочку! – От рычащих ноток в его голосе я сама неожиданно сделала шаг назад. – Ты хоть понимаешь, что у нее может родиться от такого, как ты, – обвиняюще ткнув пальцем в осла, сказал он. – Остальное я готов терпеть, – чуть тише договорил он.

На конюшне вновь воцарилась тишина. Кельм устало опустился на перевернутое деревянное ведро и, подперев голову рукой, задумался о чем-то. Если честно, в этот момент я лихорадочно пыталась сообразить, как себя обнаружить и не напугать его.

– Я чувствую себя виноватым, – сказал Рыжий, опираясь боком о деревянную стену конюшни. – Мне кажется, что это моя вина, понимаешь? Она спасла меня дважды, а я не смог сделать хоть что-нибудь, чтобы помочь ей, – тяжело вздохнув, закончил он.

Неожиданно виноватой почувствовала себя я. Мне стало так жаль, что Рыжий винит во всем себя, что он переживает, хотя ни в чем и не виноват. А я стою совсем близко, живая и почти невредимая, в то время как он не перестает переживать. Не удержавшись, протянула руку, легонько коснувшись его плеча, и сказала, точнее, попыталась сказать:

– Кельм, я... – В этот момент мне в голову полетело деревянное ведро, что всего мгновение назад служило стулом для Рыжего.

Легко увернувшись от неожиданного снаряда, отпрыгнула на несколько шагов назад, чтобы оказаться подальше от Кельма, в мгновение ока оказавшегося вооруженным острыми вилами, что по воле случая были оставлены кем-то заботливым в самой дальней части конюшни. Выпрямилась, поднимая голову, и посмотрела в глаза Рыжему. Лицо Кельма казалось искажено гневом и готовностью отразить любую атаку, вот только стоило ему увидеть меня, как он побледнел. Его глаза расширились, словно два огромных блюдца, рот сначала округлился в маленькое «о», а уже спустя секунду распахнулся, разоряясь на всю округу весьма мужественным и грубым: «А!», которое завершилось фальцетом и оборвалось на самой верхней ноте.

– Virg-go, – заикаясь, прошептал Кельм, нацеливая вилы в мою сторону, готовясь то ли к моей предполагаемой атаке, то ли сам решил напасть, не дожидаясь действий с моей стороны.

– Нет, Кельм, это я, – подняв раскрытые ладони перед собой, затараторила я. – Я не умерла, понимаешь?

Брови на лице Рыжего сошлись на переносице. Судя по всему, он сейчас пытался сообразить: «Умеют ли вирги говорить? Или кто-то другой из разряда оживших мертвецов способен на это?»

– Это правда я, – тихо и как можно более спокойно сказала я. – Посмотри на меня, взгляни в мои глаза... – Похоже это было сказано зря, потому как Кельм тут же подобрался и, вскрикнув что-то воинственное на своем языке, ринулся в атаку.

Он бежал на меня, как разгневанный бык несся бы на выбранную жертву. Ощущение было таким, что если он каким-то чудом промахнется вилами, то растопчет наверняка. Я не стала дожидаться этого момента, просто воспользовалась преимуществом в росте и комплекции, легко нырнула, уходя из-под траектории его удара, оказалась позади него. Тут же запрыгнула ему на спину и уже хотела было ударить его по определенным точкам на затылке, чтобы оглушить и обездвижить на некоторое время, причинив как можно меньший вред его телу. Но в этот момент Кельм подпрыгнул, словно бешеный конь, в воздух взмыла и я. Не успел он опуститься на ноги, как обрушился всей своей массой на стену, зажимая меня между своей спиной и деревянной поверхностью, выбивая воздух из моих легких.

Ржали лошади, истошно орал осел, Кельм скакал по конюшне со мною на спине, то и дело врезаясь в стены, стараясь сбить меня. Он пыхтел, краснел и старался, как мог. Я же, молчаливо вцепившись ему за шиворот, пыталась удержаться «в седле». Когда двери в конюшню распахнулись, озаряя пространство светом чадящих факелов, впуская внутрь запыхавшегося Брэйдана, Тереха и Олафа.

– Halp mir! Halp!^[70]

Увидев возможную помощь, истошно заорал Кельм, обрушиваясь в очередной раз спиной о стену. Но неожиданно замер, словно время вокруг него остановилось, не позволив завершить свой маневр, и в очередной момент обрушить меня о стену. Я тут же почувствовала, как завибрировали энергетические нити вокруг нас. И конечно же поняла, кто остановил Кельма. Брэйдан стоял, подняв руку и зажав пальцы в кулак, незримо удерживая Рыжего.

– Что ты делаешь, идиот?! – отозвался на призыв о помощи отец Кельма.

– Весь в бабку, такой же невменяемый, – буркнул себе под нос Терех, невероятно быстро для своего возраста оказавшись рядом с внуком и хватая его за грудки. В этот же момент Брэйдан опустил руку и поспешил к нам. – Успокойся уже, живой парнишка, не видишь, что ли?

После этих слов деда Кельм как-то резко замер, позволяя мне буквально съехать со своей спины и оказаться на руках Брэйдана.

– Ты как? – взволнованно спросил он.

Криво улыбнувшись, все же сказала:

– Нормально.

– Как живой? – отстраненно переспросил Кельм. – Зачем же он просил в глаза взглянуть?

– Наверное, чтобы ты в них взглянул, – хмыкнул Олаф, отвечивая сыну подзатыльник. – Боги, в кого ты только такой дурной?!

Никак не отреагировав на слова отца, Кельм резко повернулся ко мне лицом. В его глазах можно было увидеть ничем не прикрытую растерянность, тревогу, вину и в то же время облегчение.

– Дэй, – сказал он, наклоняясь ко мне. – Правда ты, что ль?

– Да я, что ль, – хмыкнула в ответ, высвобождаясь из объятий Брэйдана, который не спешил меня отпускать. И тут же оказалась прижата к широкой груди Рыжего, вновь ища возможность сделать хотя бы крошечный вдох.

– Вы знаете, мы не ждали гостей, – едва слышно шептал мне на ухо перевод Брэйдан, в то время как пышногрудая блондинка неопределенного возраста выставляла на широкий стол принесенную на подносе снедь и параллельно говорила слова приветствия или просто общалась, не уверена, как правильно следует охарактеризовать ее монолог. – Потому стол наш не слишком богат. – Это если не считать того, что она третья женщина, приносящая еду на огромном подносе. И как мне кажется, это далеко не последний ее выход. – Но вы уж не побрезгуйте. – А побрезговать, если уж быть до конца честной, было чем, во всяком случае мне.

Одним из первых на столе появился алкоголь. Немного мутная, изрядно вонючая жидкость стояла в самом центре стола, вызывая нездоровый ажиотаж среди мужчин и откровенно рвотные позывы у меня. Следом появился взвар из костей и кожи животных, которые варили так долго, что теперь это все застыло и превратилось во что-то склизкое и желеобразное. После появились фаршированные кишки животных, набитые мясом и салом, затем прибыл фаршированный желудок овцы, набитый отрубями и воняющий настоящими миазмами. Мужчины следили за происходящим с лихорадочным блеском в глазах,

попутно сглатывая слюну и потирая огромными ладонями лицо. И их можно было понять. Мясо здесь любили, но оно было гораздо дороже рыбы, потому в повседневной жизни хозяйки старались подавать мясное раз в день, не чаще. Когда же появились булки, я уже было приободрилась, но как оказалось, это я зря, потому как и это нехитрое изделие оказалось нашпиговано. Нет, не мясом, в этот раз рыбой. Когда надежда покушать со всеми начала медленно испаряться, самая молодая из обитательниц дома выпорхнула из кухни с подносом, на котором в огромной миске дымились розовато-желтые кругляшки, а рядом, в немного меньшей по размерам плошке, вызывающе поглядывала на меня какая-то оранжево-зеленая, явно овощная, нарезка.

– Что это? – заинтересованно спросила я у Брэйдана, указывая взглядом на выставляемые угощения.

– Это пареные клубни... я не знаю, как называются они по-аирски, и квашеная капуста и морковь.

За столом все собрались уже затемно. Если в Аире было принято кушать, сидя на мягких подушечках за небольшими столиками, то на севере нас усадили за огромных размеров деревянный стол, окруженный массивными деревянными лавками. Только сев, я поняла, что мои ноги не достают пола и свободно болтаются под столом. В этот момент почувствовала себя ребенком, если честно.

Во главе стола сел Терех, по правую сторону от него Олаф, его жена, русоволосая пышнотелая женщина средних лет, и две молоденькие девушки, похожие как две капли воды на свою мать. Слева сел Кельм, его жена, как оказалось, та самая блондинка неопределенного возраста, Брэйдан и я. Дочка Кельма, совсем еще крошечная девчушка, рыжая и с ног до головы усыпанная веснушками, была услана матерью спать. Девочка сначала надула губки, потом, поорав для порядка, все же ушла, после того как дед потянулся за ремнем, на котором держались его широкие штаны.

Терех восседал во главе стола с самым гордым видом. Он был молчалив и предельно сосредоточен.

– Gabe^[71], – вдруг тихо сказал он, и жена Олафа тут же поднялась со своего места, выуживая откуда-то огромных размеров лохань и миниатюрный черпак, который северяне называли ложкой. Тут же подала все это Тереху. Мужчина, не сказав женщине ни слова, принял

посуду и начал откладывать от каждого блюда по одной ложке на поданную тарелку. После чего воздел руки с полным блюдом над головой и заговорил на родном языке.

– Что он делает? – непонимающе смотря на деда Кельма, спросила я Брэйдана.

– Подношение Богам, – односложно ответил он.

Я же устало посмотрела на этого пожилого человека, совершенно не понимая, что за традиции такие здесь приняты. Зачем каким-то непонятным созданиям, возможно обитающим в других слоях реальности, подношения из человеческой пищи?

Когда Терех закончил свое непонятное бормотание, жена Олафа быстро подбежала к свекру, ловко ухватила миску с едой и унесла ее куда-то в неизвестном направлении.

– Ну, теперь можно и поесть! – громогласно заявил Терех, с размаху падая на лавку. – Наливай, сынок.

К слову сказать, все мужчины старались говорить по-аирски, лишь поясняя сказанное своим женам и переводя их вопросы мне. Это не могло не радовать меня. Но сейчас Олаф, ухватив вонючую бутылку, принялся разливать алкоголь по кружкам присутствующих. Причем женщинам наливали столько же, сколько и мужчинам. А кружки, к слову сказать, были достаточно приличных размеров.

– П-простите, – нерешительно вклинилась я в атмосферу общего возбуждения по случаю разливаемого напитка. – А можно мне воды?

Кельм неожиданно громко закашлялся, Терех замолчал на полуслове, Олаф и вовсе едва не выронил из рук свою бутылку-вонючку.

– Was er sagt?^[72] – спросила жена Олафа, поднимая вопросительный взгляд на мужа.

– Er ask watter^[73], – теперь уже женщины в немом изумлении обратили свои взоры на меня.

– Warrum?^[74] – поинтересовалась жена Кельма, Хельга.

– Почему воды? – тут же спросил меня Олаф.

– Я не пью алкоголь, – отчего-то под их взглядами стало неловко, потому попыталась улыбнуться, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

– Почему? – еще раз спросил меня отец Кельма.

– Мне нельзя, вера такая, – как можно более просто пояснила я.

– Er ist fanatic^[75], – убежденно высказался Терех.

– Warrum sage so, da?^[76] – обиженно буркнула одна из сестренок Кельма. – Er ist sehr shon!^[77] – на этой ее фразе кашлять начали Кельм и Брэйдан, причем так громко и синхронно, что казалось, окна в доме задрожали.

– Was sage sie? Du clar er keine!^[78] – кое-как откашлявшись, прохрипел Кельм, обращаясь к своей сестре.

По щекам девушки разлился густой румянец, который на ее белоснежной коже казался вовсе не розовым, а красным. Но все же она ответила:

– Und wast? Ich bin sehr gross fur seie shonst in man!^[79] – После этих ее слов за столом повисла гнетущая тишина. Брэйдан ненавязчиво накрыл мою ладонь своей и легонько сжал ее, пока никто не видел.

– Ingve!^[80] – с размаху обрушил свой внушительный кулак о стол Олаф. Жена отца Кельма тут же положила ладонь на плечо мужа и что-то тихо зашептала ему на ухо, после чего Олаф тяжело выдохнул и кивнул супруге.

– Что случилось? – шепнула я Брэйдану на ухо.

– Глупости, не волнуйся, – ответил он мне и тут же заговорил на другом языке, обращаясь ко всем присутствующим: – Olaf, wilst du...^[81]

Северянин легко кивнул Брэйдану, после посверлил тяжелым взглядом дочь, обещая долгий разговор, но уже спустя всего несколько секунд расплылся в довольной улыбке и сказал:

– Выпьем за спокойное море, за добрую зиму и за снег, который непременно растает, – поднимая свой кубок из желтого металла над головой, Олаф потянулся к остальным. Мужчины и женщины согласно закивали и так же потянули свои кубки навстречу. После чего громко свели их вместе и выпили содержимое залпом.

– Какой необычный тост, – сказала я, когда все закончили пыхтеть после выпитого.

– Это традиционный тост, очень старый, – сказал Кельм, засовывая в рот приличных размеров горсть той самой капусты, на которую нацелилась я.

– Почему вы ничего не едите? – перевел Брэйдан фразу, которую сказала Хельга, обращаясь ко мне.

– Я бы хотела попробовать вот это, – указала я пальцем на дымящиеся кругляшки, которые Брэйдан обозвал корнеплодами. – Можно?

– Конечно, почему спрашиваешь? – тут же отозвался Кельм.

– Просто не знаю, как правильно следует вести себя за вашим столом, – сказала я, и впрямь путаясь в обычаях и традициях Аира и Аранты.

– Ешь, как удобно, – сказал Брэйдан, накладывая мне овощей.

– Warum eine veget? Sage ate met?^[82] – поинтересовалась жена Олафа, указывая рукой на фаршированные мясом кишки.

– Er ate keine met^[83], – тихо отозвался Брэйдан на ее слова, правда после такого его ответа за столом воцарилась очередная пауза «тишины». А младшая сестра Кельма даже испуганно охнула.

– В чем дело? – поинтересовалась я.

– Он, – указал Кельм ложкой в сторону Брэйдана, – рассказал нашим дамам твой маленький секрет.

– Что? – подумав о «том самом секрете», я, должно быть, изменилась в лице, едва не выронив ложку из рук. – Как? – испуганно посмотрела я на северянина.

– Не тот секрет, – шепнул он, улыбаясь уголками губ. – Сани, – сказал он, обращаясь взглядом к жене Олафа, – спросила, почему не хочешь отведать жареных колбасок, я сказал, что ты не ешь мясо.

– А, да, не ем, – подтвердила я, тщательно скрывая облегчение в голосе.

– Что? – фыркнул Терех. – Мужик, который не ест мясо?!

– Да все нормально, дед, – отмахнулся Кельм. – У него вера такая.

– Что это за вера? Безбожники какие-то. Их Боги что, желают смерти своим детям?! – все больше распалялся Терех. – Варвары, – подытожил он.

– Und du sagt, er ist shon! Er ist diese oder clar keine^[84], – фыркнула старшая из сестер Кельма, обращаясь к младшей Ингве.

Девушка, потупив взгляд, несильно пихнула сестру в бок и украдкой посмотрела в мою сторону.

– Ander er shon!^[85] – шепнула она сестре.

– Знаешь, – вдруг сказал Олаф, – твой обет – это, конечно, хорошо, но боюсь, в наших краях дело невозможное. Отказываться от такой пищи вредно для здоровья, – серьезно добавил он.

– Не волнуйтесь, со мной все будет хорошо, – улыбнувшись, сказала я.

Мы пробыли в гостях у семьи Кельма несколько часов, и тот факт, что решили уйти ближе к полуночи, несколько огорчил хозяев дома. Как я поняла, дело было в том, что если собираются на подобный ужин, то гуляют до тех пор, пока в состоянии стоять на ногах или не уснут прямо за столом. Конечно, так проходили только неофициальные приемы. Но, в Аире подобное было недопустимо даже среди близких друзей. Сама трапеза была вереницей ритуальных фраз и действий. Еда потреблялась в строгом порядке, некоторые продукты никогда бы не выставили рядом с другими. Порой угощения говорили лучше всяких слов. Выставленные на стол яства могли как унижить гостя, так и сказать о благосклонности хозяев. А распитие за столом напитков, тем более алкогольных, требовало присутствия специально обученного слуги, если действие происходило дома. Если выпивали за пределами родных домов, то чаще всего это происходило в специальных питейных заведениях, где обслуживанием гостей занимались «порхающие». Иногда кажется, что жизнь аирцев – это череда бесконечных ритуалов, правил. Что, вместо речи, пользуются жестами, цветами в одежде или украшениями. Аир – страна множества слоев, прочесть которые многим не хватит и жизни. Будь ты аристократ или необразованный крестьянин, но будешь пользоваться похожими ритуалами и жестами. Люди словно рождаются с этими знаниями, привыкая говорить и общаться друг с другом сразу в нескольких плоскостях. Север же сегодня лишь приоткрыл мне маленькую частичку своего сурового, но такого открытого лица. Показал, что может быть просто таким, каков он есть, позволил чувствовать себя самой собой. Это было ново. Это шло вразрез со всем, чему меня учили. Пусть традиции Аира и были мне чужды, но именно их в первую очередь преподавали в Дао Хэ. Мы должны были понимать тот мир, в котором нам предстояло жить. Сейчас же у меня было такое странное чувство, словно придя в гости, мне предложили чувствовать себя как дома...

Стоило нам скрыться за поворотом, а дому Кельма исчезнуть из вида, как Брэйдан очень аккуратно взял меня за руку, переплетая наши пальцы, и сказал:

– Пойдем домой?

Простая фраза, в которой, казалось бы, нет ничего особенного, теплом окутала мое сердце. Я улыбнулась, соглашаясь с ним.

Новый день начался с теплых объятий, нежных прикосновений и неожиданной суматохи...

Мы лежали обнявшись на широкой кровати. Его губы легко касались моих, а руки блуждали по обнаженному телу. Предрассветные лучи скупого солнца неохотно проникали сквозь зашторенные окна, и казалось, что новый день будет теплым и радостным, несмотря на затянувшие небо тяжелые облака. Неожиданно Брэдан прервал поцелуй и настороженно замер, прислушиваясь к чему-то понятному одному ему. Лицо его казалось серьезным и сосредоточенным, а взгляд отчего-то стал совершенно пустым.

– Что-то не так? – встревоженно спросила я.

– У нас гости, – тут же отозвался он, поднимаясь с постели. – Нужно вставать и быстро, если ты, конечно, не передумала насчет инкогнито?

– Не передумала, – быстро соскочив с кровати, начала натягивать на себя одежду. – Еще не пришло время.

– Ты что-то недоговариваешь? – осторожно спросил он.

– Как и ты, – хмыкнула в ответ, смотря на то, как удивленно распахнулись его глаза. – Но я же позволяю тебе это делать и не задаю вопросов, ответы на которые ты пока либо не готов дать, либо не хочешь.

– Так просто говоришь об этом, зная, что я...

– Теперь ты тоже знаешь, что и я, – подмигнула ему в ответ, надевая поверх рубахи свою куртку. – Кто пришел? – сменив тему разговора, спросила я.

– Нам нужно будет поговорить, – очень серьезно сказал он, не спеша уходить от затронутой вскользь темы.

– Потом, – легко отмахнулась я, – так кто пришел?

– Мой отец и остальные члены Совета, должно быть, речь пойдет о принцессе.

– Мне можно присутствовать? – Конечно, было бы хорошо, если бы он согласился, потому как послушать я могу и «неофициально», правда, понять ничего не пойму, но хоть ауры их посмотрю.

Брэйдан ответил не сразу, о чем-то задумавшись, он некоторое время просто буравил меня пристальным взглядом. Но уже спустя всего минуту коротко кивнул в знак согласия.

Я шла за ним по довольно широкой и крутой лестнице. Спускаясь вниз, практически не обращала внимания на окружающее пространство. В голове кружились мысли, и крепло осознание того, что мое истинное предназначение в этом путешествии несоизмеримо далеко от миссии защитника принцессы. Сэ'Паи не отправил бы меня сюда просто потому, что он опасался, доберется ли Йола до пункта назначения живой и невредимой. Но это было понятно с самого начала. Вот только какую судьбу сумел разглядеть мой учитель в сплетенных нитях решений и последствий. Я пришла в эти земли добровольно, я женщина, пусть и не человек, но что же дальше? Что потребуется от меня, чтобы помочь этим людям? Что буду готова отдать ради них? Думаю, что Брэйдан понимает истинное мое положение ничуть не хуже. Но не спешит говорить об этом. Неужели моя жертва должна быть таковой, что он боится заговорить со мной об этом? Почему не скажет суть?

Что такое это пророчество? Даосцы отрицают саму вероятность того, что кому-то дано предвидеть будущее. Есть законы бытия, есть следствия и поступки, приводящие к ним. Бывает так, что и среди людей рождаются такие, кто способен чувствовать мир более тонко, ощущать и прислушиваться к изменениям в нем. Обычно их зовут «ясновидящими» или «провидцами». Но то, что им удалось увидеть что-то или почувствовать, вовсе не означает, что события будут развиваться именно так. Будущее нигде не записано, но изменить его, приняв однажды решение и запустив цепь событий, невероятно сложно. Каково было решение, которое привело меня в Северные земли? Произошло ли оно недавно или многие годы назад? И что в итоге ожидает меня...

Ступая вслед за любимым человеком, я не испытывала ни гнева, потому что он хранит свои тайны, ни страха перед грядущим. Злиться или перестать ему доверять означало просто отказаться от него. Разве могла я так с ним поступить после всего, что между нами произошло? Нет, я не могла. Страх – всегда ведет туда, откуда возврата нет. Он разрушает, заставляет сомневаться и совершать ошибки. Пока я просто

подожду, когда Брэйдан будет готов поговорить со мной. Когда он сумеет преодолеть свои сомнения и сможет поверить мне так, как я доверяю ему. Хотя я ведь тоже храню свои секреты от него, разве нет? Каждое мыслящее существо имеет право на свое внутреннее пространство, и, требуя полной откровенности или доверия от кого-то, все, что сможешь получить – это ложь. Я говорю ровно столько, сколько нужно ему знать. Ни больше, ни меньше. Что удивительно, при моем-то воспитании, я еще даже не соврала ни разу... ну, почти... по-крупному – ни разу!

Когда мы спустились вниз, Брэйдан попросил меня подождать его внутри дома, пока он встретит гостей и проводит их сюда. Я не возражала. То, что он собирался предупредить их о моем присутствии, было и так понятно, то, что хотел ответить на некоторые вопросы без меня – тоже.

Когда он ушел, мне в голову пришла мысль, которая всегда вселяла в меня уверенность: «Я всегда могу уйти!» Что бы ни произошло, я всегда смогу выбрать. Никто не сможет заставить меня, только я сама...

Некоторое время назад.

Дворец Солнца. Каишим

Дворец Солнца, несмотря на свое название, просыпался еще задолго до рассвета. Слуги вставали затемно, чтобы начать приготовления завтрака для господ, уборку, стирку, одним словом, всего того, чтобы с приходом нового дня обитатели дворца не чувствовали никакого дискомфорта. Забота об императорской семье – это честь, выпадающая не каждому. Она незавидна, потому как люди, служащие во дворце, целиком и полностью посвящают себя Императору, отдавая ему свои силы, лучшие годы жизни, здоровье, но в то же время эта судьба является благословением свыше. Посвятить себя Императору все равно, что отдать свою душу Богам, и в следующей жизни непременно каждому слуге Императора будет дарована совсем иная, лучшая, судьба...

Но в этот день царило оживление куда большее, чем обычно. Ведь у младшей дочери Императора наступало первое совершеннолетие. Это был праздник, когда маленькая девочка превращалась в девушку. Для Иолы первое совершеннолетие случилось в возрасте тринадцати

лет. По этому случаю дворец словно расцвел. Слуги еще с вечера украшали интерьеры едва распустившимися цветами, съезжались со всей страны гости из лучших семей Аира, передавали в дар принцессе дорогие подарки.

Иола проснулась в день торжеств вместе со слугами, когда за окном еще царила ночь. Девочка ждала этого дня, ожидая своим маленьким сердечком чего-то невероятного, того, что изменит ее жизнь. Стоило маленьким босым ножкам коснуться пола, как двери в покои принцессы распахнулись, пропуская внутрь стайку юных служанок, что были примерно одного возраста с наследницей. Девушки спешили помочь молодой госпоже принять ванну, убрать волосы в сложную, уже не детскую прическу. Лучшие мастера Аира изготовили по случаю торжеств специальные гребни и заколки. Одна из служанок внесла в покои принцессы кимоно, которое готовили к этому дню несколько лет, подбирая лучший шелк и вышивку.

Сердце принцессы радостно сжалось в груди, предвкушая момент, когда все смогут увидеть ее в нем. Когда придворные, братья и отец увидят, какой прекрасной девушкой она стала.

– Ель, – воскликнула девушка, обращаясь к служанке, что бережно держала наряд принцессы. – Как ты думаешь, теперь я самая красивая девушка при дворе?

– Конечно, госпожа, ваша красота подобна едва раскрывшемуся бутону королевского цветка, – ответила служанка слегка смущенно, потому как впервые ей приходилось говорить комплимент, достойный девушки, а не девочки.

– Ммм, – довольно зажмурилась Иола, в то время как две девушки уже начали причесывать ее волосы.

Сегодня ей впервые позволят воспользоваться румянами, впервые выбелят ее кожу умирскими белилами, накрасят пушистые ресницы тушью, а губы ощутят прикосновение кисточки, которой наносят на бледную кожу яркую помаду. Она мечтала об этом дне, искренне завидуя девушкам и женщинам, что могли позволить себе изысканные прически и украшения, дорогие кимоно, расшитые лучшими мастерицами Империи. Пока она была маленькой принцессой, то носила простую косу, заколотую на затылке, кимоно светлых и неброских тонов. Сегодня же у нее было ярко-алое одеяние, расшитое золотыми и изумрудными нитями, ее отец прислал ей необыкновенную

пару нефритовых гребней. Она чувствовала, что сегодня – особенный день, невероятный и волшебный. День, который сумеет изменить всю ее жизнь...

Основные торжества происходили во внутреннем саду дворца, том, который рассказывал об Императорской семье лучше любых слов, конечно же большая часть цветов были высажены скорее для порядка, нежели действительно отражали сущность правителя. Но об этом вслух никто и никогда не говорил.

Вся церемонии чествования принцессы самой Иоле казалась безмерно скучной. Все речи были давно заучены придворными, все ответы отца предсказуемы и формальны. Сама же Иола сидела, замерев, словно каменное изваяние. Впервые ей приходилось вести себя, как придворной даме, а не ребенку, выросшему во дворце. Ее взгляд был опущен, лицо сохраняло невозмутимое выражение, спина и ноги давно затекли, и она уже практически не чувствовала собственного тела. Все было вовсе не так, как она себе представляла. Хотя она и знала, как будет происходить церемония, готовилась к ней ни одну неделю, но все же ожидала другого. Девушка ждала этого дня, думая о том, как станет центром всеобщего внимания, но сейчас ощущала себя нарядным чучелом, которое никто и не думает замечать.

Отец и братья восседали на постаменте, делающим их положение гораздо выше, чем людей, что пришли поздравить принцессу. Сама же Иола сидела на небольшой подушечке, на земле.

«Словно собачонка!» – думала она.

Сейчас девушка злилась. Она и сама не понимала, что так злит ее. Ведь она знала, как будут расположены гости, знала, что отец и принцы займут центральное место. Но думала она: это ведь ее праздник! Она все равно будет в центре внимания, вот только до сих пор ни один придворный ее даже взглядом не наградил. Все следили за отцом, все внимали его речам и поздравляли тоже только его!

Это был день, когда Иола на собственном опыте поняла, что означает быть не девочкой, а девушкой в Аире. День, когда судьба впервые ударила ее изящным веером по слишком смелым мыслям. В этот же день она поняла, что то красивое кимоно, гребни и украшения, что подарил ей отец, – это единственная обертка, яркая и блестящая, которая хоть немного выделяет ее из толпы. Что ни один человек не

видит ее самой, и чтобы никто не забывал, что она все же принцесса, и она присутствует, необходимо надевать яркие вещи. Она должна быть заметной, чтобы не проходили придворные мимо, не выказав хоть какого-то уважения, чтобы помнили, что она есть. Вот только неужели она сама об этом однажды забудет?

Этим же вечером Император своим указом перевел покои дочери в закрытую женскую часть дворца. Тогда же Иола почувствовала себя так, словно за ней захлопнулась изящная витая дверца клетки.

Первая любовь врывается в наши сердца, не спрашивая на то дозволения. Словно игривый весенний ветерок, распахивает она створки сердца, превращаясь в порывистый и безудержный вихрь. Она увидела Со Вона, когда ей исполнилось четырнадцать лет. Увидела случайно, вовсе не рассчитывая на то, что заметит нового стражника отца. Но случилось так, что именно он был тем самым ветерком, распахнувшим створки ее молодого сердечка. Он казался ей всем, даже больше. Она смотрела на него, ловя каждое его движение, с замиранием сердца вслушивалась в интонации его голоса. Все доводы разума о том, что он всего лишь раб, не имели ровным счетом никакого значения.

«Разве важно это, если любишь? – думала она всякий раз, когда ее ум пытался возобладать над чувствами. «Нет!» – отвечала она сама себе.

Однажды, когда казалось, что ее чувство заполнило ее всю изнутри и вот-вот перельется через край, затопив собой сознание, Иола отважилась сделать первый шаг. Она понимала, что такое поведение нарушит множество запретов и правил, которые окружали ее с рождения. Она прекрасно осознавала, что таким образом поставит под угрозу собственную репутацию. Но чего она никак не желала осознавать и принимать, так это того, что ее чувство может оказаться невзаимным. Как и то, что своим поступком она поставит под угрозу жизнь любимого человека. Со Вон был раб, всего лишь собственность Императорской семьи. Быть может, юная принцесса и не думала осознанно так о нем, но и не заботилась о его жизни, как могла бы делать это о равном по положению человеку. А может, все было еще проще, ведь она была так молода, и с присущим юному сердцу максимализмом полагала, что нет ничего невозможного...

Их встречу она планировала несколько недель. Девушка никогда не была глупой и чувствовала себя в хитросплетении дворцовых правил и интриг, как рыба в воде. Она знала расписание каждого придворного, не потому, что специально отслеживала и наблюдала за ними, просто каждый обитатель дворца так жил, строя свою жизнь в соответствии со строгим расписанием и канонами, утвержденными многими столетиями существования Империи.

Молодой стражник, выпускник школы Ю Хэ, возвращался в казармы после того, как была сдана его смена. Он каждый раз проделывал этот путь по одному и тому же маршруту. Это была узкая тропа, пересекающая внутренний сад дворца. Она петляла сквозь густые заросли кустарников, делая дорогу еще более длинной, но делая присутствие самого стражника незаметным и неназойливым для окружающих. Хоть и царилась ночь вокруг и досаждал в такой час было просто некому, но правила оставались неизменными и приходилось пробираться к долгожданному отдыху путаными тропами дворцового сада. В воздухе удушающе пахло жасмином, полная луна путалась в темных облаках, словно стараясь укрыться толстым одеялом от посторонних глаз. Со Вон едва мог различить очертания собственных ног, что неслышно ступали на влажную с вечера траву. Сегодня был тяжелый день. Нет, во дворце все было мирно и спокойно, но сейчас молодой человек переживал больше из-за того, что многое, о чем он мечтал, будучи учеником, так и осталось его мечтами. Учась в Ю Хэ, ежедневно тренируясь с мыслями о том, что он делает это для блага Императора и его семьи, ему казалось, что правитель – это существо, спустившееся с небес, необыкновенно мудрое и благородное. Со Вон был впечатлительным юношей, часто воздвигающим для себя идеалы и образы, которые в конечном счете редко соответствовали действительности. То же было и с семьей Императора. Будучи учеником, он полагал, что не только Император, но и его дети – люди, отмеченные Богами. Но с каждым днем он разочаровывался все больше. Император оказался довольно жестоким и беспринципным человеком, его старший сын погряз в пьянстве и развлечениях в домах Порхающих, средний был любителем составить компанию старшему брату, младший практически не покидал своих покоев по причине слабого здоровья. Оставалась еще дочь, но, если быть до конца откровенным, она казалась юноше пустой и неинтересной. Он не

видел ее ни как женщину, ни как человека. Эти мысли самому юноше казались преступными, но в то же время он успокаивал себя тем, что это всего лишь мысли. Ведь ничего нет страшного в том, что он вот так рассуждает наедине с самим собой?

– Со Вон, – неожиданно произнесенное имя стражника заставило юношу испуганно замереть и, обнажив меч, обернуться в сторону, откуда донеслось его имя.

– Кто здесь? – очень четко сказал он, всматриваясь в темноту.

Вскоре послышался шорох раздвигаемых ветвей густо растущего кустарника и нетвердая поступь маленьких женских ножек.

– Это я, Со Вон. – Только сейчас стражнику удалось понять, кто столь неосторожно окликнул его. И стоило ему разглядеть в свете несмело вышедшей на небосвод луны силуэт принцессы Аира, как он тут же опустился на колени, отбрасывая в сторону меч.

– Госпожа, – прошептал он, складывая перед собой руки и склоняясь в глубоком поклоне.

– Поднимись, Со Вон, – тихо прошептала принцесса. – Я хочу кое-что сказать тебе.

– Как я смею, – пробормотал стражник, отчаянно борясь с мыслью о том, чем может для него обернуться подобная встреча в ночном саду.

– Я говорю тебе подняться, почему не слушаешь меня? – в голосе Иолы читалось ничем не прикрытое негодование. В то время как сам Со Вон, решив не искушать судьбу, медленно поднялся с колен.

– Вот, – сказал принцесса, протягивая стражнику маленькую трубочку, обернутую в шелковую тряпицу.

– Что это? – спросил он.

– Почему спрашиваешь, если я даю тебе то, ты должен взять, – негодования в голосе Иолы лишь прибавилось, потому Со Вон, не думая больше, быстро протянул руку и принял то, что приготовила для него его госпожа.

Иола казалась разочарованной, не так она себе представляла их встречу.

«Но первый раз, пусть он будет таким, – думала она, спеша по темным тропкам в свои покои. – Зато, когда он прочитает ее письмо, когда узнает о ее чувствах, то будет встречать ее иначе!»

– Что-то произошло? Почему ты задержался? – встретил старший стражник задержавшегося со смены подопечного.

– Нет, все хорошо, просто очень темно, и приходилось идти медленнее обычного.

– Ясно, ступай к себе, – сказал стражник, но вдруг, подумав о чем-то, вновь обратился к подопечному: – Сэй Лум сегодня получил травму на тренировках.

– Что? Это серьезно? – обеспокоенно отозвался Со Вон, не спеша возвращаться в казармы.

– Не волнуйся, с твоим братом все в порядке, но сегодня он пропустит смену у ворот, потому мне придется сделать вычет.

– Начальник, – обратился Со Вон, скрывая волнение в голосе. – Не надо, я заменю брата, разрешите? – глубоко поклонившись, сказал он.

– Но утром тебе придется опять вернуться на пост во дворце?

– Я справлюсь, начальник.

– Как ваша мать? – неожиданно спросил начальник стражи, вместо того чтобы дать свое согласие.

– Для нас важна каждая монета, – ответил Со Вон, все еще не поднимая головы.

– Хорошо, – кивнул его словам начальник стражи, тяжело вздохнув. – Переодевайся и ступай на пост.

Переодевшись в форму, молодой стражник переложил сверток, что дала ему принцесса, в карман куртки, после чего отправился на пост.

Письмо. Простое письмо, где Йола писала о своих чувствах к Со Вону, где она говорила о их любви и возможном будущем, давая полет фантазии и сердцу, так и не было прочитано молодым стражем. Он обронил его, возвращаясь со смены, которую отстоял у ворот, подменяя брата. В тот момент мысли молодого человека были весьма далеки, и все переживания, которым находилась отклик в сердце, были посвящены матери, которую они с братом не видели очень давно, но все же чувствовали тягостную ношу ответственности за семью. Как и многие ученики Ю Хэ, Со Вон родился в малообеспеченной семье. То, что ему удалось закончить обучение при монастыре, было огромным везением, с точки зрения малообеспеченного населения Аира. Это было нормальной практикой среди бедняков: отдать на попечение

монастыря нескольких детей. Чего таить, рассуждения таких родителей были просты: в Ю Хэ их дети не умрут от голода. Хоть Со Вон и был таким вот отданным на воспитание в монастырь ребенком, но ни он, ни его брат никогда не забывали о настоящих родителях. Стараясь выделить пусть и совершенно крошечную сумму из своего символического жалованья на нужды семьи. Последнее время было тяжелее всего. Родная мать Со Вона сильно болела, младшие сестры вступали в ту пору взросления, когда следовало заботиться не только об их пропитании, но и вести переговоры о предстоящем браке. Если он и его брат позволят погрязнуть семье в долгах, то для девушек его семьи будет уготована одна определенная незавидная судьба: «Дом Порхающих» – всегда открыт для тех, кто желает погасить долг перед Империей.

Именно поэтому он не мог позволить пропасть оплачиваемой смене брата. Наверное, погруженный в круговорот собственных мыслей и переживаний о судьбе родных, он не заметил, как крошечный сверток выпал из его кармана куртки, и того, кем он был поднят...

Маленькое письмо, написанное о самом сокровенном чувстве, случайно оброненное уставшим юношей, перечеркнуло жизнь одной семьи. Казнь состоялась быстро, без лишнего шума и привлечения ненужного внимания, поскольку дело касалось Императорской семьи. Сестры, о которых так заботился молодой стражник, так и не вышли замуж... единственный, кто смог избежать открытого наказания, был Сэй Лум. Но случилось это отнюдь не потому, что Император проявил мягкосердечие. Просто пожилой монах, бессменный настоятель Ю Хэ, еще пятнадцать лет назад даровал этим детям разные имена и не связанные кровью судьбы. Ке Паль всегда делал так, если в его монастырь попадали родственники. Слишком долго проживший в Империи и многое видевший на своем веку, он прекрасно знал, как может пойти в расход одна семья из-за ошибки одного из ее членов. Потому он неустанно говорил, что всякий вошедший в ворота Ю Хэ остается один на один со своей судьбой, как же правдивы оказались его слова.

– Отец, – несмело сказала принцесса, переступив порог личных покоев Императора. – Я...

– Ты сделала все, что могла, – очень тихо отозвался он, поднимая взгляд от просматриваемых документов.

Несмотря на поздний час, Император был облачен в формальное одеяния, в котором он обычно вел прием находившихся в его услужении чиновников.

Хоть Иола и была юной, но не глупой. Во всяком случае, читать подобные жесты она могла. То, что отец позвал ее в такой час и принимал в подобном облачении, не могло сулить ей ничего хорошего.

– Знаешь, что бы тебя ждало, не будь ты моей дочерью? – все еще очень тихо поинтересовался мужчина, проводя рукой по тонким усикам и бородке, что мерно покачивались в такт его словам.

Только сейчас юная принцесса заметила, как трясутся ее пальцы. Иола не знала о том, что случилось по вине ее неосторожного признания. Слишком быстро и тихо все решили, даже слухи не успели еще поползти по дворцу. Но непонятная тревога разрасталась с каждой секундой все сильнее, заставляя принцессу тяжело дышать и лихорадочно перебирать варианты, что могло послужить появлению такого предчувствия.

– Я не понимаю, – заикаясь и отчего-то теряя силу в собственном голосе, прошептала она.

– Это освежит воспоминания? – спросил Император, вопросительно изогнув бровь и бросая на середину стола трубочку, обернутую в шелковую тряпочку малинового цвета.

Несмотря на то что сейчас ее послание было перемазано в чем-то буром и сером, Иола не могла не узнать собственное письмо. Холодный пот выступил на ее спине, заставляя девушку дрожать уже всем телом. Осознание того, что она раскрыта, пришло незамедлительно. Но что на самом деле больше всего ее напугало в этот момент, было то, что она в первую очередь подумала именно о себе! Что будет с ней? И только спустя несколько секунд она вспомнила о том, кому отдала это письмо. Эта мысль напугала ее еще больше. Разве не правильно было бы волноваться за него, а потом уже думать о себе? Разве не жертвуем мы любя? И почему сейчас она чувствует себя так, словно предала их чувство?

– Император, – выдохнула она, падая на колени и склоняясь перед отцом в глубоком поклоне. – Простите меня! Это только моя вина! Пожалуйста...

– Все было кончено еще на рассвете, – бесстрастно сказал он, поднимаясь из-за стола и подходя ближе к принцессе. – Вот, – маленькая малиновая трубочка упала на пол, – на ней его кровь. Забери это и запомни, к чему приводят поступки и мысли, которым не должно быть места в твоей голове.

Все еще дрожащими пальцами она несмело коснулась маленького свертка. Сейчас ей казалось, что она берет в руки не письмо, а нечто куда большее. Малиново-бурая тряпица, обернувшая собой ее чувства, это было единственное, что теперь у нее осталось, что она так старалась донести до того, кого любила...

Несмело ее ладонь сжалась на маленькой трубочке свернутого послания, но стоило пальцам сжаться, она поняла, что уже не отпустит его. Что будет хранить его, что это будет тем, что позволит ей стать сильнее. Что однажды она сможет, чего бы ей это ни стоило, но она сумеет стать свободной. И...

– Ты должна знать еще кое-что, – холодно сказал отец. – Договоренность о твоём браке подтверждена.

– Что?

– Скоро ты выйдешь замуж и отправишься в другую страну, я хочу, чтобы до того момента ты не создавала проблем – ясно тебе?

Иола ничего не ответила на слова отца, лишь коротко кивнула. На нетвердых ногах добралась она до своих покоев и только тогда поняла, что ее щеки холодят влажные дорожки из слез.

В тот день многое изменилось в жизни маленькой принцессы. Нет, она не стала совершенно другим человеком, просто приняла правила, по которым стоит играть за стенами дворца. Иола поняла, что пока она находится в Каишим, ей не по силам изменить свое положение, и она должна ждать. Она верила, что если чего-то сильно хотеть, то судьба непременно предоставит шанс. Она молила Богов о таком шансе, который позволит ей не просто вырваться из той клетки, в которой было суждено родиться, но и изменить уготованную судьбу. Все те годы в ожидании предначертанного брака она хранила память о своем страже. Время шло, раны на сердце затягивались, не болели, как прежде, причиняя ощутимую боль при каждом вздохе. Прошла боль, но пришло понимание того, что придется быть готовой, если не на всё, то на многое. Не стоит обманываться, говоря, что все, что она делала, было в память о потерянной любви. Это было не так. Все, что

предстояло свершить, было только ради одного человека – и она была тем самым, ради которого готова была идти до конца. Много раз она думала, что родилась не в том месте и не в то время. Не готова она была принять судьбу женщины Каишим. Сколько бы ни говорили ее учителя, что в предназначении женщины есть только радость и счастье, она не верила ни единому их слову! Почему ее старший брат, пьющий сойтэ каждый день, лучше нее? Почему ее младший больной брат заслуживает больше прав, чем она, умная и сильная? Была ли в этом хоть толика здравого смысла? Если первое время она еще пыталась бороться с собой, уговаривая себя, что она не права, что именно так распорядились Боги. То уже спустя несколько лет из боязливого ребенка, наивно верящего, что она виновата в том, что не может быть такой, как все, вырос расчетливый хищник, который уже совершенно точно знал свою цель и был готов начать охоту. Быть может, Йола и сама плохо осознавала, как она изменилась. Девушке казалось, что по мере взросления она всего лишь становилась более уверенной в собственных силах. Но, если бы можно было заглянуть глубже, постараться разглядеть, как изменилось ее сердце за прошедшие годы, то многое бы стало выглядеть иначе. Когда она пришла к мысли, что ее жизнь и благополучие важнее всего и ради своих целей следует идти до конца, думаю, именно тогда произошел перелом. Ведь изначально она была права, разве нет? Ведь каждый человек стремится достичь большего в этой жизни, осуществить свои мечты, устроиться в жизни так, чтобы это устраивало его в первую очередь. К этому стремилась и она. Но между тем, к чему она тянулась, и к чему пришла, была незримая грань, переступив черту которой, возврата уже больше не было.

– Ты же помнишь о землях, что оставила тебе мать в качестве приданого? – Тема разговора, которую поднял отец Йола этим студеным зимним вечером, пригласив ее на аудиенцию в свои покои, была ей понятна. Она ждала этого разговора и готовилась к нему. Но все же до сих пор не пришла к единому решению по данному вопросу.

– Да, отец, – сказала она, глубоко поклонившись Императору, отчего бусинки на гребнях в ее волосах отозвались негромким перезвоном.

– Твой будущий муж – иностранец, как ты понимаешь, по закону я не могу отдать тебе приданое в качестве земли Аира.

– Да, – ответила она, все так же не поднимая глаз на отца.

– Но и отпустить тебя ни с чем тоже не могу. Я предлагаю тебе переписать этот Материнский залог^[86] на брата, то есть уступить право наследования в пользу будущих дочерей твоих братьев, если таковые, конечно, появятся, – брезгливо поморщившись, сказал он.

В этот момент маленькая принцесса поняла одну непростую для себя вещь. Только что от нее отказался собственный отец. Что значит отказаться от Материнского залога – фактически стать безродной крестьянкой или вмиг потерявшей свою ценность вещью. И сейчас ее отец ставил ее в известность о своих намереньях, ни на миг не сомневаясь в том, что Иола согласится. И дело было в том, что если она откажется и однажды у нее родится дочь, то она сможет передать ей свой материнский залог. Пусть фактически женщина не имеет прав на использование своей собственности, но этим правом может обладать ее будущий супруг.

Император очень хорошо понимал это. Если его предполагаемую внучку отдадут в жены кому-то из членов влиятельных семей Аира, то такой союз получит в свое распоряжение не только внушительных размеров земельный участок, но и право бороться за власть и участие в политической жизни страны. А если за спиной у такой вот наследницы будет стоять целое государство с необыкновенным магическим потенциалом, то исход борьбы будет предрешен полностью на основаниях закона и без лишнего кровопролития. Своеобразная лазейка в законе, когда рожденный Иолой сын не смог бы претендовать ни на что, но вот если бы у нее родилась дочь, то дальше эту партию можно было бы разыграть с куда меньшими затратами, без кровопролития и войны, с полным одобрением народа. Оставалось лишь избавиться от наследников первой очереди и родить подходящего наследника уже его внучке.

– Ну что, подпишешь?

Иола позволила себе выдержать небольшую паузу, прежде чем поднять взгляд на отца и сказать:

– Нет, – коротко, четко и очень решительно.

– Что? – от испытанного изумления Император лишился дара речи.

– Не подпишу.

Казалось, только сейчас отец принцессы полностью осознал сказанные ею слова. С силой сжав кулаки, он немного наклонился вперед и буквально прошипел следующие слова:

– Почему отказываешь, когда просит отец?

– Почему бы и нет? – тихо ответила она, распахивая веер и кладя его к себе на колени, говоря тем самым, что готова говорить открыто.

– Чего ты добиваешься?

– Всего лишь выживаю, отец.

– Уверена, что такое решение поможет тебе выжить? А не наоборот? – зло прищурился глаза, спросил император, беря себя в руки и готовясь к тому, что в итоге потребует от него дочь.

– Да, я знаю, что так и будет.

– На кону благополучие Империи...

– На моем кону лишь мое благополучие и моя жизнь. В день, когда я отправлюсь в чужеземные страны, Аир забудет обо мне, как и мой отец. Я останусь совершенно одна, и некому будет позаботиться обо мне, кроме меня самой. Я давно поняла, что ценность женщины не в том, какой она человек, а в том, сколько стоит ее кимоно, разве не этому меня учили с детства? Я и впредь хочу носить дорогое кимоно, отец, и мне абсолютно все равно, во сколько мне это обойдется.

– Как ты смеешь?!

– Я ведь ценная ваза, принадлежащая уже не вам, отец, потому я не боюсь. Вы не посмеете разбить чужое, зная, какой будет цена за причиненный ущерб.

– В будущем это может стоить мне еще большей цены, чем сейчас.

– Именно поэтому я предлагаю нам прийти к соглашению, которое устроит обоих.

– К какому же?

– Если сделаете все так, как я попрошу, то спустя пять лет после моего отъезда – я дам вам то, что вы хотите.

– И я должен поверить тебе на слово?

– Конечно нет, мы заключим договор...

– С тобой? – усмехнулся Император, глядя сверху вниз на собственную дочь.

– Да, со мной.

– Такой договор, моя милая дочь, не будет иметь силы, ты же понимаешь это?

– Да, если мы оформим его как юридическую сделку, но если пойдем по пути, не менее почитаемому в нашей стране, то он будет обязательным к исполнению.

– Какому же? – Император продолжал говорить, в то время как в душе разливалась ни с чем не сравнимая тоска. Если бы этот ребенок был мальчиком, он мог бы умереть спокойно. Если бы хоть толика такого стремления была в его сыновьях...

– Мы заключим соглашение в Храме Солнца, ты же понимаешь, для общественности оно будет иметь равную правовую силу.

– Так ты понимаешь, почему я добиваюсь твоего отказа?

– Конечно. И я даю вам ту гарантию, какую могу себе позволить.

– Что ты хочешь взамен?

– Не так и много, – сказала Иола, кладя перед отцом небольшую трубочку свернутой бумаги. – Это все, что мне необходимо.

Император, не тратя времени даром, взял предложенный листочек бумаги, аккуратно развернул его, готовясь прочитать то, что желала его дочь. Но то, что он увидел, вывело его из равновесия.

– Ты спятила? Ты хотя бы примерно представляешь, что это за сумма?

– Да, мне вполне хватит, – коротко кивнула она, вновь поднимая взор на отца. – Я не взяла сумму с потолка, отец. Вы и сами знаете, что цена несколько занижена.

– Занижена? Занижена?! – все больше распалялся он, сотрясая кусочком бумаги в воздухе.

– В сравнении с возможными проблемами – это практически даром.

– Может, мне просто легче избавиться от тебя? А?

– Может быть... Хотя нет. Если бы было так, то разговора бы не было, не так ли?

В тот вечер маленькая принцесса на дрожащих ногах возвращалась в свои покои. Так страшно и горько ей давно не было. Она никогда не видела отца таким. Никогда не думала, что столько ненависти, гнева, злости может быть на дне человеческих глаз, обращенных к собственному ребенку. Пусть она и знала, что будет непросто, но...

– Он согласился, на остальное плевать, – прошипела она в темноту. – Будет легче, если думать о нем так же, как он думает обо мне? Определенно мне станет легче...

После того, как соглашение между отцом и дочерью было засвидетельствовано шестью монахами Храма Солнца, Иола получила оговоренную сумму, в то время как Император имел на руках свидетельство того, что его дочь, по истечении срока в пять лет, передает права на свой Материнский залог будущим потомкам старшего и среднего братьев.

В этот момент каждый из них испытывал определенную долю облегчения. Каждый, отец и дочь, сделали шаг на пути к собственной цели, который разделил их еще больше. Иола знала: назад пути не будет. Теперь она сама обозначила, что больше не нуждается в Императоре, и то, что скорая разлука отнимет у нее отца и семью, она принимает не сожалея.

Стоя во внутреннем саду дворца, среди занесенных снежной пеленой растений и деревьев, Император смотрел на свою юную дочь и впервые не знал, что должен сказать. Он смотрел на нее, осознавая, что сейчас видит в ней не вещь, нет, он видит человека, которого готов уважать. Вот только Иола смотрела на него, как на пустое место, ничего не значащее и бессмысленное. Казалось, сегодня они словно поменялись местами, взглянув друг на друга так, как привыкли, что смотрят на них.

– Спасибо тебе, – наконец сказал Император, подходя ближе к дочери и видя, как толика изумления проскользнула в ее взгляде.

– Вы благодарите меня? – спросила она, смотря на отца из-под опущенных ресниц. – Тогда и я скажу вам, что благодарна.

– Я благодарю тебя за урок, за что говоришь спасибо ты?

– За то, что теперь я одна... – сказала она, низко поклонившись отцу, спросив изволения уйти. И несмело ступая по рыхлому снегу, отправилась ко входу во дворец.

Шло время, сезон сменялся сезоном, цикл циклом, мгновения убегали сквозь пальцы, словно речной песок. Иола росла, все больше замыкаясь в себе, все тщательнее отгораживаясь от окружающих. Самой себе она напоминала призрака, который живет за стенами дворца. Каждый раз, когда ей становилось одиноко, когда тоска была

такой, что хотелось выть в голос, она напоминала себе, что скоро все изменится. Что она сделает все от себя зависящее, чтобы это было так. Иногда она представляла, что сейчас она просто спит. Ее жизнь это сон, что она совсем маленькая девочка, уснула после прогулки в своей кровати, что все происходящее всего лишь сон. Скоро она проснется, и жизнь вновь обретет краски. Ее безграничное одиночество в стенах дворца закончится, постылые стены исчезнут, как и люди, что продолжают смотреть сквозь нее. И она вновь сможет начать жить, как когда-то, когда еще не понимала, что значит быть вещью, которую похоронили задолго до того момента, как выкинули...

Это был простой день. Не было в нем ничего примечательного, всего лишь обычный день, когда жизнь принцессы приняла крутой поворот и подарила надежду. Нельзя сказать, что она воспользовалась своим шансом потому, что желала зла кому-то. Вовсе нет, просто другого шанса судьба не давала ей. Не разложила жизнь карты так, чтобы предоставить ей выбор, а дала всего одну, которая могла помочь обрести желаемое.

Она вернулась в свои покои сразу после ужина в женской половине дворца. Все было, как обычно. Женщины обсуждали вышивку, стихи и новые события в мире литературы. Говорили о музыке, но поскольку мало кто из присутствующих действительно испытывал страсть к искусству, разговоры были скучны и предсказуемы до такой степени, что принцесса знала, на какой минуте беседы должна возразить, а на какой согласиться, даже не вслушиваясь в обсуждения. Зачем? Она помнила их наизусть, менялись только имена авторов и исполнителей.

Как всегда, в ее покои за ней последовали и верные служанки, призванные помочь принцессе облачиться ко сну. Как всегда, Лу Чан занималась ее волосами, Ха Рэй развязывала широкий пояс кимоно, Тэ Мен подносила ночную рубашку, Сэ И готовила воду для умывания, каждая из присутствующих занималась этим день ото дня, соблюдая процедуру в точности до мелочей. Но никогда прежде Йола не чувствовала такой острой тошноты от происходящего. Ее в буквальном смысле мутило от одного взгляда на прислуживающих ей людей.

– Пошли прочь, – сквозь зубы процедила она, когда водопад из темных распущенных волос упал ей на плечи.

– Госпожа, но мы... – попыталась возразить Сэ И.

– Вон, сказала! Пошли вон!

Стайка служанок, в этот раз без всяких возражений, выпорхнула из комнаты принцессы, плотно притворив за собою дверь.

Комната погрузилась в темноту, которую едва разгоняли зажженные на столе свечи. Иола стояла посреди комнаты, ее волосы были распущены и спадали почти до пояса, кимоно расстегнуто лишь наполовину, от того длинный широкий пояс напоминал своеобразные крылья, которые опустила уставшая птица.

– Как я ненавижу все это, – прошептала она, всматриваясь в темноту. – Как устала быть никем...

– Тогда стань той, кем желаешь больше всего, – чуть хриплым мужской голос со странным акцентом разрезал тишину, заставляя принцессу испуганно вздрогнуть и обернуться вокруг себя, выискивая в темноте того, кто посмел здесь оказаться.

– Кто здесь? – сказала она, отчего-то даже не пытаясь кричать. На краю сознания проскользнула мысль, что, если пришли ее убить? Вдруг отец передумал и со свадьбой и с деньгами, что, если он просто решил избавиться от нее? И вот тогда она неожиданно поняла, что это будет не так уж страшно... Да, эта мысль пришла неожиданно и необыкновенно четким образом, ворвалась в ее сознание. Разве это может быть хуже того, что она уже имеет?

Возможно, кому-то показалось бы, что ей грех жаловаться. Она жила в богатстве и роскоши, не знала ни голода, ни холода открытого неба над головой. Это было так. Но, чтобы все это иметь, она и платила достаточно, изображая роль молчаливой куклы, день ото дня облачающейся в неудобные одежды и обувь, просиживая на приемах словно статуя, не шевелясь и не говоря, изображала она фарфоровую статуэтку. Мало кто знал, что одно ее полное облачение, с украшениями и обувью, весило как десятилетний ребенок. Что она тоже человек, и у нее тоже иногда что-то болит, но разве это кого-нибудь волновало, если речь шла об официальном приеме или ритуале в храме. Если ей говорили стоять и молчать, то она должна была делать именно это. И не важно, что в храме нечем дышать, что от нанесенного на нежную кожу макияжа она невыносимо зудит, что на неустойчивой платформе ее обуви очень сложно удержать равновесие, когда на голове высокая прическа, заколотая множеством заколок и

гребней, а само кимоно состоит из шести слоев, и жарко в нем так, что темнеет в глазах. Ничто не имело значения, кроме лживого предназначения. Она не хотела знать, как живут другие! Она не хотела так жить сама!

– Меня зовут Ингвер, – все так же спокойно отозвался мужчина, подходя ближе к Иоле так, что его лицо можно было отчетливо разглядеть в скупом свете зажженных свечей. – И, думаю, нам есть о чем поговорить и что предложить друг другу...

Сейчас, всматриваясь в предрассветную хмарь севера, Иола думала, что то соглашение не принесло ей по сути ничего. Ингвер говорил тогда, что если она выполнит все в точности, как он скажет, то ей будет гарантирована свобода. И что в итоге? Он не справился со своими обязательствами, был разбит и вынужден отступить. А она и вовсе оказалась в таком положении, что самой себе не позавидовала бы.

«Конечно, они не станут меня убивать. Думаю, это бессмысленно, но если раньше меня воспринимали как безобидную гусеницу, то теперь я останусь вечно подозреваемой. И что еще они приготовят для меня? Сдержат ли обещания, данные отцу? Сохраню ли я хотя бы толику своего положения, или в их власти превратить принцессу Аира в рабыню Севера. Боги, как же это страшно! Если бы этот северянин справился, был бы хотя бы небольшой шанс, а теперь... Что теперь? Не стоило с самого начала соглашаться с ним. Не стоило...»

Руки Иолы, несмотря на то что в комнате, выделенной ей Советом, было хорошо натоплено, отчаянно мерзли, потому ей постоянно приходилось растирать кончики пальцев. Она так и не смогла уснуть в эту ночь. Слишком гнетущими были мысли в ее голове.

Северяне не оставили без внимания факт ее предательства. Людям, которые сопровождали Иолу в путешествии, было запрещено входить в ее покои. Иола сильно подозревала, что они взяты под стражу. Вместо верных служанок к ней было приставлено пять женщин, очень высоких, полных и суровых на вид. Эти женщины должны были заботиться обо всем, что ей понадобится, но дело было в том, что ни одна из них не говорила по-аирски. Таким образом, суровые северянки взяли распорядок принцессы под свой контроль,

самостоятельно решая, когда ей спать, есть и прочее. К слову сказать, за три дня ей даже не предложили умыться, хотя она и пыталась просить! Но то ли тетки были не слишком сообразительны, то ли Йола плохо показывала, что ей надо, результат был один. Причесать ее тоже было некому, согласно традициям Аира, как и одеть, впрочем, потому уже второй день подряд принцесса щеголяла по своим покоям в длинном свободном сарафане, под который одевалась такая же длинная, свободного края рубаха, и со просто сплетенной косой на голове. Поскольку дамы у северян были и выше и крупнее, чем средние аирки, то фактически Йола утопала в своем наряде и при каждом шаге ей приходилось задира́ть подол.

Все в этой комнате казалось чужим, как если бы она попала в другой мир. Начиная от стен и заканчивая предметами туалета. Даже подушки, на которых она спала, были не похожи на те, к которым она привыкла. В Аире спали на маленьких прямоугольных подушечках, на севере подушки были больше и имели форму квадрата, постель стелили прямо на широкие деревянные лавки, а не на пол. Если в Каишим вещи складывались в своеобразные комоды, то здесь использовали сундуки и массивные шкафы из темного дерева. Отличия были во всем: в форме, качестве, цвете, декоре. Когда Йола жила в родном дворце, то ей казалось, что она ненавидит все, что ее окружает. Но сейчас, оказавшись в месте, где непривычно всё, начиная от формы входной двери и заканчивая кружкой со специальной ручкой для пальцев, из которой ей приходилось пить, она чувствовала себя потерянной.

– Как жить дальше, – тихо сказала она, смотря, как на горизонте появляются первые солнечные лучи нового дня.

Ответом была тишина, которая, словно лучшая подруга, шептала ей: «Решать тебе...»

Они вошли в дом довольно скоро. Признаться, я ожидала, что на разговоры уйдет куда больше времени, но то ли члены Совета оказались куда более понятливы, то ли Брэйдан сказал необходимый минимум? Я не знаю. Сейчас я стояла в самом темном углу комнаты, откуда открывался хороший вид на все внутреннее пространство гостиной и холла. Когда отворилась тяжелая дубовая дверь, я ожидала увидеть умудренных жизнью старцев, седых, с испещренными

морщинами лицами. Конечно, я помнила, что мужчины здесь не стареют, но все же при словосочетании «Совет старейшин» возникали определенные ассоциации. Но сперва вошел Брэйдан, за ним проследовал мужчина, на вид которому было уже глубоко за шестьдесят, но, несмотря на седину волос, его осанка говорила о силе, как и меч, что покоился в ножнах на поясе. Мужчина имел такой же цвет глаз, как и Брэйдан, походил он на него и чертами лица. Должно быть, это был его отец. Следом вошли уже знакомые мне Рик и Дэйм, последний держал за руку маленького мальчика лет шести... Неожиданно мне стало не по себе. Вспомнились слова Брэйдана о последнем рожденном мальчике в Аранте. И сейчас, смотря на вошедшего «ребенка», я не могла понять, как такое может быть. Этот мальчик был похож на обычного ребенка. Чуть пухлые ручки и щечки, темно-каштановые волосы и необыкновенно холодные печальные серые глаза. Его взгляд, несмотря на улыбку на лице, оставался неизменно печальным и таким проникновенным, что смотреть в них было больно на физическом уровне. Малыш отпустил руку Дэйма и проследовал в комнату уже самостоятельно. Он молча сел в свободное кресло и, оперев подбородок о подлокотник, стал наблюдать за тем, как входят остальные. Я же точно так же продолжала смотреть на него.

Следом за Дэймом и Риком вошло еще восемь мужчин, но я не могла найти в себе сил посмотреть на них. Все мое внимание было приковано к вошедшему «ребенку». Сейчас я не просто разглядывала его. Я изучала строение его ауры, просматривала его на нескольких уровнях реальности, и то, что я видела, мне совершенно не нравилось. Все энергетические нити были нарушены, основные потоки были деформированы и расположены неправильно. Это дитя было рождено с аномалией, которая не давала ему дальше расти, мешала развиваться, как нормальному человеку. Если у обычных северян было видно, что их энергетику меняли после того, как они были рождены и достигли определенного возраста. То этот «ребенок» был рожден со своеобразным уродством на таком уровне, излечить которое было неподвластно Властителям...

Чем дольше я всматривалась в структуру его потоков, тем сильнее крепла моя уверенность.

«Сэ'Паи, – позвала я того, с кем сейчас хотела поговорить более всего. – Сэ'Паи?»

«Дайли?» – голос учителя казался несколько встревоженным и не очень четким.

«Вы что? Спите?» – обратилась я к нему, сильно подозревая, что так и есть.

«Ну... да», – ответил он, явно не собираясь спешить ко мне на помощь.

«Правильно, не собираюсь».

«Но, Сэ'Паи, только взгляните, пожалуйста!»

«Уже посмотрел, и мне пора».

«Но...» Продолжать говорить с ним было бессмысленно, потому как он уже закрылся от меня. «Как так можно, а?» – все же не удержалась я от возмущения.

Сэ'паи явно предоставлял мне право разбираться со сложившейся ситуацией. Думаю, он прочитал мои соображения по поводу ребенка и согласился с ними, иначе, наверное, так просто не отказался помочь?

Тем временем высокие крепкие фигуры северян, входивших в Совет, заполнили гостиную Брэйдана, рассаживаясь на диваны и кресла, что находились в комнате. Я не смогла заметить какого-либо порядка в выбираемых ими местах. То есть садились так, как кому было удобно, а не согласно занимаемому положению. Ну, я так полагала, по крайней мере. Кроме Дэйма и Рика, в дом к Брэйдану прибыло еще трое Властителей, отчего атмосфера в комнате ощутимо накалилась. Казалось, я кожей могла ощутить, как потрескивает воздух от того напряжения в энергетических слоях, что сейчас витало вокруг шести присутствующих мужчин с даром.

– Прошу с этой минуты говорить по-аирски, – неожиданно сказал Брэйдан, проходя в гостиную последним.

– Почему? Твоего гостя еще нет, зачем делать это, когда нас никто не слышит? – Тем не менее сказано это было на моем родном языке, и говорящим был самый пожилой на вид мужчина, если мои догадки были верны, то отец Брэйдана.

– Отец, – сказал северянин, подтверждая мою догадку, – Дэй находится в этой комнате с самого вашего прихода.

– Что? – удивленно переспросил отец Брэйдана, а вслед за его репликой последовали и удивленные шепотки остальных.

Члены Совета начали крутить головами, явно пытаюсь увидеть меня. Ну, если честно, я не пряталась специально. Просто заняла

самую удобную для себя позицию, пусть и в темном углу комнаты. Но, учитывая особенность моего происхождения, я легко растворяюсь во мраке. Не подумайте неправильно, «растворяюсь» не означает, что исчезаю, но в темноте меня невозможно разглядеть. Тьма словно обволакивает Тень, и, если отвлечься или наоборот сосредоточиться на том, чтобы укрыться от посторонних глаз, это будет очень легко. В данном случае я немного отвлеклась...

Подавив волну стыда за собственную беспечность, поспешила сделать шаг вперед и выйти на свет.

– Добрый день, – решив поприветствовать собравшихся, я глубоко поклонилась, согласно обычаям Аира, сложив руки крест-накрест на груди. Стоило выпрямиться, как я оказалась под прицелом тринадцати пар глаз. Каждый из присутствующих сейчас смотрел на меня с подозрением и недоумением во взгляде, кроме Брэйдана, Рика и Дэйма, пожалуй. Но когда трое неизвестных Властителей начали прощупывать меня на энергетическом уровне, мне стало по-настоящему неприятно.

– Прошу не делать так, – прямо посмотрев на троих мужчин, сидевших бок о бок друг с другом, сказала я.

Мужчины синхронно дернулись, словно не ожидали того, что их присутствие будет замечено, но взгляд все же отвели. Они выглядели ровесниками Брэйдана, но почему-то мне казалось, что они гораздо старше. Двое из них были очень похожи. Их волосы напоминали своим цветом спелую пшеницу. Немного желтоватые, но в то же время словно золотые, они свободно лежали на широких плечах. Их глаза были глубокого серого оттенка, а стоило посмотреть в них, как создавалось такое впечатление, что тебя раскладывают на множество мелких кусочков. Необыкновенно пронизательный и глубокий взгляд отличал от многих людей, встреченных мною с момента, как я покинула Дао Хэ. Третий Властитель обладал черными волосами и глазами цвета ночи. Такие темные глаза я видела впервые. Казалось, что зрачок сливается с радужкой. Но кое-что было общим у этих троих, помимо того, что они были Властителями. В чертах их лиц, в манере держаться читалась нерушимая уверенность и твердость характера.

– Скажи, дитя, – заговорил отец Брэйдана, отвлекая меня от созерцания присутствующих. – Это правда, что ты был приставлен к

принцессе в качестве охраны?

– Официально так и было, – сказала я, мысленно поморщившись над словом «дитя».

– Меня зовут Агро, я являюсь членом Совета старейшин Аранты, – представился седовласый мужчина, внимательно осматривая меня с ног до головы. Во взгляде его читались подозрительность и недоверие. Вот только с чем это было связано, я пока не понимала. – К слову сказать, каждый из присутствующих, кроме Шоны, пожалуй, – указал он в сторону маленького мальчика, с неподдельной тоской взирающего на меня, – имеет отношение к Совету в той или иной степени. И сегодня мы пришли сюда, чтобы обсудить действия твоей подопечной, Дэй. Признаться, никто из нас не ожидал встретить тебя здесь. Все мы полагали, что ты не выжил в ночь нападения на вас...

– Признаюсь, для меня это тоже чудо, – сказала я, в то же время пытаюсь понять, к чему клонит этот мужчина? Мне не нравилось, как смотрят на меня присутствующие. Казалось, все, кроме Брэйдана, пытаются «залезть» своими взглядами мне под кожу.

– Так ли это?

– Отец... – не скрывая раздражения в голосе, вмешался Брэйдан.

– Не перебивай меня, сын! Закрывая глаза из-за личной симпатии на правду, ты рискуешь нашими жизнями!

– Слепо обвиняя человека, ты рискуешь совершить ошибку! – парировал Брэйдан, с силой сжимая кулаки.

– Нас всех интересует лишь правда, потому не мешай нам вести разговор. И мы еще никого и ни в чем не обвинили.

– Все в порядке, – спокойно ответила я, начиная понимать, почему все так напряжены. – Не стоит оставлять вопросы, которые впоследствии могут перерасти в недоверие. Я понимаю вас, – сейчас я медленно осматривала каждого из присутствующих, стараясь понять и прочесть, что в мыслях у этих людей. Нет, я не касалась сознания, просто просматривала ауры.

– Хорошо, что ты, малец, готов к сотрудничеству, – сказал мужчина, сидящий напротив отца Брэйдана. Он, как и все присутствующие, выглядел внушительно, обладал пышными усами и бородой, из-за этого его рта было практически не видно. – Из рассказов Рика и Дэйма нам стало известно, что ты пользовался

уважением среди воинов принцессы и участвовал в отражении нападения противника, в результате чего был ранен, это так?

– Да.

– И это кажется нам странным, учитывая твой возраст. С трудом можно поверить, что ребенок способен убить вирга...

– Если только вирг не позволил этого сделать по указанию хозяина, – вставил свою реплику темноволосый Властитель.

Невольно мои губы исказила усмешка. Это было даже забавно, предполагать подобное о такой, как я. Но, с другой стороны, я понимала их и не злилась. Естественно, что они не верят никому. В условиях, в которых привыкли жить, им необходимо так поступать. Один раз пропустишь угрозу, и следующего раза может и не быть.

– По приказу? Вы хотите сказать, что я находился в сговоре с теми, кто напал на обоз, а позднее и на корабль? – спокойно спросила я, в то же время стараясь уловить общее настроение, царившее в гостиной Брэйдана. И то, что я чувствовала, мне совсем не нравилось.

Большая часть присутствующих мужчин полагала, что все аирцы, прибывшие в их земли, находились в безоговорочном подчинении у принцессы, а стало быть, разделяли и ее стремления. Похоже, мало кто из них понимал, в какого рода зависимости аирцы действительно находятся, когда состоят на службе у императорской семьи. В то же время были и те, кто не разделял общего настроения. Рик, Дэйм и Брэйдан были не на шутку раздражены происходящим. Но, похоже, члены Совета полагали, что их товарищи заблуждаются и им стоит открыть глаза.

– Именно так мы считаем, – коротко сказал один из трех Властителей, обладатель светлых волос. Его пронизывающий взгляд словно впивался мне под кожу. Сейчас этот человек не использовал своих способностей, но все равно было некомфортно.

Я глубоко вздохнула, понимая, что возникшее недоразумение придется решать, не полагаясь на свои способности, а лишь мирным путем. Я должна постараться и убедить их.

– Вы не правы.

– Не правы? И ты, парень, думаешь, тебе достаточно сказать, что мы не правы, и мы тут же тебе поверим? – вкрадчиво поинтересовался мужчина средних лет, сидящий рядом с Риком и Дэймом.

– Я понимаю, что этого недостаточно. Но вы тоже кое-чего не знаете обо мне, чтобы делать подобные суждения.

– Чего же? Что еще мы должны узнать, прежде чем твое поведение станет понятным нам. Ты, будучи... да что я говорю! Какой из тебя воин?! Ты еще ребенок! Но как же так получается, что ребенок влияет на исход сражения? В состоянии убить вирга и излечить от его яда человека? Как же так выходит, что, получив смертельное ранение, ты все равно выживаешь и возвращаешься в Аранту целым и невредимым? У меня еще много вопросов, малыш, стоит ли мне продолжать? – сейчас со мной говорил мужчина, сидевший прямо за Агро. Он казался гораздо старше даже отца Брэйдана, но не потому, что тело его было телом пожилого человека. Скорее, так можно было сказать, судя по его взгляду, усталому, но все же сосредоточенному и жесткому, лицу, которое казалось изнуренным, но в то же время все еще не потерявшим упрямых и волевых черт. Сейчас сложно было сказать, на какой именно возраст по человеческим меркам он выглядит. Его черных волос едва коснулась седина, бледно-зеленые глаза смотрели с выражением неподдельной усталости, лицо казалось ровным и не тронутым морщинами, но все же... он был стар, потому как устал от прожитых лет. Было и еще кое-что, что смущало меня на данный момент. Я была уверена, что никогда не видела его прежде. Но голос... Эта жесткая, безапелляционная манера речи. Даже то, как он произносит звуки, казалось мне знакомым.

– Брэман, попридержи язык, – зло отозвался Брэйдан на слова этого мужчины. – Дэй сам в состоянии объяснить, что с ним произошло и каким образом он оказался приставлен к принцессе Аира.

– Правда? В таком случае мы все ждем, – холодно бросил Брэман, и вновь интонация его голоса показалась мне странно знакомой.

– Я не являюсь членом личной стражи принцессы...

– В таком случае что же ты в ней делал? – вновь перебил меня темноволосый мужчина.

– Брэман!

– Ты слишком болезненно реагируешь, Брэйдан, – несколько шутливо ответил он, поворачиваясь к Брэйдану лицом.

– Я реагирую так, как среагировал бы любой на моем месте.

– Тем не менее вы правы, я действительно был назначен в отряд сопровождения.

– С какой целью Императору потребовался ребенок в отряде? – спросил обладатель пышных усов и бороды, сидящий напротив Агро.

– Ну, во-первых, почему вы продолжаете считать меня ребенком, когда это давно не так? – поинтересовалась я, прямо взглянув на собравшихся. – Я уже достиг зрелого возраста по законам места, где я вырос.

– И сколько же тебе лет? – со смешком в голосе поинтересовался Агро.

– Полагаю, около двадцати двух, но могу ошибаться на несколько лет, если говорить о возрасте моей оболочки.

– Что это значит?

– Сколько?

Хором отозвалось сразу несколько северян, в том числе и Дэйм.

– Большую часть жизни я провел в монастыре, но оказался там не с рождения, а в возрасте двух-четырех лет, точнее я сказать не могу, и прошлую свою жизнь я не помню.

– Где?

– Что такое монастырь?

– И при чем тут он?

Вновь зашептались окружающие, в то время как громче остальных задал свой вопрос именно Брэман:

– Для чего ты говоришь нам это?

– Всего лишь хочу, чтобы вы перестали думать о том, на что способен такой ребенок, как я, а на что нет. Знать возраст еще не значит понимать, на что способен стоящий перед вами человек. Вы делаете выводы, полагаясь на собственный жизненный опыт, но сейчас подобные суждения опрометчивы, потому как я пришел из места, о котором вы вряд ли когда-нибудь слышали, как и о его обитателях.

– Что же такого таинственного в месте, где ты рос?

– Место самое обычное, но люди его населяющие – нет.

– Кто-нибудь понимает, что несет этот пацан? – неожиданно громко воскликнул один из мужчин, до этой минуты молчавший.

– Пытаюсь сказать, что не являюсь подданным Аира, – решив поторопиться с объяснениями, сказала я. – Место, в котором я рос, держит абсолютный нейтралитет к окружающим землям, мы не участвуем ни в политических, ни в военных конфликтах.

– Тогда какого... ты поперся в самый что ни на есть политический поход и стал участником бойни с политическим подтекстом?

– Я стал гарантом того, что обоз преодолет это путешествие. Но я плохо справился, потери все же были...

– Хочешь сказать, что был способен предотвратить это? – иронично поинтересовался отец Брэйдана.

– Вероятность есть всегда, но только если говорить о будущем.

– Хм...

– Я не предвидел того, что принцесса может быть в сговоре с нападавшими. И это моя ошибка, безусловно, – я и впрямь сожалела, что не прочитала мыслей Иолы в первый же день нашего знакомства. Это была оплошность, которой не было прощения. Из-за нее погибли люди и это моя вина.

– Ты должен понимать, почему такое происшествие не может остаться безнаказанным, – вновь заговорил Брэман. – В последнем нападении погибло трое наших мужчин, учитывая, в какой ситуации находится народ Севера, это невосполнимая потеря.

– Я понимаю.

– Но в то же время мы нуждаемся в принцессе, несмотря на то, что было ею содеяно, она пройдет отбор с участием каждого из наших Властителей. Если ее кровь окажется совместимой с кем-либо из мужей Севера, то по выполнению своего предназначения она будет изгнана из наших земель. Девушки-служанки тоже будут участвовать в отборе, по результатам которого мы найдем необходимую нам женщину. Все аирцы-мужчины, прибывшие с ней, уже завтра отправятся в обратный путь.

– Что? Вы хотите сказать, что и я в том числе?

– Именно.

– Это исключено, – жестко сказал Брэйдан, вставая со своего места и подходя ближе ко мне. – Дэй останется.

– Брэйдан, не надо... – начала было говорить я, за что получила полный негодования взгляд.

– Ты останешься, как свободный человек, которому не пристало прятать лицо, – многозначительно сказал он, понимая, что я могу остаться и без дозволения Совета, всего лишь шагнув сквозь слои с борта отходящего корабля. Но сейчас он хотел не этого. Он желал

позаботиться о моем положении в их обществе. Это было важно, если не для меня, то для него – точно.

– И ты готов поручиться за этого парнишку?

– Да.

– Мы тоже готовы сделать это перед лицом Совета, – сказал Рик, в то время как Дэйм утвердительно кивнул, подтверждая его слова.

– Все интересней, – хмыкнул Брэман, скрещая руки на груди. – Что думают по этому поводу старейшины? – сказал он, обращая свой взор к трем Властителям, что сейчас молчаливо наблюдали за происходящим.

– О, сколько всего мы думаем, – глубоко вздохнул Властитель с черными как ночь глазами. – Кто бы знал?! – фыркнул он, расплываясь в широкой улыбке, от которой невольно мурашки побежали по спине. – Если наши ученики готовы поручиться за этого ребенка... – Мне уже скоро плохо будет от этого «ребенок». – То мы можем положиться на их суждения об этом человеке, хотя еще очень много вопросов остаются открытыми... Так ведь, Шонайя? – обратился он к маленькому мальчику, все это время молчаливо наблюдавшему за происходящей беседой.

– Он не солгал ни разу за весь разговор, – тихо ответил мальчик, откидываясь на спинку кресла. – Я вам еще нужен? – как-то безразлично спросил он, тоскливо посмотрев в сторону старейшин.

– Думаю, пока тебе лучше остаться здесь, Шонайя, – спокойно ответил Властитель.

– Как скажешь, – тяжело вздохнул мальчик, сцепив в замок пальцы рук.

– Как ты, должно быть, догадался, Шонайя здесь не просто так, – обратился ко мне Властитель, – это не просто наш последний ребенок мужского пола, Шонайя чувствует ложь и скрыть от него что-либо попросту невозможно.

Если этот старейшина думал, что для меня не дошел смысл того, почему он при мне обратился к этому мальчику, то он ошибался. Смысл его слов был понятен мне. Только что меня предупредили, что лгать бесполезно, они узнают об обмане. В то же время это был своеобразный сигнал, что именно теперь начнут задавать вопросы.

– Мы хотим знать, ты сотрудничаешь с Ингвером и его соратниками? – обратился ко мне один из светловолосых Властителей.

– Нет, – коротко ответила я, особенно не переживая, потому как даже если я захочу солгать, то прекрасно понимаю, как это сделать, чтобы малыш ничего не почувствовал.

Каждое слово несет в себе информацию и определенную энергетическую составляющую. Каждая мысль может влиять на реальность. Нужно понимать это очень хорошо, прежде чем думать или говорить. По всей видимости, Шонайя улавливал именно эту составляющую своей измененной энергетической структурой. При каждом слове, что произносили окружающие, его энергетическая составляющая словно переливалась множеством цветов и оттенков, на краткий миг окрашиваясь в какой-то определенный. Думаю, именно так этот мальчик отслеживал и улавливал правду, ложь и кто знает, что еще. Не удивлюсь, если у него был своеобразный дар эмпатии, и он ощущал, как к нему и друг к другу относятся окружающие. Страшный дар для человека, слишком жестокий...

Но я умела направлять свои мысли, эмоции и заложенную в них информацию. Так, например, я могла солгать, но направить посыл таким образом, что этот «ребенок» ничего бы не почувствовал. Но пока в этом не было никакой необходимости.

– Принцесса давала тебе поручения, направленные против мужей Севера?

– Нет, никогда.

– Ты знал о ее намерениях?

– Нет.

– Какая задача стояла перед тобой, когда ты был приставлен к обозу?

– Безопасность и сопровождение.

– Это всё?

– Да.

– Как тебе удалось убить вирга?

Скупая улыбка коснулась моих губ, но я все же ответила:

– Мои навыки это позволяют.

– Как тебе удалось вылечить человека от его яда?

– Мои навыки позволяют и это.

– Мы хотим услышать развернутый ответ.

– Яд этих существ влияет на энергетику человека, постепенно разрушая ее, дело в том, что я умею работать с энергией на таком

плане.

– Это неподвластно даже нам – Властителям! – гневно сведя брови на переносице, сказал темноволосый старейшина, прямо посмотрев на меня. – А ты говоришь, что можешь делать подобное?! Как может человек быть способным...

– Я не человек, – коротко сказала я, наблюдая за тем, как тишина разливается в переполненной гостиной Брэйдана.

– Что? – коротко переспросил Агро, первым пришедший в себя.

– Я не человек.

– И кто же ты?

– Я...

«Скажи им, Дайли, расскажи так, как есть. Это будет правильным решением и первым шагом на пути к твоему предназначению», – успокаивающая мысль Сэ'Паи заставила меня облегченно перевести дух и почувствовать столь необходимую мне уверенность в данный момент. Встав на этот путь, решив рассказать им больше о себе, я рисковала. Но доверие завоевать всегда непросто, и практически невозможно, если строить его на недосказанности. Я не стану говорить им о том, что я женщина. Поскольку они не хотят говорить, чего ждут от своего спасителя. Но скажу им то, что им следует знать, чтобы начать доверять или раз и навсегда отринуть меня.

– Тень.

– Что это значит? – непонимающие шепотки раздавались то тут, то там.

Прикрыв глаза, я призвала свою суть, чтобы обнажить ее перед окружающими. Тьма послушно разлилась по поверхности глаз, делая окружающий мир более четким и ясным.

Стоило мне открыть глаза, как многие из присутствующих ощутимо напряглись, кто-то даже отпрянул, кто-то испуганно охнул. Неподвижными остались лишь присутствующие в комнате Властители.

Брэйдан подошел ко мне ближе, беря мою руку в свою, тем самым показывая окружающим свое доверие ко мне. Тепло его кожи, та энергия, что всегда окружала его фигуру, и за эти несколько дней ставшая такой родной и любимой, вселяла уверенность и придавала сил.

– Мы приходим в этот мир, как ожившие воплощения энергии, что питает его. Наделенные разумом и телом, но в то же время другие. Рожденные людьми, тем не менее таковыми не являемся. Мы всего лишь тени в этом мире, приходящие учиться, развиваться, понимать большее и наблюдать. Наши тела способны жить дольше, не страдая ни от болезней, ни старости. Но мы не цепляемся за материальное так, словно больше ничего нет в этом мире. Пожалуй, вещи, деньги, власть – это самое скучное, что может быть, когда есть целый мир, который ждет познания и понимания. И когда есть сила, живущая внутри наших тел, ожидающая развития и взросления. Я могу много говорить, что нас держит в материальных слоях реальности, но боюсь, это будет сложно для вашего понимания. Но скажу только одно, Тени – это своеобразные наблюдатели этого мира. Иногда мы помогаем, если есть в этом такая нужда, иногда держим нейтралитет. В этот мир мы приходим, чтобы работать над собой, не навязывая свое мировоззрение другим.

– То, что ты говоришь, ново для нас и непонятно, – сказал один из Властителей, бросая взгляд на Шонайю, который согласно кивнул на его не заданный вопрос. – Властители умеют работать лишь с материей, превращая энергию мира в материальную составляющую. Но если то, что ты говоришь, правда, то нам бы хотелось узнать побольше о вашей магии. Учиться новому всегда важно...

– Простите меня, – прервала я его, – я расскажу вам все, что будет интересно, но не уверен, что смогу научить.

– Почему?

– Вы рождаетесь со своими способностями, разве можете научить своим умениям простых людей?

– Нет, но возможно...

– Невозможно, вы устроены иначе, я могу видеть это.

– Но все же?

– Я расскажу, эти знания не несут в себе ничего, что может навредить, они ведут к созиданию и покою. Но я хотел бы кое-что узнать и у вас.

– Что же? – опасно сощурился Брэман, продолжая смотреть на меня с подозрением во взгляде.

– Я вижу энергетика ваших мужчин, также я понимаю, что ее изменили неестественным путем, но не понимаю, как такое было по

силам вам. Если вы не умеете работать с энергией на таком плане...

– Эта информация... – начал было Брэман, но был перебит строгим взглядом темноволосого Властителя.

– Эта информация не касается простых людей, запомни это, – строго сказал он. – Мы расскажем тебе. Доверие не может строиться лишь с одной стороны. Наше пророчество говорит о том, что спасение придет к нам со стороны, где восходит солнце, возможно, это будет и не принцесса, но, быть может, тебе удастся понять, как нам жить дальше и где искать помощь. Понимаешь ли, теперь мы наверняка знаем, что, несмотря на силу, дарованную нам Богами, мы всего лишь песчинки на ладони мироздания.

– Что же произошло? – тихо спросила я, понимая, что разговор предстоит непростой.

– Ты уже знаешь, что мы можем жить очень и очень долго?

– Да.

– И поскольку ты должен понимать нас, как никто иной, то я думаю, что тебе покажется причина, по которой все это произошло, вполне обоснованной. Одним из наших мужей было рождено двое сыновей, оба оказались с Даром. Так ведь, Брэйдан? Ты не против, что я рассказываю вашу историю?

– У тебя это всегда выходит красиво, в моих воспоминаниях она выглядит иначе, но все же хотел бы рассказать сам детали этой истории, потому как это...

– Личное?

– Да, это все еще личное.

– Как скажешь, это твое право. Но, поскольку я обещал рассказать, то расскажу лишь самую суть. Это произошло несколько столетий назад, никто не знал, что последствия обернутся настоящей катастрофой для нашего народа. Целью было продление жизни одного конкретного человека, но небольшой просчет привел к тому, что теперь мы фактически вырождаемся... Даже несмотря на вечную жизнь, наши мужчины остаются смертными, их можно ранить, они могут заболеть. Да что я говорю, умереть можно всегда, и способ найдется тоже.

– Что вы сделали, точнее, что пытались?

Властитель тяжело вздохнул, сводя пальцы в замок. Было видно, что ему тяжело говорить. И то, насколько мучают его противоречия,

стоит ли это делать при чужаке. Но решение все же было принято.

– Наша земля, как бы сказать... На Севере не просто так рождаются такие, как мы. Наши земли расположены в зоне энергетической аномалии, если можно так выразиться. Есть место силы, которое определяет способности многих из нас, влияя на эмбрион еще в утробе матери. Я не слишком непонятно говорю?

– Нет, пока мне все понятно, – кивнула я в ответ, бросая взгляд на Брэйдана, который, словно погрузившись в омут собственных мыслей, отстраненно смотрел, как за окном падают первые тяжелые капли дождя.

– Это место мы называем его «Наше Сердце», вокруг него выстроено здание Совета и сама Аранта. Это кусочек Вечного льда, исходящая сила от которого веками меняла жителей наших земель, давая нам силы, о которых ни один смертный и мечтать не мог.

– Вечного льда?

– Это похоже на сгусток чистой энергии, заключенный в ледяную скорлупу. Не сохранилось ни легенд, ни песен древних, которые смогли бы рассказать нам о его происхождении, лишь сказки о том, что это дар Богов, ступивших на нашу землю с небес... но ты и сам понимаешь, что подобное объяснение не дает ответов. Лишь рождает вопросы, ответов на которые у нас просто нет.

– И что же случилось тогда?

– Одиночество гнетет каждого из нас, – сказал он, так же как и Брэйдан устремляя свой взор в пустоту. – Каждый из нас хотя бы единожды, но задумывался над тем, может ли он использовать свою силу для продления жизни любимым. Не важно, будь то женщина, ребенок или друг... Но мало кому из нас удавалось хотя бы минимально продвинуться в этом вопросе. Наша сила может влиять на неодушевленную материю, мы можем лечить несложные болезни или убивать, просто перекрывая жизненные токи организма, но, пожалуй, это все, на что может хватить нашего мастерства. Ингвер же пошел дальше, решив, что раз мы можем перекрыть токи в организме человека, то можем и наоборот, усилить их прилив. Расширить энергообмен, изменить циркуляцию, а вместе с тем и сам организм.

– Но вы же не видите, как все устроено... – несмело сказала я, поражаясь их беспечности.

– Потому и потребовались ему люди и животные, над которыми он проводил свои эксперименты.

– Люди и животные? Жертвы? Ведь так? – спросила я скорее механически, нежели потому, что не знала ответа наверняка.

– Тяжело это признавать, но да, фактически так и оказалось. Еще тяжелее осознавать, что все происходило практически у нас под носом, но кто бы из нас мог тогда подумать? Ингвер – один из основателей городского госпиталя. В те годы черная лихорадка зверствовала по всему побережью. Мы думали, люди умирают от болезни, а их тела сжигают, не отдавая родственникам в целях предотвращения распространения болезни. Но, полагая, что их все равно не спасти, наш врач проводил свои эксперименты, не посвящая в это Совет и старейшин. Конечно, это слабое оправдание, но это единственное, что у нас есть.

– Как же так получилось, что эти создания выбрались на волю?

– Когда все произошло, и стал известен источник... Он выпустил этих тварей, чтобы иметь возможность уйти. Уничтожить их можно, но на смену всегда приходят другие. Любой укушенный становится инфицированным, на них не действует прямое воздействие нашей силы, а атаковать их при помощи огня или воды совершенно бессмысленно. Все, что берет начало от нашей силы, не вредит им. Лишь живой огонь может уничтожить их тела...

– То есть пламя, полученное от вашей силы, не действует, нужно разводить настоящий огонь?

– Да. Мечом можно обезглавить, но нет гарантии, что эта тварь не воскреснет вновь.

– С тех пор, – заговорил другой представитель старейшин, – наше общество поделилось надвое. Те, кому изменения пришлось по вкусу, встали на сторону Ингвера, те, кого новый порядок не устраивает до сих пор, остались в Аранте. Мы постоянно подвергаемся атакам тварей или же самих Отступников.

– Но почему? То есть, что мешает им жить отдельно?

– Источник. Он остался в Аранте. «Наше Сердце» делает нас сильнее, дает нам дом и защиту, мы бережем его, как настоящее живое сердце нашего народа. Это очень важно.

– Хорошо, – коротко кивнула я. – Это мне понятно. Теперь другой вопрос, для чего конкретно вам нужна женщина Аира?

– Нам не нужна женщина, – ответил третий Старейшина, его серые глаза в этот момент излучали такой холод, что мне невольно стало неуютно, и в то же время такая тоска и обреченность упали на плечи.

«Не смотри, закройся от чужих эмоций», – словно молитву повторяла я себе, отстраняясь от чужих непрошенных чувств.

– Мы ищем кровь, способную выдержать энергетический дисбаланс, выносить и родить для нас того, кто сможет исправить то, что сейчас.

– Что?

– Нам нужна женщина, способная родить ребенка, которому будет по силам управлять энергетическими потоками людей и животных; человека, который сумеет восстановить баланс, – пояснил темноволосый старейшина.

– Но?..

– Но, – продолжил он, – возможно, нам помогут твои соотечественники или твои знания...

– Подождите! – прервала я его на полуслове. – Как вы собираетесь подобрать подходящую женщину?

– «Наше Сердце» поможет нам, – коротко ответил он. – Но все же ты... может быть, ты сможешь поработать с кем-то из нас?

В тот день они еще много говорили о предназначении, о надежде, последней их надежде на избавление от бремени вечной жизни, о том, как это важно для выживания целой расы. А я приходила все в большее замешательство. Помочь? Могу ли я помочь? Сколько времени на это уйдет? Придется работать с каждым мужчиной по отдельности, и это будет поистине титанический труд. Выправить каждый из потоков, наладить циркуляцию, потом повторная корректировка. Я не смогу исправить все за один день, что там говорить, на одного человека могут уйти месяцы работы. Но даже не это пугало меня больше всего. Что, если я исправлю все сама, а мальчики так и не будут рождаться вновь? Почему произошло именно так, что изменения коснулись мужчин? С каким видом энергии напортачил брат Брэйдана? Ошибка может быть где угодно, найти, исправить, восстановить каждую нить...

– Тяжело... – прошептала я, все так же недвижимо продолжая сидеть в гостиной, когда та опустела уже несколько часов назад.

Если даже я начну править все сейчас, и если мне поможет Тэо, сколько десятков лет это займет? Нет, даже не десятков, столетий... А если учесть, что нападения будут продолжаться, мальчики могут и не родиться, не обреку ли я целый народ своими действиями на вымирание?

Неожиданно широкая ладонь легла мне на плечо и потянула на себя. Я не сопротивлялась, потому как знала, что это мог быть только один человек сейчас. Брэйдан оставил меня в одиночестве, давая возможность подумать над сказанным старейшинами. Но, судя по всему, мое время уже истекло.

– Не стоит думать над проблемами слишком долго, от этого они лишь набирают вес, – сказал он, обнимая меня крепче и сильнее притягивая к себе.

– Боюсь, что мне не по силам эта ноша, – сказала я, кладя голову на его плечо. – Я не могу, точнее не так, как я могу пытаться все исправить, не зная, каков будет результат? Разве могу я взять на себя ответственность за чью-то судьбу...

– Разве кто-то об этом говорил? Я даже не представляю, как выглядит твой мир, каким его видишь ты, но в моем мире каждый сам несет ответственность за свой выбор. Если ты предложишь свою помощь кому-то, неужели ты думаешь, что он согласится просто потому, что ты так сказала?

– Разве это оправдание? Если ты даешь что-то, то должен понимать, будет ли это во благо или во вред...

– От понимания не всегда зависит конечный результат, – с необъяснимой горечью сказал он. – Знаешь, ведь мой брат не всегда был таким, как о нем теперь принято думать.

– Ты расскажешь мне? – тихо спросила я, но вместо ответа он лишь продолжил начатый разговор.

– Он всегда старался заботиться о людях. О тех, кто не был рожден с даром. Организация самого крупного госпиталя в стране лишь малая крупица его начинаний. Когда-то давно мы были с ним неразлучны, наши проекты, разработки, реформы – все это до сих пор работает на благо общества. «Великий ученый, талантливый

политик» – вот как о нем думали тогда. Знаешь, я всегда немного завидовал ему...

– Почему?

– Потому что не мог любить людей так, как это делал мой брат. Он мог без всяких сожалений пожертвовать собственным положением ради выбранной цели или одного простого человека. Для меня же было лишь несколько таких людей, ради которых я бы пошел до конца.

– Но как же так вышло?

– Любовь, – коротко ответил он. – К нам пришла любовь.

– ?..

– Мы полюбили одну женщину. И каждый из нас отдался этому чувству, забыв про долг, про то, что мы братья, как и про то, что одна семья. Меня это чувство сделало женатым человеком, брата опустошенным и одиноким. Тогда мне казалось, что он посягает на мое счастье, я видел в нем врага, думаю, он полагал так же. Помнишь, Джодок говорил сегодня о черной лихорадке?

– Да, – с замиранием сердца ответила я, уже понимая, к чему клонит Брэйдан.

– Мое счастье, как и брак, были недолгими, Дэй. Моя жена заболела вскоре после родов. Мне удавалось поддерживать в ней жизнь довольно долго, но исход был предрешен, мы знали это оба...

– Тогда он начал свои эксперименты?

– Полагаю, что так. Но, знаешь, как бы я ни старался, я не могу винить его в этом, но и простить не могу. Разве так бывает? – он ненадолго замолчал, а потом добавил: – Вот только прощать, боюсь, мне уже некого. Того, кого я называл братом, не стало уже давно. Лишь его образ, как кривое отражение былого... И вот его-то я ненавижу больше всего на этом свете. Он напоминает мне о моих промахах, о моей утрате брата и жены, и моей вине за то, что с ним произошло. За то, что позволил ему вести сражение с болезнью в одиночку, допустил эти эксперименты, что так дорого стоили не только Северу, но и ему...

Этот день оказался наполненным горечью пережитых потерь, воспоминаний о прошлом, непроглядностью будущего. И чем гуще становились сумерки за окном, тем тяжелее давила она на плечи. Сейчас я впитывала его чувства, словно губка, поглощала его тоску, его боль, его непонимание, за что следует держаться в этом мире. Но когда он думал, что держит меня в объятиях, чувствовала, как в этой

крошечной тьме загорается призрачный лучик надежды, как легче ему становится дышать просто от понимания того, что я нахожусь в руках. От этого становилось легче и мне. Наша связь, то, что произошло между нами несколько дней назад, подарили мне вот такую вот возможность ощущать его теперь. Через простое прикосновение его рук я забираю его тьму, сжигающую душу, возвращая свет в его жизнь. И неважно, что от этого я чувствовала себя такой слабой и незащищенной, что переживала всю эту боль как свою, куда важнее то, что могла дать ему взамен в этот темный час для нас обоих.

Я не помню, где закончилась реальность в этот вечер и начался сон. Казалось, я уснула в его крепких руках, а потом мне снилось, как продолжаю обнимать его. Как долго мы идем куда-то сквозь ночной лес, продолжая держать друг друга за руки. И я точно знаю, что стоит мне лишь выпустить его руку, и я уже никогда не выберусь из этих дебрей. А где-то вдалеке уже занимается рассвет, нам нужно только идти, только успеть...

Утро началось с оглушительного стука в дверь. Испуганно распахнув глаза, я поняла, что так и проспала всю ночь на диване в гостиной. Причем, если я спала лежа, то Брэйдан уснул, сидя на полу, и до сих пор сжимал мою руку.

Стучали весьма настойчиво, что не могло не насторожить. Однако Брэйдан продолжал безмятежно посапывать, словно ничего и не происходило. Думаю, это было не просто так, поскольку, если бы за дверью оказались нежелательные визитеры, то он непременно это почувствовал.

Но когда за дверью послышался полный негодования голос:

– Открывайте! Я знаю, что вы дома! – принадлежавший одному весьма рыжему и неумному северянину, я поняла, что если сейчас же не открыть, будет только хуже.

Легонько сжав Брэйдана за руку, тихо позвала его:

– Просыпайся.

– Не хочу, – так же тихо ответил он.

– Кельм пришел.

– Знаю, – все еще сквозь сон пробормотал он.

Сейчас лицо моего мужчины было таким расслабленным, казалось не по годам юным, что это не могло не вызвать улыбки.

– Тогда я сама открою...

– Не ходи, – буркнул он, притягивая меня за руку ближе к себе так, что наши лица оказались напротив друг друга. Брэйдан приоткрыл один глаз и, подслеповато сощурившись, улыбнулся.

– Эта рыжая заноза, чего ему надо? – хмыкнул он, нежно целуя меня в губы.

– Я никуда не уйду! – вновь раздалось снаружи. – Так и знайте!

– Иду! – крикнул Брэйдан, с явной неохотой отрываясь от моих губ.

Стоило нам открыть дверь, как перед нами открылась весьма живописная картина.

Под проливным дождем, промокший с головы до ног, стоял Кельм. Его тело била легкая дрожь, глаза лихорадочно блестели, а в руках он сжимал толстую веревку, которая в них казалась тонким шнурком. Чуть дальше от него, взирая на меня полными неподдельной тоски глазами, замер мой осел. По серой шерсти стекала вода, уши несмело повисли, и выглядел он рядом с могучей фигурой северянина, словно маленький, промокший насквозь щенок.

– Заберите эту тварь, – сквозь дрожащие зубы процедил Кельм. – Я больше не могу держать эту похотливую скотину в своем доме.

В этот момент Бэйдан резко поднял руку вверх, и над Кельмом и моим животным распахнулся невидимый глазу купол так, что дождь больше не касался их обоих.

– Что произошло? – спросила я, не зная, как сейчас поступить. Следовало, наверное, пригласить Кельма войти, но куда-то нужно было сперва препроводить моего зверька...

– Он... – крепко сжимая веревку в руках, зло сказал Кельм. – Надругался над моей девочкой!

– Что? – вопросительно изогнув смоляную бровь, переспросил Брэйдан. – Посмотри на него? – указал он взглядом на осла, который сейчас, к чести своей, выглядел весьма жалко и словно меньше. – Как ты думаешь, он способен сделать нечто подобное?

– Он... – зло сверкнув глазом, сказал Кельм. – Способен, – крепко сжав челюсти, процедил северянин. – И, знаешь, Дэй, я тебе обязан и все такое, но если моя девочка родит от этого... если моя бедная девочка... Боги, за что же это?!

– Прекрати истерику, вряд ли что-то подобное возможно, посмотри на него, – указал Брэйдан на почувствовавшего неладное осла, который отчаянно пытался пятиться назад, куда подальше от разгневанного Кельма. – Они явно разные виды.

– Это не помешало ему возжелать иное!

– Может, зайдешь? – робко спросила я, прикидывая, как бы вырвать у северянина веревку, пока он не передумал отдавать мне осла.

– Нет, – коротко ответил он. – Плохо мне. Так что берите этого охальника, а я пошел.

Кельм ушел столь же стремительно, как и появился, просто вложив веревку, на которой он привел мое животное мне в руки, развернулся и размашистым шагом, баламутя подножную жижу из грязи и воды, стремительно направился к выходу из поместья Брэйдана. Но, не дойдя всего нескольких шагов до выхода, остановился и что есть мочи заорал:

– Завтра будет торжество в Доме Совета! Велели передать, чтоб вы были! Ясно?!

Брэйдан лишь усмехнулся краешком губ и утвердительно махнул рукой на прощание другу.

Для того, чтобы я могла разместить свое животное, Брэйдан предоставил мне место в конюшне, что располагалась у него на заднем дворе. К своему удивлению, я до сих пор не заметила присутствия каких-либо слуг, а учитывая размеры дома и заднего двора, да и приусадебный участок был достаточно большим, имея в своем наличии парк и несколько небольших прудов, кто-то обязательно должен был поддерживать это в надлежащем порядке.

– Сейчас у них незапланированный отпуск, – пояснил он мне, когда мы возвращались обратно в дом, после того как позаботились о пище и воде для моего страдальца.

– То есть кто-то тебе все-таки помогает?

– Не всегда, – сказал он, беря меня за руку. – Большинство вещей я могу делать сам, используя свою силу, так, например я могу влиять на рост растений в парке, чистоту в доме и прочие бытовые мелочи. Единственная проблема – это приготовление пищи.

– Почему?

– Не люблю готовить.

– Даже используя силу?

– Тем более при моем воздействии на продукты никогда не знаешь, что получишь в итоге, – улыбнулся он. – Ты голодна?
– Да, – согласилась я. – И я даже знаю, где нам поесть...
– Звучит таинственно, – хмыкнул он.
– Немного, просто думаю, что пора тебе познакомиться с моим другом.

– Угощайтесь, – дружелюбно улыбнувшись, сказал Тэо, пододвигая к нам небольшие мисочки с рисом и черной фасолью.

Сейчас мы сидели на полу в комнате, которую он снимал. Оказывается, Тэо как раз собирался завтракать, когда мы пришли, потому ему не составило труда предложить еду и нам.

– Ой, у меня еще и суп есть, – спохватился он, а Брэйдан чересчур радостно переспросил:

– Суп? – с непонятной надеждой.

– Да, из сушеных водорослей! – воодушевленно отозвался друг. – Прихватил с кухни в монастыре немного, когда собирался в дорогу. Вот и выпала возможность использовать.

– Ух ты! – воодушевление по поводу этого блюда не могла не разделить. Оно считалось особенно торжественным в Дао Хэ.

– Ух ты... – как-то тихо отозвался Брэйдан, крутя в пальцах палочки, что получил от Тэо совсем недавно. – Мне точно надо есть этим? – тихонько поинтересовался он, пока друг разливал суп по небольшим пиалам.

– У меня ничего другого нет, – отозвался Тэо вместо меня.

– Тебе непривычно, да? – с улыбкой спросила я, понимая, что ни предложенное угощение, ни способ его поглощения были не то что новы для Брэйдана, но и малопривлекательны.

– Нормально, в конце концов, я живу достаточно долго, и просто обязан радоваться возможности попробовать что-то новенькое в этой жизни.

– Спасибо, – сказала я, выражая свою признательность за то, что он старается ради меня. Пусть и в мелочах, но это было приятно.

– Ну, так значит, мы попытаемся поработать с нитями? – спросил Тэо, когда я передала ему содержание нашего с Советом разговора.

– Да, я хочу попробовать, и буду тебе признательна, если ты поддержишь меня.

– Ты же знаешь, что не должна спрашивать, конечно, я согласен.

– Но у тебя ведь уже есть идеи, с кого и как нам начать?

На этот вопрос Тэо я утвердительно кивнула. Решение было принято мной еще вчера, но пока я не говорила об этом даже с Брэйданом. Не потому, что не доверяла ему, а потому, что не хотела давать надежду, не будучи уверенной в результате.

– Завтра состоится торжество, – сказала я, искоса наблюдая, как отреагирует на мои слова северянин. – Я бы хотела, чтобы мы оба присутствовали там. Можно это устроить? – обратилась я к Брэйдану.

– Думаю, проблем с тем, чтобы присутствовал и Тэо, возникнуть не должно, – сказал он, задумчиво изучая мое лицо.

– Отлично, тогда доставай-ка, мой милый друг, форму, что ты прихватил в монастыре в количестве трех экземпляров.

– Откуда ты?.. – удивленно распахнув глаза, спросил Тэо.

– Я знаю тебя, этого достаточно. И дай мне один комплект, а то все мое барахло окончательно пришло в негодность.

Мы вернулись в дом Брэйдана уже после обеда. Казалось, погода портится с каждым часом, превращаясь из по-северному теплого лета в суровую осень. Дождь лил не переставая с самого вчерашнего вечера, и если сначала он едва накрапывал, то сейчас это был настоящий ледяной ливень. Но, благодаря умениям Брэйдана, моя одежда оставалась сухой. Когда же дверь за нашими спинами затворилась, и мы оказались в тепле домашнего очага, Брэйдан решил заговорить:

– Может быть, поговорим? – спросил он.

– О чем? – спросила я, устраиваясь на диване в гостиной и выуживая из свертка, что дал мне Тэо, формальную одежду даосцев. Также мною были прихвачены иголка и нитка, потому как не все в этом мире можно исправить при помощи врожденных способностей. Мне предстояла кропотливая работа по уменьшению размера отвоеванного одеяния.

– А ты не знаешь? – изогнув бровь, спросил он, не скрывая усмешки.

– Знаю, потому тяну время, – хмыкнула я, продевая нить в игольное ушко.

– И почему же ты не хочешь об этом говорить?

– Потому что пока работа не сделана и нет ясности, возможна ли она в целом, говорить не о чем.

– Тебе говорили, что ты невыносима?

Оторвавшись от своего занятия, я прямо посмотрела на северянина и очень серьезно сказала:

– Да.

В этот момент раздался стук в дверь. Причем стучали настойчиво и достаточно громко. Из-за хитросплетений защиты северянина мне было сложно определять, кто и когда оказывается на территории его дома. Это не могло не напрягать.

– В таком случае это к тебе, – широко улыбнулся он, оставив меня в полном недоумении наблюдать за тем, как он уходит открывать дверь.

Вскоре от двери послышался возбужденный девичий голосок, принадлежавший, насколько я могла вспомнить, сестре весьма рыжего северянина.

– Только ее не хватало, – буркнула себе под нос, подворачивая брюки.

– Oh, Breidan...

– Ingve? Was muhte sie?^[87] – Поскольку кое-что из языка северного народа я уже знала, то прекрасно поняла, что спрашивал Брэйдан.

– Well... Ich wilst tu shee Dei^[88], – ответила Ингве, несколько запинаясь на каждом слове. Но, даже если бы я совсем не поняла, что она сказала, то свое имя расслышала весьма хорошо.

– Was muhte sie aus Dei?^[89] – поинтересовался Брэйдан, не спеша пропускать внутрь нежданную гостью.

– Ich can sagt irre^[90], – несколько обиженно отозвалась она.

В этот момент у порога послышался странный шорох, какая-то толкотня, и уже через минуту в комнату влетела немного взъерошенная, раскрасневшаяся Ингве, а следом за ней Брэйдан, не менее взъерошенный, но не столь раскрасневшийся.

– Твои поклонницы уже начинают осаждать мой дом и берут препятствие, используя силу, – усмехнулся он, смотря, как Ингве изумленно взирает на мои руки.

Сейчас девушка выглядела изрядно промокшей. Несмотря на то что она была одета в теплую душегрейку, она все же подрагивала в то же время, бережно прижимала к груди розовый, вымокший сверток.

– Was er done?^[91] – несколько ошарашенно спросила она.

– Она спрашивает, чем ты занимаешься? – тут же перевел мне Брэйдан.

– Подшиваю одежду, – машинально ответила я, все еще не вполне осознавая масштаб бедствия в лице этой северянки. Мне следовало вспомнить в тот момент, чьей сестрой она является, и постараться любыми способами спровадить ее куда подальше. Но момент был упущен, и стоило Брэйдану перевести мой ответ, как Ингве посмотрела на меня совершенно безумными глазами, в которых было столько умиления. Казалось, на самом их дне зажглись маленькие яркие звездочки. Девушка сдавленно охнула, прижимая свое розовое нечто еще крепче, и, шлепая насквозь промокшими башмаками по ковру Брэйдана, поспешила ко мне.

– Ich halpst du meine kleine!^[92] Du^[93], – тут же обратилась она к Брэйдану, – ercelle er nicht oder 'meine kleine', biene^[94], – заискивающе улыбнулась она.

Ответ Брэйдана был красноречивее любых слов. Когда его широкая ладонь легла на лицо, прикрывая глаза, а сам северянин пошатнулся и как-то обреченно облокотился о дверной косяк. Именно в тот момент я отчетливо поняла, что сегодняшний вечер станет истинным испытанием для моей выдержки и нервов.

Уже через полчаса мне казалось, что Ингве перепутала меня со своими куклами. Она крутила и вертела меня во все стороны, попутно прикладывая ко мне подшитые детали одежды. И ладно бы она сперва подшила, а потом заставила померить. Но она делала несколько стежков, поднимала меня, прикладывала куртку к спине и разглаживала ткань руками! Потом замирала, делая вид, что что-то прикидывает в уме, и делала еще несколько стежков. Потом все повторялось вновь. При этом она бурчала себе под нос какие-то словечки, значение которых я не знала, и она этим явно пользовалась.

Брэйдан же, должно быть, решил мне немного отомстить за то, что решила не посвящать его в подробности своих планов, наблюдал за происходящим с нескрываемым весельем, особенно забавляясь именно тогда, когда Ингве начинала бормотать что-то уменьшительно-ласкательное, как я думаю.

Я терпеливо молчала, снося ее помощь, как вынужденную плату за свое положение.

– Все еще хочешь, чтобы все считали, что ты мужчина? – спросил Брэйдан, не скрывая хитринки во взгляде.

– Пока да, – сказала я, покорно поднимая руки и давая Ингве возможность пройтись по моей талии пальцами.

– Ца-ца-ца, – прощелкала она языком, а потом добавила: – Er ist so sheen^[95], – жалостливо посмотрела она на меня.

– Говорит, что ты очень худой, – перевел Брэйдан.

Я же согласно покачала головой и посмотрела на девушку взглядом, полным тоски.

В этот момент Ингве словно вспомнила что-то важное, отскочила от меня в сторону и размашистым шагом направилась к позабытому свертку. Весьма проворно развернула его и выудила на свет глубокую тарелку, в которой одна на одной лежали румяные булочки.

– Das ist fur du!^[96] – воскликнула она, протягивая мне блюдо. – Mit kaust und met keine!^[97]

Сейчас мне впервые в жизни стало по-настоящему страшно. Эта девушка смотрела на меня, как на личную звезду на небосклоне. Она отслеживала каждый мой жест, внимательно наблюдая за реакцией на ее подарок. И если до этого момента я не слишком придавала значения тому, что она оказывает мне знаки внимания, то сейчас действительно пожалела об этом. Это необходимо было пресечь, но...

– Oh! – воскликнула она, стоило мне кое-как улыбнуться и с поклоном принять ее подарок. – Es ist too late! Ich must gee nah hose!^[98]

– Gut, Ich ergeest du^[99], – отозвался Брэйдан, а мне сказал: – Она говорит, что уже поздно и ей пора, – на этой фразе я едва удержалась, что не улыбнуться во весь рот. – Я провожу ее...

– Nein! – неожиданно возразила Ингве. – Gabe Dei ergeest mich!^[100]

К сожалению, я очень хорошо поняла, о чем просила сестра Кельма. И, сказать честно, энтузиазма это не вызвало.

В результате Брэйдану удалось настоять на том, что провожать девушку должны мы оба. Во-первых, шел дождь, и лучше всех от проливного дождя нас мог защитить именно купол Брэйдана. Во-вторых, это было бы неприлично, если бы незамужнюю девушку отправился провожать парень, которого не одобрили ее родители. Но, если судить непредвзято, то единственный в нашей тройке, за кого следовало бы переживать этой дождливой ночью, была я. Брэйдан

одним своим обликом вызвал бы опасения у возможных незадачливых бандитов, Ингве лишь немногим уступала ему в росте, но комплекцией обладала внушительной, я же была самой маленькой и тщедушной на вид. Так что, как ни крути, но выбрать меня в провожатые не слишком-то практично. Вот так мы и плелись под проливным дождем. Благодаря длинным ногам, Брэйдан шел быстрее и увереннее, Ингве хотелось идти рядом со мной, потому она постоянно отставала, я же моталась из стороны в сторону, то ускоряясь, то замедляя шаг. Длинные юбки северянки постоянно путались у нее в ногах, отчего она то и дело спотыкалась, и раз за разом падала она именно на меня. Я ловила ее несколько раз, используя всю силу своего тела, чтобы удержать ее на ногах. Это, скажу я вам, было тяжело! И когда, у самого дома семьи Кельма, ее решило вновь накренить в мою сторону, я благоразумно решила отступить. Потому девушка ничком ухнула в сырую мягкую траву, а я сберегла остатки сил на обратный путь.

Последнее падение Ингве ознаменовалось нашим прибытием к месту назначения. В то же время от ворот дома Кельма к нам уже спешило несколько мужчин. Как и ожидалось, это были Кельм, Олаф и Терех, но быстрее всех приближалась к нам женщина, мать Ингве и последняя жена Олафа. Женщина что-то громко кричала и то и дело взмахивала руками. Если я правильно поняла, она ругалась, причем сильно.

А картину ей предстояло увидеть действительно интересную. Лежащая в мокрых кустах и барахтающаяся изо всех сил Ингве – и застывшая каменным изваянием я. Брэйдан же уже подходил к мужчинам, не обратив на наши с Ингве игрища ровным счетом никакого внимания. Я же не спешила помогать девушке, не потому, что мне было ее не жаль или я насмеялась над ней. Вовсе нет, но необходимо было, чтобы именно сейчас она нашла то, что бы разочаровало ее в том образе, который она сама себе создала.

В конце концов, я и мать девушки кое-как поставили на ноги покрасневшую Ингве. Сейчас моя поклонница выглядела до крайности смущенной и в то же время злой. Вот только ее мать была еще более разъяренной. Потому, как только Ингве обрела устойчивое положение, та ухватила дочь за толстую белокурую косу и потащила в дом, попутно выговаривая ей что-то на своем языке.

Честно говоря, сейчас я испытывала смешанное чувство облегчения и смущения. Ведь, как ни крути, а именно я послужила причиной разлада в этой дружной северной семье.

– Дэй, – обратился ко мне Олаф, подходя ко мне вместе с остальными мужчинами. – Ты уж прости мою дуру, но запал ты ей в душу. Не знаем теперь, что и делать? – сказал он, явно смущаясь собственных слов.

– Олаф, скажите дочери, что я не тот, кто ей нужен, и простите меня за недоразумение.

Хорошо, что сейчас мы были не в Аире, потому как в подобном случае у мужчины оставалось два выхода: либо жениться и взять женщину, как первую, вторую или третью официальную жену, или причислить ее к своим любовницам, то есть взять в гарем. Все зависело от положения невесты. Если репутация запачкана однажды, то у женщины все равно нет будущего, кроме домов Порхающих.

– Да, хорош ты, ничего не скажешь, – пробасил смеющийся Терех. – Есть-то от горшка два вершка, да такую девку охмурил! Ведь никому не сказала, куда ушла! Целый день сегодня у плиты на кухне провела, все пироги пекла. Уж думали, побалуует нас сегодня к вечеру. А она тебя, значит, побаловать-то решила, – усмехнулся дед Кельма в густые рыжие усы.

И тут же заговорил снова:

– Слышал, Совет тебя недавно навещал?

– Так и есть, – не вдаваясь в подробности, сказала я.

– И слышал, не такой ты простой, каким кажешься? – хитро сощурившись, спросил он, в то время как Олаф осторожно прислушался, а Кельм напряженно замер. Брэйдан не пытался вмешаться в разговор, потому как держал слово и доверял мне в тех вещах, с которыми я могла справиться.

– Откуда же мне знать, что именно тебе кажется на мой счет? – спросила я, отвечая на взгляд Тереха. Что ни говори, но северянин и впрямь обладал большей проницательностью, чем позволял о себе думать. Это чувствовалось и в его взгляде, и в манере говорить. То, что Терех далеко не глупый человек и не такой простой, каким кажется, я убеждалась при каждой нашей встрече. Вот только не было мне спокойно, когда он вот так изучающе смотрел на меня.

– Что же, поживем – увидим, – сказал он, вновь усмехнувшись в густые усы.

В этот момент я бегло присмотрелась к северянину, прощупывая его энергетику, просматривая, какие намерения владеют им сейчас. То, что я увидела, не слишком мне понравилось. Терех очень хорошо контролировал свои эмоции, единственное, что мне удалось почувствовать, так это его настороженность и подозрительность. И то они исчезли быстрее, чем появились. После разговора с Терехом в душе остался странный, неприятно-тянущий осадок.

– Вижу, ты присмотрелась к отцу Олафа? – спросил Брэйдан, стоило нам ступить за порог его дома.

– Да...

– И что? – несколько напрягшись, поинтересовался он.

– Скажи мне, кому из нас сейчас лучше первым поделиться знаниями? Я чувствую, что ты что-то... м-м... как бы сказать, словно у тебя есть в голове мысли, но ты не уверен в них. Но эти мысли не дают тебе покоя, так ведь?

– Они бездоказательны, потому я не могу озвучить их, пожалуй, ни перед кем, кроме тебя разве что.

– Так расскажи. А потом я смогу рассказать то, что почувствовала или хотя бы сопоставить с тем, что известно тебе.

Брэйдан ненадолго замолчал, после чего взял меня за руку и повел в гостиную. Он усадил меня на диван, а сам опустился на корточки передо мной. Таким образом наши лица сейчас были наравне.

– За прошедшие века было много крови, пролитой в наших землях. Вырождение севера, как иногда мне кажется, неминуемо. Казалось бы, это и неудивительно, учитывая тот факт, что у нас не рождаются мужчины. Но если провести черту между погибшими с нашей стороны и количеством погибших Отступников, выходит странная закономерность, которая не в нашу пользу. И всякий раз, когда в планировании очередного сражения или вылазки принимает участие Терех, происходят непредвиденные ситуации. Возможно, я не прав, но мысль о том, что дед Кельма работает на стороне врага, не покидает меня уже не первое десятилетие. Прямых доказательств у меня нет, лишь подозрения. Несмотря на то что Терех ничем себя ни разу не подставил, есть нечто, что заставляет меня сомневаться.

– Ты думаешь, он шпион? – спросила я, хотя уже заранее знала его ответ.

– Да. Хотя произнести это вслух гораздо сложнее, чем кажется. Сейчас наша разведка регулярно докладывает о странной активности со стороны Исмы.

– Исмы?

– Это город, который некогда был занят теми, кто перешел на сторону моего брата. Он совсем недалеко от Аранты, но в то же время является совершенно неприступной крепостью для наших воинов. Защита в нем ничуть не хуже, чем в Аранте. Единственное, что стоит между этими двумя городами, это лес, и, по известным тебе причинам, его стараются обходить стороной.

– И что же говорит ваша разведка...

– Грядет война, Дайли. Земли севера вновь обагрят кровь наших мужей, и боюсь, эта битва может оказаться последним решающим фактором, который определит судьбу северян.

– Война... – немного отстраненно прошептала я. Это слово... оно было подобно приговору для таких, как мы. Эманации прошлых смертей, чужой боли, они встречаются на нашем пути постоянно. Но от них можно отгородиться, внушить себе, что это лишь эхо прошлого. Но война, кровопролитие настоящего, это совсем другое.

– И я боюсь за тебя сейчас куда больше, чем когда-либо. Быть может, для тебя будет разумнее покинуть север вместе с остальными аирцами? – спросил он, с непонятной надеждой во взгляде посмотрев на меня.

– Но почему ты говоришь мне об этом только сейчас? Почему не раньше, перед Советом, например?

– Наверное, – усмехнулся он, – потому, что боюсь отпустить тебя. Но мое малодушие... я с ним разберусь.

– Нет, – возразила я. – Дело вовсе не в этом. Я чувствую твои сомнения, не заставляй меня проникать в разум.

Он смотрел на меня некоторое время. Его лицо оставалось странно-задумчивым, но в то же время именно сейчас он принимал очень важное для себя решение.

– Я знаю, что прокляну себя не единожды за то, что расскажу тебе, – сквозь зубы сказал он. – Мой брат, помнишь, я говорил тебе, насколько талантливым он был?

– Да.

– Это не совсем правда, талантливый был я, а Ингвер был гений. Когда нам было около семнадцати лет, он задался мыслью о создании «Нового Сердца Севера». Источника, энергия которого будет в десятки раз превышать существующий аналог. Думаю, сейчас, последние несколько столетий – это было основным его изысканием.

– Но зачем? Зачем ему это?

– Ты правда не понимаешь? – тихонько спросил он. – Власть, Дайли, единственная и безграничная. Помнишь, в Умире я говорил тебе, что с этой землей что-то не так?

Коротко кивнула, не отводя взгляда от лица любимого.

– Думаю, это был своеобразный полигон для испытания его разработок.

– И те изменения с природой?

– Он делает источник, энергией которого можно целенаправленно управлять. Если наше «Сердце» остается пассивным энергетическим носителем, влияющим на людей избирательно и с определенной силой воздействия, то Ингвер создает контролируемый источник направленного действия.

– Но все же, почему именно сейчас ты говоришь мне об этом?

– Потому что именно сейчас я понимаю больше, чем когда-либо, что хочу защитить тебя куда сильнее, чем сохранить рядом с собой...

– Тогда скажи мне всего одну вещь.

– Какую? – настороженно спросил Брэйдан.

– В какой стороне Исма?

Стоило мне произнести эти три слова, как лицо Брэйдана превратилось в холодную непроницаемую маску. Его зеленые, обычно теплые глаза словно покрылись ледяной пленкой. Так он смотрел на меня некоторое время, не вымолвив и слова. Потом резко встал и отошел к окну.

– Зачем тебе это знать? – холодно спросил он.

– Хочу посмотреть своими глазами, есть ли у Ингвера источник, о котором ты так переживаешь. И не только... я могу многое узнать.

– И... как ты планируешь это сделать? – На какой-то миг мне показалось, что у меня в груди что-то болезненно сжалось, стало трудно дышать. Вот только это были не мои ощущения.

– Твои опасения беспочвенны, – сказала я, подходя к нему со спины и обнимая за талию. – Ведь ты помнишь, как это было, когда мы столкнулись с виргами в последний раз? Точно так же будет и в этот.

– Я помню, как ты пострадала тогда. Повторения этого момента тоже следует ожидать? – спросил он, поворачиваясь ко мне лицом.

Сейчас Брэйдан больше всего походил на строгого Сэ’Паи. Его брови сошлись на переносице, губы поджаты, взгляд острый и пронизывающий.

Вместо ответа я легко улыбнулась и еще крепче прижалась к его груди.

– Нет, в этот раз тело оставляю под твою личную ответственность.

– Уж я прослежу. И учти, если вдруг надумаешь утащить его за собой, я буду крепко тебя держать...

– Как крепко?

– Хочешь, чтобы показал? – вопросительно изогнув бровь, хмыкнул он.

– М-м, надо потренироваться, вдруг ты не справишься...

– Пожалуй, и впрямь стоит, – сказал он, подхватив меня на руки и размашистым шагом устремляясь наверх.

Ночь, когда за окном бушует буря и небо обрушивает на землю потоки ледяной воды, время, когда по-настоящему могут согреть лишь объятия любимого человека. Неосторожные касания; трепет тел; дыхание словно напитано силой огня, способной опалить вдруг ставшую такой чувствительной кожу. Я смотрела в глаза любимого и понимала, что реальный мир ускользает, словно ненужная декорация места. Остается лишь он, мужчина, что так крепко сжимает меня в своих руках. Прикосновения губ которого отдаются сладостной болью в моем теле. То, как он смотрит на меня, кажется, это мой собственный взгляд. Его эмоции накатывают с каждой секундой все сильнее, находя отражение в моих чувствах. Я отдавалась ему не телом, ведь так я могла только принять его. Я отдавалась душой, впуская его в себя, переживая каждую частицу его страсти как свою собственную. Быть с ним, любить его, дорожить им. Никогда даже подумать не могла, что буду мечтать о том, чтобы время вдруг остановило свой ход...

– Люблю тебя, – его тихий, чуть хриплый голос коснется сознания, когда первые лучи солнца увлекут меня в мир снов и грез.

Но я точно знаю, что даже если усну раньше, чем услышу эти слова, то обниму его еще крепче, как только услышу...

«Утро. Нет, уже совсем не утро. Полдень?» – лениво размышляла я, в кои-то веки проспав рассвет. Мои веки совершенно отказывались подчиняться вялому желанию «разлепиться», тело словно не мое, вообще отказывалось выполнять какие-либо команды. Единственное, что я могла – и действительно получала удовольствие от происходящего, – так это ощущать то, как Брэйдан выводит пальцами замысловатые узоры на моей обнаженной спине.

– Северянин, – тихо сказала я.

– Да, моя варварша? – усмехнулся он, не прекращая своего занятия.

– Ты на меня плохо влияешь, – фыркнула я, все же приоткрыв один глаз. – Я никогда, слышишь, никогда в своей жизни не спала до обеда...

– Добро пожаловать в цивилизованный мир. – Кажется, сейчас хорошее настроение было не у меня одной. – Знаешь, сегодня ночью... – несмело начал он.

– Что? – спросила я, приподнимаясь на руках и заглядывая ему в глаза. Немного сонные, но какие-то по-детски счастливые и чуть шальные зеленые глаза, пристально смотрели на меня.

– Ты не говорила, что умеешь такое, – тихо сказал он.

– Что «такое»? – с явным интересом переспросила я.

– Ну, «тааакое», – повторил он, закатывая глаза.

Теперь мне было не просто любопытно, мне стало тревожно и интересно в то же время.

– Я не понимаю? Что такого необычного произошло-то?

Все веселье слетело с лица Брэйдана, словно его там никогда и не было. И теперь уже он настороженно присматривался ко мне.

– Правда ничего «такого» не делала?

Я даже не стала отвечать на этот вопрос, просто смирила его взглядом, который был призван ответить на все вопросы, содержащие слово «такой».

– Понял, – кивнул он в ответ. – Я не знаю точно, но, кажется, вчера ночью я был у тебя в голове. Даже не так, я словно ощущал все твои эмоции и свои тоже... Со мной такого прежде никогда не

случалось, я прикасаюсь к тебе и в то же время чувствую, как мое прикосновение ощущаешь ты. Целую, и не понимаю, какое ощущение принадлежит мне, как так?

На его вопрос я лишь довольно улыбнулась. Я не сомневалась, что в итоге будет именно так. Хотя на это должно было уйти куда больше времени. Возможно, могли потребоваться годы, прежде чем Брэйдан стал бы мне «подходить», сумев адаптироваться к моей энергии. Быть может, дело было в том, что он Властитель, а может, потому, что мы действительно идеально подходили друг другу, но происходящее сейчас лишь подтверждало второе. После того, как и он начал чувствовать меня, мы станем еще немного ближе. Не все Тени ведут аскетичный образ жизни за стенами монастыря, лишь те, кто действительно чувствует себя зрелым для такой жизни. Однажды Сэ'Паи сказал, что большую часть своей жизни он учился получать знания, и лишь спустя многие столетия понял, что готов ими поделиться. Именно тогда и принял решение стать наставником для молодых Теней. Я, думаю, что он немного лукавит, и принял это решение после того, как его пара покинула материальный мир. Но женщина, которая была на протяжении многих лет близка с учителем, стала практически его продолжением. О таких говорят – две половинки. Можно сказать и так, но поскольку она была человеком, а он Тенью, его энергетика была более сильной, и фактически Сэ'Паи Тонг привязал к себе душу своей любимой. Более сильная сущность учителя не позволяет душе любимого человека продолжить цикл перерождения. Она вынуждена существовать в более тонких слоях, ожидая, когда они продолжат этот путь уже вместе. Когда-то Сэ'Паи очень сильно переживал из-за этого, ему казалось, что его любовь мешает ей, заставляет мучиться и страдать в ожидании. Одного он не понимал тогда, что это не выбор, от которого можно отказаться, это цена за любовь Тени. Не каждому из нас дано встретить настоящую пару, никогда нельзя быть уверенным наверняка, что любимый окажется именно ею. Почему так, я не знаю, но иногда Тень может прожить рядом с человеком долгие годы, но связи так и не возникнет. И никогда прежде я не слышала, что связь возникает так быстро...

– Эм... – нерешительно произнесла я, делая глубокий вдох. – Эм... – еще раз повторила, пытаюсь подобрать слова.

– Если еще раз скажешь «эм», я начну подозревать самое ужасное, – улыбаясь, сказал он.

– Ну, я просто не знаю, как тебе сказать... но теперь мы вместе навеки, – быстро выпалила я и зажмурилась, не в силах посмотреть на его реакцию.

– Ну ладно, – легко согласился он. – А ты собиралась пробыть со мной меньше? – серьезно спросил он, подтягивая меня к себе ближе и накрывая мои губы своими.

Через три часа я стояла посреди комнаты, придирчиво изучая свое отражение в зеркале. Второй раз в этой жизни! И впервые – с интересом. Но, как это ни странно, интересно мне было не то, как выглядит мое лицо, куда интереснее было рассматривать на себе официальное кимоно Дао Хэ.

Многие из Теней ни разу в жизни не примеряли церемониальную одежду, мне же выпала такая вот честь...

Черная куртка с воротником-стойкой застегивалась на пуговицы специального плетения и подпоясывалась широким угольно-черным поясом. Длинные брюки в пол, довольно широкие и сильно смахивающие на юбку, сверху надевался жилет, тоже черного цвета, длиной до колен. Его полы были расшиты иероглифами даосского диалекта, мертвого языка, на котором мы могли петь и читать, но говорили редко. Вышивка наносилась ярко-красными шелковыми нитями и означала примерно следующее:

«Я – Тень, обретшая плоть. Мое бессмертие в познании пути. Моя жизнь – дорога к себе. Нас много, но мы лишь личины единого».

Честно сказать, сейчас я испытывала смесь смущения и удовольствия. Потому как совершенно по-детски казалось, что я примеряю одежду взрослого, которым восхищаюсь и потому самой себе кажусь невероятно... Крутой! Волосы я переплела в простую высокую и тугую косу, которую привыкла носить в монастыре, за спину водрузила чехол с шестом и сейчас думала, стоит ли его брать или нет?!

– Конечно, красиво, – раздался голос Брэйдана у меня со спины. – Но уж как-то мрачно...

– Мрачно? – спросила я, выпуская Тень и позволяя отразиться ей в глазах. – Да... – широко улыбнувшись, посмотрела на него.

– Ужас, – подытожил он, так же улыбаясь в ответ. – Только на приеме не надо так делать, у нас и так мало мужчин, все старые, еще не хватало, у кого сердце не выдержит!

– Ладно, – фыркнула я, возвращая себе нормальное зрение и теперь уже смотря на своего мужчину человеческими глазами.

Сейчас Брэйдан был облачен так же в церемониальные одежды, и они были абсолютной противоположностью моей. Белая рубашка, белая куртка, темные штаны и высокие сапоги. Все это было вполне обычным, но не его плащ. То, что он был из меха, не впечатлило меня, но то, что этот мех был белоснежно-серебристым... Животное, которое использовали для создания этой одежды, должно было быть невероятно красивым. Но только не на плечах человека.

– Тебя смущает плащ? – спросил он, неожиданно верно поняв ход моих мыслей.

– Прости, мне всегда не комфортно от таких вещей.

– Кажется, я это чувствую, – сказал он, ненадолго задумавшись. – Правда, неприятно, – через несколько минут согласился он.

Наша связь крепла неожиданно быстро. В какой-то степени я такого не ожидала. Никогда бы не подумала, что эмпатическое восприятие появится в такие короткие сроки. Очень быстро, даже слишком, от этого было странным образом не по себе.

– Я сниму его, – неожиданно сказал он.

– Не стоит, – попыталась возразить я.

– Стоит, иначе меня стошнит, – сказал он и не задумываясь сорвал его с плеч. – Если я перестану есть мясо, как и ты, я прыгну со скалы, – пробурчал он, доставая из высокого платяного шкафа плащ из плотной шерсти.

– Прости, – улыбнулась я, подходя и обнимая его со спины.

– Цени! – хмыкнул он. – Видишь, какой я чувствительный, говорят, женщинам такие нравятся.

– Ценю, – легко согласилась я.

Прием должен был состояться в Доме Совета. Стало быть, нам следовало двигаться в сторону верхнего яруса Аранты, еще выше, чем то место, где располагался дом Брэйдана. Но сперва необходимо было дождаться Тэо. Когда же мой друг появился верхом на своей лошади, а Брэйдан сказал, что появление пешком на прием такого уровня неприлично, я всерьез подумала, не пустить ли мне слезу. В голове

возник образ меня, в церемониальной одежде Дао Хэ, восседающей верхом на осле. Конечно, я уже давно полюбила это животное, можно сказать, мы с ним стали дороги друг другу. Но...

– У меня много лошадей, просто выбери, какая тебе нравится, – предложил Брэйдан, вновь поняв все без лишних слов.

И стоило ему это предложить, как мне отчего-то стало стыдно от собственных мыслей. Разве правильно придавать такое значение подобным вещам? Сначала одежда, теперь думаю, как буду смотреться на осле? И так все близко к сердцу воспринимаю. Стоило подумать, что все на красивых лошадях, а я на своем зайце, так чуть не разревелась?! Со мной-то что не так?

– Нет, осел моя лошадь, то есть мой осел... – скаламбурировала сама толком не понимая что, я отправилась на конюшню за своим мальчиком.

Торжество в Доме Совета было не простым приемом, на который приглашались жители Аранты в знак чествования принцессы Аира. Это был день, когда Совет решил провести ритуал. Именно сегодня жителям Севера предстояло узнать, имело ли смысл путешествие, проделанное группой северян на восток.

Перед зданием Совета раскинулся внушительных размеров парк и небольшая площадь, на которой сейчас во всей своей красе развернулась настоящая ярмарка. Выступали артисты, играли музыканты, то тут, то там продавали с лотков еду и выпивку, самые предприимчивые из северян пытались воспользоваться ситуацией и продать свой товар, начиная от вяленой рыбы и заканчивая одеждой из пушного зверя. Площадь пестрела от количества пришедших поглазеть на причудливых гостей северян, и то возбуждение, с которым простой люд ожидал вердикта Совета, казалось, витало в самой атмосфере, передаваясь от одного человека к другому.

– А если окажется, что принцесса не подходит? – решила поинтересоваться я, видя, как сейчас радуются все эти люди, что сегодня пришли сюда в ожидании своего маленького чуда.

– И что? – вопросом на вопрос ответил Брэйдан.

– Ну, они же расстроятся...

– Ах, это, – отмахнулся он. – Это не испортит им праздника, уж поверь.

– Почему? – тут же поинтересовался Тэо, поворачиваясь к Брэйдану. – Разве это не важно для Севера.

– Важно, конечно, но если уж не подошла, то что ж поделаешь, – пожал он плечами. – Зато хорошо отдохнули, погуляли, выходной посреди недели, плюсы найдутся, можете не сомневаться, – хмыкнул он.

– И что, они смогут так легко это пережить?

– Ну, во-первых, в таком положении мы живем не первый год, многие из присутствующих, а именно женщины, в общем, не понимают, как так, когда мужчина стареет наравне с ними. Для них норма, когда мужчина на протяжении всей жизни не меняется. Многие женщины, по достижении пожилого возраста, выгоняют своих мужей из дома, не желая жить с ними более, потому как это хлопотно в таком возрасте ухаживать за вечно молодым мужчиной, да и чувства к этому моменту у многих проходят. Во-вторых, это особенности нашего менталитета, наверное, мы не переживаем по тому, что не в силах изменить, а наслаждаемся тем, что имеем. Во всем стараемся найти то, что сделает нас счастливее. Так, например, многие из собравшихся хотели бы, чтобы принцесса была той, кто нам нужен, но в то же время они пришли наслаждаться праздником. Если принцесса подойдет, значит, выпьют за это и хорошенько отметят, если нет, то выпьют за это и тоже отметят, – улыбнулся он, в то время как наша компания как раз подъехала к площади.

Люди на площади почтительно расступались, стоило им заметить нас, приветливо махали руками, что-то выкрикивали. Но особенное внимание доставалось мне и Тэо от совсем еще юных северянок. Круглолицые румяные девчушки махали нам своими ладошками, громко смеялись и кокетливо стреляли глазками.

– Я балдею, – неожиданно шепнул Тэо, выразительно закатив глаза. – Я, словно Император Солнца, – фыркнул он, расплываясь в широкой улыбке.

– Ты совсем распустился, завтра надо устроить тренировку, – прошептала ему в ответ, обводя толпу собравшихся пристальным взглядом.

– Зануда, если бы ты была мужчиной, то поняла бы...

– Да, потренируемся непременно, я тоже так думаю, – сказала я, одарив друга многообещающим взглядом.

Тэо нервно сглотнул, но утвердительно кивнул в ответ.

Дом Совета был словно высечен из массива серой скалы, к которой он и прилегал. Это было высокое здание, поражающее своей мощью и монументальностью. То, что Совет располагался в самой высокой точке Аранты, завораживало еще больше. Казалось, этот дом упирался прямо в серые кучевые облака. Искусная работа каменщиков, которые смогли проделать такое с цельным массивом камня, также не оставляла равнодушным.

– Это здание не рукотворное, – пояснил Брэйдан, должно быть, уловив ход моих мыслей.

– Как это? – обернулась я к нему.

– Это работа властителей, сумевших изменить структуру камня и заставить его видоизмениться. Именно здесь находится «Сердце Севера», потому и Совет было решено разместить именно в этом месте. Изначально функцией Совета старейшин было оберегать «Сердце», хранить и наблюдать за ним. Алтарь тоже находится здесь. Это своеобразная плита из черного камня, которая лежит поверх самого источника.

– Скажи, много ли гостей будет на этом мероприятии? – спросил Тэо, с интересом рассматривая место, которое столь много значило для Севера.

– Да, – отозвался Брэйдан. – Будут практически все властители, кроме них Совет и старейшины. Также будут и простые люди, имеющие определенный вес в нашем обществе.

Кое-как протолкнувшись сквозь толпу собравшегося люда, мы подъехали ко входу. Огромные двери или даже ворота, несколько метров в высоту, сейчас были открыты, впуская в Дом Совета приглашенных гостей. Стоило нам спешиться, как наших животных взяли под уздцы двое дюжих парней и молча увели их прочь.

Стоило оказаться внутри, как мы с Тэо в очередной раз пораженно замерли. Если снаружи скала казалась серой, то внутри стены были из белоснежного камня, с вкраплением странных песчинок, которые в ярком голубом свете, льющимся откуда-то сверху, переливались и мерцали. Больше всего это было похоже на снег, который переливается в лучах яркого солнца. Завораживающее, неправдоподобно красивое зрелище. Но, несмотря на то что стены внешне казались холодными, внутри было достаточно тепло.

Сейчас мы стояли в просторном, но пустынном холле. Почему здесь никого не было, это странно.

– Все уже в центральном зале. И нам следует поспешить, – сказал Брэйдан, решительно шагая вперед и показывая дорогу, куда следует идти.

К слову сказать, мы шли по широким белоснежным коридорам, но, несмотря на то что здесь отсутствовали окна, все же было очень светло. А эффект, который создавался благодаря камню и странному сиянию, исходящему с потолка, заставлял нас чувствовать себя так, словно мы идем сквозь туннели, сделанные из снега. Мы шли относительно недолго, несколько раз нам пришлось подняться по широким лестницам, сделанным из темно-коричневого дерева, пройти около пяти длинных коридоров, которые как один были похожи друг на друга, прежде чем неожиданно вышли к очередным, на вид недвижимым, высоким дверям. Сейчас они были закрыты, и открывать их никто не спешил.

– Они выглядят совершенно неподъемными, – буркнул Тэо, нерешительно потянувшись к массивной ручке, отлитой из золотистого металла.

– Так и есть, поэтому, ничего, если я открою? – сказал Брэйдан, лоя руку Тэо и осторожно убирая ее в сторону. – Никогда не трогайте двери в домах властителей, если не получили приглашения войти, – сказал он, проводя пальцами по железным витым узорам, украшающим двери.

– На нас ваши фокусы все равно не работают, – фыркнул Тэо, но прикоснуться к двери все же не решился.

Что именно сейчас проделал Брэйдан, я не очень хорошо понимала, только ощутила, как изменились энергетические потоки вокруг, как завихрилась сила, окутывающая северянина, и в то же время голубые искры словно отразились от металлических узоров, которыми были украшены массивные двери в зал Совета старейшин. Что-то едва слышно щелкнуло, и в то же время двери начали медленно открываться.

Зал, в который мы пришли, был поистине огромен, не говоря уже о высоком сводчатом потолке. Стены также искрились серебряной каменной крошкой, только теперь это были не ровные стены, а целая история Севера. Барельефы, украшающие зал по периметру,

рассказывали о сражениях, о Властителях прошлого, о подвигах, свершенных столетия или даже тысячелетия назад. Были здесь и статуи трех Властителей, расположенные так, что если провести линии от одной фигуры к другой, то получился бы треугольник. Мужчины, чьи фигуры навеки запечатлел белый камень, были облачены в длинные плащи и военный доспех северян. Каждый из троих держал в вытянутой руке меч, острие которого соединялось с двумя другими у самого центра потолка. Впечатляющее зрелище, поражающее своей масштабностью. Невольно начинаешь чувствовать мелкой и бесполезной, когда эти великаны скрещивают огромные каменные мечи у тебя над головой. Лица у фигур видно было плохо, но то, что они казались суровыми и беспристрастными, чувствовалось, даже несмотря на то, что не было никакой возможности взглянуть на них не снизу вверх, а прямо. Прямо под тем местом, где сходились мечи Властителей, находился идеально круглый, высеченный из глянцево-черного камня то ли стол, то ли подиум. Должно быть, это и был Алтарь, хранивший «Сердце Севера».

– Это первые Властители наших земель и первые хранители «Сердца», – шепнул нам Брэйдан, заметив, с каким интересом мы с Тэо рассматриваем необычные статуи.

Но сейчас, даже несмотря на то что зал был не то что большой, а огромный, казалось, что он забит от и до. На наш приход, конечно, обратили внимание, но и события из этого никто никакого не сделал. В основном в зале присутствовали одни мужчины. Это и немудрено, учитывая, что сегодня будут искать жениха, потому уместить бы всех желающих да особо важных персон Аранты. Мы тут же постарались переместиться к противоположной стене зала, где сейчас собрались члены Совета и старейшины.

– Не следует стоять около алтаря, – сказал Брэйдан, уводя нас за собой, – скоро там начнется сам отбор, потому лучше не мешаться, если, конечно, не хотите поучаствовать? – лукаво изогнув бровь, посмотрел он на меня.

– Нет, спасибо, – шикнула я на него.

– Сын, ты все-таки пришел, – раздался не в меру радостный голос отца Брэйдана, который сейчас весьма усердно продвигался сквозь толпу в нашем направлении.

– Отец, – улыбнулся Брэйдан, пожимая руку отца и улыбаясь в ответ. – Даже не надейся, я своего решения не изменил.

– Так ты еще не слышал? – вопросительно изогнув бровь, спросил Агро. – Речи о добровольном участии больше не идет. Вчера старейшины постановили, что участвовать будут все. Каждый властитель обязан предоставить кровь для ритуала.

– Что? – нахмурившись, переспросил Брэйдан.

Должна заметить, что сейчас Брэйдан и его отец говорили на своем родном языке. Мне никто не переводил, уж не знаю почему. Но одного никто не учел, во-первых, кое-что я понимала уже сама, а во-вторых, у меня был Тэо, который владел языком уже очень прилично. И сейчас он мысленно передавал мне все сказанное северянами.

– Грядет война, сын, сам знаешь. Это уже не вопрос о выборе, это вопрос о предназначении.

– Я не стану, – очень четко сказал он.

– Тогда это будет расцениваться как измена, – так же жестко ответил его отец и, повернувшись к сыну спиной, зашагал прочь, не обратив на нас с Тэо ровным счетом никакого внимания.

«Не нравится мне это», – в это же время пришла мысль от Тэо.

Я лишь утвердительно кивнула в ответ и прямо посмотрела на Брэйдана.

– Ты все поняла? – спросил он по-аирски, поняв мои эмоции без слов.

– Да. Сделай, как они хотят, – глубоко вздохнув, сказала я, понимая, что пришло время и мне решать то, что следовало сделать еще вчера.

Брэйдан ничего не ответил мне в этот момент, вместо слов говорили его глаза. И столько сейчас плескалось на самом их дне, столько невысказанных слов. То, что он продолжал упрямиться, я понимала, как и то, что сейчас он разрывался между обещанием верить в меня, в мои слова и собственным желанием сделать все правильно, защитить наши отношения.

– Ой, привет, Дэй, – Рыжий возник так внезапно, что я едва не подпрыгнула от неожиданности.

Поздоровавшись со мной по-аирски, он тут же обратился к Брэйдану на родном языке.

– Привет, Брэй, что это за новый хрен с вами? – не стесняясь в выражениях, спросил он.

Тэо смотрел на Кельма так, словно не понимал ни слова, я решила следовать его примеру.

– Это друг Дзя, будь с ним вежлив, – попросил Брэйдан, все еще не отводя от меня тяжелого взгляда.

– Ладно, но он тоже того... – закатив глаза, сказал Кельм. – Ненормальный, как Дэй? – видимо сообразив, что сказал что-то не так, Кельм поспешил исправиться: – То есть необычный?

– Да.

Тут Кельм осторожно скосил глаза в сторону Тэо и пристально осмотрел его с головы до ног, особенно всматриваясь в очертания груди и того, что ниже.

– Ясненько, – сказал он, обозначив на лице гримасу глубокой задумчивости. – Чего я, собственно, пришел-то, – неожиданно быстро затараторил рыжий северянин по-аирски, отчего половину того, что он говорил, было очень сложно понять. – Дэй, можешь побить сестру?

– Что? – во все глаза уставились мы с Тэо на северянина.

– Что, так трудно? – жалостливо изогнув брови, сказал он.

– Да не особо... – растерянно пробормотала я.

– Хорошо, – довольно улыбнулся Кельм. – Совсем на тебе помешалась, вот я и подумал...

– Думаешь, если я ее изобью, что-то изменится? – буркнула я, все еще не успевая за логикой северянина.

Теперь уже Кельм вытаращился на меня во все глаза.

– Что? Зачем? – пробормотал он.

– Так ты сам сказал...

Кельм глубоко вздохнул и еще раз повторил уже по слогам:

– Побудь с сестрой, – медленно повторил он. – Поговори с ней, объясни, не надо бить.

В этот момент тяжелые двери из массива дерева вновь пришли в движение. И стоило им открыться, как в зал вошло сразу несколько северян, судя по их энергетике, – Властителей, а следом за ними одетая в темно-синее кимоно, расшитое желтыми и красными цветами, осторожно ступая по скользкому каменному полу, шла Йола. Ее лицо было непроницаемой маской, волосы убраны согласно традициям Аира, а саму прическу украшали безумно дорогие в Аире нефритовые

гребни. Сейчас принцесса казалась еще более исхудавшей и уставшей, ее энергетическая оболочка выглядела сильно истощенной и словно выцветшей. С чем были связаны подобные перемены, я уже знала. Брэйдан рассказывал мне, как подействовал амулет Ингвера на энергетику принцессы, как и то, что вероятнее всего, в скором времени Иола может серьезно заболеть.

С появлением принцессы в огромном Зале Совета воцарилась неестественная тишина. Казалось, все взгляды присутствующих сейчас были прикованы к хрупкой фигурке этой молодой женщины, которая так запуталась в собственных желаниях, целях и методах их достижения, что едва не погибла сама. Не могу сказать, что оправдывала принцессу. Ее действия привели к поистине ужасающим последствиям, но... мне было ее жаль. Осудить кого-то очень легко, когда не понимаешь ни мотивов, ни того, что у человека в душе. Сделать выбор в пользу насилия, как противодействия насилию, еще легче. Но когда встает такой выбор ответной реакции на поступки других, подумайте, кому в первую очередь станет хуже от этого? Однажды впустив ненависть в сердце, она расплзается в душе, словно капля чернил, расплывающаяся на белом листе бумаги. Возможно, мне легко так говорить, потому как тень, живущая во мне, не способна к разрушающим эмоциям. Злость, ненависть, жестокость, зависть – все это чувства, которые я, как и многие, могу испытать, но не хранить их, вращивая в сердце и испытывая лишь боль от них.

Вот и сейчас я и Тэо ощутимо поежились от той смеси эмоций, хлынувшей со всех сторон на принцессу. Были здесь и ненависть, и презрение, кто-то упрекал, кто-то не верил, что эта молоденькая аирчанка способна на подобное. Одно можно было сказать точно: каждый из участвующих в отборе точно знал, что совершила потенциальная невеста и чего от нее можно ждать. Думаю, до простого люда эта информация пока не дошла, а может быть, не имела никакого значения.

– *Wir comt her cum...* – хорошо поставленным голосом заговорил один из старейшин с платиновым цветом волос. Как шепнул мне Брэйдан, его звали Ерд. Странное имя, не слишком заковыристое и короткое, мне понравилось. Так вот, стоило северянам, что привели принцессу в Зал Совета, подвести ее к алтарю, как Ерд начал свою речь, обращаясь к собравшимся. Стоящий рядом с ним Адаль, второй

из белокурых старейшин, в это время пристально обводил взглядом всех присутствующих, в то время как Джодок переводил все сказанное на аирский.

– Мы собрались сегодня, потому что, несмотря на прошедшие столетия, храним надежду в наших сердцах, что есть еще шанс не упущенный нами. Раскол, что разделил народ Севера надвое, заставив позабыть о тех ценностях, что были почитаемы нашими предками на протяжении тысячелетий, еще не столь велик, и мы сможем возродить величие былого... – Джодок и Ерд еще долго говорили о значимости этого дня. Говорили они и о днях давно минувших, как и о том, что не все потеряно, что есть шанс на то, что их будущее возможно. Люди, собравшиеся в Зале Совета, слушали в полной тишине, лишней раз никто даже не шелохнулся. Я и Тэо также старались выглядеть достойно, хотя мой друг без перерыва передавал мне свои мысли, которые больше всего напоминали сборник шуток на все случаи жизни. Одним словом, Тэо моментом не проникся и в целом не верил в то, что затея с «подходящей кровью» имеет смысл.

«Ну дурь же какая-то», – в очередной раз завел свою песню Тэо, при этом никак не изменившись в лице. Сейчас его лицо казалось не по возрасту серьезным и, я бы даже сказала, одухотворенным. Знал бы кто, что за кавардак царил в мыслях.

«Сама подумай, сейчас брызнут кровушкой на камень, и этот булыжник выберет, кого надо! Я даже никакой вибрации не чувствую!»

«То, что ты не чувствуешь, не означает, что ее нет. Я тебя прошу, угомонись уже. У меня уже голова трещит от твоих словоизлияний!»

«Я просто не понимаю смысла происходящего?..»

«Послушай, давай просто посмотрим, а обсудим потом?» – миролюбиво предложила я, уже не зная, как его заткнуть.

«Ты всегда так говоришь, когда не хочешь разговаривать со мной», – несколько обиженно пробурчал он.

Мне, конечно, хотелось сказать ему, что раз он помнит это, то стоит научиться понимать намеки, но тут Джодок сказал главное, для чего мы все здесь сегодня собрались:

– Начнем.

Стоило сказать это простое слово, как все вокруг пришло в движение. Люди стали отходить дальше от алтаря, освобождая пространство вокруг. Недвижимой осталась лишь Иола, к которой

сейчас через живой коридор шло трое: Джодок, Ерд и Ададь. Трое властителей были облачены в одежды, которые явно несли какой-то подтекст. Джодок был одет во все черное и встал он слева от принцессы, положив левую руку на гладкую поверхность алтаря, Ерд был одет во все белое и занял место справа от Иолы, зеркально повторив движение Джодока. В то время как Ададь, облаченный в серые цвета, встал позади принцессы, возвышаясь над ней практически на две головы. Ададь не прикасался к алтарю, вместо этого, одной рукой он взял Иолу за подбородок и повернул ее голову в сторону, после чего поднял вторую руку, в которой сейчас мерцала холодная сталь кинжала, и поднес его к горлу девушки.

В этот момент мне стало откровенно не по себе.

– Все в порядке, – легонько сжав мою руку, прошептал Брэйдан, тепло посмотрев на меня.

Сейчас, когда острая сталь прикоснулась к нежной коже Иолы, Властители, что до этого просто стояли рядом, держась руками за алтарь, что-то зашептали. Должно быть, на древнем наречии, потому как, судя по недоумевающему взгляду Тэо и отсутствию какого-либо перевода, этих слов он не понимал. Какое-то время ничего не происходило, но стоило северянам изменить ритм произносимых слов, как на глянцево-черной поверхности алтаря вспыхнула маленькая голубая искра. Она несмело мерцала, но с каждой секундой становилась все ярче. И вот когда на это сияние было невозможно смотреть... всё исчезло. А уже через долю секунды побежали по каменной поверхности ярко-голубые круги, словно не камень то был, а вода, в которую бросили камень. Думаю, сейчас даже Тэо стало не по себе от стоящего в Зале Совета резонанса той энергии, что кругами расходилась по черному камню.

– Они активировали алтарь, – шепнул мне Брэйдан, не отрываясь следя за происходящим.

Амплитуда, с которой расходились сияющие круги по каменной поверхности, все нарастала. А от движений энергетических потоков вокруг лично у меня зашевелились волосы на затылке. Это было, как если бы я оказалась в эпицентре шторма, когда яростные молнии непокорной стихии сверкают в миллиметрах от тебя самой.

Как только Ерд и Джодок замолчали, в тот же миг заговорил Ададь. Его речь напоминала собой протяжную песнь. Глубокий

мужской голос эхом разносился по огромному Залу Совета, многократно усиливаясь и непонятным образом резонируя. Он говорил недолго, но энергия, что до того достаточно хаотично витала вокруг нас, неожиданно начала сгущаться вокруг его фигуры, словно покорный и ласковый зверь, готовый по команде хозяина сорваться в прыжке.

В этот момент Ададь легко надавил острием кинжала на горло девушки, вспарывая нежную кожу Иолы. Принцесса испуганно охнула, в то время как алая струйка, переливаясь рубиновыми искрами, побежала по холодному лезвию. Властитель тут же обошел вокруг принцессы и, занеся кинжал над самым центром алтаря, опустил его лезвием вниз, позволяя крови принцессы упасть на его поверхность.

Я наблюдала за происходящим, затаив дыхание. Это было невероятное зрелище, увидеть, как вся скопившаяся в этом помещении энергия вдруг устремилась к одной маленькой капле, окутывая ее своим сиянием и тут же рассеиваясь по гладкой поверхности алтаря, стоило крови соприкоснуться с ней.

– Dum, – произнес Ададь, а Джодок тут же подхватил его слова, переводя их для нас.

– Теперь «Наше Сердце» выберет за нас. Каждого из присутствующих Властителей я прошу принять участие в этом отборе. Вчера было решено, что более это не вопрос выбора каждого из нас, это долг, – в подтверждение своих слов Ададь поднес лезвие кинжала к свободной ладони и одним резким движением рассек ее.

«А кровищи-то, кровищи! Показушники!» – не сумев удержаться, прокомментировал Тэо.

«Когда ты волнуешься, у тебя начинается словесное недержание», – ответила я, в тот же миг закрывая сознание от не в меру импульсивного Тэо.

Оказалось, что этот странный отбор и впрямь не требовал особых жертв. Всего несколько капель крови, которые Властители оставляли не в центре алтаря, а практически на самом его краю.

– Что должно произойти, если кровь окажется подходящей? – спросила я Брэйдана.

– Ничего особенного, всего лишь устремится к центру алтаря.

Что ж, и впрямь ничего особенного, но как бы то ни было, ничего подобного не произошло, ни когда свою каплю оставил Ададь, ни

Джодок, ни еще около ста человек... Время шло, точнее не так, оно тянулось крайне медленно. Властитель за властителем подходил к алтарю, надрезал запястье, оставлял каплю крови, которая, вместо того чтобы куда-то там стремиться, просто впитывалась каменной поверхностью. Испытуемый выпускал вдох облегчения и легкой походкой с улыбкой на губах топал к таким же счастливицам. Как бы там ни было, долг долгом, но «героем», женившимся на ненормальной аирчанке с целью «спасения Севера», никто быть почему-то не хотел.

Собравшиеся все более отчетливо понимали, что вероятность того, что они нашли необходимую женщину, испаряется с каждым мужчиной, что оказался неподходящим.

– Ну, етить твою налево, – яростный шепот Кельма Брэйдану на ухо был слышен даже с приличного расстояния. – Я так хочу жрать, когда же уже закончится, – горестно пыхтел он, тоскливо поглядывая на зачарованную дверь. – Не дай Боги, этой принцессе никто не подойдет, что я жене скажу? Что шлялся не пойми где, чтобы эту бесполезную бабу привезти?

– Хельга прекрасная женщина, – сказал Брэйдан, за что заработал непонимающий взгляд от Кельма. Сильно подозреваю, что знай Брэйдан, что я не понимаю ни слова из того, о чем они шепчутся, то разговор их складывался совсем по другому сценарию. – Она тебя поймет, – коротко шепнул он, легонько улыбаясь и утвердительно кивая мне в ответ.

– О, – протяжно вздохнул Кельм. – Ты, похоже, совсем спекся тут. Во, смотри, сейчас Рик будет резать руку, – чему-то невероятно обрадовавшись, пробухтел Кельм даже громче прежнего. – Бедненький, надеюсь, обойдемся без обмороков, – фыркнул он.

На эту его фразу Рик неожиданно обернулся и зло посмотрел на Кельма, словно слышал все, что он говорил.

– Это было всего один раз, – упрекнул его Брэйдан. – И мы были детьми.

Рик, как и минутой ранее Дэйм, надрезал свое запястье, позволяя густым алым каплям упасть на гладкую поверхность алтаря. Но, как и прежде, его кровь впиталась в поверхность, не оставив и следа. По Залу Совета прошелся очередной вздох разочарования. Как бы там ни было, но многие из собравшихся надеялись на удачный исход. Быть может, не все верили, что рожденный от такого союза ребенок и

впрямь станет тем единственным, кто сумеет изменить сложившуюся ситуацию. Но порой бывает достаточно и надежды.

Вера в лучшее помогает двигаться в необходимом направлении. И порой не пророчество или предназначение меняет мир, а именно вера в то, что это возможно.

Наблюдая за происходящим в Зале Совета, я все больше погружалась в собственные мысли. Энергия этого места, его история звала меня, уводя куда-то в прошлое. Это было одной из моих способностей, только вот если обычно я сама могла считывать информацию с места, то сейчас само место приглашало меня к своему прочтению. Силуэты собравшихся людей смазывались, становясь все более расплывчатыми, пока не исчезли окончательно. Мимо меня с невероятной скоростью проносились образы мужчин, некогда приходивших к Источнику, невнятным шумом в ушах отражались их голоса. Но странное движение прошедших времен не останавливалось на одном конкретном моменте, продолжая кружить вокруг меня разноцветным вихрем смазанных теней. Это не было похоже на то, как обычно я «слушаю землю», ища в прошлом то, что оставило бы самый яркий след. Сейчас я понимала, что меня ведут к определенному событию, и не я ищу тот миг, когда вихрь времени развеется, открывая для меня картину прошлого. Ощущения были такими, словно само место, каким-то непостижимым образом наделенное подобием разума, решило открыть мне что-то очень важное.

Неожиданно мир приобрел четкость. Завершил свой яркий хоровод из пестрых и непонятных фрагментов чужих жизней, обретя четкий образ определенного момента.

Сейчас я стояла посреди Зала Совета, на том самом месте, где делала это в «настоящий момент моего реального времени». Вот только в зале кроме меня было только три человека. Трое мужчин, высоких и хорошо сложенных, стояли вокруг черного алтаря и странным образом всматривались в него. Было такое ощущение, что смотрят они куда-то в самую его глубь. Словно и не камень перед ними, а бездонный омут, куда каждый из них смотрит в надежде увидеть что-то очень важное.

– Она придет из мира Солнца, – неожиданно заговорил самый высокий из собравшихся мужчин, прищурившись, наклонился еще

ближе к поверхности алтаря. – Дыханье жизни в мир однажды проклятый неся. Под поступью ее растают льды, вернув все на круги своя. Она сама решит, когда забьется «Наше Сердце» вновь. Пусть решает добровольно кровь, кого навеки изберет.

– Wire!^[101] – очень четко произнес тот, что стоял слева от говорившего мужчины, кладя левую руку на алтарь.

– At mitzum!^[102] – сказал до того молчавший северянин, кладя правую руку на алтарь, как раз в тот самый момент, когда черный камень знакомо начал переливаться голубоватыми искрами.

– Уверен, что сработает? – несмело спросил один из мужчин, обращаясь к Властителю, что до того произносил строки пророчества, смысл которого в его устах был несколько иным, что говорил мне до этого Брэйдан.

– Даль, я очень на это надеюсь, – тяжело опираясь о поверхность алтаря, ответил он.

– Ты, единственный из нас, кто может читать нити будущего, и если то, что ты увидел, правда...

– Мы обязаны хоть как-то это изменить, Рэмил. Рождение близнецов предрешено, можно было бы попытаться повлиять на это, «Сердце» считает это бессмысленным. То, чему предназначено случиться, найдет выход и случится. Все, что нам остается – это запустить нить случаев, которую смогут увидеть те, что ходят меж миров.

– Ты веришь, что они существуют?

– «Сердце» знает и рассказывает мне о них. Я видел гору, обдуваемую четырьмя ветрами, на ней живут люди... Нет, не совсем люди, создания, которые способны дышать в унисон с этим миром, слушая и отвечая ему. Они – это сила, обретшая разум и заключенная в тело на время. Частички Вселенной, истинные дети мироздания, жизни...

Когда этот мужчина заговорил об «этих существах», мое сердце невольно сжалось в груди. Неужели кто-то из древних Властителей предвидел то, что произойдет с его народом? Неужели кто-то из них знал о нас?..

– Так сложилось, что рождаются эти создания в мире Солнца, эта земля пропитана силой, необходимой для их рождения. Люди, айрцы,

предрасположены к тому, чтобы вынашивать и рожать подобные существа...

– И?..

– Мы сделаем так, что человек, способный зачать такое дитя, окажется на нашей земле.

– Но...

– Как, Сирин? Нам такое не по силам! Даже ты не сможешь просчитать всё...

– Я согласен с Далем, Сир, это нереально!

– Мысль, что однажды зародилась – это уже возможная реальность, – уверенно возразил северянин, чуть отступая от алтаря и прямо смотря на товарищей. – То, – указал он взглядом на алтарь, – что заключено в недрах этого камня, расскажет мне, как повлиять на события. Оно же поможет мне найти точки соприкосновения с этими «существами». Вы не слышите «Сердце», но мой дар это позволяет, и это не случайно.

– Но как ты собираешься уговорить Их? – спросил Рэмил, неуверенно посмотрев на провидца.

– Баланс будет нарушен, одного этого должно хватить, – коротко ответил Сирин. – События будущего ужасают меня, увидеть вырождение целой нации – не худшее ли это из возможного проклятия? И... – неожиданно мужчина замолчал, после чего прямо взглянул на меня. Он смотрел так, словно точно знал, где я стою. Будто бы все это время видел меня.

– Я знаю, что когда меня уже не станет, ты придешь, услышишь и увидишь этот миг моей жизни. И я прошу тебя, как отец просил бы за родное дитя, прими, что предначертано. Прошу, не держи зла за то, что мы так поступаем, отбрось сомнения и помоги. – В этот момент северянин обошел алтарь и опустился на одно колено, продолжая смотреть мне в глаза. – Ты моя надежда на то, что мой дар был дан мне не зря.

– Сирин, что ты?.. – попытался было спросить Даль, но был тут же остановлен взмахом руки.

– Прошу тебя, отбрось сомнения, не нужно никаких ритуалов, просто покажи им, кто ты! Заставь поверить, бороться, ты сможешь, я знаю.

Пронзительные серые глаза смотрели прямо и открыто. Несмотря на то что все происходящее было столетия назад, я все равно чувствовала то, с какой надеждой говорит этот мужчина. Что я испытывала тогда? Злость? Разочарование? Ненависть? Нет, ничего из вышеперечисленного. Возможно, для кого-то узнать, что его рождение было спланировано многие столетия назад, было бы потрясением. Но, по сути, рождение каждого человека не случайная случайность, которая должна влиять на окружающий мир. Кто-то больше, кто-то меньше, но все же. То, что Сэ'Пай был в курсе и не сказал, тоже не заставило меня испытать разочарования. Что бы было, если бы все это время я знала и понимала, что должна полюбить одного из северян и выбрать его? М-м? Разве смогла бы ценить это чувство так же, как сейчас.

– Но я не могу иметь детей, – тихо прошептала я, отчего-то уверенная, что он услышит меня.

Сирин лукаво улыбнулся, посмотрев на меня исподлобья и сказал:

– Конечно, – согласился он. – Так надо бы сначала позволить совместить кровь, чтобы «Сердце» смогло соединить то, что невозможно, – коротко бросил он, взмахнул рукой, и в тот же миг меня словно выкинуло в настоящий мир, где, казалось, не прошло и секунды с того момента, как я отключилась.

Все так же Властители Севера подходили к алтарю и жертвовали капли крови в надежде, что кто-то из них подойдет. Принцесса наблюдала за происходящим с совершенно нечитаемым выражением лица, а рядом с ней замерли старейшины, ожидая того единственного, кто сможет подойти. Но, сколько бы мужчин ни оказалось сегодня у алтаря, ни один из них не стал бы тем самым. И теперь я знаю почему.

Я некоторое время стояла, стараясь унять непонятно от чего быстро застучавшее сердце. Волнение возникло так быстро, словно бездонная пропасть разверзлась у моих ног, как в тот самый день, когда учитель помогал мне не бояться силы притяжения земли. Все, что оставалось мне тогда, сделать один-единственный шаг, отдаваясь на волю ветров и принять то, что необходимо. Шаг в пропасть, и ветер подхватывает тело, позволяя парить, медленно приближаясь к земле. Счастье придет лишь после того, как сумеешь побороть свой страх. Волнение сменится эйфорией, так будет и сейчас... я верю.

Мои пальцы сомкнулись на ладони Брэйдана раньше, чем я сама сумела понять, что должна сделать.

– Пойдем? – тихо спросила я, прямо посмотрев в его распахнувшиеся от удивления глаза. – Я выбрала.

Главное ведь это суметь сделать первый шаг, когда ноги кажутся отчего-то ватными и неподъемно тяжелыми. Но стоит перебороть себя, и я уже иду сквозь ряды северян. Брэйдан крепко держит мою руку, он не отпустит, я знаю.

Я никогда не забуду тот день, когда согласилась стать той, для чего была рождена. Как неохотно расступались северяне, провожая наши фигуры недоумевающими взглядами. Как подозрительно они поглядывали на наши руки, что так откровенно соприкасались сейчас. Тот шепот, что в мгновение возник в Зале Совета, стоило нам пройти всего несколько шагов. Но самое главное, я никогда не забуду, что *он* пошел со мной без единого вопроса, без оглядки, просто поверил и пошел.

Стоило нам оказаться всего в нескольких шагах от алтаря, как уверенным шагом нам навстречу вышел отец Брэйдана. Агро казался не только удивленным, сейчас он был зол, и это можно было увидеть по цвету его ауры. Губы мужчины превратились в тонкую линию, совсем как у Брэйдана, когда он злился. Темные брови сошлись на переносице, кулаки сжаты.

– Что ты творишь? – рыкнул он по-аирски, обращаясь к сыну.

Как только Агро сказал это, в Зале Совета воцарилась тишина. Казалось, собравшиеся северяне даже дышать перестали, вслушиваясь в начинающийся разговор.

– Всего лишь делаю то, зачем все мы сегодня здесь собрались, – спокойно ответил Брэйдан, сжимая мою руку еще крепче, словно боясь, что я развернусь и уйду.

– Ты рехнулся?! – буквально выплюнул Агро, гневно сверля сына взглядом. – Отпусти этого мальчишку? Что происходит, бездна тебя побери!

– Я покажу, – тихо сказала я, опуская ладонь на предплечье отца Брэйдана, посылая ему легкий успокоительный импульс.

Не стоит провоцировать скандал, потому как стоит завестись одному, это станет подобно снежной лавине. Собравшиеся в Зале Совета северяне и без того были напряжены, гневные шепотки

усиливались за нашими спинами с каждым шагом, сделанным в направлении алтаря. Но пока никто не решался открыто выразить свое возмущение поведением чужестранца, должно быть, потому, что мы находились в священном месте для Севера. Возможно, кто-то побаивался Брэйдана, но, учитывая, что недовольных было в любом случае больше, про страх люди легко бы забыли. Потому мне хотелось дойти до цели как можно быстрее.

Признаться честно, я не узнавала в этот момент саму себя! Та несвойственная мне импульсивность в решениях полностью охватила все внутри. Сердце стучало, как сумасшедшее, и все, чего мне сейчас так сильно хотелось, это рассказать о своем чувстве каждому в этом зале. Я решительно обошла Агро по дуге, уводя Брэйдана за собой. Представляю, как это выглядело со стороны! Словно маленький мальчик тащит за ручку папу, прорываясь сквозь толпу нехороших больших дядек, не пускающих его к вожаковой игрушке. Но, похоже, так казалось одной мне, многие из собравшихся видели в соприкосновении наших рук более интимный подтекст. Именно это, а еще то, что чужак идет в направлении алтаря, вызывало раздражение окружающих. Но старейшины молчали, с нескрываемым негодованием взирая на нас, потому и окружающие не решались на какие-либо активные действия.

– Что происходит? – холодно поинтересовался Джодок, сверля нас потемневшим от злости взглядом.

Старейшины, что в этот момент стояли рядом с ним, так же зло уставились на нас. Лишь принцесса вдруг легко улыбнулась уголками губ, бросила на меня мимолетный взгляд из-под опущенных ресниц и... подмигнула мне?!

Этот ее жест стал настоящим открытием для меня. Она знала, каким-то непостижимым образом поняла, кто я. И что между мной и Брэйданом. Она знала, зачем я сейчас подошла к алтарю, и была рада этому. Впервые я видела проблеск истинных эмоций этой молодой женщины, и от этого стало как-то тепло и радостно на душе. Я видела мимолетный свет, что скрыт во тьме ее запутавшейся души. И еще кое-что теперь я знала точно, как бы ни было дальше, не оставлю ее одну во тьме, не позволю развиться в ее надорванном амулетом теле болезни. Но об этом чуть позже. Отпустив руку Брэйдана, я молчаливо подошла к Ерду, который до сих пор держал кинжал, которым надрезал

кожу на шее принцессы, и, выпустив тень на поверхность глаз, протянула открытую ладонь к Властителю. Это не было манипуляцией с сознанием Властителя, лишь небольшое давление со стороны Тени.

– Отдай, – тихо сказала я.

Ерд колебался несколько дольше, чем это делал бы обычный человек, но все же несмело протянул мне кинжал. Взяв в руки сталь, повернулась лицом к алтарю и, не говоря ни слова, протянула раскрытую ладонь в сторону застывшей капли крови принцессы.

Маленькая алая капля тут же пришла в движение. Ее края стали формировать идеальный круг, после чего, используя невидимую людям руку Тени, я подняла этот ровный шарик в воздух, переместила его на открытую ладонь и тут же стряхнула на пол. Конечно, не слишком прилично, но другого места не нашлось, куда я могла бы ее выкинуть.

Теперь Зал Совета замер. Северяне, уставившись во все глаза, шокированно молчали, когда широкая ладонь Брэйдана оказалась в моей руке.

Две темно-рубиновые капли коснулись черной поверхности алтаря практически одновременно в нескольких десятках сантиметров друг от друга. Это было похоже на то, как если бы капли воды коснулись идеально ровной поверхности пруда. Место, где наша кровь соприкоснулась с черным глянцем камня, тут же пришло в волнение. Только если обычно волны расходятся от точки соприкосновения, то сейчас, наоборот, серебристые волны сходились у самой крови, что оказалась на алтаре. С каждой подходившей волной алая капля словно впитывала энергию, что так стремилась к ней, и наливалась небесно-голубым сиянием. Так было до тех пор, пока кровь, оставленная нами, не превратилась в две маленькие сияющие сферы, которые совершенно непостижимым образом оторвались от поверхности алтаря, воспарив на долю секунды в воздухе, и с невероятной скоростью устремились друг к другу. Но, вместо того чтобы слиться во что-то единое, маленькие шары беспрепятственно прошли сквозь друг друга, на мгновение замерли и в тот же миг разлетелись в стороны.

Именно в тот момент я почувствовала, как нечто болезненное вошло мне в грудь, отбросило назад, выбивая весь воздух из легких.

В тот же миг рядом со мной материализовался Тэо. Подхватив меня за плечи, помог мне встать и опереться на него. Боль в груди все разрасталась, с каждым миготом отвоєывая все новые участки тела.

Кое-как сумев сделать первый вдох, я открыла глаза, чтобы увидеть, как там Брэйдан. Мой северянин стоял на коленях в нескольких метрах от меня. Он руками обхватил себя за грудь, делая несколько болезненных вдохов. Тут же перешла на другой уровень зрения, и то, что открылось мне, казалось совершенно невероятным. От центра грудной клетки, словно паук, раскинувший свою паутину, растекались по его энергетической оболочке новые лучики энергии, изменяя основные потоки, делая их на порядок сложнее и сильнее.

– Никогда даже не подозревал, что ты способна устроить такое зрелище, – фыркнул на ухо Тэо, а я почувствовала улыбку, которая сейчас отразилась на его лице.

– Круто было, да? – поинтересовалась я, все еще не в силах подняться.

– Ну, ничего так, визуальные эффекты, несомненно, порадовали.

В этот момент Брэйдан с трудом открыл глаза и посмотрел на меня. Сквозь боль, что отражалась в его глазах, чувствовалась ничем не прикрытая радость. Его взгляд словно ласкал меня теплом, что сейчас переполняло сердце северянина. Он осторожно поднялся на ноги и подошел ко мне, опускаясь на колени и кладя широкие ладони мне на щеки.

– Я люблю тебя, – тихо прошептал он, прежде чем его губы коснулись моих.

Он целовал меня, и постепенно боль в моем теле от проникшей в него энергии угасала. Я ощущала, как перестраивается моя энергетическая структура, так же, как это происходило и с Брэйданом. К чему могли привести подобные изменения, оставалось только гадать. Но сейчас думать об этом мне вовсе не хотелось. И первой причиной тому был поцелуй, который совершенно не хотелось разрывать. Но вот второй, более насущной, были люди, собравшиеся в Зале Совета и продолжавшие сохранять молчание, наблюдая за разворачивающейся сценой. Первым не выдержал Ерд.

– Что происходит? Кто-нибудь может мне пояснить? – в вопросе старейшины чувствовалась доля растерянности и непонимания.

Стоило ему это сказать, как Зал Совета буквально взорвался от вопросительных выкриков. Мужчины, собравшиеся сегодня здесь, возможно, и понимали, что «Выбор», ради которого они все тут собрались, произошел, но принимать тот факт, что неказистый чудной

пацан оказался... женщиной?! Это просто не укладывалось в их головах.

Неохотно разорвав поцелуй, Брэйдан уверенно поднялся на ноги, помогая встать и мне тоже, и прямо посмотрел в глаза старейшин.

– Это моя женщина, которая пришла в наши земли по своей воле и сделала выбор на ваших глазах, – сказал он, крепко сжимая мою руку.

По лицам старейшин пробежала тень понимания. Но выражение растерянности никуда не делось. Каждый из них несмело переводил взгляд от Брэйдана ко мне и совершенно неприлично стал рассматривать меня с головы до ног.

– Невероятно, – одними губами пробормотал Джодок, делая нерешительный шаг ко мне.

После чего несмело указал пальцем на меня и спросил, словно желая увериться в открывшейся правде:

– Ты ж-женщина?

Я лишь кивнула, подтверждая его правоту.

Пересказывать, что началось в Зале Совета после моего неосторожного жеста, все равно что описать, как громыхают водопады на склонах Сэринэи^[103]. Гул, поднявшийся в рядах северян, поднялся невообразимый. Но, несомненно, было одно – в целом такое известие было воспринято хорошо. Люди радовались и поздравляли друг друга, ощущения радостных эмоций, вмиг наполнивших зал, кружили голову и заставляли чувствовать себя опьяненной этой радостью. Именно в этот момент взгляд случайно зацепился за фигуру принцессы, которая молчаливо наблюдала за развернувшимся действием. Осторожно отпустив руку Брэйдана, подошла к ней и спросила:

– Все так, как ты и хотела?

Девушка вздрогнула, словно и не заметила того, как я оказалась рядом, и прямо посмотрела на меня.

– Я всегда знала, что это не моя судьба, – очень тихо ответила она. – Потому я рада, что она прошла, не затронув меня, а нашла ту, которая была предназначена.

– И что же теперь?

– Теперь? – переспросила она, словно задавала этот вопрос сама себе уже много раз. – Теперь мне предстоит научиться смирению, наверное? – вопросительно изогнув бровь, спросила она. – Потому как это единственная карта, которую оставила для меня жизнь.

– Эта карта сдается в конце каждому, но ведь ты еще жива, не так ли?

– Долго ли? – хмыкнула она, отводя взгляд в сторону. – Но я все равно ни о чем не жалею! Не стану сожалеть, как бы ни было! Моя вера в то, что я права, будет помогать мне, когда станет совсем тяжело.

– Говоришь, «долго ли»? – переспросила я. – А если будет достаточно долго, что тогда?

– К чему ты спрашиваешь меня об этом сейчас? – настороженно переспросила она.

– М-м, хочу, чтобы ты нашла еще одну карту, которая имела бы смысл, и когда это произойдет, скажи мне, хорошо?

– Ч-что? Что ты сейчас говоришь? – неожиданно нервно пробормотала она.

– Ничего, – пожала плечами я. – Я уже сказала, а решать тебе и выбирать тоже. Выберешь правильно, я тебе помогу, если нет, то нет...

Думаю, в этот момент Сэ'Паи Тонг почувствовал бы гордость за меня. Во всяком случае, я себя на миг почувствовала лысым наставником Дао Хэ, раскрашивающим серые будни жизни в монастыре, задавая загадки своим ученикам. Главное добавить небольшое ментальное давление, чтобы заставить простого человека всерьез задуматься над поставленной задачей, ну а дальше самое приятное – наблюдение. Не могу сказать, что моя загадка имела какой-то глубокий философский смысл, я всего лишь хотела, чтобы принцесса немного взбодрилась и переключилась с мысли о смерти на что-то другое. Надо сказать, эффект был достигнут, судя по тому, как гневно сверкнула она глазами в мою сторону, начиная теревить рукав кимоно.

Именно в этот момент меня отвлек Джодок, который, придя в себя, заговорил с собравшимися на родном языке. Речь его была несколько пафосна и красноречива, но если отбросить ненужные «красивости», сводилась она к тому, что произошло то, чего они ждали столько лет. Ожидание не прошло даром, и всемилостивые Боги послали их народу ту... На этой фразе я перестала слушать.

Я стояла рядом с Брэйданом и смотрела на того единственного, кого так хотела увидеть с момента нашей первой встречи. Шонайя, маленький мальчик, обреченный быть таковым вечно. Густые темно-каштановые локоны, чуть растрепанные, обрамляли по-детски

пухлое личико. Он смотрел на нас двоих и улыбался своей детской улыбкой, но, несмотря на это, его большие серые глаза казались все столь же печальными. Сейчас этот мальчик, или вернее говорить мужчина (?), находился в первых рядах северян, стоя рядом с Брэманом, голос которого показался мне, при нашей первой встрече, странно знакомым.

«Это он?» – мысленно спросил Тэо, проследив за моим взглядом.

Я легко кивнула, подтверждая его правоту.

В этот момент я поняла, что Тэо начал считывать его энергетическую структуру. Его взгляд заметно потемнел, а лицо потеряло всякое выражение, превратившись в холодную маску. Но уже через несколько минут он вновь обратился ко мне: «Это будет интересно. Когда начнем?»

Мимолетная улыбка коснулась моих губ, а мысленно я ответила: «Ну, закинуть удочку можно и сегодня. Кстати, если придется, ври убедительнее, этот мальчик чувствует ложь по изменениям в энергетике человека».

«Обижаешь», – отшутился Тэо, как раз в тот момент, когда старейшина уже заканчивал свой необыкновенно длинный и торжественный монолог. В Зале Совета раздались одобрительные возгласы, а кое-кто особенно рыжий даже начал свистеть и хлопать в ладоши. Звук получился такой, словно кто-то особенно умный громыхал двумя медными блюдами. Правда, продолжалось это ровно до тех пор, пока Терех не изобразил комбинацию из пяти пальцев и не подсунул ее Кельму под нос.

– Что будет дальше? – тихонько поинтересовалась я у Брэйдана в тот самый момент, когда очередное слово взял Адаль.

– Дальше? Вероятнее всего, что все отправятся на праздник.

– Имеешь в виду, что гулять будут на улице? С простыми людьми? – я спрашивала не потому, что была ханжой. Просто всякий раз мысленно сравнивала Аир и Север. И если в Аире празднование по такому случаю могло затянуться часов на десять-пятнадцать чинной церемонии, в которой был бы расписан каждый шаг и жест участвующих, то северяне явно не терпели подобных заморочек. И если говорили, что будет «праздник», значит, гулять будут так и столько, пока с ног не упадут. Вспомнить хотя бы «скромные» посиделки у семьи Кельма, когда Олаф несколько раз пытался нырнуть

лицом в глубокий таз с едой, который по совместительству был его личной тарелкой, из которой он обычно кушал. Но, несмотря на это, все хором продолжали настаивать, что надо продолжать посиделки, пока солнце не взойдет.

– Ну да, – кивнул он. – У нас нет расслоения общества по происхождению, потому, если праздновать, то всем вместе, так веселее. Особенно учитывая тот факт, какие события недавно развернулись на их глазах, то многим просто не терпится вырваться отсюда и разнести благую весть, «о ненормальном пацане и Великом Властителе», – хохотнул он. – О, Боги, мне кажется, я придумал название для детской сказки, которую скоро начнут рассказывать особенно впечатлительные барышни детям на ночь.

– Я даже знаю, кто будет автором, – согласилась я, не к месту вспомнив Ингве.

Вскоре и впрямь было объявлено, что собравшиеся могут покинуть Зал Совета, все, кроме членов Совета, старейшин, Тэо и меня с Брэйданом. Покидавшие Зал Совета властители и простые северяне считали своим долгом подойти к нам и поздравить. Если честно, то мне было даже не по себе от такого внимания, но приходилось терпеть и, наверное, привыкать. Йолу увели из зала те же властители, что сопровождали ее ранее. Шонайя, как это ни странно, остался тоже. Постепенно опустевший зал казался необыкновенно огромным и пустым, когда в нем остались все выше перечисленные лица. Думаю, именно теперь нам предстоял настоящий разговор без величавых речей и прочего.

– Почему ты не сказал мне? – неожиданно первым обратился к нам Агро. Он смотрел на сына, не скрывая обиды во взгляде. Думаю, у него было право на это.

– Я обещал не говорить, – сказал Брэйдан, крепко держа меня за руку.

Агро ничего не ответил на это, лишь поджал губы, показывая тем самым, насколько сильно его это задело. Мне совершенно не хотелось так начинать наши взаимоотношения, потому я обратилась к нему, старательно подбирая слова.

– Вы не должны принимать это на свой счет. Это было моей просьбой, и Брэйдан поклялся мне.

Агро пристально взглянул на меня, казалось под его изумрудным взглядом невозможно сохранить ничего в секрете. Словно этот человек видит меня насквозь.

– Как я сам раньше не заметил? – растерянно пробормотал он.

– Тем не менее, – подал голос Брэман, подходя ближе к нам. – Вам не следовало хранить такой секрет, не поставив в известность Совет. – Мужчина странным образом казался крайне раздосадованным. – Нам следовало знать заранее, – убежденно сказал он.

– Я считаю, ты не прав, Брэман, – прервал его речь непонятно по каким причинам оказавшийся в Зале Совета Терех. – Ведь главное то, что мы нашли подходящую женщину. Более того, женщину, которая сама выбрала одного из Властителей.

– Тем не менее... – возразил было Брэман, с непонятной злостью посмотрев на деда Кельма.

– Тем не менее примите наши поздравления, – тепло улыбнувшись, сказал Ерд. Старейшина подошел очень близко к нам и протянул руку Брэйдану. – Поздравляю, – сказал он в тот момент, когда Брэйдан ответил рукопожатием на его жест. – Мой ученик наконец-то женится, – засмеявшись, произнес он и неожиданно крепко обнял моего северянина.

После чего повернулся лицом ко мне, опустил на одно колено и поцеловал кисть моей руки.

В этот момент мне стало откровенно не по себе. Еще никогда в жизни не приходилось сталкиваться с подобным отношением постороннего мужчины.

– Тем более женится на такой необыкновенной женщине, – с придыханием сказал старейшина, легко поднимаясь с колен и как-то игриво заглядывая мне в глаза.

Краска смущения совершенно непостижимым образом выступила на щеках, вдруг стало жарко и захотелось спрятаться за спину Брэйдана, чтобы более не испытывать ничего подобного.

– Отстань от девушки, старый развратник, – легонько толкнув Ерда в плечо, не скрывая улыбки, сказал Джодок, подходя к Брэйдану и так же крепко обнимая его, говоря слова поздравлений. Я уже испугалась, что и этот старейшина изобразит какой-нибудь откровенный поклон с поцелуем, но нет. Джодок ограничился простым поклоном и поздравлением.

Адаль поздравил нас так же тепло, как и другие старейшины. Но все же не удержался и с легким укором сказал:

– Могли бы и намекнуть, хотя бы перед началом церемонии...

– В каком-то смысле это было неожиданностью и для меня самого, – сказал Брэйдан, обнимая меня за талию и легонько прижимая ближе к себе.

– Как и для меня, – улыбнулась я, снизу вверх смотря на Брэйдана.

– Я сделаю вид, что верю, – хмыкнул он.

– И что же теперь? – вновь в разговор вступил Брэман. – Нам необходимо сделать заявление, равно как и обеспечить безопасность избранной. Думаю, ей не следует более оставаться в доме Брэйдана, по крайней мере до свадьбы. Да и потом тоже – это может быть небезопасно.

С каждым произнесенным словом этот человек начинал нравиться мне все меньше и меньше. Я не чувствовала в его словах и толики проявления заботы или чего-то подобного. Его глаза оставались холодными и бесстрастными, я бы даже сказала злыми. Но его эмоциональный фон продолжал оставаться беспристрастным и неизменным. Ужасающее сочетание, словно все эмоции давно выцвели у него в душе или находятся под жестким контролем.

– Я считаю, будет правильно, если эта женщина будет находиться в Доме Совета под постоянным наблюдением стражи. Если мы сейчас потеряем Избранную, второго шанса может и не быть. Согласитесь, в моих словах есть истина, и мы не можем позволить себе беспечность теперь, когда желаемое нами так близко.

Стоило ему это сказать, как я ощутила волну гнева, что неожиданно поднялась в душе Брэйдана. Вот только из-за связи, возникшей между нами, я едва не приняла ее за свои собственные эмоции.

– Не лезь, Брэман, – жестко сказал Брэйдан, делая шаг вперед. – Даже не думай манипулировать мной или моей женщиной. Я тебе не шестнадцатилетний мальчик, который пообижается, но сделает так, как велели взрослые. Первый и последний раз предупреждаю тебя – не лезть в мои дела.

– Твои дела? Это дела страны! Прежде всего, на кон поставлена судьба Севера!

– Прежде всего, я не позволю ни одному из вас оказывать давление на Дайли. Это мой долг, которым я не стану поступаться. И будет лучше, если ты поверишь мне на слово.

Сейчас меня не слишком волновал Брэман. В конце концов, он просто не понимает, что Тень нельзя поймать или принудить к чему-то. Я хожу там, где хочу, что уж мне стража или их защитные купола из энергетических нитей, которые меня и вовсе не чувствуют. Больше всего меня волновал Брэйдан. А, точнее сказать, связь и те изменения, которые сейчас происходили в его теле и энергетике, делали его весьма эмоциональным. Должно быть, это ненадолго, но все же...

Я сделала шаг к нему и нежно коснулась руки, давая ему эмоцию спокойствия, умиротворения, надо сказать, это подействовало. Причем довольно быстро.

– Да, похоже на то, – тихо сказал он, отвечая на невысказанный мною вопрос.

– Знаете, – улыбнувшись, я обернулась к собравшемуся Совету. – Думаю, вы и впрямь можете обсудить этот вопрос, потом принять решение и озвучить его мне, – сказала я, прямо посмотрев на Брэмана, который неожиданно довольно улыбнулся. – Но хочу, чтобы вы так же понимали, что поступать я буду так, как решу сама. Потому лучше принимайте решение, которое мне захочется выполнять, тогда никто не будет обижен.

– Что? – вмиг возмутился мужчина, судя по выражению лица которого, не ожидавший подобного ответа.

– Лучше прояснить этот момент сейчас, господин Брэман и другие представители Совета. Не стоит заблуждаться на мой счет, принимая меня за обычную женщину, которую, пользуясь властью и силой, можно принудить к выполнению поставленных условий. Не стоит заблуждаться насчет моей беззащитности, поскольку, в случае нападения, мне совершенно не хочется защищать помимо себя, еще и вашу стражу. Это хлопотно.

– Да как ты... – вновь изменившись в лице, жестко заговорил он.

– Хватит, – столь же твердо произнес Джодок. – Мы не станем принуждать тебя, но просто знай, если будет необходимость, то ты можешь обратиться к нам за защитой.

– Вы тоже имейте это в виду, – с улыбкой на губах согласилась я.

– Но... – попытался вновь высказаться Брэман, но был тут же прерван Ердом:

– Хватит. Закончим на этом.

Как мне показалось, Совет был готов к тому, чтобы объявить о том, что все свободны. Только вот у нас с Тэо было еще одно дело.

– Коли уж так сложилось, что теперь вы понимаете, что я именно та, кто вам нужна, – несмело заговорила я, обращаясь к старейшинам. – Я и Тэо, – указала взглядом на своего друга, стоявшего все это время рядом со мной. – Мы хотели бы обратиться к вам с просьбой.

– И о чем же вы хотели попросить? – с улыбкой поинтересовался Адаль.

– Во время церемонии нами было принято решение по поводу одного человека, и мы оба сошлись во мнениях, что можем ему помочь.

Я не стала говорить, что мы можем попытаться это сделать, потому как верила, что у нас точно получится.

– О ком вы говорите? – спросил Агро, рядом с которым сейчас стоял Шонайя. Мальчик казался невероятно уставшим от всего происходящего, и сейчас только и делал, что ждал, когда же все закончится.

Отпустив руку Брэйдана, я медленно подошла к его отцу, и, встав напротив него, опустила на корточки так, чтобы мое лицо оказалось напротив лица Шонайя. Мальчик изумленно вздрогнул, его и без того большие серые глаза распахнулись, не скрывая удивления. Я немного сомневалась, как следует вести себя с ним. Ведь Шонайя лишь выглядел ребенком, или же таковым и оставался на протяжении всех этих лет, не имея возможности повзрослеть, как любой другой человек. Но, поразмыслив немного, пришла к выводу, что стоит просто говорить, как с человеком. Ведь это только взрослые думают, что дети ничего не понимают. На самом же деле своей чистой искренней душой они видят гораздо больше, чем кажется.

– Я говорю о тебе, Шонайя, – сказала я, всматриваясь в его бездонные серые глаза.

– Обо мне? – как-то несмело сказал он и заозирался по сторонам. Видимо, Шонайя никак не ожидал подобного поворота событий, и сейчас оказался попросту не готов к такому.

– Да, – кивнула я в ответ и легко улыбнулась. – Я знаю, что ты родился очень давно, но не знаю, хочешь ли ты изменить то, как сложилась твоя судьба. Решение будет за тобой, и ты должен понимать, что ты приобретешь, а что потеряешь, если согласишься. В первую очередь ты станешь расти.

После этих моих слов на самом дне огромных детских глаз загорелся огонек несмелой надежды. Казалось, мальчик даже дышать перестал в этот момент.

– Но кое-что изменится, Шонайя, – вновь заговорила я. – Ты не сумеешь сохранить свой дар...

– Это проклятый дар, – истово воскликнул мальчик, сжав маленькие кулачки. – Разве могу я жалеть о том, что приносило мне только боль? С рождения знать, кто и что думает не только друг о друге, но и обо мне... О том, как жалеют они меня!

– Шонайя, – взяла его за руку я. – Ты считаешь, что «жалость» это плохо? Но это не так. «Жалость» стоит дорого, но почему-то мало кто ценит ее.

– Ты не понимаешь!

– Жалеть кого-то – значит понимать боль этого человека. И то, что окружающие жалеют тебя, значит, что они воспринимают тебя ближе, чем ты думаешь. Но сейчас я хочу, чтобы ты знал и еще кое-что. Ты не сможешь сохранить бессмертие, понимаешь?

Мальчик немного нахмурился, а потом очень серьезно сказал:

– А разве то, что у меня есть сейчас, стоит дороже нескольких десятков лет, на протяжении которых я смогу ощутить, как меняется жизнь? Смогу стать юношей, научусь держать меч, полюбить женщину и создать с ней семью? Смогу увидеть мир не из окна Дома Совета, а стоя на носу своего корабля. Вдохнуть стылый воздух и ощутить соленые капли на своем лице, стать мужем своего рода.

Теперь я понимала, как сильно ошибалась, думая, что малыш, стоящий передо мной, имеет сознание ребенка. Я видела, что уже очень давно этот мальчик стал мужчиной. Но меня смущал один момент. Я очень боялась, что подобное положение могло надломить психику, и во время взросления этот надлом может всплыть самым неожиданным образом.

– Есть еще кое-что, что я хочу тебе предложить, – тихо сказала я.

– Что же? – спросил он, жадно пожирая меня взглядом, словно боялся, что я скажу, что все это была лишь шутка и ничего не получится.

– Хочешь начать все сначала?..

– Как это?

– Я заберу воспоминания о тех годах, которые ты прожил после того, как тебе исполнилось пять. Я верну твое сознание в детство. Очнувшись, ты будешь осознавать себя ребенком.

Шонайя долго думал над моими словами. Его лицо и взгляд были сосредоточенными. Все находившиеся в Зале Совета также не решались вступить в разговор, молчаливо наблюдая за нашим диалогом.

– Нет, – тяжело вздохнув, сказал он. – Не хочу.

– Уверен?

– Да, это моя жизнь, и какой бы она ни была, Боги неспроста сделали меня таким. И каким бы я ни был жалким... – голос Шонайя дрогнул и слегка надломился. – Я все равно рад, что живу.

– Так, если я правильно понял, – неожиданно подал голос Брэман, подходя к Агро и взирая на меня сверху вниз. – После ваших манипуляций Шонайя потеряет дар?

– Да, это так, – ответила я, выпуская тень на поверхность глаз.

Сама не знаю почему, но этот мужчина начинал меня раздражать. Думаю, что по большей части раздражал он Брэйдана, но эти эмоции очень ярко отражались у меня в душе. Брэман невольно отшатнулся, стоило ему взглянуть в черные провалы моих глаз, но тут же взял себя в руки и сказал то, что окончательно вывело меня из себя:

– Его дар – это достояние нашего народа, и мы не можем так просто разбрасываться подобными вещами.

– Брэман! – опередил меня Джодок, гневно взирая на представителя Совета. – Думаю, даже если мы вынесем этот вопрос на рассмотрение Совета, у тебя найдется не так уж много сторонников. Это, в первую очередь, вопрос личного характера! Во-вторых, мы не имеем права поступать так с Шонайей, и хотя его дар много раз помогал нам, мы вполне сумеем обойтись без него. И, в-третьих, у меня невольно закрадывается подозрение, что ты просто не желаешь допустить, чтобы Дайли и Тэо попытались поработать с потоками и, возможно, изменить сложившуюся ситуацию.

На последнее заявление Властителя Брэман гневно поджал губы и, не скрывая раздражения, сказал:

– Я всего лишь озвучил свою позицию, исходя из интересов страны! Но вы не желаете слушать! Полагаю, мне здесь делать больше нечего, – развернувшись на каблуках, чеканя каждый шаг, Брэман направился к выходу из Зала Совета. Как раз в этот момент тяжелые створки дверей распахнулись, пропуская внутрь запыхавшегося и сильно покрасневшегося Дэйма.

Мужчина нерешительно замер на пороге, затем сделал несколько неуверенных шагов, после чего обвел нас всех возбужденным взглядом и сказал:

– Пришли новости с Последнего рубежа.

– И? – вопросительно изогнув светлую бровь, спросил Адаль.

– Война началась...

Стоило мне до конца осознать, что такое сейчас сказал Дэйм, как страх ледяной волной поднялся в душе, расплываясь по всему телу, затмевая собой сознание. Я смотрела на Тэо, который, казалось, был моим отражением в этот момент. Переводила взгляд на Брэйдана, который сейчас, прикрыв глаза, что-то бормотал на грани слышимости. На старейшин, которые как-то вмиг подобрались, а лица их стали совершенно нечитаемыми. На Шоная, который неожиданно взял меня за руку и, заглянув в глаза, сказал:

– Это очень плохо, Дэй, – прошептал он. – Если Ингвер перешел к таким действиям, причин может быть лишь две: его источник готов и он знает о тебе...

Мне не надо было пояснять, что имел в виду этот малыш. Я поняла это и так. Если Ингвер знает обо мне, значит, ему рассказали. Значит, среди нас есть тот, кто способен это сделать в такой короткий срок. Брэйдан полагал, что этим человеком мог быть Терех. Я, если говорить откровенно, не могла в это поверить. Дед Кельма не казался мне человеком, который был бы способен на такое. Я не видела и мотивов для такого поступка. Возможно потому, что не обладала достаточным количеством информации. Но все же.

Следующие события стали для меня откровением. Я никогда прежде не оказывалась в подобной ситуации. Ощущала растерянность

и в то же время не знала, как быть. Что делать, если я не в состоянии быть там, где развернется сражение?

Из доклада, который был тут же озвучен, следовало, что Последний рубеж это как раз тот самый лес, куда никто лишний раз соваться не желал. Но за которым постоянно наблюдали на предмет тварей, которые могли выбраться из его недр. Сейчас же казалось, что все обитатели его чащоб мобилизовались, чтобы нанести удар по Аранте. Пока пограничный пост мог справиться с напором этих существ, но то, что надолго Властителей, оберегающих это место, не хватит, было ясно уже сейчас.

Мне всегда казалось, что для разворачивания военных действий, прежде всего, нужно организовать снабжение войска, его переправу на нужное место и прочее. Но в случае с северянами все было гораздо проще. Прямо в Доме Совета были установлены телепорты, имеющие постоянные выходы на все стратегически важные места. Весть о том, что произошло такое грандиозное нападение на Последний рубеж, облетела Аранту в рекордно короткие сроки, после чего мужчины, способные держать в руках меч, стали подтягиваться к Дому Совета. Оказалось, что каждый житель Аранты имеет дома целый арсенал. Эти люди не нуждались в оружии, которое бы им предоставило государство. Помимо прочего, это считалось дурной приметой, идти в бой с чужим мечом.

Ожидаемо праздник, развернувшийся на улицах города, по случаю удачно прошедшей церемонии Выбора, быстро свернули. Не было ни недовольных, ни тех, кто не пожелал бы взять меч и отправиться на защиту Аранты. Это было само собой разумеющимся для каждого жителя.

Я стояла рядом с Тэо совсем близко со стационарным телепортом, куда сейчас один за другим входили люди, которых я знала. Которых воспринимала как друзей. Бьорн, как всегда немного хмурый и сосредоточенный. За ним Бран, улыбающийся по одному ему понятной причине. Олаф и Кельм шли рука об руку, как и должно отцу и сыну. Несмотря на то что каждый из них мог и не вернуться сегодня, в атмосфере витало приподнятое настроение, предвкушение битвы и никакого страха. Когда Олаф вошел в телепорт, Кельм на мгновение остановился напротив меня и сказал:

– А ты точно не хочешь с нами? – озорно улыбнулся он.

– Я не могу, Кельм.

Я смотрела в его голубые глаза и понимала, что могу больше не увидеть его. От этого странным образом становилось не по себе.

– Ты уж береги себя, – немного смущенно пробормотала я.

– Да что со мной будет-то?! Как говорится, ***но – не тонет, – захохотал он, делая решительный шаг в сияющее окно телепорта.

Казалось, это какой-то нескончаемый поток мужчин, что сейчас по собственной воле и единому порыву, взяв в руки меч или топор, идут отстаивать свою родину. Землю, семьи, родных и друзей, само право на существование. Брэйдан, Джодок, Адаль, Ерд, Дэйм и Рик на данный момент проводили срочное совещание при закрытых дверях, но и они вскоре покинут Аранту, чтобы суметь защитить подходы к ней. Правда, уходили не все. Часть властителей и простых мужей оставались в городе для его защиты.

– Я не могу больше смотреть на это, – тяжело вздохнув, сказала я.

– Есть идеи? – поинтересовался Тэо, тоже чувствуя определенного рода усталость от понимания того факта, что сегодня угаснет не одна жизнь. Откаты от пролитой крови настигнут нас уже завтра утром, потому, пока мы еще были в состоянии, следовало быть максимально полезными.

– Есть одна. Только сначала мне нужно поговорить с Брэйданом.

– Пойдем тогда...

Совершенно не прилагая никаких усилий, мы бесшумно скользили по широким белоснежным коридорам Дома Совета. Сейчас, продвигаясь вглубь этого монументального сооружения, как раз туда, где при закрытых дверях собирался малый Совет, никто из нас не решался заговорить вслух. Мы оба чувствовали тот диссонанс, что царил внутри каждого из нас. И именно сейчас общаться вслух казалось весьма утомительно и не эффективно. Словно мы вновь оказались за стенами Дао Хэ, где слова не нужны, где в воздухе парят мысли, которые услышит тот, для кого они предназначены, и поймет так, как не в состоянии передать слова.

Как раз когда нам предстояло свернуть в очередной коридор, нашего слуха коснулся весьма знакомый голос. Не стовариваясь, мы настороженно замерли, вслушиваясь в речь говорившего.

– Не-е-ет, – было такое впечатление, что Терех просто кипит от ярости. – Ты можешь провести кого угодно, но не меня!

– Я еще раз повторяю тебе, – в данный момент голос Брэмана я не перепутала бы ни с одним другим, – я не понимаю, к чему ты клонишь!

– Не понимаешь, значит? – зло переспросил он на родном языке, о переводе с которого тут же позаботился Тэо. – Я не просто так занимаю свой пост, Брэман. И если я пришел к каким-то выводам, то это тоже неспроста.

– Да правда, что ли? Так докажи! Чего замолк? Потому что не можешь! Тогда я тебя больше не задерживаю... Старая Лиса совсем потеряла нюх, – зло сплюнул он.

– Старая Лиса видит и слышит куда больше, чем ты думаешь, и знать, кто и чем дышит в этой стране и за ее пределами, мое дело, которым я владею очень хорошо. Предупреждаю тебя, Брэман сын Локвилла, я последний раз предупреждаю тебя.

– Прекрати сотрясать воздух! Если бы ты что-то на самом деле знал, то мы бы сейчас разговаривали не так и не здесь.

– Я делаю это в память о твоём отце, но раз ты хочешь иначе, то будет так, – в голосе деда Кельма засквозили стальные, незнакомые мне ранее нотки.

По всей видимости, мужчина собирался уйти, потому как послышались четкие и быстрые шаги. Вот только Терех так просто отступить не хотел.

– Я беру тебя под арест, Брэман, – коротко сказал он, направляясь следом за мужчиной, который продолжал стремительно двигаться в нашу сторону.

Но стоило деду Кельма сделать несколько шагов, по всей видимости, он пытался догнать Брэмана, как последний остановился, не дойдя до поворота, за которым стояли мы, совсем немного, и сказал:

– Берешь под арест? Меня?! – воскликнул он. – Спятил? Я тебе не матросик на жалком суденышке, который уснул во время вахты! Так что не смей мне угрожать!

– Нет, не матросик, – согласился Терех, сохраняя при этом абсолютное спокойствие. – Ты хуже – ты предатель, и я теперь знаю это.

– Да? Только, боюсь, одних твоих слов будет недостаточно.

– А если прибавить к ним вот это...

На данный момент ни я, ни Тэо не понимали, почему возникла заминка в их разговоре. Потому, привычно выпустив сознание, я незаметно скользнула за угол, где сейчас и разворачивалась весьма любопытная сцена.

Терех решительно схватил Брэмана за предплечье и потянул его на себя. В тот момент, когда северянин, немного потеряв равновесие, шагнул навстречу деду Кельма, он решительно развернул его к себе спиной и быстрым движением сунул руку в скрытый нагрудный карман куртки Брэмана.

– Я видел, как ты собрал это, – прошипел он, выуживая из кармана куртки белую материю, на которой бурой кляксой запеклась чья-то кровь... Моя кровь?!

– Еще подумал, надо же, какой Брэман сегодня услужливый, пока все в себя приходят, он вроде как платочек на пол уронил, да заодно и маленькую капельку случайно упавшую смахнул. Ага, а то кровь засохнет, кто ж отмочет? – хохотнул Терех, комкая тряпицу в своем огромном кулаке и поднося ее к носу, делая глубокий вдох. – А чем тряпочка-то пропитана, не расскажешь?

Признаться честно, сейчас я находилась в состоянии глубокого ступора! Как это возможно? Моя кровь попала в чужие руки, а я даже не поняла, как и когда это произошло. И, сколько бы я ни думала об этом, все равно не могла вспомнить момент, когда это могло произойти. Если только в тот момент, когда я едва не потеряла сознание. Когда я и Брэйдан, потеряв равновесие, упали на пол. Тогда перед глазами все плыло. Да, старейшины и Совет находились совсем близко, но что именно каждый из них делал в тот момент, я не знала...

– Зачем ты взял ее кровь? – уже очень серьезно заговорил Терех.

– Зачем? – переспросил Брэман и улыбнулся пустой и немного безумной улыбкой. – А ты сам спроси у него, зачем она. Хочешь?

– Что... – Терех не успел договорить, как на руке Брэмана активировался невзрачный с виду кожаный шнурок, единственным украшением которого была столь же малозаметная серебристая монетка. Маленькое голубоватое окно телепорта распахнулось, втягивая обоих мужчин. Сперва Брэмана, а затем и Тереха, который, кажется, просто не сумел вовремя понять, что такое сейчас с ним произошло.

На миг мне показалось, что время перестало существовать. Так брала на себя власть Тень, начиная действовать в одной ей понятном мире безвременья. Я оказалась рядом с дедушкой Кельма как раз в тот момент, когда воронка телепорта практически увлекла его. Что было сил вцепилась в его плечи и потянула на себя, но слишком быстро поняла, что единственный способ вытянуть его оттуда это разорвать пополам. Потому просто прижалась к нему всем телом, позволяя захлопнуться пространственному коридору прямо за своей спиной. И последнее, что удалось мне сделать в этот момент, это сказать Тэо, чтобы он рассказал обо всем Брэйдану.

Возможно, будь Тэо человеком, то непременно запаниковал или попытался последовать за мной. Но мы оба понимали, что это будет бесполезной тратой сил. Как только меня и деда Кельма выкинет в заданной точке, мы сможем вернуться назад. Я всегда смогу поддерживать связь с Тэо, и, помимо прочего, мы оба понимали, что выкинет нас, скорее всего, именно в Исме. Я все равно собиралась туда, а тут меня, можно сказать, подвезут.

Единственное, что не учла на тот момент, так это то, что пространственные коридоры, созданные Властителями, имеют определенные настройки, если можно так сказать. Учитывается все, начиная от расстояния и заканчивая возможным весом перемещаемых объектов. И если я – Тень, веду людей сквозь пространство, то могу менять заданные точки выброса уже в процессе, или брать с собой столько людей, сколько смогу укрыть своим полем. Я не трачу сил на перемещения, можно сказать, я скольжу по нитям своей стихии, что пронизывает этот мир. Но, войдя в искусственно созданный коридор, внутри которого была создана, словно полая капсула для перемещения людей, я уже не могла сделать ничего. Во-первых, боялась, что из-за моих действий могут пострадать люди. Во-вторых, что-то пошло не так, должно быть, этот коридор был рассчитан на определенную массу, которая явно не соответствовала. И я не знала, что произойдет, если сбить настройки, как это сделали мы... Хорошо, сделала я, когда влезла третьей лишней.

Потому молчаливо наслаждалась поездкой, сидя у деда Кельма на закорках, готовая в любой момент помочь ему. Нас могло выкинуть где угодно. Хоть под водой, под землей или в воздухе – в лучшем случае. И тогда пришлось бы действовать очень быстро и решительно.

Само перемещение не заняло и минуты, но мыслей в моей голове за этот недолгий момент времени пронеслось уйма. Приземление оказалось жестким. Особенно для Брэмана, потому как первым на темный каменный пол рухнул он, затем на него повалился Терех, припечатывая члена Совета своим немалым весом, ну и сверху уже я, слегка утрамбовав обоих.

– Ash, utter mutty!^[104] – просипел Терех, упираясь руками и коленями в спину Брэмана и решительно поднимаясь на ноги. – Was hast du done?!^[105] – проорал он Брэману, который, по всей видимости, еще не мог найти в себе сил подняться.

– Терех, – спокойно позвала я мужчину, практически сразу оказавшись на ногах после нашего приземления.

На мою попытку его позвать дед Кельма круто развернулся и со всего маху ударил в то место, где я только что стояла, кулаком. В первую очередь, в очередной раз сказала спасибо Сэ’Паи Ву за то, что постарался вложить в нас хотя бы малую толику своего мастерства. Собственно, именно это помогло вовремя среагировать и отскочить.

– Это я, Терех!

– Это я – Терех, а ты кто? – взревел мужчина, и только тут до меня дошло, что в помещении, в которое нас занесло, царит кромешная тьма. И если я продолжала смотреть на мир глазами Тени, оттого видя все в черно-белых тонах. То Терех, по всей видимости, не видел ничего.

– Это я – Дайли, – тут же назвалась, решив более не провоцировать мужчину.

– Дайли? – потрясенно переспросил он. – Демонова бездна, какого... тебя сюда занесло?! – все так же громогласно спросил он.

– Да вот, увидела, как тебя затягивает в пространственный коридор, и поспешила следом, – хмыкнула я. – Надеюсь, ты не против, если сейчас мы отправимся в обратный путь.

– Ты совсем сбрендила, девка? – без обиняков фыркнул он. – Зачем прыгнула за мной? Ты не должна рисковать собой, ни при каких обстоятельствах.

– Без обид, Терех, но долг у каждого свой, – сказала я, подходя к мужчине и беря его за руку. – И сейчас мне следует вернуть тебя в Аранту целым и невредимым.

– Ну ты даешь, твою мать. – Что именно он хотел сказать, я не очень поняла. То есть понять-то поняла, но имел он в виду «одобрение» моих действий или наоборот, осталось загадкой.

– Не стоит тянуть, не хочу, чтобы кто-то пострадал. Если и вернусь сюда, то одна или с Тэо, но ты, Терех, простой человек, и здесь может быть опасно для тебя.

– Тогда, пожалуй, мне стоит согласиться? – хмыкнул он, скупно улыбнувшись. – Но как мы уйдем отсюда?

– Я позабочусь об этом, – проговорила я, параллельно начиная открывать пространственный коридор и расширять края собственного поля, укрывая тело Тереха своей энергетикой.

Несмело замерцало голубоватое окно перехода, задрожало пространство вокруг. Я знакомо почувствовала, как изменяются энергетические потоки, как слои пространства видоизменяются, позволяя манипулировать собой. И вот, когда оставалось совсем немного, чтобы сделать первый шаг, окно схлопнулось, словно и не было его прежде.

– Ч-что?.. – воскликнула я, понимая, что не могу почувствовать энергию.

Было такое ощущение, что все энергетические потоки неожиданно впитались в окружающие нас стены, сделав комнату совершенно безжизненной и пустой.

– Что происходит? – настороженно поинтересовался дед Кельма, все так же не переставая сжимать мою руку.

– Не знаю, Терех, – пробормотала я и попыталась создать на своей руке энергетическую сферу из внутренних резервов.

Сила послушно формировалась в небольшой, наполненный голубоватым свечением шар, но стоило энергии оформиться, а мне попытаться отпустить сферу, как вся наполнявшая ее энергия рассеялась, устремляясь к черным стенам, окружающим нас, и впитываясь неровной шероховатой поверхностью камня.

Впервые я столкнулась с чем-то подобным. Казалось, что окружающие нас стены подвала, а мне думалось, что это именно он и был, были настроены таким образом, что притягивали к себе всю доступную энергию, впитывая ее словно губка.

Пока размышляла над тем, как такое возможно, решила осмотреться вокруг. Место, куда нас занесло, было лишено окон, а как

следствие, и любых источников естественного освещения. Но тем не менее это была весьма просторная зала, сверху донизу забитая различными коробками и сундуками. Вдоль стен располагались высокие стеллажи, набитые книгами, свитками и просто листами бумаги. Все это находилось на полках в каком-то хаотичном беспорядке. Словно не было никакой системы у разложенных вещей, либо же она была понятна лишь их обладателю. В самом углу этого зала, за огромным стеллажом, виднелась неброская деревянная дверь, как раз напротив того места, где нас выкинуло.

– Интересно, где мы? – пробормотала я, совершенно не рассчитывая получить ответ на этот вопрос.

Но неясный шорох, производимый Брэманом, который наконец-то пришел в себя, отвлек меня от невеселых мыслей.

– Что за?.. – прохрипел мужчина, пытаясь подняться на ноги, и в тот же момент был вздернут за шиворот могучей рукой Тереха.

– Это ты нам скажи! Что ты устроил, гад? – вызверился Терех, смотря куда-то вверх Брэмана, должно быть, потому, что не мог в такой темноте увидеть, где именно расположено его лицо.

– Что-то не так, – прохрипел Брэман, отчаянно дергаясь в руках Тереха. – Что-то пошло не так, нас не должно было выкинуть здесь!

– Где здесь, засранец! Куда ты хотел меня утащить, отвечай! И последний раз предупреждаю тебя, еще раз дернешься – и больше уже не очнешься! – буквально прорычал дедушка Кельма, встряхнув Брэмана так, что голова последнего замоталась из стороны в сторону.

– Ты же хотел спросить у него...

– У кого у него?!

– Ну и туго же до тебя доходит, – непонятно чему обрадовавшись, ухмыльнулся Брэман.

– Мы в Исме? – коротко спросила я, всматриваясь в черты лица мужчины, что продолжал ухмыляться по одной ему понятной причине.

– Ох, и ты здесь? – обрадовался Брэман, улыбнувшись еще шире. – Так это же просто прекрасно! Вот уж не думал, что так повезет...

– Терех, сделай одолжение, – сказала я, перебив мужчину на середине фразы. – Подержи его так крепко, как сможешь, а я с ним пообщаюсь, так, как давно хотела, но, руководствуясь своими принципами, старалась не делать.

– Нет проблем, – легко согласился северянин, перехватывая тело Брэмана так, что теперь единственное, чем он мог шевелить свободно – были его стопы.

– Что ты задумала, девка? – беспомощно и зло рычал Брэман во тьму, без толку пытаюсь увидеть меня перед собой.

И успокоился он лишь в тот момент, когда мои пальцы сомкнулись у него на подбородке, сжимая его так, что теперь он больше не мог пошевелить головой.

– Знаешь, – тихо сказала я, – в день, когда я поняла, что принцесса является одной из тех, кто виновен в нападении на нас, я осознала, что это моя вина. Смерть всех тех людей легла тяжким грузом мне на плечи именно в тот момент. Знаешь, почему?

Брэман ничего не ответил мне. Мужчина лишь продолжал испуганно смотреть перед собой и лихорадочно подрагивать.

– Конечно же нет. Я тебе расскажу, Брэман. Я виновата потому, что могла это предотвратить, просто прочитав ее мысли. Все до единой, заглянув в ее воспоминания, посмотрев ее планы на будущее. Признаюсь, у меня было такое желание однажды. Но я пожалела ее, решив подождать до того момента, как она уснет, но... я опоздала. С тобой же, северянин, я не совершу такой ошибки. Если ты не будешь мне противиться, тебе не будет больно и ты ничего не почувствуешь, я обещаю тебе. Но, чем сильнее станешь блокировать меня, тем хуже будет тебе, тем страшнее будет боль и хуже последствия после того, как я закончу. Правда, есть еще один способ...

Признаюсь честно, на самом деле изначально я не собиралась его пугать, но тут меня понесло. Захотелось немного припугнуть этого напыщенного деда, чтоб присмирел хотя бы чуточку. Потому, увидев неподдельный испуг во взгляде Брэмана, удовлетворенно улыбнулась и легонько нажала несколько точек у него на голове. Северянин испустил судорожный вдох, после чего сладко уснул.

– Ну ладно, можно начинать, – кивнув своим мыслям, сказала я. – Положи его, Терех. Он будет спать.

– Едрена матрена! – выругался дед Кельма. – А как же муки и все такое? Я сам чуть в штаны не наложил!

Интересно, а может быть такое, что дед и внук – астральные близнецы?

Бросив выразительный взгляд в сторону Тереха, вовремя поняла, что он может его увидеть и оценить, потому сказала:

– Терех, чужая боль для меня хуже, чем моя собственная. А теперь послушай, нам наверняка придется уходить через ту дверь...

– Какую дверь? – начал озираться он.

– Которую я вижу, а ты – нет, потому что я вижу в темноте, а ты – нет, – терпеливо пояснила я и продолжила: – То, что тут происходит – необычно для меня. Я боюсь оказаться неготовой к тому, что поджидает нас снаружи. Но Брэман явно знает об этом месте куда больше моего. Потому я хочу прочитать его сейчас. Некоторое время я не смогу говорить с тобой и слышать тебя. Это продлится недолго, может около минуты или чуть больше. Постарайся не тревожить меня.

Я старалась как можно четче дать указания северянину, потому как не хотела начинать все сначала из-за его нетерпеливости и горячего нрава. На самом деле, чтение мыслей не занимает много времени – реального времени, для меня же оно потечет совсем с другой скоростью.

– Да понял я! – активно закивал Терех. – Не тревожить и не болтать, – широко улыбнулся он.

– Именно!

Коридоры чужого разума – это огромный параллельный мир, в чем-то похожий на тот, в котором мы все живем, в чем-то отличный, искаженный через призму восприятия и личностных суждений каждого. Своеобразная вселенная конкретно взятого человека раскинулась у моих ног, и ступать по ней следовало осторожно, а самое главное, знать, куда идти, дабы не потеряться и правильно понять, что будет увидено. Не навредить своим присутствием, не сломать хрупкие нити чужого рассудка. Порой это кажется сложно, но на самом деле это не так. Просто отрешиться от собственного разума, погружаясь в чужие воспоминания как в свои собственные, не задевая и не изменяя их.

Я просматривала картины детства Брэмана, когда он еще верил в чудеса, когда его мать казалась необыкновенным всезнающим существом, а отец всемогущим Богом, который, если захочет, сможет достать даже звезду с небес. Вместе с этими образами шли его мысли, ощущения, восприятие окружающего мира. Я словно вместе с ним

училась ходить, говорить, познавать мир. Детство этого северянина, как и у большинства людей, имело преимущественно яркий оттенок счастья, определенный ряд ассоциаций и вкусовых ощущений. Так, например, оказалось, что пирожки с яблоками – это то, что заставляет его вспоминать о бабушке, а запах лавандового масла – это мама, то, как пахнет кожа и море – запах отца. Я всегда любила «смотреть» детство, от этого становилось светло и радостно на душе, но, как и все хорошее, оно так же проходит. Взросление Брэмана ознаменовала кончина отца. Это было большим потрясением для тогда еще совсем юного северянина. Далее шли монотонные дни, окрашенные тонами депрессии, боли, борьбы за место под солнцем и тягостным трудом, которым приходилось заниматься, чтобы содержать семью.

Не то чтобы мне было не интересно это смотреть, просто, во-первых, это было личными переживаниями, а во-вторых, для меня ненужными. Потому я просто позволяла этим событиям протекать как если бы сквозь меня, не задевая моего сознания и не оставляя в нем ни малейшего следа.

Когда произошла катастрофа, что разделила Север на два противоборствующих лагеря, Брэман пострадал, возможно, сильнее многих. Его жена, на тот момент ожидавшая первенца, так и не смогла выносить ребенка... Выкидыш случился совсем еще на маленьком сроке. Пятимесячный малыш – мальчик, не сумел пережить произошедших изменений и умер вскоре после родов. Долгое время Брэман пытался зачать еще детей, но каждый раз происходило одно и то же. Хоть и был он к тому времени уже довольно немолодым человеком, женился он поздно по меркам северян. Иногда он думал, что это и есть причина происходящего. Тогда мало кто понимал, что на самом деле происходило с ними. Причина же крылась в том, что все попытки завести ребенка обрывались лишь потому, что не получалось зачать девочку, а мальчики родиться просто не могли.

И снова побежали годы, столетие за столетием наполненные одиночеством и попыткой найти смысл в этой долгой и непонятной жизни. Не находя в себе сил жить для кого-то, он избрал другой путь. Постепенно получая все большее влияние в политической жизни страны, он чувствовал себя более уверенным и стоящим. Власть не пьянила его, она была самым смыслом его существования. Тем якорем, который, несмотря на все жизненные перипетии, никогда не потеряет

своего значения и ценности. Свой последний брак Брэман заключил чисто из политических соображений. Это была выгодная сделка, не более. Его жена на тот момент была совсем еще юной девушкой и, уж конечно, не мечтавшей стать женой не просто давно живущего северянина, а еще и выглядящего, как ее отец. Каждый раз, прикасаясь к ней, он ловил ее взгляд, полный отвращения. И, как ни странно, понимал, что это естественно. Но, с другой стороны, она была лишь его приобретением. Потому относился он всегда к ней хорошо. Не позволял себе ни рукоприкладства, ни грубости, но и не пытался стать для нее тем, кого со временем она смогла бы полюбить. Все, что ему было от нее нужно, он уже получил. А именно поддержку ее отца. Этого было достаточно. Когда же Тиана родила дочь, странным образом Брэман понял, что уже давно не нуждается в ребенке. Он слишком привык к тому, что один, что живет совершенно для других целей. Но как любое его приобретение и это дитя должно было послужить на пользу отцу.

Девочку назвали Ирсе...

Мне не было нужды смотреть фрагмент той самой ночи, который я видела, когда чуть не умерла. Я все поняла уже сейчас, но мне необходимо было узнать, что же произошло после моего рождения.

Я смотрела и не могла поверить собственным глазам. Как же так... Как же так?!

– Как же так, – выныривая из воспоминаний родного деда, прошептала я.

– Что? Ты уже закончила? – раздался низкий голос Тереха, что не отрываясь следил за выражением моего лица.

– Да, – машинально ответила я, поднимаясь с колен. – Нам надо идти, Терех. Надо идти... – все еще не до конца придя в себя от увиденного, пробормотала я.

– А этого куда? – спросил мужчина, вставая рядом со мной и, словно маленький ребенок, беря меня за руку. Правда, судя по тому, как моя ладонь исчезла в его огромной руке, это еще вопрос, кто тут выглядит ребенком.

– Он останется здесь, – твердо сказала я. – Я не стану ему помогать, иначе он никогда не поймет, в чем заключается настоящая «цена» жизни, души, которая приходит в этот мир, избирая себе того, кто может стать ее родителем на земле.

– Эээ, как скажешь, – задумчиво сказал Терех и тут же весьма бодро заявил: – Веди! Сегодня капитан ты!

На самом деле вести за собой огромного мужчину, совершенно не различающего, куда он идет, дело не из легких. Во-первых, я узнала все мыслимые и немыслимые ругательства из возможных на языке северян. Во-вторых, он с трудом мог пролезть там, где я шла свободно, не встречая видимых препятствий, которые выяснились, когда Терех застревал в недостаточно широких проходах или сбивал головой очередную, не в меру увесистую, книгу.

В итоге, дойдя до необходимой двери, я уже мысленно умоляла, чтобы по ту сторону было не так темно. Иначе нас точно найдут раньше времени или же Терех пострадает так, что вряд ли сможет продолжить путь самостоятельно. В то время, как я остановилась, чтобы осмотреть замок, на который была закрыта дверь, дед Кельма решительно сделал еще несколько размашистых шагов и ожидаемо впечатался в стену.

– Твою ж мать! – прошипел он, хватаясь руками за пострадавший нос.

– Терех, не ори, – шикнула в ответ. – Я же сказала «стой», почему ты дальше пошел?

– Потому, – обиженно буркнул он.

– Это невозможно, – устало вздохнув, покачала головой я.

Дверь оказалось деревянной и, ожидаемо, была заперта.

– Наверное, придется выбить, – сказал Терех, ощупывая поверхность двери и примеряясь к ней плечом.

– Стой, – вновь шикнула на него. – Просто замри, умоляю тебя! – взмолилась я. – Я сама все сделаю, а ты просто постой.

То, что мне не удалось выделить энергию отдельно от своей оболочки, вовсе не означало, что я потеряла свои способности Тени. Потому я просто проникла сквозь твердую поверхность двери и повернула механизм замка так, что уже через несколько секунд раздался механический щелчок и дверь медленно и со скрипом отворилась.

– Ооо, – заключил северянин, уже привычно ухватив меня за руку.

Мы оказались в длинном, не слишком широком коридоре. По всей видимости, нас занесло в какой-то подвал достаточно большого дома.

Возможно, это и был центр Исмы или же дом какого-то весьма состоятельного северянина. Сейчас понять было сложно, но теперь я точно знала, куда нам следует направиться. И тянуть с этим я не хотела.

Коридор, так же, как и хранилище, в котором мы недавно были, не был освещен. Приходилось двигаться в полнейшей темноте. Из воспоминаний Брэмана я знала, что здесь он прежде не был. Но стоило нам подняться по узкой лестнице, сложенной из серого камня, и открыть еще одну дверь, как мы оказались в залитом золотистым сиянием холле. Здесь было все так же безлюдно. Но это было не удивительно, ведь сейчас велись боевые действия у Последнего рубежа. Должно быть, потому и свободно слоняющегося люда не было. Но зато теперь я могла понять, где именно мы находимся.

– Что дальше? – спросил Терех, все так же удерживая мою руку. – Уходим?

– Нет, – я сделала глубокий вдох и повернулась к мужчине лицом. – Послушай, я должна спросить тебя, прежде чем двинуться дальше. Терех, если мы ступим за порог этого дома, я смогу отправить тебя в Аранту. Но если же мы сейчас отправимся на второй этаж, то сможем прекратить все это. Я не уйду отсюда в любом случае, пока не закончу это. Но тебя принуждать не имею никакого права, тем более, если учесть тот факт, что я не знаю, чем все это обернется.

– Постой, – прервал он меня. – Слишком много слов. Ты говоришь, что если мы пойдем дальше, то сможем остановить войну, но при этом вероятнее всего подохнем?

– Э-э, ну, что-то типа того, – несмело улыбнулась я.

– Тогда чего мы ждем? – непонятно чему воодушевился дедушка Рыжего. – Идем же скорее!

– Постой же, не тащи меня! Все равно ведь не знаешь, куда идти! – словно мой осел, упиралась я, когда Терех неожиданно решил проявить инициативу и потащил меня совсем не туда, куда было нужно. – Там кухня, – прошипела я. – Там только еда, источник там, – указала я в другую сторону. Зря я так, потому как меня тут же развернуло на сто восемьдесят градусов и потащило в сторону широкой лестницы.

Дед оказался куда более активным, чем внук, хотя куда уж больше... Но именно сейчас я действительно засомневалась, как с

таким можно идти в разведку?! Он же хуже ребенка!

– Терех, нас могут заметить! Дай, я пойду первая!

– Да, кто нас заметит? Тут никого нет, видишь? – сунул он мне под нос грубой работы железный браслет, который как влитой сидел на его запястье. – Все камушки красные, значит в радиусе двухсот метров ни души!

– Да, – согласилась я. – Интересно, как же он работает, если вся доступная энергия тут же впитывается стенами этого дома? – тихо поинтересовалась я. – Тут ничего не работает, понимаешь? И я не думаю, что такая ценность, как их собственный Источник, может находиться в месте, где нет охраны. Да стой, кому сказала, – не удержавшись, легко нажала на точки на затылке северянина так, что тот замер, так и не сделав шага.

Сейчас мы находились в небольшом закутке, что отгораживал нас от центрального зала. Совсем близко от входа в дом, где, как я поняла, жил брат Брэйдана, а также его приближенные. Это нельзя было назвать резиденцией или дворцом правителя. Нет, как понимал Брэман, это была личная лаборатория Ингвера, его центральный штаб. И то, что мы здесь находились уже почти час и нас никто не смог обнаружить, было само по себе странно. Не говоря уже о том, что мы беспрепятственно шагаем туда-сюда по вражеской прихожей, а кое-кто еще и топает что есть силы!

– Мы должны быть осторожны, – тихо сказала я. – Сейчас я верну тебе способность двигаться, но ты будешь делать только то, что я тебе скажу, понял? – на эти мои слова Терех лишь утвердительно моргнул.

– Вот, так, – шепнула я, нажимая одновременно еще несколько точек на затылке мужчины. – Идем тихо, не разговариваем и не шумим.

Оказалось, что Терех быстро схватывает то, что от него требуется, особенно если ему все это правильно объяснить. И двигаться он мог чуть ли не бесшумнее меня. Дом, в котором обитал Ингвер, мало чем походил на дом его брата. Во-первых, он был больше. Во-вторых, первый этаж мало походил на жилое помещение, скорее на огромных размеров вестибюль. Минимум мебели, высокие потолки и огромное, ничем не обремененное пространство. Мы легко преодолели пространство первого этажа, а оказавшись на втором, тут же свернули в том направлении, которое я видела в памяти Брэмана. Не знаю,

каким образом ему это удавалось, но этот мужчина бывал здесь довольно часто. При этом никто и никогда не смел его даже подозревать в подобном. Как я поняла, Ингвер изготовил для Брэмана особый телепорт, который, если соблюсти все условия перемещения, не оставлял никаких следов в пространстве. Но сейчас я очень надеялась, что Тэо и Брэйдан сумеют нас отследить... Ведь, как ни крути, а траектория конечного выхода была изменена.

Пол широкого коридора второго этажа был устлан мягким ковром, который особенно хорошо приглушал нашу поступь. Стены были выкрашены простой белой краской, которую практически не было видно из-за обилия картин и барельефов, что украшали их с обеих сторон.

Да, похоже, Ингвер был ценителем живописи. Портретов среди разнообразия картин практически не было, в основном это были пейзажи, отображающие красоты севера. Сейчас мне казалось, что я уже видела все это, должно быть наслаивались воспоминания Брэмана. Но, как это ни странно, ни мне, ни ему эти картины не нравились. Брэман полагал, что это бесполезная трата времени, рисовать подобные картинки, мне же потому, что выглядели они нереально идеальными и словно искусственно совершенными.

Мы прошли до самого конца коридора, прежде чем я увидела ту самую дверь, которая так меня интересовала. Сейчас, стоя снаружи, я, как ни старалась, не могла почувствовать ничего особенного, что было бы скрыто за ней. Но, помня то, что видел Брэман, я точно знала, что оно там есть.

– Чего мы ждем? – тут же поинтересовался Терех.

– Странно это, – сказала я, доставая свой шест из чехла за спиной. – Очень странно.

– Да уж, мне и самому не по себе. Огромный дом, совершенно пустой, и если, как ты говоришь, тут находится Источник Отступников, то почему его никто не охраняет?

– Хороший вопрос... Но я все равно хочу открыть эту дверь.

Это была высокая двустворчатая дверь. С виду она ничем не отличалась от обычной двери, и у меня не получалось увидеть какого-либо подвоха.

– Открывай уж, – кивнув своим мыслям, сказал Терех, подходя ближе ко мне.

Оказалось, стоило мне дотронуться до ручки двери, как она тут же податливо распахнулась, словно мы были здесь долгожданными гостями. Комната была погружена в голубоватый полумрак, единственным источником света была сфера, источающая ровное нежно-голубое сияние. Она находилась в самом центре этого небольшого зала, будто зависнув в воздухе над широкой белоснежной мраморной плитой.

Временами сфера подрагивала, и на ее поверхности вспыхивали яркие белоснежные искры. От напряжения, что царило вокруг нее, трещал и гудел воздух. Мы с Терехом так и замерли на пороге, не в силах заставить себя войти внутрь. Увиденное шокировало нас. Энергетическая сфера, совершенно не защищенная стабилизирующим куполом, просто застыла в воздухе. От напряжения, что сейчас витало в открытой нами комнате, лично у меня побежали мурашки по всему телу.

– Нельзя туда входить, – тихо сказал Терех. – Я, хоть и не Властитель, но точно могу тебе сказать, войдешь туда – и тебя зажарит, как молодого цыпленка.

– Похоже, что так, а эта комната и есть купол, который стабилизирует ее...

– Что? – непонимающе переспросил он.

– Ничего, посмотри вон туда, – указала я в дальний угол комнаты.

Там, в самом дальнем углу зала, где Ингвер сумел разместить свой источник, на обсидианово-черной каменной плите лежала женщина. Ее фигура была окутана голубоватым полумраком комнаты и странной, едва видимой белесой дымкой. Я видела черты ее лица очень хорошо, даже несмотря на темноту и расстояние. Словно бы не Брэман, который передал ее много лет назад Ингверу, а я сама разглядывала ее лицо в тот день. Помнила ее крупные зеленые глаза, окаймленные угольно-черными густыми ресницами, чуть пухлые бледно-розовые губы, словно копия моих собственных, точеные высокие скулы, бледная мраморная кожа, длинная тонкая шея. Когда-то Ирсе́ была первой красавицей Севера. Когда-то очень и очень давно она была жива и полна сил... ровно до того момента, как в ней зародилась Тень. Моя Тень. Я помнила негодование Брэмана, узнавшего, что его дочь понесла от чужестранца, который исчез ровно в тот день, как северянами было принято решение о помощи Императору Солнца.

Видела, в какой атмосфере ненависти и презрения ей приходилось носить меня под сердцем. Помнила, как он запирает ее в собственном доме, когда беременность было уже не скрыть. Заставлял днями напролет просиживать в комнате, которая стала личной камерой моей матери. А еще я очень хорошо помнила тот день, когда Ирсе валялась в ногах у своего отца, умоляя оставить ей ребенка. Но ему было все равно на ублюдка, что родился от неизвестного чужестранца без имени и рода. Тот день, когда Брэман собирался оставить меня на ступенях храма Вольмиры, Северной Богини покровительницы семейного очага, в его дверь неожиданно постучали. На пороге стоял аирец... И я точно знала, смотря глазами Брэмана на этого мужчину, кто он. До сих пор мне было сложно поверить во все это. Еще сложнее осознать, до какой степени было спланировано мое рождение. Какую роль сыграла во всем этом Ирсе? Любил ли ее мой отец? Или просто использовал согласно договору с Древними Властителями Севера? А самое главное, как им это удалось? Как? Если до сегодняшнего дня я слепо верила в то, что все мы пустоцветы...

Но видя на пороге дома Брэмана Сэ'Паи Тонга, который пришел в тот день за мной... Я не знаю, что должна думать обо всем этом сейчас. Злилась ли я? Нет, скорее это было смятение и непонимание происходящего. Я не могла узнать ни одного ответа на свои вопросы, смотря на мир глазами Брэмана. Я видела то, как Сэ'Паи предложил Брэману отпустить и его дочь, видела, как сама Ирсе отказалась от этого и не возражала, когда отец отдавал ее ребенка моему отцу.

Когда же, всего через несколько лет после моего рождения, Ирсе начала угасать, словно маленькая искра на ветру, Брэман неожиданно понял, что это не та потеря, которая ему необходима. Его единственная дочь, его разочарование и все еще не угаснувшая надежда, не должна была умереть вот так просто. Лекари и Властители Аранты лишь разводили руками, признавая свое бессилие. Именно тогда Брэман решил искать помощь у того, кто сумел изменить судьбу целого народа, победив смерть. Я могла бы его понять, если бы им руководило желание помочь родному дитя, но до сих пор этот человек не потерял надежды использовать эту женщину в своих целях. Он грезил о том, что Ингверу удастся изменить энергетическую структуру родной дочери таким образом, что именно она станет первой бессмертной женщиной Севера.

Сейчас, стоя у входа в зал, который стал склепом и темницей моей матери, я понимала еще несколько вещей. Ирсэ умерла много лет назад, но жизнь в ее теле продолжал поддерживать источник Ингвера. Не позволяя ей покинуть этот мир. Заставляя томиться дух моей матери в ожидании свободы и ухода. На что они надеялись, помещая ее в такой близости от сферы?

«Дайли, – знакомый голос учителя вторгся в мой разум, заставив от неожиданности вздрогнуть. – Теперь ты знаешь».

«Знаю? Мне кажется, теперь я знаю куда меньше, чем раньше», – ответила я, находясь в полнейшем замешательстве от происходящего.

«Это не так, – так же спокойно ответил он. – Ты нашла ее, а вот я не смог. Думал, что она умерла, и из-за связи со мной не может уйти, ждет меня. Но, оказывается, эта причина не единственная».

«Так, – отчего-то стало тяжело дышать, а в горле встал комок. – Вы все это время...»

«Да, это она».

Крепко закрыв глаза, я почувствовала, как одинокая слеза заскользила по вмиг ставшим горячими щекам.

– Долго же вы шли, – раздался за спиной голос мужчины, который я смогла бы узнать где угодно, потому как до малейшей интонации знала его. Только вот, несмотря на голос, который имел схожее звучание с тем, который я знала и любила, принадлежал он совсем другому Властителю.

Медленно обернулась, чтобы взглянуть в глаза тому, кто однажды практически убил меня, и тут же утонула в холодной зелени его глаз.

Ингвер стоял, оперевшись плечом о стену. Его длинные черные волосы свободно спадали по плечам, на губах играла насмешливая полуулыбка, а хищный прищур зеленых глаз говорил о том, что самому Властителю наша встреча представляется редкостным развлечением. Сегодня этот мужчина был облачен во все черное. При нем не было ни меча, ни какого-либо видимого глазу оружия.

Чуть дальше, практически за его спиной, стоял Брэмман. Мужчину ощутимо пошатывало, но тем не менее он продолжал буравить нас гневным взглядом.

Смотря в лицо Ингверу, я понимала, что, несмотря на всю внешнюю похожесть, он был совершенно другим. Брэйдан и Ингвер, братья, близнецы – и настолько разные, словно лед и пламя.

– Как я погляжу, ты все же выжила? – сказал он, прямо взглянув на меня. – Зря ты так, надо было сдохнуть еще на корабле, – сказал он, не скрывая сочувствия в голосе. – Нравится? – кивнул он в сторону сферы, что была у меня за спиной. – Сам сделал, и послушна эта малышка мне одному.

Прищурившись, я и впрямь смогла разглядеть достаточно мощную связующую нить между северянином и Источником. Удивительно, что такая мощь не выжгла его до сих пор. Хотя, если учесть тот факт, сколько времени этот мужчина занимается своими изысканиями, то как раз ничего удивительного в этом нет. От мысли о том, сколько людей пострадало в ходе его экспериментов, делалось и вовсе не по себе.

– Зачем ждал, пока мы дойдем до Источника? – спросила я.

– А почему нет? Умирать всегда приятнее за что-то, чем просто так, – равнодушно пожал плечами брат Брэйдана. – Ты стала Избранной и узнала расположение моего Источника. Ты, – перевел он взгляд на Тереха, – нашел шпиона и вроде как поучаствовал в поисках сферы. Жизнь прожита не зря! – широко улыбнулся он.

– Интересно, можешь ли ты сказать то же самое о себе? – словно эхом отозвался голос того, кого я так ждала здесь увидеть. Я так надеялась, что он сможет прочесть остаточный след! Что ему и Тэо окажется это по силам.

Аранта, часом ранее

– Этого просто не может быть! – зло стукнув кулаком о белоснежную стену Дома Совета, сквозь зубы пробормотал Брэйдан. От его удара в воздухе закружилась белая каменная пудра, но стена все же устояла. – Боги, Боги, – еще раз повторил он слово, которое сумел за эти несколько минут произнести чуть ли не большее количество раз, чем за всю свою долгую жизнь.

Сейчас он чувствовал такую редкую для себя степень бессилия, что это буквально выводило из себя, злило и не давало возможности сосредоточиться. Тот хоровод из эмоций, неожиданной паники и полного ощущения беспомощности заставлял его судорожно сжимать и разжимать кулаки в попытке найти ту самую точку опоры, чтобы понять, как сейчас ему следует действовать.

– Карта, мне нужна карта, – неожиданно быстро сказал он, размашистым шагом устремляясь в сторону лестницы, которая вела его в хранилище знаний Севера.

Стоило ему сделать несколько шагов, как следом за ним устремились и остальные невольные свидетели тех новостей, что несколько минут назад озвучил Тэо. Иноземец излагал кратко и по существу, но легче от этого почему-то никому не было. Предельная точность его рассказа лишь исключала вероятность случайности и недопонимания произошедшего.

– Зачем тебе карта? – не выдержав, поинтересовался Джодок. – Если они в Исме, то этот город давно закрыт для каждого из нас.

– Нет, учитель, он закрыт для вас. Вас всех без исключения, но не для такого, как он, – кивнул Брэйдан в сторону Тэо. – И, думаю, он не станет отнекиваться, что якобы не сможет провести нас за собой.

Тэо лишь устало пожал плечами.

– Было бы куда вести, но я не чувствую Дайли с тех самых пор, как она шагнула за Терехом в пространственный коридор, то есть, по-вашему – телепорт, – уточнил он. – И именно это самое странное в произошедшем.

– Зато чувствую я, – сказал Брэйдан, прямо взглянув Тэо в глаза.

– Вот оно что, – улыбнувшись уголками губ, тихо сказал он. – Тогда можно и попробовать...

– Даже если ты ее чувствуешь, как сможешь определить точные координаты? – не удержавшись, спросил Адаль.

Оказавшись в хранилище, которое полностью занимало один из нижних ярусов Дома Совета, Брэйдан уверенным шагом направился к одной из секций, сверху донизу забитой книгами, свертками и свитками, лежащими на специальных стеллажах, защищенных от влияния времени и воздуха тонкими голубоватыми энергетическими пленками. Посторонний или несведущий человек просто не смог бы взять интересующую его книгу, но только не Брэйдан, который знал это место чуть ли не лучше, чем собственный дом. Одно время он проводил здесь все свое свободное время, посвящая свое беспросветное существование знанию. Изучая всю доступную литературу, он хотя бы ненадолго мог погрузиться в иную реальность, забыться и не думать о том, что приносило практически физическую боль его сердцу.

– Смогу, – уверенно ответил он, начертав в воздухе странный символ, который тут же наполнился голубоватым свечением и устремился к защитной пленке, что мешала свободному доступу к книгам. – Правда, сразу говорю вам, чтобы не было недоразумений. Я использую магию крови, и да, я в курсе, что она под запретом, и мне плевать, – так и не повернувшись лицом к старейшинам, пробормотал он, снимая с одной из верхних полок черную кожаную трубу.

– Но... – попытался было возразить Джодок, как был тут же прерван гневным взглядом своего ученика.

– Я должен ее найти, ясно?! – прямо посмотрев в глаза старейшин, сказал Брэйдан. – И мне не двадцать лет, чтобы не понимать, какие силы придется использовать для этого. Я отлично понимаю, как должно обращаться с этой магией. А теперь, если ни у кого больше нет вопросов или возражений, давайте приступим уже.

Сейчас Брэйдан смотрел на окружающих взглядом, полным неподдельной серьезности и решимости. Каждый из присутствующих, возможно, именно в этот момент предельно ясно осознал, что Властитель, стоящий перед ними, не испытывает ни единой капли сомнения. И прекрасно осознает, что именно собирается делать.

– Интересно, один я вижу во всем этом определенное влияние восточного менталитета? – глубокомысленно прошептал Адаль на ухо Ерду.

Мужчина лишь задумчиво пожал плечами, но, судя по вмиг потеплевшему взгляду, он разделял мнение брата.

– О каких силах идет речь? – Тэо задал свой вопрос не из праздного любопытства, просто его с детства учили тому, что есть энергия, которая питает все живое в этом мире. Она не добрая и не злая, это просто сила, которая существует вне рамок морали и законов материального мира. То, о чем сейчас говорили северяне, казалось ему странным и непонятным. Когда же прозвучало слово «магия», ему и вовсе показалось, что либо он неправильно его перевел, либо у северян разыгралась фантазия.

– Тэо, сперва дай мне свой пояс, а потом я объясню, – ответил Брэйдан, указав рукой на широкий черный пояс, что подпоясывал кимоно Тени.

Тэо без лишних вопросов, одним простым жестом распустил сложный узел, которым был повязан его пояс, и передал его Брэйдану.

– Если я правильно понял то, что рассказывала мне о вас Дайли, то вы не умеете влиять на материю? – спросил Брэйдан, принимая пояс Тэо.

– М-м... возможно, – уклончиво отозвался Тэо, подразумевая тем самым частичную правдивость слов своей подруги. – То есть мы и впрямь не умеем манипулировать со стихиями.

– Зато умеем мы. И сейчас я буду использовать силу своей крови, чтобы найти Дайли. Это сложно объяснить тому, кто далек от наших представлений о владении энергопотоками, но «магия крови»... – Брэйдан явно не знал, как будет правильно объяснить Тэо, что именно он собирался сделать.

Именно тогда заговорил Джодок.

– Проще говоря, он собирается искать Дайли, задействовав свой внутренний резерв, которым мы пользоваться не умеем напрямую, а только через материальную составляющую – в данном случае «кровь», – на одном дыхании проговорил старейшина. – Но данный вид использования силы не дает возможности чувствовать меру заимствования сил...

– Подождите, – прервал старейшину Тэо. – Я не понимаю больше половины слов, объясните мне так, чтобы на это хватило моего знания языка.

Теперь пришла очередь задуматься уже Джодоку, в то время как Брэйдан нашел оптимальный вариант для того, чтобы пояснить происходящее Тэо.

– Через кровь моя душа будет искать Дайли – это если вкратце.

– И он сойдет с ума, если не поймет, когда нужно остановиться – это если совсем коротко, – подытожил Адаль.

Некоторое время Тэо пытался понять услышанное, после чего уверенно заявил:

– Я тебя подстрахую. Если с твоей оболочкой станут происходить нежелательные изменения, я помогу тебе остановиться.

– Не раньше, чем я найду ее, – возразил Брэйдан, распечатывая кожаную тубу, что совсем недавно снял с одного из стеллажей, и извлекая из нее длинный сверток из плотной коричневой бумаги.

Свертком оказалась карта, которая, судя по цвету бумаги, была нарисована достаточно давно, но тем не менее все еще не потеряла достойный вид и была вполне читабельна. Брэйдан вместе с другими

Властителями быстро развернул ее на одном из широких столов, что находились в хранилище. Тут же, не тратя более времени на разговоры, под недоумевающим взглядом Тэо, он обернул пояс Тени вокруг головы, закрывая широкой черной полоской нос и рот, оставляя непокрытыми лишь глаза.

– Так надо, – тихо шепнул Тэо Ерд.

То, что произошло затем, и вовсе повергло Тэо в странное оцепенение и неверие в происходящее. Не то чтобы он отрицал возможность подобных манипуляций, просто это было настолько необычно, что юная Тень не могла заставить себя перестать смотреть.

Из голенища своих высоких сапог, одним быстрым движением Брэйдан извлек тонкий клинок из странной мерцающей голубоватой стали. Он поднес его к глазам, и в этот момент искры, что плясали на металлической поверхности кинжала, словно вспыхнули на самом дне зеленых глаз Властителя.

В хранилище воцарилась тишина, нарушаемая лишь редкими вдохами присутствующих. Никто не решался ни заговорить, ни пошевелиться. Каждый неотрывно наблюдал за происходящим, стараясь всеми силами если не помочь, то хотя бы не помешать творимому.

Холодная сталь легко вспорола податливую кожу запястья Брэйдана. Но самым удивительным было не это, а то, что, несмотря на порез, у Властителя так и не пошла кровь.

Бедный, вечно любопытствующий Тэо едва удержался, чтобы по своему обыкновению не спросить, почему? Но, вовремя взяв себя в руки, он заставил свой рот остаться неподвижным и не произнес ни звука.

В этот самый момент Брэйдан протянул руку над картой и едва слышно зашептал что-то совершенно непонятное для Тэо. Этот странный язык, которым пользовался сейчас Властитель, был очень похож на современный язык Севера, но в то же время Тэо не понимал ни слова. Хотя, если говорить совершенно откровенно, его больше занимало запястье северянина, чем язык, на котором он сейчас шептал непонятные фразы.

Из глубокого пореза, нанесенного тончайшим лезвием кинжала, выступила крошечная, почему-то густая, темно-бурая капля. Она медленно стекала по запястью, от одного края пореза к другому,

неохотно увеличиваясь в размерах и набухая, а следом за ней стягивалась и кожа, не оставляя и следа на месте пореза. В какой-то момент тяжелая капля сорвалась с руки Властителя, но стоило ей коснуться поверхности карты, как изображение Севера тут же изменилось, превратившись в объемное схематическое изображение Дома Совета. Больше всего это было похоже на немного прозрачный макет всего сооружения. Тэо с удивлением понял, что теперь может без проблем увидеть и зал, в котором проходила сегодняшняя церемония, и тот коридор, из которого исчезла Дайли. И самое удивительное, как раз на втором ярусе, почти в самом центре, зажегся алый огонек, точно отображающий то самое место, где сейчас стоял Брэйдан.

Капля крови, что так нехотя покинула рану Брэйдана, теперь превратилась в яркий пульсирующий огонек алого цвета. Властитель некоторое время продолжал пристально на него смотреть, прежде чем с его губ сорвалось единственное слово, которое Тэо смог понять самостоятельно:

– Ищи! – И сказано это было тоном, не терпящим возражения или сомнения.

Алый огонек послушно сверкнул, и на разложенной ранее карте стало происходить нечто совершенно необъяснимое. Каждую долю секунды возникало новое трехмерное изображение. Иногда это были дома, гостиницы, парки, улицы, скверы, площади, по которой словно дикая пчела с невероятной скоростью пронесился яркий огонек. Он метался из стороны в сторону, пока изображение не сменялось вновь. Все это время Брэйдан неотрывно продолжал следить за происходящим. Его взгляд улавливал каждое движения искры. На лбу Властителя появилась испарина, и в какой-то момент Тэо заметил, как дрожат руки северянина. В этот момент Тэо решил проверить, в каком состоянии находится энергетическое поле северянина. И каково же было его удивление, когда спустя всего несколько минут с начала поисков он увидел, как сильно оно истощено. Не задумываясь, Тэо решительно подошел к Брэйдану, кладя свою руку ему на плечо и делясь с ним собственной энергией. Тэо чувствовал, что так было нужно поступить, слишком затратным было это «колдовство» и, по непонятным причинам, требующим такой отдачи.

Казалось, время тянулось невероятно медленно, каждая минута превращалась в долгие часы ожидания. Сейчас Брэйдан видел лишь

алую искру, что с невероятной скоростью исследовала каждый известный уголок Северных земель. Дом за домом, улица за улицей, город за городом, и даже леса, поля и села не могли остаться незамеченными, когда искала «кровь». Но сам Брэйдан понимал, что искать нужно было именно в Исме, но порядок, алгоритм, по принципу которого была создана эта карта, не позволял начать поиски с самостоятельно выбранного объекта. Только четкий порядок следования, город за городом, требовал необычайной концентрации. Ему было необходимо очень четко представлять ту, которую он всем сердцем желал найти. Но это и не требовало особенных усилий, он и так видел ее перед глазами каждый раз, стоило закрыть глаза. Каждый его вдох с недавних пор был только для нее и ради нее.

«Где же ты?» – мысленно взывал он, не желая признаваться даже самому себе, как сильно он сейчас боится за нее. Не потому, что сомневался в ее способностях, но потому, что знал способности брата, для которого уже очень давно человеческая жизнь перестала быть чем-то ценным и незаменимым.

В тот момент, когда перед глазами собравшихся предстал внушительного вида особняк, сложенный из черного гладкого камня, прошло не более двадцати минут с начала поиска. Но за это время Брэйдану удалось просмотреть чуть ли не половину страны. Картинки сменяли друг друга с непостижимой скоростью. Было трудно не то что понять, какой именно дом сейчас просматривает Властитель, но и попытаться определить его местонахождение. Сейчас же изображение особняка удерживалось уже несколько секунд, и алая искра вела себя не так, как раньше. Словно дикий зверь, который почуял приближение добычи, она медленно подкрадывалась к верхним этажам дома. И, лишь когда оказалась на втором этаже, выбрав необходимое направление, она ярко вспыхнула и, поменяв цвет с алого на белый, замерла.

– Нашел, – прошептал Брэйдан, устало оперевшись руками о поверхность широкого стола.

– Где это? – тут же отозвался Тэо одновременно вместе с Джодоком.

– Исма, центр, – голос Брэйдана ощутимо дрожал.

– Ты устал, – заговорил Ададь, подходя к столу вместе с остальными. – Тебе необходимо восстановиться, а нам собрать группу,

чтобы...

– Нет, каждая секунда может обернуться катастрофой, – резко сдергивая с лица пояс Тэо, сказал Брэйдан. Пряди его длинных черных волос были мокрыми от выступившего пота и облепили шею, словно черные змеи. Взгляд зеленых глаз приобрел странный лихорадочный блеск, но, как бы там ни было, он и не думал уступать.

– Мы отправляемся сейчас же. И не надо мне говорить, что это безрассудно, – тут же прервал он попытавшегося вставить свое слово Ерда. – Не хуже меня знаете, что за человек мой брат. Как сильно он изменился за прошедшие годы, и если ему удастся удерживать Дайли в своем доме – это означает лишь одно, что он уже не отпустит ее живой. Потому нам остается лишь определиться с тем, кто отправится с нами? Тэо, посмотри, ты сможешь провести нас туда?

– Да, – кивнул он. – Если ты будешь удерживать это место в своем сознании и самостоятельно будешь показывать его мне, то это станет возможным.

Они возникли словно из ниоткуда, прямо за спиной Ингвера. Как им это удалось, я не понимала, ведь дом был изолирован, и вся имеющаяся энергия стягивалась к сфере, что находилась в комнате, рядом с которой я стояла. Но они пришли. Он был здесь, от осознания этого мое сердце сжалось в груди, причиняя ощутимую боль. Да, именно сейчас, видя перед собой его лицо, глаза, которые я ни за что и никогда не перепутала бы с глазами его брата, я понимала, сколь эгоистичной стала рядом с ним. Я могла пострадать, могла бы уйти из этого мира, но потерять его, отпустить – это было невыносимо. Думать о том, что сейчас и он, и Тэо, старейшины, что пришли вместе с ними, оказались совершенно беззащитны перед мощью и силой, что сумел накопить Ингвер за эти годы, сводила меня с ума. Понимание того, что никто из них не сможет противостоять ему, пока он находится в своем доме, где вся энергия контролируется его собственным Источником... приводило лишь к одному-единственному решению.

«Как только я войду в эту комнату, – четко послала я мысль Тереху, который явно не ожидал подобного вторжения в свой разум и нервно вздрогнул, стоило мне заговорить. – Ты побежишь к Тэо со всех ног, понимаешь?»

Некоторое время Терех смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Его обычно живое лицо стало бледным и каким-то испуганным. Но он продолжал просто смотреть, даже не шелохнулся в ответ.

«Ты понял?» – еще раз спросила я, прямо взглянув в глаза северянину.

Терех нерешительно кивнул, сжимая свои огромные кулаки. Именно в этот момент я поняла, что ничего подобного он делать и не собирается.

«Не будь для меня обузой», – как можно жестче произнесла я. Мои последние слова подействовали на Тереха так, как и следовало ожидать. Столько неподдельного возмущения и гнева вспыхнуло на самом дне его глаз, но вместе с тем пришло и понимание.

– Брат мой, – в это время заговорил Ингвер, поворачиваясь лицом к пришедшим. – Ты пришел? Сам! Как это мило с твоей стороны, навестить родного брата в день, когда Аранта будет повержена и изменена окончательно и бесповоротно! Мой источник готов к этому, правда ведь это благие вести для всего нашего народа?! Мы больше не будем терять, вечная жизнь станет доступна не только мужчинам. Наши женщины станут равными нам, это ли не благо?

– Ты давно перестал понимать, что хорошо для нас, – отозвался Брэйдан, прямо взглянув на брата. – Ты обрекаешь Север на вымирание и даже не осознаешь этого.

– Это ты давно перестал осознавать реальность, в которой мы все существуем. Что есть благо? Рождение детей? Зачем они будут нужны, если мы все обретем вечную жизнь? Пустая трата времени и сил!

– Спор с тобой перестал иметь смысл. Ты мог бы стать благословением для нашей страны, но вместо этого стал проклятием. Я последний раз прошу тебя, одумайся!

– Одуматься? Ты предлагаешь мне признать, что вся моя жизнь, все мои свершения – это простая ошибка? Мое заблуждение? Я не смогу этого сделать, потому как не верю в это! И, если ты не желаешь встать на мою сторону, что ж, я в состоянии это пережить уже очень давно. Братские узы, что некогда связывали нас, уже давно превратились в бремя для меня.

В этот момент и я, и Тэо увидели, как задрожала энергия вокруг, как послушно потянулась она к Ингверу, как то же самое попытались

сделать старейшины, но она оказалась неподвластна им.

– Здесь я хозяин, – коротко ответил Ингвер, должно быть, заметив изумление, что возникло на лицах старейшин. – И Сила в этих стенах подвластна лишь мне, но скоро так будет не только в стенах этого дома, но и на всем Севере. Я останусь единственным Властителем, способным управлять энергией этих земель!

«Тэо», – мысленно обратилась я к своему другу.

«Дайли», – встревоженно посмотрел он на меня.

«Тэо, просто уведи всех отсюда».

«Что?» – изменившись в лице, отозвался он.

«Прошу тебя, поступи, как должно».

«Но я не могу! Сюда попасть было куда проще, чем выйти! Как я это сделаю?»

«Будет момент, ты поймешь, просто сделай это для меня! Прошу тебя...»

«Момент? Что ты задумала?!» – Тэо говорил очень эмоционально, но при этом его лицо оставалось совершенно нечитаемой маской. В целом это было и не удивительно, учитывая, что ни один из нас толком так и не научился передавать свои эмоции при помощи жестов и мимики.

«Я, кажется, наконец-то поняла, как остановить все это безумие... По крайней мере, я могу попытаться покончить с этим именно сейчас. Минимальное количество жертв, особенно если ты заберешь всех отсюда».

«А Брэйдан? Он не уйдет без тебя...»

«Потому и прошу тебя увести всех», – сказала я, отводя взгляд в сторону.

– Вот, значит, как, – сказал в этот момент Брэйдан, смотря в глаза брату. – Просто убьешь нас? Как-то не похоже на тебя...

– А что не так? По-твоему, я поступаю подло, даже не предоставив тебе шанса? Так, по-моему, все вполне логично. Разве должен такой, как я, давать шанс на противостояние таким тараканам, как вы? – иронично спросил Ингвер, заканчивая сплетать невероятных размеров энергетическую сферу, готовую в любой момент сорваться его пальцев в сторону его брата и тех, кто пришел с ним.

Вдох, выдох...

Вдох и снова выдох...

Необходимо собраться, сконцентрироваться на том, что нужно сделать. Отстраниться от всего, сужая мир до единственной точки – цели, которую необходимо достичь. Понимание того, что в этой битве противостоять без потерь невозможно, пришло не сразу, как и понимание того, что на самом деле необходимо сделать. Вся жизнь лишь череда неслучайных случайностей, которые, переплетаясь, наделяют само наше существование смыслом. Когда-то очень давно Властителям Севера было открыто знание о грядущем. Всего лишь небольшой фрагмент из мозаики, что определяет нашу жизнь и все происходящее в ней. Но, даже основываясь на такой маленькой подсказке, им удалось прийти к большому. Определить точку отсчета, просчитать необходимые свершения, что смогут однажды привести юную Тень под крышу дома Властителя, которому необходимо будет помешать. Пусть и позже, чем следовало, а быть может, именно в тот момент, когда следует. Кто я, чтобы понять предопределенность? Я еще не умею этого, и, если быть до конца откровенной, не хочу уметь никогда. Я люблю, когда новый день – это новый день, не больше и не меньше. Мне нравится заблуждаться, что моя жизнь определяется лишь моим выбором, и ничем более. И не важно, что начиная от самой идеи, как помочь Северу, и заканчивая моим рождением, воспитанием, выбором пути – все это давно спланировано кем-то. Я верю, что все это произошло не потому, что так было просчитано, а потому, что когда-то, еще до своего рождения, я выбрала эту судьбу, родителей и того, кого стану любить всем сердцем. Верю, что моя предопределенность – это мой выбор, только так все это будет иметь хоть какой-то смысл.

Я уже была готова сделать свой шаг, когда события приобрели совершенно неожиданный оборот. Все закрутилось так стремительно, что если бы не моя способность контролировать ход времени, то я ни за что не успела бы среагировать.

Ингвер лишь начал заносить руку для того, чтобы обрушить свой удар на брата и старейшин, когда Брэйдан стремительно вскинул руку, в которой каким-то непостижимым образом оказался кинжал. Сталь вспорола воздух, я наблюдала за происходящим словно сквозь толщу воды. Видела то, как легко пронзило голубое, переполненное странной силы лезвие, плечо Ингвера и то, как он начал заваливаться на стену. В

этот момент я поняла: либо сейчас, либо никогда. Толкнула Тереха от себя, и он, не пытаясь сопротивляться или каким-либо образом противиться, побежал в сторону Тэо. Я не смотрела ему вслед, и уже была готова шагнуть по направлению к источнику, как мои глаза встретились со взглядом цвета моря и весенней травы. Он смотрел на меня так, словно давно уже все понял. Это была лишь доля секунды, мгновение, которое больше всего на свете хотелось удержать и остановить. Запомнить его глаза, то, как только он способен смотреть на меня. Этот ускользящий миг реальности, который, скорее всего, уже не повторится никогда.

Легкая улыбка скользнула по его губам, и нечаянная мысль коснулась сознания: «Я ведь слышу теперь тебя, забыла?»

От неожиданности я и впрямь забыла, как дышать, совершенно не предполагая, что наша связь возымеет такой эффект именно с его стороны.

«Врушка», – беззлобно хмыкнул он, в то время, когда я просто продолжала смотреть на него, совершенно не зная, что сказать. Как объяснить?!

«Просто иди и возвращайся, потому что без тебя я отсюда не уйду».

Все это произошло за несколько секунд, но мне показалось, что это вечность. Мой личный момент, который останется со мной навсегда. Я шагнула в распахнутые двери, где сам воздух трещал от переполняемой комнату энергии и напряжения, в тот момент, когда Брэйдан кинулся на брата. Я уже не видела того, что происходило снаружи, просто надеялась, что Тэо сумеет увести всех на безопасное расстояние, прежде чем я смогу развеять сферу. Когда энергия получит выход, я понимала, что произойдет. От этого дома не останется и следа. Должно быть, и от меня тоже, потому как и я и Брэйдан, мы вряд ли сумеем уйти достаточно быстро.

Тени – живое воплощение энергии в этом мире, потому я не боялась, что меня просто испепелит то напряжение, что царило внутри. Но, несмотря на это, я понимала, что стоит выпустить энергию, и моя материальная оболочка не сможет выдержать ни такой температуры, ни энергетического удара, что последует за этим. А еще я знала, что даже если представится такая возможность уйти на другой

слой, то не стану делать этого одна, когда тот, кого я люблю, находится совсем близко и непременно пострадает. Разве смогу я бросить его?

С каждым моим шагом потрескивание в воздухе лишь усиливалось. Мельчайшие пылинки на моей одежде вспыхивали и тут же гасли. Одежда же, укрытая моим полем, пока выдерживала. Сейчас все мое внимание было приковано к сияющей сфере, что зависла в нескольких метрах над полом. Периодически рядом с ней мерцали небольшие молнии, освещая голубоватый полумрак белыми всполохами.

В какой-то момент я бросила украдкой взгляд на женщину, что лежала в такой близости от сферы. Казалось, она просто спит. Ее грудная клетка мерно вздымалась в такт ее неглубокому дыханию. Но я видела, как опутывают ее тело небольшие лучики энергии, заставляя сердце биться, легкие – дышать. Но все это было лишь искусственной мерой поддержания жизни в физическом теле. Ирсэ умерла многие годы назад. Где она сейчас? Вряд ли она смогла сделать переход, не только потому, что была связана с моим... отцом, но и потому, что ее тело не было упокоено.

Когда до сферы оставалось всего несколько шагов, я услышала, как у меня за спиной что-то упало. Звук был такой, как если бы две скалы обрушились друг на друга. И, несмотря на все искушение обернуться и посмотреть, что же там происходит, я понимала, что нужно идти дальше. Даже когда позади послышался приглушенный всхлип, я заставила себя продолжать идти вперед.

Чем ближе была сфера, тем более раскаленным становился воздух. Когда Источник оказался на расстоянии вытянутой руки от меня, я почувствовала, как маленькие пряди на моих висках, что выбились из косы, сворачиваются тугими спиральями под действием высокой температуры. Жар, исходящий от сферы, был невыносим, становилось трудно дышать. Каждый вдох все равно что глоток раскаленного железа. Но глупо опускать руки в конце пути, когда осталось совсем немного. Пусть то, что я сделаю сегодня, и не станет тем самым, что избавит Север от проклятия. Пусть так, но быть может это окажется тем самым крохотным шагом, случайностью, которая однажды сложится в предопределенность.

Выпуская Тень, позволяя ей перейти в эту реальность, я легко положила ладони на переливающуюся сферу. Сейчас она не казалась

мне горячей, мою кожу больше не жгла, несмотря на то что одежда на мне уже начинала тлеть. Я чувствовала лишь любовное касание чего-то родного. Так, словно прикасалась к своим истокам. Ведь, по сути, я была создана из той же материи, что и сфера в моих руках. Сейчас мы общались, две энергии жизни, встретившие друг друга в разных обличьях, говорили на одном нам понятном языке. Пространство начинало вибрировать в такт нашим касаниям друг друга. Страх ушел, стоило мне коснуться ее, и я больше не боялась того, что произойдет. Все становилось проще, ведь по сути мы всего лишь сольемся в единое целое, растворяясь друг в друге.

Но все же было и то, что не давало мне покоя в этот момент. Одно простое имя, которое так прочно засело внутри; человек, которого я не хотела ни отпускать, ни того, чтобы он пострадал... Брэйдан.

Именно в этот момент, когда я уже была готова к тому, чтобы выпустить энергию сферы, мои ладони накрыли руки, которые я никогда и ни за что не смогла бы перепутать. Смуглые ладони, которые я помнила с самого детства, могли принадлежать лишь одному-единственному мужчине на земле.

«Сэ'Паи», – робко потянулась я своей мыслью к мужчине, что сейчас стоял у меня за спиной.

«Отдай мне, Дайли». – От этой мысли, пришедшей ко мне сейчас, стало тепло на душе. Мой мастер был здесь, и от осознания этого становилось легче на сердце.

Ощущать знакомую, такую родную энергетiku в такой момент оказалось невероятным облегчением, потому не сразу до меня дошел смысл слов, сказанный им.

«Что? Но разве не это мой путь...»

«Нет, – ответил он, вставая прямо передо мной. – Этой мой путь, мое предназначение и долг перед той, которая так долго ждет меня».

Я смотрела на лицо Сэ'Паи Тонга и понимала, что он ни капли не изменился с момента нашей последней встречи. Все такие же потечески теплые карие глаза смотрели на меня, хитро щурясь, словно бы он знал какой-то одному ему известный секрет. Все в нем было таким, как я запомнила в тот день, когда мы расстались у подножия гор, что укрывают от всего мира Дао Хэ. Та же стать, те же морщинки в уголках глаз, та же теплая улыбка...

«Ты все же решил уйти?» – спросила я, прекрасно понимая, что так и есть.

«Ну, я никогда не скрывал этого», – ответил Сэ'Паи. Отчего-то назвать его «папа» даже мысленно было тяжело.

«И не надо, – прочитав мои мысли, сказал он. – Я всегда был прежде всего – наставником, ты и сама знаешь это. То, что именно мне довелось стать той Тенью, что привела тебя в этот мир, еще не делает меня настоящим отцом. Но все же позволь поступить так, как должно родителю – отвести удар от своего ребенка. И последнее, о чем попрошу тебя... не держи зла на меня».

После последних его слов в груди что-то болезненно сжалось, и я позволила ему взять сферу из моих рук.

– Я люблю тебя, – сказала я, кончиками пальцев касаясь смуглой щеки учителя.

– И я тебя, – тепло улыбнулся он в ответ, беря сферу более уверенно.

Это не было признанием двух влюбленных, я знала это. Сегодня, здесь и сейчас, я говорила ему слова «прощания». То, что люблю его всем сердцем, говорили мои глаза, то, что жду нашей встречи вновь, шептали подушечки моих пальцев, что касались его щеки. Я знала, что он уйдет, но никак не ждала, что он сделает это за меня.

– Глупый Паи, – усмехнулся учитель. – Разве забыла, что смерть – это всего лишь очередное начало? Учти, в следующей жизни я спрошу этот вопрос очень строго, – все это время он продолжал тепло улыбаться мне, словно ловя своим взглядом черты моего лица, запоминая их в последний раз. – Тебе пора, – наконец сказал он. Уходите через слои, иначе не получится. Как только я замкну сферу на себя, ты сможешь открыть коридор.

Несмотря на его слова, отчего-то не могла найти в себе сил сделать хотя бы шаг. Один-единственный шаг, который изменит столь многое в моей – наших жизнях. Сейчас было не так, как в день, когда я отправилась в Каишим. Стоит мне выйти за пределы этой комнаты, и я больше не смогу увидеть его, не смогу обратиться за советом или помощью, уже никогда не услышу его голоса. Как бы там ни было, был ли он виноват в том, что произошло с моей матерью, ведь он наверняка знал, на что обрекает ее. Все же, в первую очередь, для меня он был тем, кто вырастил меня, кто помог понять, кто я, научил всему, что я

знаю. Он был моей семьей. И я всегда думала, что готова отпустить его, но сейчас я понимала, что это не так.

«Ну, перестань, не будь скрягой, – хмыкнул он. – Иногда, нужно отпустить то, что пора отпустить, для того, чтобы обрести что-то важное. Осталось лишь сделать последний шаг, чтобы перевернуть эту страницу. Иди же, – мысленно подтолкнул он меня. – Пока Брэйдан может удерживать своего брата, а я закрываю его Источник».

Я уходила решительно. Не оглядываясь, не думая. Просто резко отвернулась от него и нырнула на другой слой, чтобы вынырнуть уже в коридоре, где Брэйдан и Ингвер сошлись в рукопашной. Потому как сначала я, а теперь и Сэ'Паи закрыли Источник от Ингвера, они оказались в одинаковом положении. Из оружия у обоих остались лишь собственные кулаки, которыми они сейчас весьма активно пользовались. Больше всего это было похоже на бой с собственным отражением. Каждый из них наносил удар за ударом, но никто не желал уступать. И даже несмотря на травмированное плечо, Ингвер продолжал сопротивляться, прорываясь к Источнику. Я не желала всматриваться в то, что они делают друг с другом. Единственное, о чем я могла сейчас думать, это как поскорее уйти отсюда. Казалось, еще немного, и я просто не смогу себя заставить сделать это. Всего миг, и я ворвусь в эту комнату, с одним-единственным намерением – вернуть себе Источник. Потому, не сомневаясь более ни секунды, я в одном прыжке преодолела расстояние между нами, получая мысленный сигнал от Сэ'Паи, что он готов. Обняла Брэйдана за талию и, уже открыв коридор, протянула руку Ингверу. Зачем я так поступила в тот день? Просто потому, что не могла иначе. Но, несмотря на это, он лишь резко отвернулся, устремляясь к своему Источнику.

Последнее, что я запомнила, когда коридор почти закрылся за нашими спинами – это белоснежная пламя вырвавшейся на свободу силы, что сметала все на своем пути, жестоко мстя за свое пленение.

Коридор я открывала в доме Брэйдана, потому как знала это место куда лучше, чем любое другое в Аранте.

Мы стояли в гостиной, которая уже успела погрузиться в сумрачный полумрак. За окном тихо шелестел холодный северный дождь. В такт ему несмело подвывал ветер. В камине мерно потрескивали поленья от разведенного в нем огня. Я стояла,

продолжая обнимать его за талию, вслушиваясь в быстрый ритм его сердца и прерывистое, еще не успевшее восстановиться после боя дыхание. Его грудная клетка часто и нервно вздымалась, но сейчас мне казалось, что причина была не только в том, что он не может отойти после произошедшего.

– Сегодня, – наконец заговорил он, – я едва не потерял тебя... опять. – Еще один тягостный вдох. – Чувство, что не могу обезопасить того, кого люблю, гнетет куда больше, чем понимание того, что мы остались в живых.

Мои руки сомкнулись на его талии еще крепче.

– Знаешь, не стоит водружать ответственность на свои плечи. По крайней мере, не с такой парой, как я...

– С этим трудно не согласиться, – прошептал он, когда его губы легко коснулись моего лба. – Я люблю тебя... и готов учиться делить ответственность. Но знаешь, в следующий раз и ты не забудь ею поделиться.

– Не забуду...

Сколько мы так стояли в полумраке его гостиной, я не могу точно сказать. Но казалось, что совсем недолго. Наши тела переплетались друг с другом, в то время как сердца начинали стучать в одном ритме. Сегодня каждый из нас потерял что-то важное. Как бы там ни было, но Ингвер был его братом, а мой наставник – моим отцом. Было больно от осознания того, что ничего не поправить. Было сложно понять, что не всегда все зависит от нас. Но, главное, что следовало осознать каждому из нас в эту ночь, что теперь у меня и у него есть мы. Наверняка не в последний раз мы потеряем что-то в этой жизни, но пока я могу обнять его вот так, я смогу с этим справиться. Нет, не так, мы сможем.

Новый день – новое начало. Так ли это? Как знать. Но солнце, что в то утро взошло над заснеженными горными вершинами севера, несло в себе перемены, которые уже давно ждали многие. Конечно, были и те, кто этого не желал, но невозможно остановить то колесо судьбы, которое уже было однажды запущено.

Весть о том, что Ингвер был уничтожен вместе с его Источником, разлетелась по Аранте с невероятной скоростью. Кого-то она застала на передовой, когда полчища тварей, которые были лишены того, кто

ими управлял, потеряли всякую ориентацию в пространстве. Справляться с ними было теперь на порядок легче. Конечно, они не испарились в воздухе по мановению ока, но этого никто и не ожидал. Огромным прорывом было уже и то, что они перестали быть организованными и потеряли некое подобие разума. С тех пор прошло около двух недель, прежде чем мы осознали, что нам по силам уничтожить их.

Но все это произойдет не сейчас. А именно сегодня мне и Тэо предстояла весьма важная задача. Пришло время исполнить обещание, данное одному мальчику, который слишком давно стал мужчиной. Я пришла в этот парк еще до восхода солнца, чтобы слиться с энергией, наполняющей этот мир, отрешиться от всего сущего, забыть и простить то, что так угнетало меня последние дни. Уход Сэ'Паи слишком сильно подкосил меня. И причиной тому было даже не то, что он выбрал такой исход, просто мне было очень тяжело от мысли, что мое рождение принесло Ирсэ. Брэман выжил в тот день, Тэо увел и его из дома Ингвера. Но я до сих пор не могла найти в себе сил встретиться с ним. Сейчас он находился под стражей, его допрашивали и решали дальнейшую судьбу. Чувство вины за судьбу его дочери тяжким грузом легло мне на плечи. И самое удивительное, разве это была моя вина? Но ведь именно так и было... Я долго думала, что могу сказать ему, следует ли мне говорить, что я его кровная внучка? Будет ли это иметь для него хоть какое-то значение? Даже зная то, насколько он холодно относился к Ирсэ, я продолжала чувствовать себя виноватой перед ним, как перед отцом, потерявшим ребенка.

Плавно поднимая руку, я вслушивалась, как вибрирует энергия жизни на кончиках моих пальцев. В такт моему движению подул легкий ветерок, пригибая зеленую траву ниже к земле. Еще один взмах рукой, и ветер следует за мной, путаясь в распущенных волосах. С каждым движением он лишь набирает амплитуду, все сильнее скручивая воздушные потоки вокруг меня. И уже совсем скоро мне кажется, что я становлюсь его неотъемлемой частью, продолжением этого мира. Плавность движений сменяется резкими ударами, и тогда сильный порыв ветра подхватывает палую листву и поднимает ее в воздух, даря ей возможность стать частью нашего танца. Все уходит, мои сомнения, страх, боль, непонимание – растворяются в том, что происходит сейчас. Кажется, что в этом мире есть только я, которая

наконец-то может начать дышать свободно. Нет смысла забывать о том, что произошло, как нет более смысла держать вину за дела давно минувших лет. Сегодня я отпускаю эту боль не потому, что это не имеет значения, а лишь потому, что иначе я не сумею помочь тому, кто в этом нуждается. Шонайя не виноват в том, что когда-то произошло, как не виноваты и люди, страдающие по вине заблуждения одного человека. И для того, чтобы помочь им, я должна стать целостной. Забыть вину, которая мешает мне собраться в единое целое, сосредотачиваясь на единственно важном. Прошлое должно оставаться в прошлом. Отпускать и прощать – очень тяжело, особенно когда нет ни единой возможности задать свои вопросы, спросить, почему они так поступили? Но порой следует это просто сделать. Ради себя и ради тех, кто все еще рядом. Просто простить, без условий и оговорок. Отпустить боль, вместе с ветром, что, подхватив ее, унесется прочь.

– Тебе легче? – голос Тэо раздался за моей спиной, стоило опать поднятой в воздух листве у моих ног.

– Мне хочется надеяться, что так, – сказала я, оборачиваясь к нему. – Знаешь, единственное, о чем я могу думать сейчас, это о том, что ни один из нас не повторит ошибок прошлого. Никогда не встанет перед выбором, который затронет чью-то судьбу так фатально, как это произошло с моей матерью.

Горькая улыбка коснулась уголков его губ.

– Мне хочется надеяться на это так же, как и тебе.

– Но я все равно не могу понять, почему он оставил ее здесь? Почему не увез в Дао Хэ до родов или хотя бы не позаботился о ней куда лучше, чем это делал ее отец?

– Я говорил об этом с Сэ'Паи Ву, – неожиданно признался Тэо, подходя ближе ко мне.

– Что? Он знал?

– Они все знали...

Я смотрела на него и не могла найти в себе сил, чтобы хоть что-то сказать. Как же так? Почему?

– Просто знали и ничего не пытались сделать для нее.

Тэо смотрел на меня глазами, в которых плескалось такое же непонимание и боль, какое, должно быть, отражалось и в моих.

– Он рассказал мне, – тяжело сглотнув, заговорил он, – что эта женщина была выбрана как твоя мать очень давно. Все это время Источник северян видоизменял энергетическую структуру этой семьи, поколение за поколением, делая ее более подходящей для того, чтобы одна из женщин смогла зачать Тень и выносить ее. Сэ'Паи Тонг не имел права увозить Ирсэ из северных земель до того, как она родит, потому как ей необходимо было оставаться рядом с Источником.

– Но он мог быть с ней? Разве нет?

– Нет.

– Почему? – спросила я, заглядывая ему в глаза.

– Забыла, что неокрепшая Тень может конфликтовать с уже «Обретшей лицо»? Они боялись, что она не сможет выносить тебя, если он будет рядом.

– Я пытаюсь понять, Тэо, но не могу найти оправдания... – наконец сказала, опускаясь на землю и подтягивая колени к груди. – Я пытаюсь оправдать, но не понимаю, как я могу это сделать? Он любил ее, я знаю, он рассказывал мне об этом. Но разве поступают так с теми, кого любят? Она ждала его столько лет, но разве можно ждать того, кто однажды так поступил с тобой?

– Ты еще не поняла? – спросил он очень тихо, садясь рядом со мной. – Она знала.

– Что?

– Она знала, на что идет, понимаешь? Знала, что родишься именно ты, и понимала, какое значение твое рождение будет иметь для Севера.

Мы еще долго сидели, думая каждый о своем. Я пыталась осознать сказанное им, он хотел просто поддержать меня и помочь успокоиться перед предстоящим. Но, как бы там ни было, именно сейчас я поняла, что обстоятельства моего рождения это боль, с которой мне предстоит прожить годы. И лишь тогда однажды я пойму, что все, что осталось в прошлом, должно быть лишь воспоминанием. Плохим ли, хорошим, но лишь призрачной страницей давно минувших дней.

– Шонайя уже здесь? – неожиданно разрезав тишину, спросила я.

– Да, он пришел вместе со мной и сейчас разговаривает с Брэйданом. Я просил его подождать, пока ты будешь готова.

– Я готова, – улыбнулась я, поднимаясь на ноги. – Идем.

– Знаешь, без обид, Дэй, но я не слишком-то верю в успех сего мероприятия, – ворчливо заметил Шоная, стоило нам появиться в гостиной Брэйдана. Сам же хозяин дома оказался сидящим напротив мальчика на диване и чему-то несказанно радующимся.

– Зачем же пришел тогда? – спросила я, подходя ближе к нему.

– Не спрашивай, – отмахнулся он.

– А ты чего радуешься? – поинтересовалась я, оборачиваясь к Брэйдану.

– Ты наконец-то успокоилась, – широко улыбнулся он. – Быть связанным с женщиной не так уж хорошо, как я думал. Вы слишком много переживаете, я боюсь даже представить, что со мной будет, когда ты... – неожиданно оборвав себя на середине предложения, замолчал он.

– Когда я что? – настороженно поинтересовалась я.

– Ничего, – отмахнулся он. – Я слишком много болтаю последнее время.

– Ну уж это точно не моя вина! – обиженно буркнула я.

– Ну не скажи, – широко улыбнулся он. – Ты слишком много думаешь, а в моем случае все выходит в слова.

– Завтра же начнем учиться закрываться друг от друга.

– Хотя бы научи меня делать это от тебя, потому как связь какая-то однобокая выходит.

– Нет, просто я это умею делать с детства, – хмыкнула я, обращая свое внимание на Шоная. – Ну, раздевайся, что ли.

Шоная выполнял все в точности, как мы ему говорили. Он не противился, не капризничал, правда, ворчал между делом не хуже умудренного жизнью старца, но в целом выполнял все в точности, как ему указывали. Когда я попросила его снять и нижнее белье, то ожидала волны протеста или смущения. Как мне казалось, так обычно реагировали люди. Но, вместо всего этого, у ног мальчика в тот же миг оказались его нательные портки и рубашка.

– Тебе придется лечь на стол, – сказал Тэо, указывая Шонаяю на огромный обеденный стол, что стоял в самом центре столовой в доме Брэйдана.

– Яблоко в рот засовывать надо? – буркнул он, громко шаркая ногами, проследовав в указанном направлении.

Ни я, ни Тэо шутки не оценили и отправились следом за ним. Брэйдана к этому моменту в доме уже не было. У него были дела возле Последнего рубежа, но это было и не удивительно, все же военные действия были еще не закончены. Я собиралась туда отправиться уже завтра. Тэо же должен будет остаться с Шонайей и отслеживать его состояние.

– Я погружу тебя в сон, – сказала я, заглядывая мальчику в глаза, как только он оказался лежащим на столе. – Ничего не бойся, самое страшное, что может случиться – это все останется так же, как и сейчас.

– Это то и есть самое страшное, – негромко ответил он, борясь с неожиданно участившимся дыханием и сердцебиением.

Все же, как бы сильно он сейчас ни храбрился, но страх помимо его воли распускал ледяные щупальца в душе.

– Не бойся, – посылая успокоительный импульс, сказала я, касаясь плеча Шонайи рукой. – Смотри мне в глаза, Шонайя, смотри и ничего не бойся. Сейчас ты чувствуешь, как твои мышцы наполняются приятной тяжестью и то, как тебе нравится вот так лежать, просто отдыхать, ни о чем не думая. Так спокойно, так хорошо. Смотри мне в глаза, Шонайя, видишь, как хорошо, как умиротворяюще спокойно на самом их дне, – сейчас я говорила с Шонайей на языке северян, заранее выучив все то, что должна была сказать. Он должен был расслабиться и не думать ни о чем, тем более о переводе с одного языка на другой. – Иди туда, ни о чем не беспокоясь, просто ступай на самое их дно, тянись ко мне всем своим естеством, ты желаешь оказаться там. Ведь там так хорошо, правда?

– Да, там очень хорошо, – несколько отстраненно прошептал мальчик.

– А теперь закрой глаза, Шонайя. Закрой их и забудь обо всем. Есть только покой, только умиротворение, что плещется на самом дне, ступай туда...

– Всё, – посмотрела на Тэо, который сейчас, так же как и я, выпустил Тень, что черными провалами отразилась в наших глазах.

– Быстро ты его, – хмыкнул он, подходя ближе ко мне.

– Начнем от центра, – указала я на солнечное сплетение мальчика, где энергетические потоки сбивались в один непонятный комок. Некоторые из них, вместо голубоватого, имели грязно-коричневый или

серый цвет, и это было хуже всего. – Ты слева, я справа, на время, пока работаем, будем «питать» через себя. Потом попробуем запустить всю систему...

– Ты похожа сейчас на Сэ'Паи Лима, когда он ведет урок анатомии, жутко ужас какой как, – хмыкнул Тэо, но послушно выполняя указания.

– Не отвлекайся, впереди у нас около четырнадцати часов работы. Потом сделаем перерыв, и еще около пяти часов, если все пойдет хорошо.

– Тогда начнем.

Со стороны могло показаться, что двое взрослых людей каменным изваянием замерли над обнаженным телом спящего ребенка. Но если бы кто-нибудь взглянул на происходящее так, как могли это сделать мы, то увидели бы, как наши Тени вытягивают, выравнивают, чистят, питают сантиметр за сантиметром энергетической сути ребенка. Распутать то, что было спутано не нами, а дано от рождения, было невероятно сложно. Важно было не пропустить ни одного участка, не оставить ни одного сплетения. Выровнять, выложить все как следует, как должно было быть.

– Я умиляюсь, – где-то ближе к ночи первым заговорил Тэо вслух, не решаясь прервать умственного сосредоточения неосторожной мыслью. – Наш мальчик будет очень светлым человеком, правда ведь мы молодцы?

– Помолчи лучше и проверь второй слой, даже я вижу, что ты напутал, – буркнула в ответ, не отвлекаясь от поставленной задачи.

– И правда, вот... зараза, – фыркнул он, вмиг вернув себе серьезность и уже не отвлекаясь на разговоры.

Мы закончили с первыми лучами солнца. Когда комната налилась предрассветным багрянцем, мы оба знали, что сделали все, что могли. Осознание этого несло необыкновенное чувство удовлетворения, как и радость от понимания, что смогли помочь. Но то, что мы сделали это, еще не означало, что все удалось. Оставалось еще самое важное, позволить Шонайе «задышать» самостоятельно. Без нашей помощи и поддержки. Если у нас ничего не вышло, то стоит нам отпустить его, как все потоки просто свернутся в исходное положение, и вся работа окажется просто бесполезной. Хотя нет, теперь мы будем знать, что сделали что-то не так, а значит в следующий раз...

– Так, спокойно, не нервничай, еще ничего не ясно. Отпускаем одновременно и следим, – жестко сказал Тэо, заглядывая мне в глаза.

Мы смотрели на Шоная, но каждый из нас видел не тело ребенка, мы наблюдали за переплетением энергетических потоков в нем, которые пронизывали всю его оболочку, точно кровеносная система человека, только вместо крови по голубым мерцающим потокам текла энергия, которая определяла само его существование. Прекратив подпитывать своими силами тело ребенка, мы наблюдали за тем, как несмело он начинает делать это самостоятельно. С замиранием сердца я следила за тем, как сияющая энергия разливается по телу ребенка. И каждый раз, стоило ей замедлиться, я боялась, что вот-вот вся наша работа окажется напрасной тратой времени и сил, а потоки, что с таким трудом были восстановлены, просто сомкнутся, возвращаясь в свое исходное состояние. Но шли секунды, словно часы тянулись минуты, и когда уже через неполный час все оставалось, как прежде, не скрывая облегчения, мы с улыбкой посмотрели друг на друга.

– Кажется... – сказал Тэо, подходя ближе к Шонаяе.

– Кажется, – повторила я, наклоняясь над лицом мальчика и вслушиваясь в ритм его дыхания.

В этот момент густые реснички мальчика затрепетали, он взволнованно нахмурился и в тот же миг распахнул глаза. Глаза, которые так привыкли отражать всю ту внутреннюю боль этого маленького человека, что даже только открывшись, они увлекали всей той горечью, что скопилась на их дне за эти долгие годы.

– Шоная, – тихонько позвала я его. – Не знаю, как тебе сказать, – заговорила я, следя за его реакцией. – Но что-то пошло не так, и ты проспал год, – совершенно серьезно сказала я.

– Что? – испуганно воззрился он на меня. – Правда?! – борясь с хрипотой в голосе, почти прокричал он.

– Нет, я тебя обманула, – широко улыбнулась в ответ, следя за тем, как на его лице проступает тень понимания того, что я только что сказала.

– Еще раз, – тяжело сглотнув, сказал он.

– Что?

– Обмани меня еще раз, – прошептал он.

Но вместо этого я смогла лишь широко улыбнуться. Облегчение, которое пришло к нам сейчас, нельзя было описать словами! Давно мне уже не было так хорошо. Конечно, впереди было еще несколько дней, прежде чем мы с уверенностью смогли бы сказать, что нам удалось. Но сейчас уже такая маленькая незначительная победа – значила очень и очень много.

Несмотря на то, что Шоная проспал почти сутки, он оказался изможден после пробуждения куда больше, чем мы ожидали. Потому, уже без всякого принуждения, он вскоре уснул вновь. С одной лишь разницей, что теперь мы перенесли его в одну из спален наверху. Такая реакция была нормальной, потому мы просто оставили его в покое с легким сердцем, позволив отдыхать и набираться сил. Несмотря на то что Шоная перенес наши манипуляции хорошо, и появился определенный шанс на успех, вопрос об остальной части северян все еще не имел подходящего решения. Что делать дальше, ни я, ни Тэо пока не знали.

– Я не хочу об этом думать сейчас, – сказал Тэо, расслабленно падая в одно из кресел, что стояли в гостиной.

– Я тоже, – согласилась я, подходя к окну и вглядываясь в белесую дымку тумана, что стелился рваными клочьями по зеленой траве. – Уверен, что сможешь сам о нем позаботиться? – спросила я, поворачиваясь к Тэо лицом.

– Да, ничего сложного. Сейчас заварю травы, замешу тесто и сварю кашу, – устало пробурчал друг. – Если что, то сразу тебя позову. А ты точно решила отправиться к рубежу?

– Да, нельзя, чтобы эти твари уцелели. Я буду следить именно за этим.

– Ты разве не устала?

Легкая улыбка коснулась моих губ, прежде чем я ответила.

– То, что мы сделали в эту ночь, дало мне сил на много лет вперед. Разве не ради таких моментов стоит жить?

Тэо согласно кивнул, прежде чем его веки набрались тяжестью, и мой друг уснул.

Эпилог

Хотя мне по-прежнему не помнится детство, которого, как иногда кажется, и не было вовсе, теперь я знаю ответ на вопрос, кем была моя мать. Теперь я знаю и имя своего отца. Изменило ли это что-то в моей жизни? Не берусь судить. Слишком мало времени прошло, чтобы понять весь смысл открытого. Дао Хэ, монастырь, что хищной птицей раскинулся в горах государства Аир, из клетки, в которой я провела большую часть своей жизни, теперь превратился в образ, сравнимый с теплым очагом дома, воспоминания о котором я бережно храню у себя в сердце. Каждый миг, проведенный в его стенах, сейчас кажется мне далеким, непостижимо волшебным и необыкновенно дорогим. Не стоит думать, что тоскую я по этому месту потому, что сейчас оказалась там, где мне плохо. Вовсе нет, Север стал для меня не просто новым домом. Это место, которому я подарила свое сердце. Здесь люди, которые мне дороги. Здесь же рождаются воспоминания, которые однажды не раз согреют меня в студеную зимнюю ночь.

– Дайли! – голос Ингве, полный гнева и неподдельного раздражения, заставил меня невольно вздрогнуть. – Почему?! Почему?! – продолжала причитать она. – Свадьба у тебя, а нервничаю я?! Боги, сколько еще дел, а мне надо заплести тебя прежде, чем заняться остальным! И цветы! Этот придурок, мой брат, забыл про белые фрезии! Старый хрыч!

Непрощеная улыбка сама собой возникла на губах. Иногда мне казалось, что вся семейка Кельма – это астральная проекция друг друга, только лишь с небольшими различиями в поле и внешности.

Ах да, чуть не забыла... Теперь я и Ингве – подруги. Ингве называет меня сестричкой, когда в хорошем настроении, и...

– Селедка тощая!.. – в настроении, как сейчас.

Я не обижаюсь. Сначала я очень боялась, как воспримет она новость о том, что я девушка. Но оказалось, что Брэйдан был прав. Больше всех переживаю в этой стране – я. Ингве же, узнав эту новость, кажется, даже обрадовалась. Ну, сначала она, конечно, разозлилась и даже обиделась, но потом, где-то часа через три, сказала, что это даже к лучшему: «Не обижайся, Дэй, но для мальчика ты слишком мелкий

по сравнению со мной, потому у нас все равно бы ничего не вышло». Я почему-то даже не обиделась... Сейчас же моя юная подруга изнывала по новому предмету своей страсти, коим оказался Тэо. Не могу сказать, что чувство было взаимным, но от этого вовсе не страдало в проявлении пылкости.

– Я помогу, – сказала Иола, беря черную прядь моих волос и начиная заплетать положенную невесте косу.

Сейчас принцесса выглядела гораздо лучше. На ее щеках возник здоровый румянец, а аура вновь переливалась множеством оттенков цветов. Если с Ингве наладить отношения было просто, то с Иолой мы пришли к этому, ступая по тернистому пути. Позади было много обид, стычек и несогласия. Юная принцесса продолжала терять силы, запутываясь все больше в происходящем. Но одно теперь я знала точно, не всегда плохие поступки совершает плохой человек. Мы пришли к пониманию этого вместе. По завершении военных действий у Последнего рубежа встали вопросы пусть и не столь масштабные, но уж никак не менее существенные. Наша первая встреча была похожа на официальный прием во Дворце Императора. Иола казалась неприступной глыбой льда. Она отчаянно продолжала держать маску холодной непреклонности. Но если терпения у принцессы было много, то у меня его было еще больше. Лед треснул, как это ни парадоксально, когда пришли морозы, которых в Аире никогда в жизни не было. Север укутало толстое одеяло непроходимых снегов, деревья скинули листву и нарядились в нарядные белоснежные шубки. Именно тогда принцесса впервые не смогла подняться с постели самостоятельно.

Я же как обычно пришла к ней для очередного «разговора», а точнее, ни одна из нас не говорила, мы просто несколько часов кряду продолжали сверлить друг друга тяжелым взглядом. Скажем так, я брала противницу измором, продолжая действовать ей на нервы изо дня в день.

– Вот и все, – неожиданно сказала она, тяжело прикрывая глаза.

– Разве? На мой взгляд, это только начало, – легко отозвалась я, подходя ближе к ее постели.

– Что? – выдохнула принцесса.

– Твои ноги начинают отказывать, это продлится еще около полугода, прежде чем перестанут слушаться руки. Болезнь будет

прогрессировать медленно, сантиметр за сантиметром пожирая твое тело. Умереть ты сможешь не раньше чем через полтора года, – холодно подытожила я.

– Почему им просто не убить меня? – отчаянно прошептала она.

– Кому это надо? – изогнув бровь, поинтересовалась я. – Кто захочет с этим связываться?

– Как ты можешь...

– Как я могу что? – переспросила я. – Быть такой жестокой? Разве это я так ненавижу собственное тело, что даже не пытаюсь его спасти. Разве это я держусь за свою гордыню и не позволяю себе помочь? В чем моя жестокость? Посмотри на меня, – жестко сказала я, опускаясь рядом с ней на кровать. – Дай покажу тебе кое-что.

Иола лишь мимолетно бросила на меня взгляд, но мне хватило и этого, чтобы завладеть ее разумом. Сейчас она была слишком слаба, чтобы хоть как-то противиться мне.

Тяжелые волны океана накатывали на песчаный северный берег. В небе сияло скупое летнее солнце, но горизонт был чист. Это было обычное летнее утро севера. Мы стояли совсем близко друг к другу. Две женщины, имеющие общую родину, но совершенно отличное восприятие мира.

– Где мы? – спросила Иола, испуганно посмотрев на меня.

Сейчас мы обе были в длинных платьях, на манер северян. Наши волосы были убраны в тугие косы, но, несмотря на это, принять нас за коренных жительниц этих земель было сложно.

– Ну, лично я пришла в гости, – сказала я, указывая взглядом за спину Иолы.

Принцесса решительно обернулась и замерла. Вдали от береговой линии, на небольшой возвышенности, стоял небольших размеров дом. Необычный для севера дом, сочетающий в себе веяния аирской архитектуры и монументальность Севера. В саду, что раскинулся перед ним, цвели деревья Э'куры и золотые шары Чести Императора, белой паутиной расплзалась по земле Вуаль Принцессы, еще одно растение, произрастающее лишь в Аире.

– Это дом члена Императорской семьи? Здесь? – шокированно спросила она.

– Ммм, как видишь. Можно войти?

– Что? – вновь обернулась она ко мне.

– Ну, пригласи меня в гости, – кивнула я в сторону дома.

– Я... я... – В этот момент тяжелая деревянная дверь медленно отворилась и на пороге возникла маленькая детская фигурка. Девочка, лет шести, одетая в свободный сарафан северян, но все еще такая же не похожая на них, как и ее мать.

– Папа! – прокричала она, обернувшись и позвав кого-то, кто был в доме. – Мама пришла! И с ней какая-то тетя! – После чего решительно выбежала на улицу и со всех ног бросилась к нам. Она бежала, не скрывая открытой улыбки на лице, протягивая свои маленькие ручки к Иоле и продолжая звать ее.

В этот момент я отпустила разум принцессы, возвращая ее в реальный мир.

– Ч-что эт-то? – кое-как совладав с собой, наконец спросила она.

– То, что еще может стать правдой... если ты захочешь этого, – я улыбнулась ей, беря ее за руку и посылая всю свою уверенность Иоле.

Мы вставали на ноги долго. И не потому, что болезнь была такой тяжелой. Нет, мы вместе учились ходить по этой жизни, забывая о прошлом. Учились прощать себя за совершенные грехи, учились любить жизнь заново. Говорят, тяжело излечить недуг телесный, но травмы, которые рождаются в душе, еще сложнее. Сейчас минуло почти полгода с того дня, но я знаю, что впереди у этой молодой женщины еще долгая дорога, прежде чем она сумеет сделать вдох, свободный от тяжести прошлого. Но, думаю, мы дождемся и этого дня.

– Хорошо хоть у них свадьбы проходят не так, как в Аире, – улыбнулась Иола, вплетая мне в волосы очередной белый цветок.

– А как они проходят в Аире? – я и правда не знала, но вместо ответа, получила лишь полный искреннего веселья смех и недоумевающее покачивание головой.

Вот вам и подружки!

Сегодня был чудесный день, не потому, что за окном в кои-то веки выглянуло солнце. И не потому, что просыпалась природа после долгого зимнего сна. И вовсе не потому, что кругом чувствовалось повесенному радостное настроение. И даже не потому, что сегодня был день, когда северяне готовились к тому, чтобы сочетать нас с Брэйданом брачными узами по своим традициям. Лично я уже очень

давно считаю его своей половиной. Той самой частью, которая дает силы, помогает дышать, ради которой просто хочется быть. Но традиции Севера требуют обрядности. Я не против, в конце концов, это просто очень красивый ритуал.

Но...

– Дайли!

– Шонайя? – отвлекшись от собственных размышлений, обратила я свой взор на неожиданно вторгшегося в мою комнату невесты мальчика.

– Угомони ее! – обличающе ткнул пальцем заметно подросший мальчик в сторону Ингве.

– Я не буду таскаться во время свадьбы с корзиной сладостей и раздавать их гостям. Пусть берет настоящего ребенка!

– Но ты единственный мальчик! – воскликнула Ингве, от неожиданности выпуская недоплетенную косу. – Убью тебя! – рыкнула она на Шонайю, поспешно подбирая мои волосы.

– Сама ты девочка, – фыркнул он, разворачиваясь на каблуках. – Короче, ты меня поняла. Лучше отвяжись со своей корзинкой.

– Ну что ему, жалко, что ли? – как-то потерянно пробормотала Ингве, стоило тяжелой двери затвориться за спиной Шонайи. – Знаешь, после того, что ты и мой миленький Тэо сделали с ним, его характер стал просто ужасным.

– Он просто начал расти, а вместе с тем и нрав стал переменчивым, – улыбнулась я, вспоминая те дни, когда стало понятно, что теперь с Шонайей будет все хорошо.

– Ну где этот Кельм?! Где его Терех носит?! – неожиданно резко натянув мои волосы, буркнула Ингве. – Столько дел еще, столько дел!

Должно быть, кому-то не поздоровится, стоит лишь объявиться... Да, совсем недавно семью Кельма постигло ни с чем несравнимое «несчастье». Конечно, у всего Севера это происшествие вызывало неконтролируемый смех и веселье, но для бедного Рыжего – это был удар. Белочка родила... и не просто жеребенка, а жеребенка с большими ушами и темно-серого окраса. Ну, соответственно, мой осел стал папой. Как такое стало возможным, я не знаю. Кроме как чудом назвать не могу. Правда, Кельм обозвал это самой страшной карой, которую Боги могли послать его кобыле. Ну, тут уж все зависит от того, как на это посмотреть. Хотя Кельм и клял жеребенка как мог, но

отдать его на воспитание мне отказался, заявив, что хоть он и юродивый, но все равно от его малышки, а стало быть, будет любить его как родного. Но произошло это осознание лишь после двухнедельного запоя и вылеченного мною похмелья... М-да.

Брэман же все же дождался суда, на котором было принято решение, что мой дед будет изгнан за пределы Севера и не будет иметь права вернуться, пока Совет не примет подобного решения. Смягчающим обстоятельством послужило то, что он имел родство со мной. Я была не против. Быть может, вдали от власти он сможет задуматься над тем, что действительно имеет значение в этой жизни? Как знать...

– Готово! – провозгласила Ингве, заканчивая плетение кос у меня на голове. – Теперь осталось платье, украшения вон там, – указала Ингве на небольших размеров деревянный ларец, лежащий на столике перед зеркалом. – Сами справитесь? Мне надо всех проконтролировать, прежде чем можно будет начинать, – сказала она, буквально выбегая из комнаты, так и не дождавшись нашего ответа.

Честно сказать, единственное, что было поручено Ингве на этой церемонии, так это плетение моей косы, потому как это считалось обязанностью подружек невесты. Те девушки, которые еще были не замужем, провожали таким образом свою подругу в жизнь после замужества. Правда, полагалось при этом плакать, но у Иолы это не получалось, даже если ей и впрямь хотелось, издержки воспитания сказывались. А у Ингве не выходило из-за особенностей темперамента. Потому все это время она либо смеялась, либо материлась на всех и вся. Опять-таки, деятельная натура и желание быть полезной не давало моей маленькой подружке спокойно жить. Сильно подозреваю, что она пошла руководить расстановкой цветов на месте сочетания, либо же покомандовать на кухне. И, что не вызывало сомнений, минут через пятнадцать ее весьма убедительно отправят обратно.

– Нервничаешь? – спросила Иола, заглядывая мне через плечо и встречаясь взглядом с моим отражением в зеркале.

– Нет, – честно ответила я, не скрывая улыбки. – Я счастлива, так чего же мне бояться?

Ступая по зеленому ковру из весенней травы, одетая в длинное ярко-алое платье, я думала о том, как началось сегодняшнее утро. Как тщательно я таила свои воспоминания от Брэйдана, потому как хотела сказать ему именно сейчас. Отчего-то мне казалось, что так будет правильно, поделиться нашей радостью именно в этот момент. Когда все наши друзья соберутся в парке, что раскинулся за его домом, чтобы стать свидетелями наших клятв. Идя сквозь коридор из белоснежных цветов и людей, что стоя приветствовали новобрачных, я думала о том, как впервые этим утром ощутила прикосновение новой жизни. Две маленькие, совсем еще крохотные искры зажглись у меня под сердцем этим утром. И если не это счастье, тогда что же?

Он стоял на маленьком каменном мосту, что был возведен над небольшой речкой, протекающей в его парке, и ждал меня. Моя память открылась ему как раз тогда, когда я сделала решительный шаг по направлению к нему. То счастье, что зажглось ярким огоньком на самом дне зеленых глаз, стало отражением моих собственных мыслей.

notes

Примечания

1

Ученик.

2

Мастер.

3

Монеты, используемые на территории Аира.

4

Никак баба? Смотри!

5

Нет. Сам смотри лучше.

6

Идем.

7

Зайца, наверное, своего пасет, не иначе!

Вряд ли, похоже, косы плетет да моется.

Хоть один цивилизованный!

10

Да, цивилизованный, но недоделанный, похоже.

Да, похоже, и впрямь недоделанный. Я слышал, что у них каков воин, такова и лошадь. Этот, наверное, совсем дурак!

Семья, наверное, все деньги отдала, чтобы его в другую страну увезли! Видел? С ним даже сидеть не хотят!

Плохо, только дурака в походе не хватало!

Похоже, неспроста ему мечи не дают.

Если он и впрямь глуповат, то можно у него спросить, чего все так расстроились, когда мы уезжали?

Говори медленнее! Он, похоже, не очень-то понимает.

Варвары.

Радоваться надо, такую страшилую удалось сосватать! Лицо словно дикие пчелы искусали, аж глаз не видно! Нос как блямба, тощая как палка. Идет – того и гляди ветром унесет! Хоть бы гири какие к ногам подвесили!

Замолчи!

Между прочим, говоришь о будущей жене одного из нас!

Молчу! Молчу!

Медленнее! Медленнее!

Ну, может, и не такой тупой!

Заткнись уже!

О, оскалился, аж кровь в венах стынет!

Даже не смог себе дичь на ужин подстрелить!

Его хотят убить.

Точно, тот, кто взял такое обещание, хотел, чтобы парнишка издох к зиме ближе. Не удивлюсь, если это родственники.

Все ясно. Он – ненормальный.

Нет, он не ненормальный, просто глупый еще совсем!

Без разницы.

Так вот как это называется!

Скажи Хельге, как домой приедешь, пусть на пасеку сходит без маски, может добрее станет!

Ладу свою отправь, а то совсем дурнеешь, когда она рядом!

На кой мне сдались ее ступни?

Если я лезу под юбку, то совсем не это разглядывать!

Смотри, обнадежишь пацана, а с таким ростом и фигурой его к нашим девкам и близко не подпустят! Да это еще полбеды, но так он же еще и как воин никакой.

И с чудиной!

А Дэй точно не заразный?

Покажи ему, что значит лететь с ветром наравне!

Придурок!

Я тебе устраю, наставник недоделанный!

Говорит, что он умрет.

Брэйдан, помоги человеку, я ничего не понимаю, что говорит этот дед.

Почему я?

Ну, это еще спорный вопрос.

Уж точно.

Ну, она-то не знает, пусть помучается немножко.

Всем подъем, быстро.

50

Надо сделать это.

Хочешь, я сам...

Я сам!

Дайте мне попрощаться!

Да ладно, па, востретимся ещe.

Стефан, как сказать «постельный режим»?

Все равно он чудной.

Рыжий хрен.

Дерьмо!

Что случилось?

Если не заткнетесь, обучу его, как вас матом поносить, и скажу, что так надо говорить при знакомстве с вашими женами! И еще чего-нибудь придумаю, он парень башковитый, где не надо, быстро запомнит.

Сдохнешь сегодня.

Хватит!

Да, но он все равно сдохнет.

Приперлись, ити вашу мать!

Па, мы...

Чего мямлишь, словно в штаны наложил?

Кельм, урожденный сын Олафа и Севра, самый умный, умелый и сильный воин. Мне выпала невероятная честь путешествовать рядом с ним. Он не раз спасал мне и отряду жизнь. Остальные рядом с ним просто глупые толстые неумехи, только научившиеся держать меч. Ваш муж благороден и честен, не чета всем остальным.

Ваш муж слишком много жрет! Думали, никакой еды не хватит!

Добрый вечер, брат.

Помогите мне! Помогите!

Давай.

Что он сказал?

Он просит воды.

Почему?

Он фанатик.

Почему так говоришь, дед?

Он очень миленький!

Что говоришь такое? Совсем ведь его не знаешь!

И что? Я уже достаточно взрослая, чтобы разглядеть красоту в мужчине!

Ингве!

Олаф, поговоришь с дочерью, когда мы уйдем. Сейчас не слишком удачный момент.

Почему только овощи? Предложи мясо?

Он не ест мясо.

А ты говоришь, что милый! Он либо больной, либо ненормальный.

Все равно миленький!

Часть приданого (обычно земля, которая передается от матери к дочери), не может быть продана и выступает при заключении брака в качестве гаранта благосостояния невесты.

Ингве? Чего ты хотела?

Ну, я бы хотела увидеть Дэя.

Что ты хочешь от Дэя?

Я сама ему скажу.

Что он делает?

Я помогу тебе, маленький мой!

Ты.

Не переводи ему про «маленького».

Он такой худой.

Это тебе!

С капустой, и никакого мяса!

Ой, уже так поздно! Мне пора бы домой.

Хорошо, я тебя провожу.

Нет! Позволь Дэю проводить меня!

Печать!

Непреложна.

Долина водопадов на юго-востоке Аира.

Ити вашу мать!

Что ты наделал?!